

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries
and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-
ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

32. A1.1896(2)

THE
LIBRARY
OF THE
BOSTON
PUBLIC
LIBRARY

COMMONS

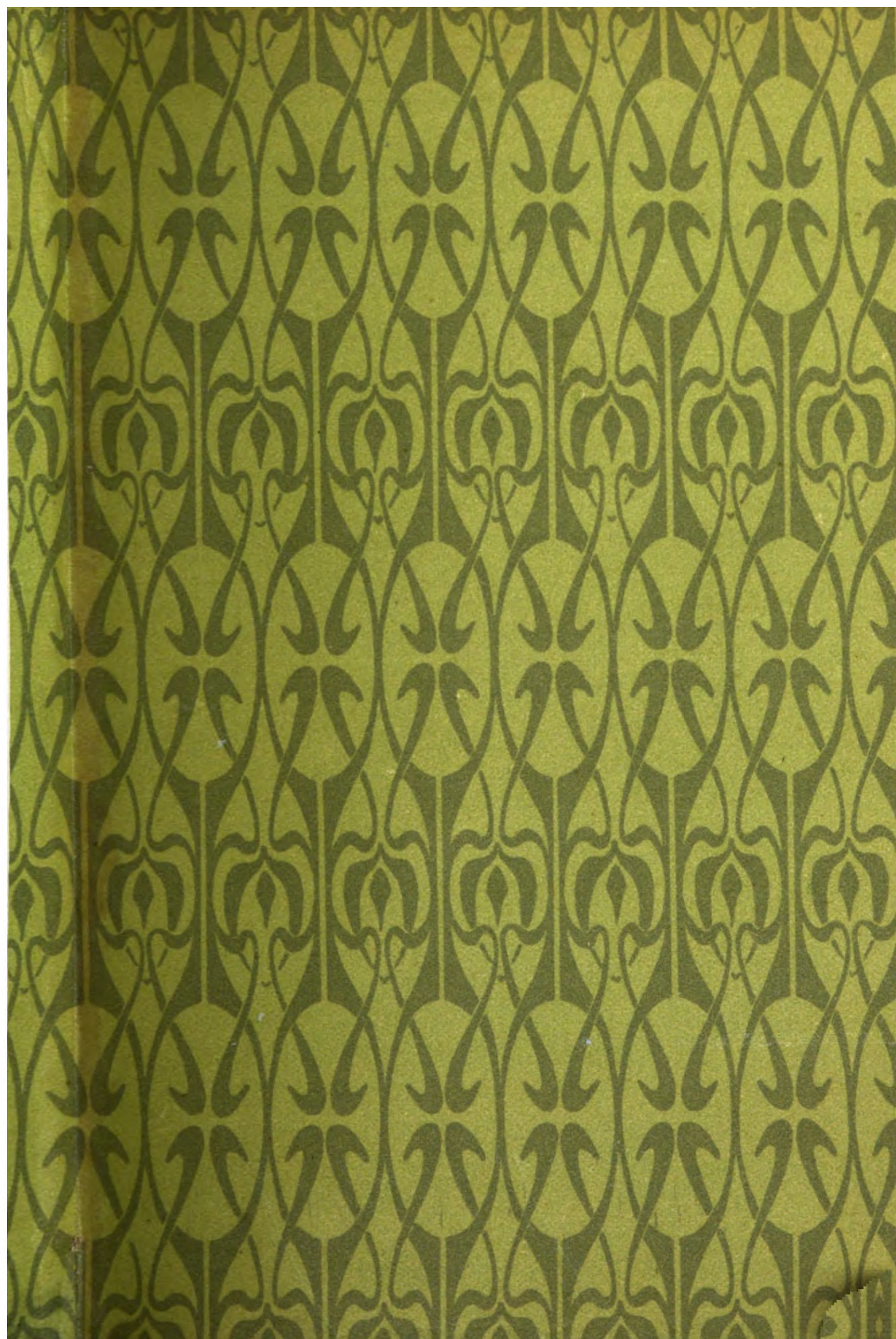
G 3332.A1.1896 (2)
= Rep. Slav. 103.

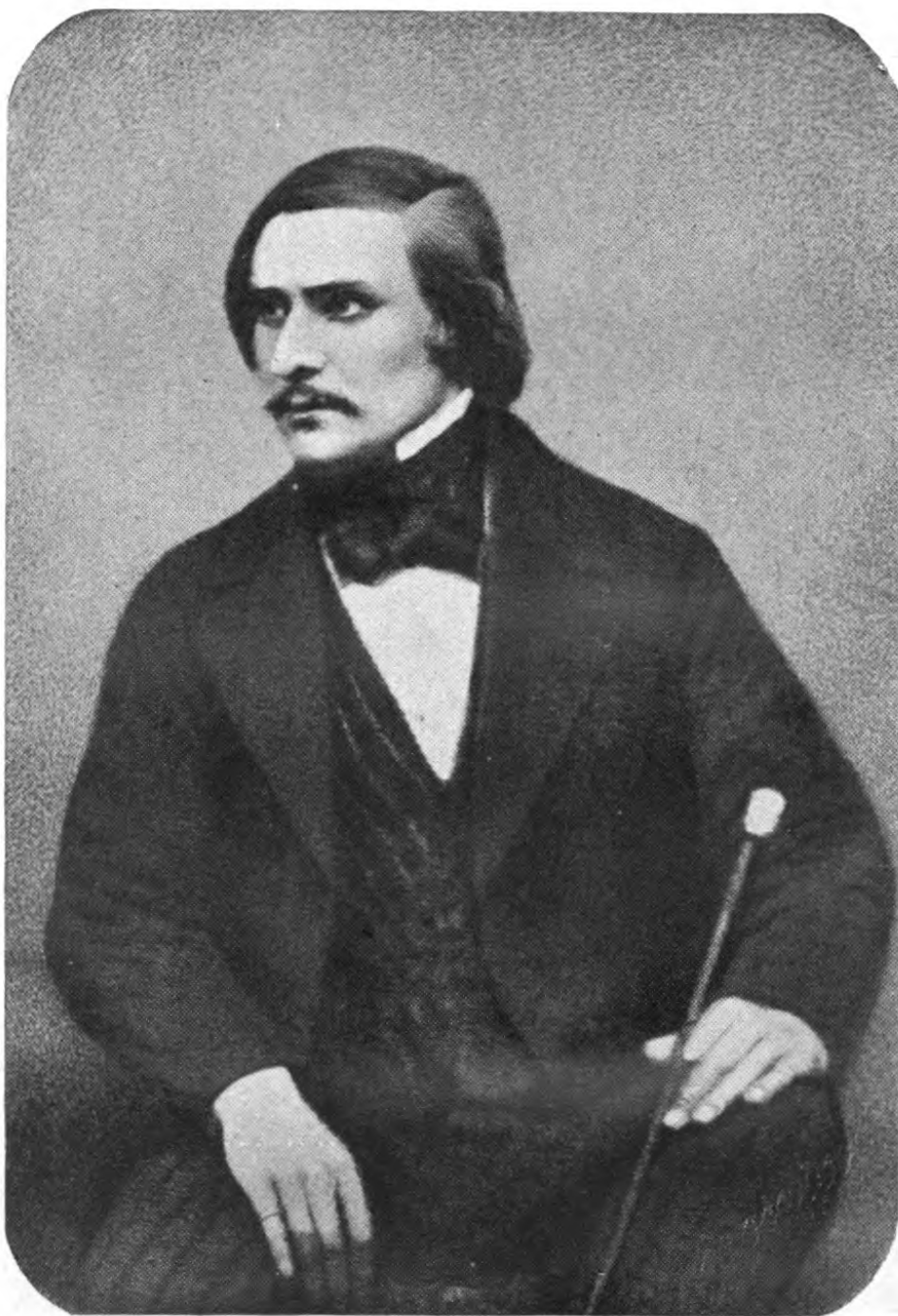
300/JJ

39

Presented to the Library
by Dr. J. W. Williams.
V PROV

И. В. Гоголь. И.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Гоголь въ 1845 г.

(Выдѣленъ, въ увеличенномъ видѣ, изъ фотографической группы
русской колоніи въ Римѣ въ 1845 г.)

Сочиненія и письма
Н. В. Гоголя.

Всемирная библиотека.

Собрания сочинений извѣстныхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Русскіе писатели:

Аксаковъ, С. Т., подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
Андреевъ, Л. Н., со вступительной статьей проф. М. А. Рейснера;
Ан—скій, С. А., подъ наблюденіемъ автора;
Амфитеатровъ, А. В., подъ наблюденіемъ автора;
Айзманъ, Д. Я., подъ наблюденіемъ автора;
Гоголь, Н. В., подъ редакціей В. В. Каллаша;
Добролюбовъ, Н. А., подъ редакціей В. П. Кранихфельда;
Достоевскій, Ф. М., съ многочисл. приложеніями;
Златовратскій, Н. Н., подъ наблюденіемъ автора;
Кольцовъ, А. В., подъ редакціей Арс. Ев. Введенскаго;
Крыловъ, И. А., подъ редакціей В. В. Каллаша;
Лазаревскій, Б. А., подъ наблюденіемъ автора;
Левитовъ, А. И., со вступ. статьей А. А. Измайлова;
Лермонтовъ, М. Ю., подъ ред. Арс. И. Введенскаго;
Максимовъ, С. В., со вступ. статьей П. В. Быкова;
Мачтетъ, Г. А., подъ редакціей Д. П. Сильчовскаго;
Муйжель, В. В., подъ наблюденіемъ автора;
Невѣжинъ, П. М., подъ наблюденіемъ автора;
Никитинъ, И. С., подъ ред. А. Г. Фомина, со вступительной статьей
Ю. И. Айхенвальда;
Немировичъ-Данченко, Вас. И., подъ наблюденіемъ автора;
Олигеръ, Н. Ф., подъ наблюденіемъ автора;
Осиповичъ, Н. М., подъ наблюденіемъ автора;
Островскій, А. Н., подъ ред. М. И. Писарева;
Помяловскій, Н. Г., съ біограф. очеркомъ Н. А. Благовѣщенскаго;
Потѣхинъ, А. А., подъ наблюденіемъ автора;
Пушкинъ, А. С., подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
Соловьевъ, Н. Я., съ портретомъ автора;
Танъ, В. Г., подъ наблюденіемъ автора;
Толстой, Л. Н., подъ редакціей А. М. Хирьякова;
Шапиръ, Ольга, подъ наблюденіемъ автора.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“.
Забалканскій просп., соб. д. № 75

Сочиненія и письма Н. В. Гоголя.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ второй.

Миргородъ.

С.-Петербургъ.

Типо литографія Акціонернаго О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе II тома.

	Текстъ	Примѣ- чанія.
	Стр.	
Миргородъ, часть I	1	413
Вступительная статья	3	
Старосвѣтскіе помѣщики	19	427
Тарасъ Бульба	50	429
Миргородъ, часть II		
Вій	204	432
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ	254	436
Малороссійскія слова	317	
Приложеніе.		
Тарасъ Бульба (первоначальная ре- дакція)		322
Примѣчанія		413

Списокъ иллюстрацій II тома.

	Стр.
Гоголь въ 1845 г. (Портретъ, выдѣленный изъ фотографической группы русской колоніи въ Римѣ)	I
Сорочинцы. Мѣсто рожденія Гоголя . . .	17
Гоголь въ Яновщинѣ (Съ картины Волкова) .	204
Мать и сестры Гоголя	316

Вступительная статья.

I.

Гоголь въ эпоху „Арабесокъ“ и „Мир-города“.

(1832—1835.)

По словамъ Анненкова („Восп. и критич. очерки“, I, 181), „съ 1830 по 1836 г., т. е. вплоть до отъѣзда за границу, Гоголь былъ занятъ исключительно одною мыслью — открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который, по злоупотребленію эпитетовъ, называется обыкновенно большимъ и пространнымъ; въ сущности онъ всегда и вездѣ тѣсенъ — для начинающаго“.

Несмотря на крупный успѣхъ „Вечеровъ“, положеніе его далеко еще не было прочнымъ и выясненнымъ; съ большимъ трудомъ приходилось ему пробивать дорогу въ жизни, бороться за себя, свою независимость и человѣческое достоинство—во имя высшихъ идеальныхъ цѣлей. „Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, еслибы нужно было“ (ib., 190). „Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ“ (ib., 181).

При всемъ желаніи Гоголю никакъ не удастся

выбиться изъ тисковъ матеріальной нужды. Безразсудная поѣздка за границу осложнила положеніе семьи и отношенія къ матери; приходилось прибѣгать къ помощи дяди, въ случаяхъ крайней нужды обращаться за деньгами къ матери, несмотря на данныя себѣ и ей обѣщанія обходиться безъ ея поддержки. Н. В. долженъ проводить лѣто въ Петербургѣ, потому что у него нѣтъ средствъ для найма дачи, отказывать себѣ во всемъ; не безъ горечи жалуется онъ на то, что ему приходится ютиться на мансардахъ, не имѣть приличнаго платья, ограничивать себя даже въ посѣщеніяхъ театра. Въ концѣ 1829 года онъ поступаетъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ на скудное жалованье. Повидимому, самая обстановка этой службы была для него очень тяжела, и онъ всячески стремится отдѣлаться отъ нея. Въ первой половинѣ 1830 года ему удалось перейти въ Департаментъ Удѣловъ. Къ слѣдующему году у него уже завязываются нѣкоторые литературныя отношенія, которыя привели и къ относительному улучшенію его денежныхъ дѣлъ. Полученный гонораръ подымаетъ въ немъ вѣру въ себя, и въ письмахъ къ матери начинаютъ проскальзывать новыя, болѣе жизнерадостныя и даже горделивыя ноты. На литературныхъ занятіяхъ онъ отдыхаетъ отъ „ничтожной службы“, которая всего меньше подходила къ возвышеннымъ мечтамъ его юности и основнымъ свойствамъ его художественной натуры. Съ удовольствіемъ покидаетъ онъ ее для новаго прища — педагогическаго. Въ 1831 году онъ поступаетъ преподавателемъ въ Патріотическій Институтъ и принимается съ увлеченіемъ за новое дѣло. Ему приходится самому учиться многому. Увлеченія хватило не надолго. Гоголь скоро охладѣлъ къ учебнымъ занятіямъ, къ которымъ у него, собственно, не было призванія, и ставитъ въ неловкое положеніе инспектора института, Плетнева,

которому приходилось покрывать своего юнаго пріятеля, дѣлавшагося все болѣе и болѣе небрежнымъ. Въ его преподаваніи не было системы. По отзыву Лонгинова, „онъ любилъ манить своихъ воспитанниковъ впередъ, не удовлетворяя, а только раздражая ихъ любознательность“. Онъ не можетъ сосредоточиться на одномъ какомъ-либо предметѣ, допускаетъ постоянные скачки и отклоненія, обращаетъ занятія въ легкую забаву, даже игру, дѣйствуя больше на фантазію учащихся, чѣмъ на ихъ умъ; онъ гонится за яркостью красокъ—въ ущербъ содержательности и научности преподаваемого матеріала. Послѣ яркихъ вспышекъ на отдѣльных урокахъ, занятія иногда шли настолько вяло, что, по собственному откровенному признанію Гоголя, его ученицы даже зѣвали. Въ 1835 году онъ былъ устраненъ отъ преподаванія въ институтѣ, какъ неисправный учитель, пропускавшій иногда уроки по цѣлымъ мѣсяцамъ. Не помогло и вліятельное вообще заступничество Жуковскаго. Одновременно съ этимъ оканчивается и другая неудачная авантюра Гоголя — его профессура въ петербургскомъ университетѣ. Въ тѣ времена на профессуру смотрѣли совсѣмъ особеннымъ образомъ. Не говоря уже о такихъ анекдотическихъ случаяхъ, какъ назначеніе частнаго пристава профессоромъ Харьковскаго университета, переводъ заслуженныхъ гимназическихъ учителей въ университетъ, приходится отмѣтить общее, даже для тогдашнихъ культурныхъ слоевъ, странное отношеніе къ университетскимъ занятіямъ. Пушкинъ, Жуковскій, Погодинъ, можетъ быть, даже министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ должны были знать, что Гоголь былъ очень мало подготовленъ къ занятію кѣедры. Это имъ не помѣшало хлопотать за него, только потому, что они считали его вообще способнымъ человѣкомъ. Съ большою самонадѣянностью взялся Гоголь въ 1834 году за лекціи по всеобщей исто-

ріи, съ жалкими свѣдѣніями, вынесенными изъ Нѣжина, при очень плохомъ знаніи иностранныхъ языковъ, безъ всякаго пониманія научныхъ приѣмовъ и методовъ. Какъ и на частныхъ и институтскихъ урокахъ, онъ пробуетъ на лекціяхъ затушевать безсодержательность преподаванія красочностью формы. Слушатели многого ожидали отъ автора популярных „Вечеровъ“ и очень скоро принуждены были въ немъ разочароваться. Нѣсколько лекцій, заранѣе написанныхъ, произвели извѣстное впечатлѣніе своими стилистическими главнымъ образомъ фіоритурами; затѣмъ начались пропуски, опаздыванія, Гоголь то и дѣло приходитъ совершенно неподготовленнымъ, что то мямлитъ себѣ подъ носъ, конфузится, путается въ выпискахъ; студенты все болѣе убѣждаются въ томъ, что онъ ничего не смыслитъ въ своемъ предметѣ и взялся не за свое дѣло. Во время экзамена ему приходится играть жалкую роль: онъ явился весь обвязанный, будто бы съ зубною болью, все время молчалъ съ убитымъ видомъ и вообще производилъ траги-комическое впечатлѣніе. Экзаменоватъ за него долженъ былъ другой профессоръ, Шульгинъ. Неудача эта оставила въ душѣ великаго писателя горькій осадокъ и нанесла его и безъ того больному самолюбію тяжелый ударъ. Но въ ней была и своя хорошая сторона: она окончательно выяснила для Гоголя его настоящее призваніе и послѣ ряда разбитыхъ иллюзій прочно поставила его на литературный путь. Служба дала ему возможность вздохнуть свободнѣе, на время вырвала его изъ когтей нужды, дала ему средства и время подготовить къ печати „Арабески“ и „Миргородъ“ — второй послѣ „Вечеровъ“ крупный моментъ художественнаго развитія великаго писателя.

II.

„Миргородъ“.

Лѣтомъ 1832 г. Гоголь внезапно собрался въ Малороссію. Онъ нанялъ было для себя дачу подъ Петербургомъ, даже переѣхалъ туда, на всѣ просьбы матери пріѣхать домой отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, но „гнусная“ петербургская погода и примѣръ нѣжинскихъ товарищей, „потянувшихся на лѣто въ Малороссію“, заставили его бѣжать съ дачи и, неожиданно для всѣхъ, направиться въ Полтавщину черезъ Москву. Этой поѣздкѣ мы главнымъ образомъ обязаны „Миргородомъ“. Къ началу 30-хъ годовъ Малороссія начала все болѣе и болѣе блекнуть въ творческомъ воображеніи Гоголя. Чѣмъ крѣпче становились петербургскія связи великаго писателя, чѣмъ болѣе опредѣленнымъ дѣлалось его общественное положеніе, тѣмъ болѣе отдалялся онъ отъ своей родины, тѣмъ глубже входилъ въ русло русской литературы, переходя къ новымъ, болѣе широкимъ темамъ. Впечатлѣнія поѣздки 1832 г., нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Васильевкѣ на время отклонили его отъ этого процесса творческаго перерожденія, полюсы котораго — „Вечера“, съ одной стороны, петербургскія новѣсти, комедіи и „Мертвыя Души“, съ другой. И къ малороссійскимъ темамъ онъ подходитъ теперь съ другой, сильно измѣнившейся точки зрѣнія.

Правда, въ 1832—34 гг. онъ переживаетъ обостренный пароксизмъ патріотическихъ увлеченій, влюбляется въ малорусскія пѣсни, мечтаетъ и хлопотетъ о профессурѣ въ Кіевѣ, но это была послѣдняя вспышка передъ выходомъ на новую дорогу. Въ то же время картины малорусской жизни въ „Миргородѣ“ проникнуты скорбнымъ, глубокимъ, „свѣтлымъ“ смѣхомъ; въ немъ нѣтъ уже

безотчетнаго, въ общемъ, увлеченія „Вечеровъ“, ихъ идеализирующаго прекраснодушія.

Въ 1832 г. „Гоголь возвратился домой уже не тѣмъ счастливымъ, исполненнымъ свѣтлыхъ надеждъ юношей, какимъ выѣхалъ изъ деревни три года назадъ съ своимъ другомъ Данилевскимъ. За этотъ промежутокъ времени онъ утратилъ самое дорогое въ жизни — радужное царство молодыхъ мечтаній, которыми такъ украшается юность, представляющая міръ въ своемъ пыломъ, свѣжемъ воображеніи усыпаннымъ цвѣтами триумфальнымъ путемъ. Теперь, напротивъ, когда эта розовая пелена спала, когда во всей ужасающей наготѣ раскрылся предъ нимъ возмутительный омутъ житейской пошлости, и онъ глубоко почувствовалъ суровый трагизмъ жизни, всегда скрытый подъ ея будничной монотонностью, — многое изъ знакомаго ему съ ранняго дѣтства предстало въ иномъ свѣтѣ. Если первыя впечатлѣнія пріѣзда на родину были свѣтлы и отрадны, то вскорѣ же дала себя знать и горечь, непріятно охватывающая почти каждого при возвращеніи на мѣсто когда то дорогое и близкое, но давно покинутое и сильно перемѣнившееся. Все, что въ заманчивомъ видѣ рисовала мечта, что представлялось послѣ долгой разлуки привлекательнымъ издали, въ дѣйствительности оказалось такимъ же или еще болѣе убогимъ и печальнымъ, какимъ было въ глазахъ поэта передъ первымъ отъѣздомъ въ столицу. Какъ послѣ высокихъ минутъ художественнаго наслажденія досаденъ переходъ къ-обычнымъ очерствляющимъ впечатлѣніямъ повседневной жизни, такъ и радости первой встрѣчи со всѣмъ близкимъ должны были вскорѣ уступить мѣсто тяжелому чувству совершенно иного характера. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыхъ изъ деревенскихъ знакомыхъ Гоголь не засталъ въ живыхъ по возвращеніи, другихъ нашелъ постарѣвшими или опустившимися, иныхъ — обре-

мененными нуждой и заботами; любимые его дяди Косяровскіе были оба далеко, — словомъ, передъ нимъ предстала въ своемъ возмутительномъ ужасѣ неумолимая проза жизни, съ которой съ такимъ трудомъ можетъ мириться человѣкъ, но которая всегда надъ нимъ торжествуетъ. Таково было передъ нимъ настоящее, а въ близкомъ будущемъ его ожидалъ тотъ же Петербургъ, какъ и при первомъ отъѣздѣ въ него, но уже лишенный прежняго своего обаянія и ореола“¹.

Въ душѣ Гоголя накопилось много горечи, смѣхъ его изъ малорусскаго „жарта“ все болѣе перерождался въ юморъ, „видимый смѣхъ“ и „незримыя слезы“; въ картины „безсмертной пошлости людской“ все болѣе вкрапливалось трагическое, съ конечнымъ гнетущимъ душу выводомъ: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

„Миргородъ“ сложнѣе „Вечеровъ“ и темами, и психологіей своихъ героевъ, и творческими приемами. Въ Гоголѣ все еще борются романтико-идеалистическая („лирическая“) и реалистическая стихіи, но съ замѣтнымъ перевѣсомъ второй.

Сконцентрированная изъ данныхъ народной поэзіи фантастика „Вія“ вставлена въ яркую бытовую рамку жизни бурсы и панской дворни, строго выдержанную въ реалистическомъ тонѣ; по удачному выраженію г. Анненскаго¹, „Гоголь съ рѣдкимъ мастерствомъ поставилъ въ центрѣ страховъ именно такого равнодушнаго человѣка, какъ Хома Брутъ, ибо надо было много ужасовъ, чтобы доконали они Хому Брута, и поэтъ могъ развернуть передъ своимъ героемъ всю страшную цѣпь чертовщины“. „Величайшее мастерство Гоголя выказалось въ той постепенности, съ которою намъ сообщается въ рассказѣ таинственное: оно началось съ полугомической прогулки на вѣдьмѣ, и правиль-

¹ Шенрокъ, „Матеріалы“, т. II, стр. 123—124.

² „Русская Школа“, 1890, X, 102; Шенрокъ, ib., стр. 103.

ное развитіе дошло до ужасной развязки — смерти сильнаго человѣка отъ страха. Поэтъ заставляетъ насъ переживать шагъ за шагомъ съ Хомой всѣ ступени развитія этого чувства. При этомъ Гоголю было на выборъ два пути: можно было идти аналитически — говорить о душевномъ состояніи героя, или синтетически — говорить образами. Онъ выбралъ второй путь: душевное состояніе своего героя онъ объективировалъ, а работу аналитическую предоставилъ читателю“. „Начиная съ момента, когда сотникъ послалъ въ Кіевъ за Хомой, даже комическія сцены (напр., въ бричкѣ) не веселы, потомъ идетъ сцена съ упрямымъ сотникомъ, его страшныя проклятія, красота мертвой, толки дворни, дорога до церкви, запертая церковь, лужайка передъ ней, залитая луной, тщетныя старанія себя ободрить, которыя только сильнѣе развиваютъ чувство страха, бслѣзненное любопытство Хомя, мертвая грозитъ пальцемъ... Весьма напряженное чувство нѣсколько отдыхаетъ за день. Вечеромъ тяжелыя предчувствія, ночью — новые ужасы. Вамъ кажется, что уже всѣ ужасы исчерпаны, но поэтъ находитъ новыя краски, т. е. не новыя — онъ сгущаетъ прежнія“¹.

Мирная идиллія „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ постепенно переходитъ въ картину, проникнутую глубокимъ трагизмомъ.

Сюжетъ ихъ не новъ (вспомнимъ, напр., классическихъ Филемона и Бавкиду), но разработанъ онъ очень своеобразно.

„Смѣшеніе тоновъ замѣтно и въ повѣсти „Старосвѣтскіе Помѣщики“, въ этой несложной идиллической исторіи двухъ закатывающихся жизней. Романтическая идиллія... была очень распространеннымъ родомъ творчества въ нашей старой словесности. Писатели очень любили такія благо-

¹ Іб.

дарныя темы, какъ исторія двухъ любящихъ сердецъ, поселенныхъ среди мирной природы, вдали отъ цивилизаціи, сердецъ, занятыхъ исключительно своимъ чувствомъ. „Старосвѣтскіе Помѣщики“ были удачною попыткой замѣнить въ этой темѣ всѣ романтическіе элементы — реальными и бытовыми. вмѣсто прежнихъ пустынныхъ мѣстъ — малороссійская деревня, вмѣсто разочарованныхъ героевъ и томныхъ или страстныхъ героинь — старикъ и старуха; и при всей этой внѣшней простотѣ и прозаичности, повѣсть глубоко поэтична. Она — рѣшительная побѣда реализма въ искусствѣ, а между тѣмъ, какъ часто въ ней прорывается наружу романтическое настроеніе автора. Сколько субъективной грусти вложено въ этотъ спокойный рассказъ, какъ невозмутимо однообразенъ его тонъ, не совсѣмъ соотвѣтствующій тому понятію, какое мы имѣемъ о реальной, хотя бы самой замкнутой, помѣщичьей жизни. „Старосвѣтскіе Помѣщики“, при всемъ реализмѣ въ деталяхъ, какъ, напр., въ сценкахъ изъ крестьянской жизни, при поразительномъ своемъ безпристрастіи, все-таки производятъ впечатлѣніе какой то грустной грезы, на которой остались слѣды любимыхъ размышленій автора о печаляхъ жизни. Онъ не уберегъ себя отъ этой романтической грусти даже въ этой повѣсти, въ которой рисовалъ жизнь мирнаго уголка, жизнь, полную счастья, любви, тишины и довольства“¹.

„Повѣсть о томъ, какъ поссорились И. И. съ И. П.“ была для автора простою шуткою, отчасти навѣянною „Двумя Иванами“ Нарѣжнаго и опиравшеюся на собственныя наблюденія Гоголя надъ сутяжничествомъ мелкаго малорусскаго дворянства. Кое-гдѣ она переходитъ въ шаржъ (напр., сцена съ бурой свиньей), но даетъ въ общемъ очень

¹ Котляревскій, Гоголь, стр. 213—214.

яркую бытовую картину жизни малорусского городишка, съ знаменитой миргородской лужей, разговорами судьи во время присутствія о пѣніи дроздовъ, ежедневными рапортами городничему о поискахъ утерянной пуговицы и пр. Ея пошлость, жалкое извращеніе самой идеи дружбы у героев повѣсти, ихъ зоологическая жизнь приводятъ автора къ грустному выводу, который съ особенною силою прозвучалъ въ концѣ разсказа и бросаетъ трагическій отсвѣтъ на всѣ его комическія детали.

Въ „Миргородѣ“ вообще много народно-поэтическихъ элементовъ. Наибольшую роль сыграли они въ эпопеѣ украинскаго казачества—„Тарасъ Бульбѣ“. Даже въ позднѣйшей ея редакціи, въ которую Гоголь внесъ много новыхъ историческихъ данныхъ, не столько историческое изображеніе, сколько „пѣсенное отраженіе исторіи“. Полными горстями авторъ беретъ матеріалъ изъ малорусскихъ думъ; отдѣльные образы навѣяны пѣснями лирическими; кое-что подсказано „Словомъ о полку Игоревѣ“.

Любопытно, что Гоголь въ образахъ повторяетъ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ, на основаніи всесторонняго изученія матеріала, въ статьѣ „О малороссійскихъ пѣсняхъ“; таковъ, напр., образъ матери-казачки. Пѣсни для него—„надгробный памятникъ былого“; въ нихъ — „и поэзія, и исторія, и отцовская могила“. Вмѣстѣ съ Максимовичемъ онъ хотѣлъ бы пересмотрѣть собраніе Ходаковского „съ жадностью жида, считающаго червонцы“, и при этомъ восклицаетъ: „моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи... предъ этими звонкими, живыми лѣтописями... Вы не можете себѣ представить, какъ помогаютъ въ исторіи пѣсни... Онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе — увы! — про-

шедшую жизнь и — увы! — прошедшихъ людей“. Въ пѣсняхъ ему хотѣлось бы „надышаться стариной“.

Если пѣсенный матеріалъ долженъ былъ сыграть роль одного изъ главныхъ источниковъ предполагавшейся и даже печатно обѣщанной, но не написанной „Исторіи Малороссіи“, еще важнѣе онъ былъ для „Тараса Бульбы“, гдѣ онъ безусловно доминируетъ.

Во взглядѣ Гоголя на исторію вообще много романтическаго: для него важнѣе всего—в ж и т ь с я въ старину, „надышаться“ ею, воскресить ея поэтическую цѣльность и непосредственность, дать идеализованную картину, а не научный анализъ процесса. Это какъ разъ пора „Арабесокъ“, съ культомъ среднихъ вѣковъ, патетическими восхваленіями арабской культуры, готики, рыцарскаго идеализма, съ чисто романтическимъ восторгомъ передъ міровою ролью искусства, и многія черты этой эпохи наложили свою печать и на „Тараса Бульбу“.

Изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ по малорусской исторіи онъ выбираетъ всѣ характеристическія детали и пишетъ изъ нихъ удивительныя мозаичныя картины казачьяго быта въ своей поэмѣ. Кое въ чемъ ему помогло изображеніе жизни Запорожья въ началѣ разсказа Нарѣжнаго „Запорожець“; „Бурсакъ“ Нарѣжнаго далъ отчасти краски для характеристики бурсы въ „Віи“ и „Тарасѣ Бульбѣ“.

Энергическимъ подъемомъ творчества Гоголю удалось придать всѣмъ этимъ матеріаламъ необыкновенно цѣлостный характеръ, влить въ нихъ искреннее и глубокое воодушевленіе. Онъ далъ широкую картину чисто народнаго движенія, приглядываясь къ которому могли его заставить и впечатлѣнія польской революціи 1830 г., одного изъ моментовъ „кровавыхъ скрижалей“ и „спора“

о которых писалъ Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи „Клеветникамъ Россіи“.

Въ его разсказѣ много лиризма, который достигаетъ наивысшаго напряженія въ сценѣ объясненія Андрія съ прекрасной полячкой.

Въ немъ нѣтъ уже неумѣренной идеализаціи „Вечеровъ“. Насколько эскизны были Левко и Петрусь, настолько ярко-реалистиченъ и сложенъ Андрій. И въ описаніяхъ природы меньше „бенгальскаго освѣщенія“.

Психологическія движенія героевъ „Тараса Бульбы“ сложнѣе и глубже душевной жизни не только героевъ „Вечеровъ“, но и всѣхъ остальныхъ произведеній Гоголя.

„Тарасъ Бульба“ — это героическій эпосъ, и, какъ таковой, наша повѣсть дѣлаетъ, конечно, извѣстныя уступки идеализаціи, и отъ всей повѣсти вѣетъ какимъ то былиннымъ духомъ, но при всемъ этомъ психическія движенія дѣйствующихъ лицъ необычайно правдивы и безъ всякой романтической натяжки. Запорожская старина, ея костюмы, домашняя жизнь, ея военный бытъ... изображены въ „Тарасѣ Бульбѣ“ съ замѣчательною точностью¹; описанія очень умѣло вплетены въ разсказъ и не отягощаютъ его, а придаютъ ему только особую живость и колоритность. Въ сравненіи съ „Тарасомъ Бульбой“ наши историческіе романы — за исключеніемъ романовъ Пушкина — представляются декоративными или лубочными картинами. Большинство изъ нихъ — прямые потомки старыхъ сантиментальныхъ романовъ; „Тарасъ Бульба“ съ ними ничего общаго не имѣетъ, ибо его предками были малороссійскія думы, народныя пѣсни и историческія лѣтописныя преданія. Карамзинъ и его послѣдователи гово-

¹ Это не совсѣмъ такъ. Послѣдующая историческая критика указала у Гоголя рядъ промаховъ въ этомъ отношеніи.

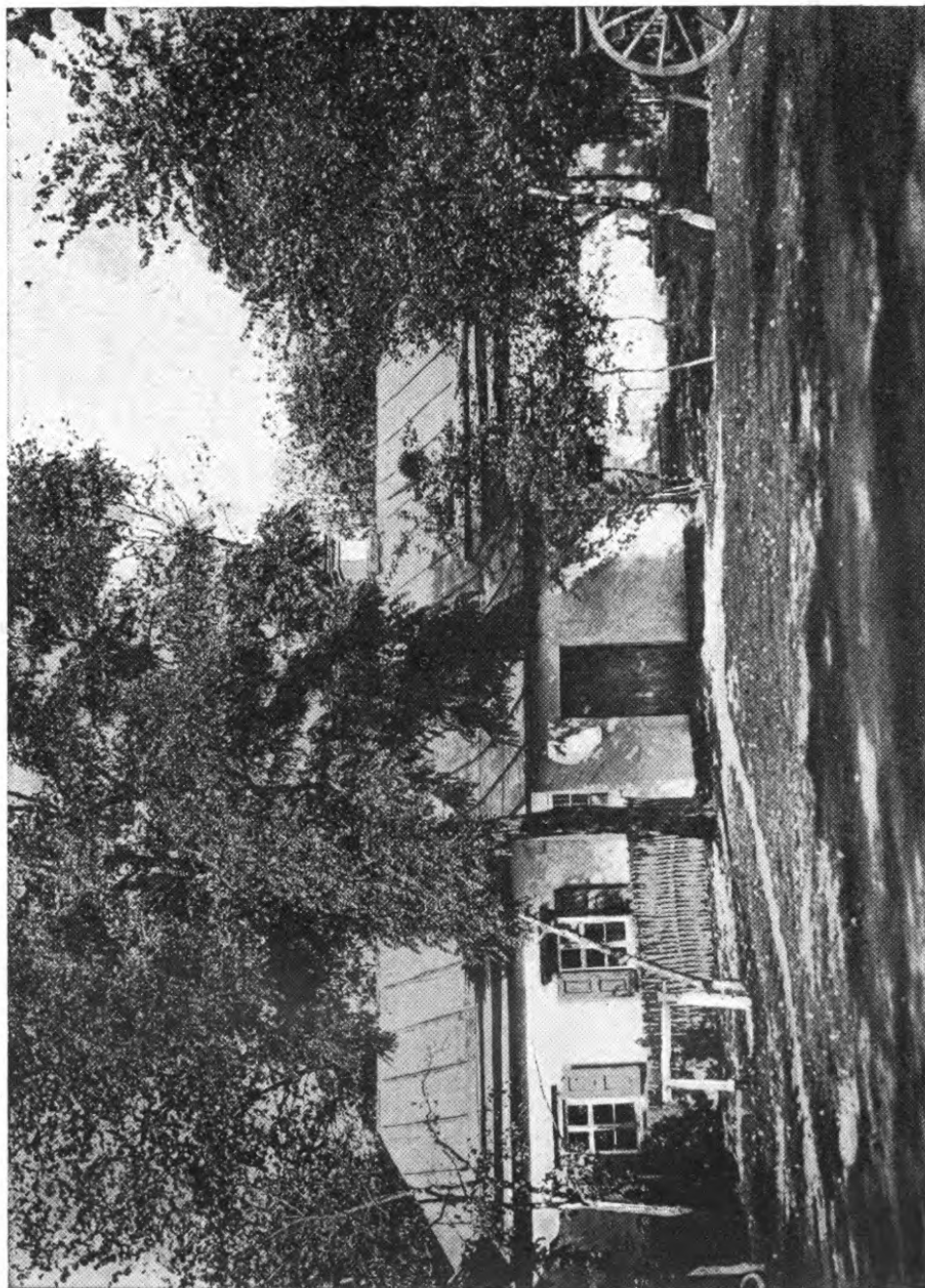
рили сами отъ лица своихъ героевъ; Гоголь сумѣлъ совсѣмъ скрыть свою личность — и его повѣсть, и съ этой стороны, напоминаетъ собою настоящую эпопею. Дѣйствительно, „Тарасъ Бульба“ — своего рода малороссійская Иліада, по своему эпически-ровному изложенію, по своему военному духу, но, главное, по выдержанности типовъ и по пластичности эпизодовъ“¹.

Въ періодъ „Миргорода“ и „Арабесокъ“ Гоголь „постепенно выходитъ изъ круга тѣхъ романтическихъ вкусовъ въ выборѣ сюжетовъ и тѣхъ романтическихъ приемовъ въ ихъ обработкѣ, какіе господствовали въ современной ему литературѣ. Какъ печальникъ о разладѣ мечты и дѣйствительности, какъ мечтатель-поэтъ, которому трудно отвѣтить на вопросъ, чему служить его вдохновеніе, въ чемъ заключена его тайна и его земное назначеніе, наконецъ, какъ любитель старины, въ которой онъ искалъ не безпристрастной истины, а подтвержденія своихъ думъ и симпатій, Гоголь 30-хъ годовъ — сынъ своего романтическаго поколѣнія. Но въ немъ одновременно возрѣвалъ творецъ иного литературнаго направленія, отъ развитія котораго наше самосознаніе должно было такъ много выиграть впослѣдствіи. Наша дѣйствительность со всѣми ея грѣхами начинала приковывать къ себѣ вниманіе художника, и онъ становился ея бытописателемъ: необычайно быстро и рѣшительно освоился онъ съ этой новой ролью, и если въ его повѣстяхъ замѣтно колебаніе въ настроеніи, стилѣ рѣчи и приемахъ мастерства, то этого колебанія уже нѣтъ въ его комедіяхъ, надъ которыми онъ въ тѣ же годы работалъ. Въ этихъ комедіяхъ онъ чистокровный реалистъ, удивительный техникъ и съ виду спокойный наблюдатель дѣйствительности. Онъ истолкователь и обличитель этой дѣй-

¹ Котляревскій, „Исторія новой русской литературы“, I, 43—44.

ствительности, о которой пока онъ говорилъ лишь мимоходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ успѣлъ сказать о ней? Въ „Вечерахъ“ онъ сблизилъ насъ съ жизнью малорусской деревни и позволилъ намъ однажды заглянуть въ помѣщичью усадьбу; въ „Арабескахъ“ погулялъ съ нами по Щукиному двору и по Невскому проспекту, заглянувъ мимоходомъ въ мастерскую художника, въ квартиру нѣмца-ремесленника, погибшей дѣвицы и сумасшедшаго департаментскаго чиновника; въ „Миргородѣ“ опять возвратился съ нами въ Малороссію, познакомилъ насъ со старосвѣтскими помѣщиками, со странствующими бурсаками, со всей администраціей и съ обывателями уѣзднаго городишка. Конечно, онъ провелъ насъ по цѣлой портретной галлерей, и мы любовались этими разнообразными типичными лицами. Ихъ было такъ много, и они были такъ новы. Но всѣ они были случайные типы, портреты, написанные при случаѣ; въ нихъ не было объединяющаго смысла, по которому можно было бы судить не о томъ или другомъ изъ нихъ порознь, а обо всѣхъ сразу, какъ объ общественныхъ группахъ. Такой осмысленный подборъ реальныхъ типовъ Гоголь далъ сначала въ своихъ комедіяхъ, а затѣмъ въ „Мертвыхъ Душахъ“¹.

¹ Котляревскій, Гоголь, стр. 222—223.

Н. В. Гоголь. II.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сорочинцы. Мѣсто рожденія Гоголя.

Съ фотографическаго снимка.

Миргородъ.

Повѣсти,

служащія продолженіемъ

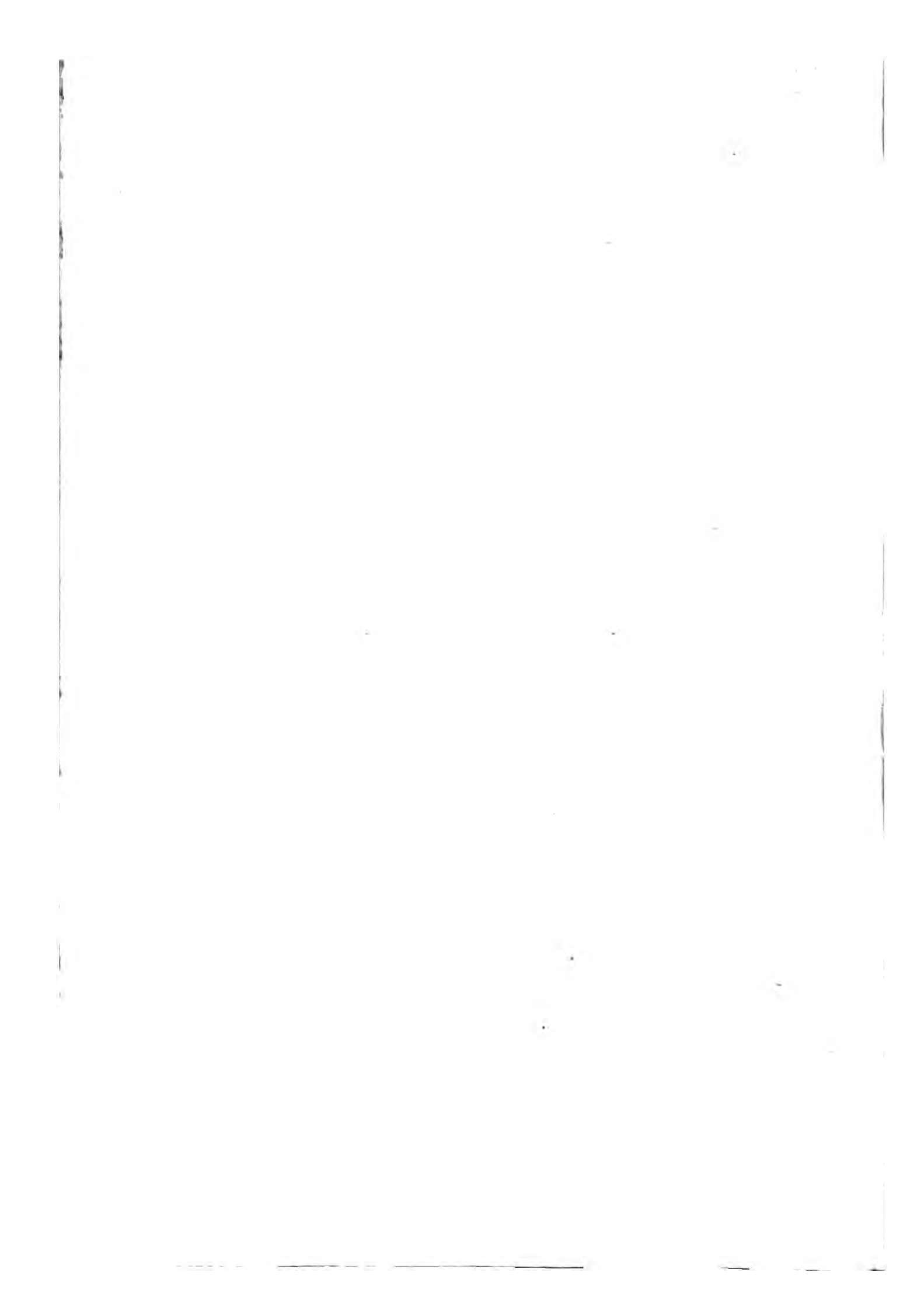
Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки.

Миргородъ нарочито невеликій при
рѣкѣ Хоролѣ городъ. Имѣеть 1 канат-
ную фабрику, 1 кирпичный заводъ, 4 во-
дяныхъ и 45 вѣтряныхъ мельницъ.

Географія Зябловскаго.

Хотя въ Миргородѣ пекутся бублики
изъ чернаго тѣста, но довольно вкусны.

Изъ записокъ одного путешественника.

Часть первая.

Старосвѣтскіе помѣщики.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ „старосвѣтскими“, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши своею простотою и совершенною противоположностью съ новымъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не выказываетъ своихъ красныхъ кирпичей. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненные вербами, бузиною и грушами. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и беспокойныя порожденія злого духа, возмущающія міръ, вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи. Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревян-

ныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было во время грома и града затворить ставни оконъ, не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха, цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ, для отдыха, коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкой отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду, съ молодыми и нѣжными, какъ пухъ, гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него: — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, оттого, что я уже не вижу ихъ, и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ. Какъ бы то ни было, но даже тогда, когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ. Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ — старички, старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится бывшее. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно перехо-

дишь всѣми чувствами въ неизменную буколическую ¹ жизнь.

Я до сихъ поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ — увѣ! — теперь уже нѣтъ, но душа моя полна еще до сихъ поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себѣ, что пріѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно! мнѣ ранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу.

Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружающихъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду ², я бы никогда не избралъ другого оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя бы разсказывалъ или, просто, слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезчуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, — жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатая фамилія, всегда составляю-

¹ Идиллическую.

² Идиллическіе старики классической поэзіи.

щія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственные мѣста, дерутъ послѣднюю копейку съ своихъ же земляковъ, наводняютъ Петербургъ ябедниками, наживаются, наконецъ, капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на эти презрѣнные и жалкія творенія, такъ же какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи.

Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу *ты*, но всегда *вы*: вы, Аѳанасій Ивановичъ! вы, Пульхерія Ивановна. „Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?“ — „Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я“. Они никогда не имѣли дѣтей, и оттого вся привязанность ихъ сосредоточивалась на нихъ же самихъ. Когда то, въ молодости, Аѳанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ ¹, былъ послѣ секундъ-маіоромъ ²; но это уже было очень давно, уже прошло, уже самъ Аѳанасій Ивановичъ почти никогда не вспоминалъ объ этомъ. Аѳанасій Ивановичъ женился тридцати лѣтъ, когда былъ молодцомъ и носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него; но и объ этомъ уже онъ очень мало помнилъ, по крайней мѣрѣ, никогда не говорилъ.

Всѣ эти давнія, необыкновенныя происшествія замѣнились спокойною и уединенною жизнью, тѣми дремлющими и вмѣстѣ гармоническими грѣзами, которыя ощущаете вы, сидя на деревенскомъ балконѣ, обращенномъ въ садъ, когда прекрасный

¹ Компанейскіе или охочекомонные полки — кавалерійскіе изъ добровольцевъ, зависѣвшіе непосредственно отъ гетмана (до 1776 г.).

² Младшій штабъ-офицерскій чинъ.

дождь роскошно шумить, хлопая по древеснымъ листьямъ, стекая журчащими ручьями и наговаривая дрему на ваши члены, а между тѣмъ радуга крадется изъ-за деревьевъ и, въ видѣ полуразрушеннаго свода, свѣтитъ матовыми семью цвѣтами на небѣ, — или когда укачиваетъ васъ коляска, ныряющая между зелеными кустарниками, а степной перепелъ гремитъ, и душистая трава, вмѣстѣ съ хлѣбными колосьями и полевыми цвѣтами, лѣзетъ въ дверцы коляски, пріятно ударяя васъ по рукамъ и лицу.

Онъ всегда слушалъ съ пріятною улыбкою гостей, пріѣзжавшихъ къ нему; иногда и самъ говорилъ, но больше спрашивалъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ стариковъ, которые надѣдають вѣчными похвалами старому времени или порицаніями новаго: онъ, напротивъ, спрашивая васъ, показывалъ большое любопытство и участіе къ обстоятельствамъ вашей собственной жизни, удачамъ и неудачамъ, которыми обыкновенно интересуются всѣ добрые старики, хотя оно нѣсколько похоже на любопытство ребенка, который въ то время, когда говоритъ съ вами, рассматриваетъ печатку вашихъ часовъ. Тогда лицо его, можно сказать, дышало добротою.

Комнаты домика, въ которомъ жили наши старички, были маленькія, низенькія, какія обыкновенно встрѣчаются у старосвѣтскихъ людей. Въ каждой комнатѣ была огромная печь, занимавшая почти третью часть ея. Комнатки эти были ужасно теплы, потому что и Аѳанасій Ивановичъ, и Пульхерія Ивановна очень любили теплоту. Топки ихъ были всѣ проведены въ сѣни, всегда почти до самаго потолка наполненныя соломой, которую обыкновенно употребляютъ въ Малороссіи вмѣсто дровъ. Трескъ этой горящей соломы и освѣщеніе дѣлають сѣни чрезвычайно пріятными въ зимній вечеръ, когда пылкая молодежь, прозябнувши отъ

преслѣдованія за какой-нибудь смуглянкой, вбѣгаетъ въ нихъ, похлопывая въ ладоши. Стѣны комнаты убраны были нѣсколькими картинами и картинками въ старинныхъ узенькихъ рамахъ. Я увѣренъ, что сами хозяева давно позабыли ихъ содержаніе, и еслибы нѣкоторыя изъ нихъ были унесены, то они бы, вѣрно, этого не замѣтили. Два портрета было большихъ, писанныхъ масляными красками; одинъ представлялъ какого то архіерея, другой Петра III; изъ узенькихъ рамъ глядѣла герцогиня Лавальеръ¹, запачканная мухами. Вокругъ оконъ и надъ дверями находилось множество небольшихъ картинокъ, которыя какъ то привыкаешь почитать за пятна на стѣнѣ и потому ихъ вовсе не разсматриваешь. Полъ почти во всѣхъ комнатахъ былъ глиняный, но такъ чисто вымазанный и содержавшійся съ такою опрятностію, съ какою, вѣрно, не содержался ни одинъ паркетъ въ богатомъ домѣ, лѣниво подметаемый невыспавшимся господиномъ въ ливреѣ.

Комната Пульхеріи Ивановны была вся устлана сундуками, ящичками и сундучечками. Множество узелковъ и мѣшковъ съ сѣменами, цвѣточными, огородными, арбузными, висѣли по стѣнамъ. Множество клубковъ съ разноцвѣтною шерстью, лоскутковъ старинныхъ платьевъ, шитыхъ за полстольтіе, были уложены по угламъ въ сундучкахъ и между сундучками. Пульхерія Ивановна была большая хозяйка и собирала все, хотя иногда сама не знала, на что оно потомъ употребится.

Но самое замѣчательное въ домѣ — были поющія двери. Какъ только наставало утро, пѣніе дверей раздавалось по всему дому. Я не могу сказать, отчего онѣ пѣли: перержавѣвшія ли петли были тому виною, или самъ механикъ, дѣлавшій ихъ, скрылъ въ нихъ какой-нибудь секретъ; но

¹ Фаворитка Людовика XIV (1644—1710).

замѣчательно то, что каждая дверь имѣла свой особенный голосъ: дверь, ведущая въ спальню, пѣла самымъ тоненькимъ дискантомъ; дверь въ столовую хрипѣла басомъ; но та, которая была въ сѣняхъ, издавала какой то странный, дребезжащій и вмѣстѣ стонущій звукъ, такъ что, вслушиваясь въ него, очень ясно, наконецъ, слышалось: „Батюшки, я зябну!“ Я знаю, что многимъ очень не нравится этотъ звукъ; но я его очень люблю, и если мнѣ случится иногда здѣсь услышать скрипъ дверей, тогда мнѣ вдругъ такъ и запахнетъ деревнею: низенькой комнаткой, озаренной свѣчкой въ старинномъ подсвѣчникѣ; ужиномъ, уже стоящимъ на столѣ; майскою темною ночью, глядящею изъ сада, сквозь растворенное окно, на столъ, установленный приборами; соловьемъ, который обдастъ садъ, домъ и дальнюю рѣку своими раскатами; страхомъ и шорохомъ вѣтвей... и, Боже! какая длинная навѣвается мнѣ тогда вереница воспоминаній!

Стулья въ комнатѣ были деревянные, массивные, какими обыкновенно отличается старина; они были всѣ съ высокими выточенными спинками въ натуральномъ видѣ, безъ всякаго лака и краски; они не были даже обиты матеріею и были нѣсколько похожи на тѣ стулья, на которые и донинѣ садятся архіереи. Треугольные столики по угламъ, четырехугольные передъ диваномъ и зеркаломъ въ тоненькихъ золотыхъ рамахъ, выточенныхъ листьями, которыя мухи усѣяли черными точками, передъ диваномъ коверъ съ птицами, похожими на цвѣты, и цвѣтами, похожими на птицъ: вотъ все почти убранство невзыскательнаго домика, гдѣ жили мои старики.

Дѣвичья была набита молодыми и немолодыми дѣвушками въ полосатыхъ исподницахъ¹, которымъ иногда Пульхерія Ивановна давала шить какія-

¹ Юбкахъ.

нибудь бездѣлушки и заставляла чистить ягоды, но которыя большею частію бѣгали на кухню и спали. Пульхерія Ивановна почитала необходимою держать ихъ въ домѣ и строго смотрѣла за ихъ нравственностію; но, къ чрезвычайному ея удивленію, не проходило нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы у которой-нибудь изъ ея дѣвушекъ станъ не дѣлался гораздо полнѣе обыкновеннаго. Тѣмъ болѣе это казалось удивительно, что въ домѣ почти никого не было изъ холостыхъ людей, исключая развѣ только комнатнаго мальчика, который ходилъ въ сѣромъ полуфракѣ съ босыми ногами и если не ѣлъ, то ужъ, вѣрно, спалъ. Пульхерія Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы впередъ этого не было. На стеклахъ оконъ звенѣло страшное множество мухъ, которыхъ всѣхъ покрывалъ толстый басъ шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаціями осъ; но, какъ только подавали свѣчи, вся эта ватага отправлялась на ночлегъ и покрывала черною тучею весь потолокъ.

Аѳанасій Ивановичъ очень мало занимался хозяйствомъ, хотя, впрочемъ, ѣздилъ иногда къ косарямъ и жнецамъ, и смотрѣлъ довольно пристально на ихъ работу; все бремя правленія лежало на Пульхеріи Ивановнѣ. Хозяйство Пульхеріи Ивановны состояло въ безпрестанномъ отпираніи и запираніи кладовой, въ соленіи, сушеніи, вареніи безчисленнаго множества фруктовъ и растеній. Ея домъ былъ совершенно похожъ на химическую лабораторію. Подъ яблонею вѣчно былъ разложенъ огонь, и никогда почти не снимался съ желѣзнаго треножника котелъ или мѣдный тазъ съ вареньемъ, желе, пастилою, дѣланными на меду, на сахарѣ и не помню еще на чемъ. Подъ другимъ деревомъ кучеръ вѣчно перегонялъ въ мѣдномъ лембикѣ¹

¹ Сосудъ для перегонки и очистки водки.

водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневые косточки, и къ концу этого процесса совершенно не былъ въ состояніи поворотить языкомъ, болталъ такой вздоръ, что Пульхерія Ивановна ничего не могла понять, и отправлялся на кухню спать. Всей этой дряни наваривалось, насаливалось, засушивалось такое множество, что, вѣроятно, она потопила бы, наконецъ, весь дворъ (потому что Пульхерія Ивановна всегда, сверхъ расчисленнаго на потребленіе, любила готовить еще на запасъ), еслибы большая половина этого не съѣдалась дворовыми дѣвками, которыя, забираясь въ кладовую, такъ ужасно тамъ объѣдались, что цѣлый день стонали и жаловались на животы свои.

Въ хлѣбопашество и прочія хозяйственныя статьи внѣ двора Пульхерія Ивановна мало имѣла возможности входить. Приказчикъ, соединившись съ войтомъ¹, обкрадывали немилосерднымъ образомъ. Они завели обыкновеніе входить въ господскіе лѣса, какъ въ свои собственные, надѣлывали множество саней и продавали ихъ на ближней ярмаркѣ; кромѣ того, всѣ толстые дубы они продавали на срубъ для мельницъ сосѣднимъ казакамъ. Одинъ только разъ Пульхерія Ивановна пожелала обревизовать свои лѣса. Для этого были запряжены дрожки, съ огромными кожаными фартуками, отъ которыхъ, какъ только кучеръ встряхивалъ вожжами, и лошади, служившія еще въ милиціи², трогались съ своего мѣста, воздухъ наполнялся странными звуками, такъ что вдругъ были слышны и флейта, и бубны, и барабанъ; каждый гвоздикъ и желѣзная скоба звенѣли до того, что возлѣ самыхъ мельницъ было слышно, какъ пани выѣзжала со двора, хотя это разстояніе было не менѣе двухъ

¹ Войты („сельская старшина“) въ деревняхъ выбирались крестьянами (казаки выбирали атамановъ)

² Вѣроятно, 1807 г.

версть. Пульхерія Ивановна не могла не замѣтить страшнаго опустошенія въ лѣсу и потери тѣхъ дубовъ, которые она еще въ дѣтствѣ знавала столѣтними.

— Отчего это у тебя, Ничипоръ,—сказала она, обратясь къ своему приказчику, тутъ же находившемуся,—дубки сдѣлались такъ рѣдкими? Гляди, чтобы у тебя волосы на головѣ не стали рѣдки.

— Отчего рѣдки? — говаривалъ обыкновенно приказчикъ, — пропали! Такъ-таки совсѣмъ пропали: и громомъ побило, и черви проточили — пропали, пани, пропали.

Пульхерія Ивановна совершенно удовлетворялась этимъ отвѣтомъ и, пріѣхавши домой, давала повелѣніе удвоить только стражу въ саду около шпанскихъ вишенъ и большихъ зимнихъ дуль ¹.

Эти достойные правители, приказчикъ и войтъ, нашли вовсе излишнимъ привозить всю муку въ барскіе амбары, а что съ баръ будетъ довольно и половины; наконецъ, и эту половину привозили они заплѣснѣвшую или подмоченную, которая была обракована на ярмаркѣ. Но сколько ни обкрадывали приказчикъ и войтъ; какъ ни ужасно жрали всѣ въ дворѣ, начиная отъ ключницы до свиней, которыя истребляли страшное множество сливъ и яблокъ, и часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть съ него цѣлый дождь фруктовъ: сколько ни клевали ихъ воробьи и вороны; сколько вся дворня ни носила гостинцевъ своимъ кумовьямъ въ другія деревни и даже таскала изъ амбаровъ старія полотна и пряжу, что все обращалось къ всемірному источнику, т. е. къ шинку ²; сколько ни крали гости, флегматическіе кучера и лакеи; но благословенная земля производила всего въ такомъ множествѣ, Аѳанасію Ивановичу и Пульхеріи Ивановнѣ такъ мало было нужно,

¹ Вольшія груши.

² Кабакъ.

что всѣ эти страшныя хищенія казались вовсе незамѣтными въ ихъ хозяйствѣ.

Оба старичка, по старинному обычаю старосвѣтскихъ помѣщиковъ, очень любили покушать. Какъ только занималась заря (они всегда вставали рано), и какъ только двери заводили свой разногласный концертъ, они уже сидѣли за столикомъ и пили кофе. Напившись кофе, Аѳанасій Ивановичъ выходилъ въ сѣни и, встряхнувши платокъ, говорилъ: „Кишъ, кишъ! пошли, гуси, съ крыльца!“ На дворѣ ему обыкновенно попадался приказчикъ. Онъ, по обыкновенію, вступалъ съ нимъ въ разговоръ, расспрашивалъ о работахъ съ величайшею подробностью и такія сообщалъ ему замѣчанія и приказанія, которыя удивили бы всякаго необыкновеннымъ познаніемъ хозяйства, и какой-нибудь новичокъ не осмѣлился бы и подумать, чтобы можно было украсть у такого зоркаго хозяина. Но приказчикъ его былъ обстрѣлянная птица: онъ зналъ, какъ нужно отвѣчать, а еще болѣе, какъ нужно хозяйничать.

Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ возвращался въ покои и говорилъ, приблизившись къ Пульхеріи Ивановнѣ:

— А что, Пульхерія Ивановна, можетъ быть, пора закусить чего-нибудь?

— Чего же бы теперь, Аѳанасій Ивановичъ, закусить? развѣ коржиковъ съ саломъ или пирожковъ съ макомъ, или, можетъ быть, рыжиковъ соленыхъ?

— Пожалуй, хоть и рыжиковъ или пирожковъ,— отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ, и на столѣ вдругъ являлась скатерть съ пирожками и рыжиками.

За часъ до обѣда Аѳанасій Ивановичъ закусывалъ снова, выпивалъ старинную серебряную чарку водки, заѣдалъ грибами, разными сушеными рыбками и прочимъ. Обѣдать садились въ двѣнадцать часовъ. Кромѣ блюдъ и соусниковъ, на столѣ

стояло множество горшечковъ съ замазанными крышками, чтобы не могло выдохнуться какое-нибудь аппетитное издѣліе старинной вкусной кухни. За обѣдомъ обыкновенно шелъ разговоръ о предметахъ самыхъ близкихъ къ обѣду.

— Мнѣ кажется, какъ будто эта каша, — говорилъ обыкновенно Аѳанасій Ивановичъ, — немного пригорѣла. Вамъ этого не кажется, Пульхерія Ивановна?

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ; вы положите побольше масла, тогда она не будетъ казаться пригорѣлою, или вотъ возьмите этого соуса съ грибочками и подлейте къ ней.

— Пожалуй, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, подставляя свою тарелку, — попробуемъ, какъ оно будетъ.

Послѣ обѣда Аѳанасій Ивановичъ шелъ отдохнуть одинъ часикъ, послѣ чего Пульхерія Ивановна приносила разрѣзанный арбузъ и говорила:

— Вотъ попробуйте, Аѳанасій Ивановичъ, какой хорошій арбузъ.

— Да вы не вѣрьте, Пульхерія Ивановна, что онъ красный въ срединѣ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, принимая порядочный ломоть, — бываетъ, что и красный, да нехорошій.

Но арбузъ немедленно исчезалъ. Послѣ этого Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ еще нѣсколько грушъ и отправлялся погулять по саду вмѣстѣ съ Пульхеріей Ивановной. Пришедши домой, Пульхерія Ивановна отправлялась по своимъ дѣламъ, а онъ садился подъ навѣсомъ, обращеннымъ къ двору, и глядѣлъ, какъ кладовая безпрестанно показывала и закрывала свою внутренность, и дѣвки, толкая одна другую, то вносили, то выносили кучу всякаго дрязгу въ деревянныхъ ящикахъ, рѣшетахъ, ночевкахъ¹ и въ прочихъ фруктохранилищахъ.

¹ Корытахъ.

Немного погодя, онъ посылалъ за Пульхеріей Ивановной или самъ отправлялся къ ней и говорилъ:

— Чего бы такого поѣсть мнѣ, Пульхерія Ивановна?

— Чего же бы такого? — говорила Пульхерія Ивановна, — развѣ я пойду скажу, чтобы вамъ принесли варениковъ съ ягодами, которыхъ приказала я нарочно для васъ оставить?

— И то дѣло¹, — отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ.

— Или, можетъ быть, вы съѣли бы киселику?

— И то хороше, — отвѣчалъ Аѳанасій Ивановичъ. Послѣ чего все это немедленно было приносимо и, какъ водится, съѣдаемо.

Передъ ужиномъ Аѳанасій Ивановичъ еще кое-чего закушивалъ. Въ половинѣ десятаго сѣли ужинать. Послѣ ужина тотчасъ отправлялись опять спать, и всеобщая тишина водворялась въ этомъ дѣятельномъ и вмѣстѣ спокойномъ уголкѣ.

Комната, въ которой спали Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна, была такъ жарка, что рѣдкій былъ бы въ состояніи остаться въ ней нѣсколько часовъ; но Аѳанасій Ивановичъ еще сверхъ того, чтобы было теплѣе, спалъ на лежанкѣ, хотя сильный жаръ часто заставлялъ его нѣсколько разъ вставать среди ночи и прохаживаться по комнатѣ. Иногда Аѳанасій Ивановичъ, ходя по комнатѣ, стоналъ.

Тогда Пульхерія Ивановна спрашивала:

— Чего вы стонете, Аѳанасій Ивановичъ?

— Богъ его знаетъ, Пульхерія Ивановна: какъ будто немного животъ болитъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ.

— А не лучше ли вамъ чего-нибудь съѣсть, Аѳанасій Ивановичъ?

— Не знаю, будетъ ли оно хорошо, Пульхерія Ивановна! Впрочемъ, чего жъ бы такого съѣсть?

Хорошо.

— Кислаго молочка или жиденькаго узвара съ сушеными грушами.

— Пожалуй, развѣ такъ только попробовать,— говорилъ Аѳанасій Ивановичъ. Сонная дѣвка отправлялась рыться по шкапамъ, и Аѳанасій Ивановичъ съѣдалъ тарелочку; послѣ чего онъ обыкновенно говорилъ:

— Теперь такъ какъ будто сдѣлалось легче.

Иногда, если было ясное время и въ комнатахъ довольно тепло натоплено, Аѳанасій Ивановичъ, развеселившись, любилъ пошутить надъ Пульхерією Ивановною и поговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

— А что, Пульхерія Ивановна, — говорилъ онъ, — еслибы вдругъ загорѣлся домъ нашъ, куда бы мы дѣлись?

— Вотъ это, Боже сохрани! — говорила Пульхерія Ивановна, крестясь.

— Ну, да положимъ, что домъ нашъ сгорѣлъ, куда бы мы перешли тогда?

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Аѳанасій Ивановичъ! Какъ можно, чтобы домъ могъ сгорѣть? Богъ этого не попуститъ.

— Ну, а еслибы сгорѣлъ?

— Ну, тогда бы мы перешли въ кухню. Вы бы заняли на время ту комнатку, которую занимаетъ ключница.

— А еслибы и кухня сгорѣла?

— Вотъ еще! Богъ сохранить отъ такого поущенія, чтобы вдругъ и домъ, и кухня сгорѣли! Ну, тогда въ кладовую, покаместъ выстроился бы новый домъ.

— А еслибы и кладовая сгорѣла?

— Богъ знаетъ, что вы говорите! Я и слушать васъ не хочу! Грѣхъ это говорить, и Богъ наказываетъ за такія рѣчи!

Но Аѳанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что подшутилъ надъ Пульхерією Ивановною, улыбался, сидя на своемъ стулѣ.

Но интереснѣе всего казались для меня старички въ то время, когда бывали у нихъ гости. Тогда все въ ихъ домѣ принимало другой видъ. Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у нихъ ни было лучшаго, все это выносилось. Они наперерывъ старались угостить васъ всѣмъ, что только производило ихъ хозяйство. Но болѣе всего пріятно мнѣ было то, что во всей ихъ услужливости не было никакой приторности. Это радушіе и готовность такъ кротко выражались на ихъ лицахъ, такъ шли къ нимъ, что поневолѣ соглашался на ихъ просьбы. Они были слѣдствіе чистой, ясной простоты ихъ добрыхъ, безхитростныхъ душъ. Это радушіе вовсе не то, съ какимъ угощаетъ васъ чиновникъ казенной палаты, вышедшій въ люди вашими стараніями, называющій васъ благодѣтелемъ и ползающій у ногъ вашихъ. Гость никакимъ образомъ не былъ отпускаемъ въ тотъ же день: онъ долженъ былъ непременно переночевать.

— Какъ можно такую позднюю порою отправляться въ такую дальнюю дорогу! — всегда говорила Пульхерія Ивановна. (Гость обыкновенно жилъ въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ нихъ.)

— Конечно, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — неравно всякаго случая: нападуть разбойники или другой недобрый человѣкъ.

— Пусть Богъ милуетъ отъ разбойниковъ! — говорила Пульхерія Ивановна. — И къ чему рассказывать этакое на ночь? Разбойники, не разбойники, а время темное, не годится совсѣмъ ѣхать. Да и вашъ кучеръ... я знаю вашего кучера: онъ такой тендитный ¹, да маленькій; его всякая кобыла побьетъ; да притомъ теперь онъ уже, вѣрно, наклюкался и спитъ гдѣ-нибудь.

И гость долженъ былъ непременно остаться;

¹ Слабосильный.

но, впрочемъ, вечеръ въ низенькой, теплой комнатѣ, радушный, грѣющій и усыпляющій рассказъ, несущійся паръ отъ поданнаго на столъ кушанья, всегда питательнаго и мастерски изготовленнаго, бывалъ для него наградою. Я вижу, какъ теперь, какъ Аѳанасій Ивановичъ, согнувшись, сидитъ на стулѣ со всегдашнею своею улыбкой и слушаетъ со вниманіемъ и даже наслажденіемъ гостя! Часто рѣчь заходила и о политикѣ. Гость, тоже весьма рѣдко выѣзжавшій изъ своей деревни, часто, съ значительнымъ видомъ и таинственнымъ выраженіемъ лица, выводилъ свои догадки и рассказывалъ, что французъ тайно согласился съ англичаниномъ выпустить опять на Россію Бонапарта ¹, или просто рассказывалъ о предстоящей войнѣ, и тогда Аѳанасій Ивановичъ часто говорилъ, какъ будто не глядя на Пульхерію Ивановну:

— Я самъ думаю пойти на войну; почему жъ я не могу идти на войну?

— Вотъ уже и пошелъ! — прерывала Пульхерія Ивановна. — Вы не вѣрьте ему, — говорила она, обращаясь къ гостю, — гдѣ ужъ ему, старому, идти на войну! Его первый солдатъ застрѣлитъ! Ей Богу, застрѣлитъ! Вотъ такъ-таки прицѣлится и застрѣлитъ.

— Что жъ, — говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — и я его застрѣлю.

— Вотъ слушайте только, что онъ говоритъ! — подхватывала Пульхерія Ивановна, — куда ему идти на войну! И пистолы ² его давно уже заржавѣли и лежатъ въ коморѣ ³. Еслибъ вы ихъ видѣли: тамъ такіе, что прежде еще, нежели выстрѣлятъ, разорветъ ихъ порохомъ. И руки себѣ поотобьетъ, и лицо искалѣчитъ, и навѣки несчастнымъ останется!

¹ Съ острова Св. Елены (1815—1820).

² Пистолеты.

³ Кладовая.

— Чтѣ жѣ, — говорилъ Аѣанасій Ивановичѣ, — я куплю себѣ новое вооруженіе; я возьму саблю или казацкую пику.

— Это все выдумки. Такѣ вотѣ вдругѣ придетѣ въ голову, и начнетѣ рассказывать! — подхватывала Пульхеріа Ивановна съ досадою. — Я и знаю, что онѣ шутитѣ, а все-таки непріятно слушать. Вотѣ этакое онѣ всегда говоритѣ; иной разѣ слушаешь-слушаешь, да и страшно станетѣ.

Но Аѣанасій Ивановичѣ, довольный тѣмѣ, что нѣсколько напугалѣ Пульхеріу Ивановну, смѣялся, сидя, согнувшись, на своемѣ стулѣ.

Пульхеріа Ивановна для меня была занимательнѣе всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ. — Вотѣ это, — говорила она, снимая пробку съ графина, — водка, настоенная на деревій¹ и шалфѣй: если у кого болятѣ лопатки или поясница, то очень помогаетѣ; вотѣ это — на золотыя тысячники: если въ ухахѣ звенитѣ и по лицу лишаи дѣлаются, то очень помогаетѣ; а вотѣ это перегонная на персиковыя косточки: вотѣ возьмите рюмку, какой прекрасный запахѣ! Если какѣ-нибудь, вставая съ кровати, ударится кто объ уголѣ шкапа или стола, и набѣжитѣ на лбу гугля², то стоить только одну рюмочку выпить передѣ обѣдомѣ — и все какѣ рукой сниметѣ; въ ту же минуту все пройдетѣ, какѣ будто вовсе не бывало.

Послѣ этого, такой перечетѣ слѣдовалѣ и другимѣ графинамѣ, всегда почти имѣвшимѣ какія-нибудь цѣлебныя свойства. Нагрузивши гостя всею этою аптекою, она подводила его ко множеству стоявшихѣ тарелокѣ.

— Вотѣ это грибки съ щебрецомѣ³! Это — съ гвоздиками и волошскими орѣхами. Солить ихѣ выучила меня туркеня, въ то время, когда

¹ Тысячелистникѣ, *Achillea L.* (средство отѣ болѣзней желудка).

² Шишка.

³ Чебрецѣ, пряное растеніе.

еще турки были у насъ въ плѣну. Такая была добрая туркени, и незамѣтно совсѣмъ, чтобы турецкую вѣру исповѣдывала: такъ совсѣмъ и ходить почти, какъ у насъ; только свинины не ѣла: говорить, что у нихъ какъ то тамъ въ законѣ запрещено. Вотъ это грибки съ смородиннымъ листомъ и мушкатнымъ орѣхомъ! А вотъ это большія травянки¹: я ихъ еще въ первый разъ отваривала въ уксусѣ; не знаю, каковы то онѣ. Я узнала секретъ отъ отца Ивана: въ маленькой кадучкѣ прежде всего нужно разостлать дубовые листья, и потомъ посыпать перцемъ и селитрою, и положить еще, что бываетъ на нечуй-витерѣ² цвѣтъ, такъ этотъ цвѣтъ взять и хвостиками разостлать вверхъ. А вотъ это пирожки! это пирожки съ сыромъ! это съ урдою³! А вотъ это тѣ, которые Аѳанасій Ивановичъ очень любитъ, съ капустою и гречневою кашею.

— Да, — прибавлялъ Аѳанасій Ивановичъ, — я ихъ очень люблю: они мягкіе и немножко кисленькіе.

Вообще Пульхерія Ивановна была чрезвычайно въ духѣ, когда бывали у нихъ гости. Добрая старушка! она вся принадлежала гостямъ. Я любилъ бывать у нихъ, и хотя объѣдался страшнымъ образомъ, какъ и всѣ, гостившіе у нихъ, хотя мнѣ это было очень вредно, однакожъ, я всегда бывалъ радъ къ нимъ ѣхать. Впрочемъ, я думаю, что не имѣетъ ли самый воздухъ въ Малороссіи какого то особеннаго свойства, помогающаго пищеваренію, потому что еслибы здѣсь вздумалъ кто-нибудь такимъ образомъ накушаться, то, безъ сомнѣнія, вмѣсто постели, очутился бы лежащимъ на столѣ.

Добрые старички! Но повѣствованіе мое приближается къ весьма печальному событію, измѣ-

¹ Грибы (творушки).

² Растеніе (которымъ откармливаютъ свиней).

³ Конопляныя выжимки.

нившему навсегда жизнь этого мирнаго уголка. Событіе это покажется тѣмъ болѣе разительнымъ, что произошло отъ самаго маловажнаго случая. Но, по странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія, и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями. Какой-нибудь завоеватель собираетъ всѣ силы своего государства, воюетъ нѣсколько лѣтъ, полководцы его прославляются, и, наконецъ, все это оканчивается пріобрѣтеніемъ клочка земли, на которомъ негдѣ посѣять картофеля; а иногда, напротивъ, два какіе-нибудь колбасника двухъ городовъ подерутся между собою за вздоръ, и ссора объемлетъ, наконецъ, города, потомъ села и деревни, а тамъ и цѣлое государство. Но оставимъ эти разсужденія: они не идутъ сюда; притомъ я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями.

У Пульхеріи Ивановны была сѣренькая кошечка, которая всегда почти лежала, свернувшись клубкомъ, у ея ногъ. Пульхерія Ивановна иногда ее гладила и щекотала пальцемъ по ея шейкѣ, которую балованная кошечка вытягивала какъ можно выше. Нельзя сказать, чтобы Пульхерія Ивановна слишкомъ любила ее, но, просто, привязалась къ ней, привыкши ее всегда видѣть. Аѳанасій Ивановичъ, однакожъ, часто подшучивалъ надъ такою привязанностію.

— Я не знаю, Пульхерія Ивановна, что вы такого находите въ кошкѣ: на что она? Еслибы вы имѣли собаку, тогда бы другое дѣло: собаку можно взять на охоту, а кошка на что?

— Ужъ молчите, Аѳанасій Ивановичъ, — говорила Пульхерія Ивановна, — вы любите только говорить, и больше ничего. Собака не чисто-плотна, собака нагадитъ, собака перебьетъ все, а кошка — тихое твореніе, она никому не сдѣлаетъ зла.

Впрочемъ, Аѳанасію Ивановичу было все равно, что кошки, что собаки; онъ для того только говорилъ такъ, чтобы немножко подшутить надъ Пульхеріей Ивановной.

За садомъ находился у нихъ большой лѣсъ, который былъ совершенно пощаженъ предприимчивымъ приказчикомъ, можетъ быть, оттого, что стукъ топора доходилъ бы до самыхъ ушей Пульхеріи Ивановны. Онъ былъ глухъ, запущенъ, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орѣшникомъ и походили на мохнатыя лапы голубей. Въ этомъ лѣсу обитали дикіе коты. Лѣсныхъ дикихъ котовъ не должно смѣшивать съ тѣми удалцами, которые бѣгаютъ по крышамъ домовъ; находясь въ городахъ, они, несмотря на крутой нравъ свой, гораздо болѣе цивилизованы, нежели обитатели лѣсовъ. Это, напротивъ того, бѣльшеею частію народъ мрачный и дикій; они всегда ходятъ тощіе, худые, мяукаютъ грубымъ, необработаннымъ голосомъ. Они подрываются иногда подземнымъ ходомъ подъ самые амбары и крадутъ сало; явятся даже въ самой кухнѣ, прыгнувши внезапно въ растворенное окно, когда замѣтятъ, что поваръ пошелъ въ бурьянъ ¹. Вообще, никакія благородныя чувства имъ не извѣстны; они живутъ хищничествомъ и душатъ маленькихъ воробьевъ въ самыхъ ихъ гнѣздахъ. Эти коты долго обнюхивались сквозь дыру подъ амбаромъ съ кроткою кошечкою Пульхеріи Ивановны, и, наконецъ, подманили ее, какъ отрядъ солдатъ подманиваетъ глупую крестьянку. Пульхерія Ивановна замѣтила пропажу кошки, послала искать ее; но кошка не находилась. Прошло три дня; Пульхерія Ивановна пожалѣла, наконецъ, вовсе о ней позабыла. Въ одинъ день, когда она ревизовала свой огородъ и возвращалась съ нарванными своею рукою

¹ Сорная трава.

зелеными свѣжими огурцами для Аѳанасія Ивановича, слухъ ея былъ пораженъ самымъ жалкимъ мяуканьемъ. Она, какъ будто по инстинкту, произнесла: „кисъ, кисъ!“ и вдругъ изъ бурьяна вышла ея сѣренькая кошка, худая, тощая; замѣтно было, что она нѣсколько уже дней не брала въ ротъ никакой пищи. Пульхерія Ивановна продолжала звать ее, но кошка стояла передъ нею, мяукала и не смѣла подойти близко; видно было, что она очень одичала съ того времени. Пульхерія Ивановна пошла впередъ, продолжая звать кошку, которая боязливо шла за нею до самого забора. Наконецъ, увидѣвши прежнія, знакомыя мѣста, вошла и въ комнату. Пульхерія Ивановна тотчасъ приказала подать ей молока и мяса, и, сидя передъ нею, наслаждалась жадностію бѣдной своей фаворитки, съ какою она глотала кусокъ за кускомъ и хлебала молоко. Сѣренькая бѣглянка, почти въ глазахъ ея, растолстѣла и ѣла уже не такъ жадно. Пульхерія Ивановна протянула руку, чтобы погладить ее, но неблагодарная, видно, уже слишкомъ свыклась съ хищными кошками, или набралась романическихъ правилъ, что бѣдность при любви лучше палать, а коты были голы, какъ соколы; какъ бы то ни было, она выпрыгнула въ окошко, и никто изъ дворовыхъ не могъ поймать ея.

Задумалась старушка. — Это смерть моя приходила за мною! — сказала она сама себѣ, и ничто не могло ее разсѣять. Весь день она была скучна. Напрасно Аѳанасій Ивановичъ шутилъ и хотѣлъ узнать, отчего она такъ вдругъ загрустила: Пульхерія Ивановна была безотвѣтна или отвѣчала совершенно не такъ, чтобы можно было удовлетворить Аѳанасія Ивановича. На другой день она замѣтно похудѣла.

— Что это съ вами, Пульхерія Ивановна? Ужъ не больны ли вы?

— Нѣтъ, я не больна, Аѳанасій Ивановичъ! Я хочу вамъ объявить одно особенное происшествіе: я знаю, что я этимъ лѣтомъ умру: смерть моя уже приходила за мною!

Уста Аѳанасія Ивановича какъ то болѣзненно искривились. Онъ хотѣлъ, однакожь, побѣдить въ душѣ своей грустное чувство и, улыбнувшись, сказалъ:

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна! Вы, вѣрно, вмѣсто декохта ¹, что часто пьете, выпили персиковой.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я не пила персиковой, — сказала Пульхерія Ивановна.

И Аѳанасію Ивановичу сдѣлалось жалко, что онъ такъ пошутилъ надъ Пульхеріей Ивановной, и онъ смотрѣлъ на нее, и слеза повисла на его рѣсницѣ.

— Я прошу васъ, Аѳанасій Ивановичъ, чтобы вы исполнили мою волю, — сказала Пульхерія Ивановна. — Когда я умру, то похороните меня возлѣ церковной ограды. Платье надѣньте на меня сѣренькое, то, что съ небольшими цвѣточками по коричневому полю. Атласнаго платья, что съ малиновыми полосками, не надѣвайте на меня: мертвой уже не нужно платье — на что оно ей? А вамъ оно пригодится: изъ него сошьете себѣ парадный халатъ на случай, когда пріѣдутъ гости, то чтобы можно было вамъ прилично показаться и принять ихъ.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, Пульхерія Ивановна!—говорилъ Аѳанасій Ивановичъ, — когда то еще будетъ смерть, а вы уже страшаете такими словами.

— Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ, я уже знаю, когда моя смерть. Вы, однакожь, не горюйте за мною: я уже старуха и довольно пожила, да

¹ Лѣкарственный настой.

и вы уже стары; мы скоро увидимся на томъ свѣтѣ.

Но Аѳанасій Ивановичъ рыдалъ, какъ ребенокъ.

— Грѣхъ плакать, Аѳанасій Ивановичъ! Не грѣшите и Бога не гнѣвите своею печалью. Я не жалѣю о томъ, что умираю; объ одномъ только жалѣю я (тяжелый вздохъ прервалъ на минуту рѣчь ея): я жалѣю о томъ, что не знаю, на кого оставить васъ, кто присмотритъ за вами, когда я умру. Вы — какъ дитя маленькое: нужно, чтобы любилъ васъ тотъ, кто будетъ ухаживать за вами.

При этомъ на лицѣ ея выразилась такая глубокая, такая сокрушительная сердечная жалость, что я не знаю, могъ ли бы кто-нибудь въ то время глядѣть на нее равнодушно.

— Смотри мнѣ, Явдоха, — говорила она, обращаясь къ ключницѣ, которую нарочно велѣла позвать, — когда я умру, чтобы ты глядѣла за паномъ, чтобы берегла его, какъ глаза своего, какъ свое родное дитя. Гляди, чтобы на кухнѣ готовилось то, что онъ любитъ; чтобы бѣлье и платье ты ему подавала всегда чистое; чтобы, когда гости случатся, ты принарядила его прилично; а то, пожалуй, онъ иногда выйдетъ въ старомъ халатѣ, потому что и теперь часто позабываетъ онъ, когда праздничный день, а когда будничный. Не своди съ него глазъ, Явдоха; я буду молиться за тебя на томъ свѣтѣ, и Богъ наградитъ тебя. Не забывай же, Явдоха: ты уже стара, тебѣ недолго жить — не набирай грѣха на душу. Когда же не будешь за нимъ присматривать, то не будетъ тебѣ счастья на свѣтѣ. Я сама буду просить Бога, чтобы не давалъ тебѣ благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дѣти твои будутъ несчастны, и весь родъ вашъ не будетъ имѣть ни въ чемъ благословенія Божія.

Бѣдная старушка! она въ то время не думала

ни о той великой минутѣ, которая ее ожидаетъ, ни о душѣ своей, ни о будущей своей жизни: она думала только о бѣдномъ своемъ спутникѣ, съ которымъ провела жизнь и котораго оставляла сирымъ и безпріютнымъ. Она съ необыкновенною расторопностію распорядила все такимъ образомъ, чтобы послѣ нея Аѳанасій Ивановичъ не замѣтилъ ея отсутствія. Увѣренность ея въ близкой своей кончинѣ такъ была сильна, и состояніе души ея такъ было къ этому настроено, что дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней она слегла въ постель и не могла уже принимать никакой пищи. Аѳанасій Ивановичъ весь превратился во внимательность и не отходилъ отъ ея постели. — Можетъ быть, вы чего-нибудь бы покушали, Пульхерія Ивановна? — говорилъ онъ, съ безпокойствомъ смотря въ глаза ей. Но Пульхерія Ивановна ничего не говорила. Наконецъ, послѣ долгаго молчанія, какъ будто хотѣла она что то сказать, пошевелила губами — и дыханіе ея улетѣло.

Аѳанасій Ивановичъ былъ совершенно пораженъ. Это такъ казалось ему дико, что онъ даже не заплакалъ; мутными глазами глядѣлъ онъ на нее, какъ бы не понимая значенія трупя.

Покойницу положили на столъ, одѣли въ то самое платье, которое она сама назначила, сложили ей руки крестомъ, дали въ руки восковую свѣчу — онъ на все это глядѣлъ безчувственно. Множество народа всякаго званія наполнило дворъ; множество гостей пріѣхало на похороны; длинные столы разставлены были по двору; кутья, наливки, пироги покрывали ихъ кучами. Гости говорили, плакали, глядѣли на покойницу, разсуждали о ея качествахъ, смотрѣли на него; но онъ самъ на все это глядѣлъ странно. Покойницу понесли, наконецъ, народъ повалилъ слѣдомъ, и онъ пошелъ за нею. Священники были въ полномъ облаченіи, солнце свѣтило, грудные младенцы плакали на ру-

кахъ матерей, жаворонки пѣли, дѣти въ рубашонкахъ бѣжали и рѣзвились по дорогѣ. Наконецъ, гробъ поставили надъ ямой; ему велѣли подойти и поцѣловать въ послѣдній разъ покойницу. Онъ подошелъ, поцѣловалъ; на глазахъ его показались слезы, но какія то безчувственные слезы. Гробъ опустили, священникъ взялъ заступъ и первый бросилъ горсть земли; густой протяжный хоръ дьячка и двухъ пономарей пропѣлъ вѣчную память подъ чистымъ, безоблачнымъ небомъ; работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму. Въ это время онъ пробрался впередъ; всѣ разступились, дали ему мѣсто, желая знать его намѣреніе. Онъ поднялъ глаза свои, посмотрѣлъ смутно и сказалъ: — Такъ вотъ это вы уже и погребли ее! зачѣмъ?!... — Онъ остановился и не окончилъ своей рѣчи.

Но когда возвратился онъ домой, когда увидѣлъ, что пусто въ его комнатѣ, что даже стулъ, на которомъ сидѣла Пульхерія Ивановна, былъ вынесенъ, — онъ рыдалъ, рыдалъ сильно, рыдалъ неутѣшно, и слезы, какъ рѣка, лились изъ его тусклыхъ очей.

Пять лѣтъ прошло съ того времени. Какого горя не уноситъ время? Какая страсть уцѣлѣетъ въ неровной битвѣ съ нимъ? Я зналъ одного человека въ цвѣтѣ юныхъ еще силъ, исполненнаго истиннаго благородства и достоинствъ; я зналъ его влюбленнымъ нѣжно, страстно, бѣшено, дерзко, скромно, и, при мнѣ, при моихъ глазахъ почти, предметъ его страсти — нѣжная, прекрасная, какъ ангелъ, была поражена ненасытною смертію. Я никогда не видалъ такихъ ужасныхъ порывовъ душевнаго страданія, такой бѣшеной, палящей тоски, такого пожирающаго отчаянія, какія волновали несчастнаго любовника. Я никогда не думалъ, чтобы могъ человекъ создать для себя такой адъ, въ которомъ ни тѣни, ни образа и ничего, что бы

сколько-нибудь походило на надежду... Его старались не выпускать изъ глазъ; отъ него спрятали всѣ орудія, которыми бы онъ могъ умертвить себя. Двѣ недѣли спустя, онъ вдругъ побѣдилъ себя: началъ смѣяться, шутить; ему дали свободу, и первое, на что онъ употребилъ ее, это было — купить пистолетъ. Въ одинъ день внезапно раздавшійся выстрѣлъ перепугалъ ужасно его родныхъ; они вбѣжали въ комнату и увидѣли его распростертаго, съ раздробленнымъ черепомъ. Врачъ, случившійся тогда, объ искусствѣ котораго гремѣла всеобщая молва, увидѣлъ въ немъ признаки существованія, нашелъ рану не совсѣмъ смертельною, и онъ, къ изумленію всѣхъ, былъ вылѣченъ. Присмотръ за нимъ увеличили еще болѣе. Даже за столомъ не клали возлѣ него ножа и старались удалить все, чѣмъ бы могъ онъ себя ударить; но онъ въ скоромъ времени нашелъ новый случай и бросился подъ колеса проѣзжавшаго экипажа. Ему раздробило руку и ногу; но онъ опять былъ вылѣченъ. Годъ послѣ этого я видѣлъ его въ одномъ многолюдномъ залѣ: онъ сидѣлъ за столомъ, весело говорилъ: „пти-у-верть“, закрывши одну карту, и за нимъ стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его, перебирая его марки.

По истеченіи сказанныхъ пяти лѣтъ послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, я, будучи въ тѣхъ мѣстахъ, заѣхалъ въ хуторокъ Аѳанасія Ивановича навѣстить моего стариннаго сосѣда, у котораго когда то пріятно проводилъ день и всегда объѣдался лучшими издѣліями радушной хозяйки. Когда я подѣхалъ ко двору, домъ мнѣ показался вдвое старѣе; крестьянскія избы совсѣмъ легли на-бокъ, безъ сомнѣнія, такъ же, какъ и владѣльцы ихъ; частоколъ и плетень во дворѣ были совсѣмъ разрушены, и я видѣлъ самъ, какъ кухарка выдергивала изъ него палки для затопки печи, тогда какъ

ей нужно было сдѣлать только два шага лишнихъ, чтобы достать тутъ же наваленнаго хворосту. Я съ грустью подъѣхалъ къ крыльцу; тѣ же самыя барбосы и бровки, уже слѣпыя, или съ перебитыми ногами, залаяли, поднявши вверхъ свои волнистыя, обвѣшанныя репейниками, хвосты. Навстрѣчу вышелъ старикъ. Такъ, это онъ! я тотчасъ узналъ его; но онъ согнулся уже вдвое противъ прежняго. Онъ узналъ меня и привѣтствовалъ съ тою же знакомою мнѣ улыбкою. Я вошелъ за нимъ въ комнаты. Казалось, все было въ нихъ по-прежнему; но я замѣтилъ во всемъ какой то странный беспорядокъ, какое то ошутительное отсутствіе чего то; словомъ, я ощутилъ въ себѣ тѣ странныя чувства, которыя овладѣваютъ нами, когда мы вступаемъ въ первый разъ въ жилище вдовца, котораго прежде знали нераздѣльнымъ съ подругою, сопровождавшею его всю жизнь. Чувства эти бываютъ похожи на то, когда видимъ передъ собою безъ ноги человѣка, котораго всегда знали здоровымъ. Во всемъ видно было отсутствіе заботливой Пульхеріи Ивановны: за столомъ подали одинъ ножъ безъ черенка; блюда уже не были приготовлены съ такимъ искусствомъ. О хозяйствѣ я не хотѣлъ и спросить, боялся даже и взглянуть на хозяйственныя заведенія.

Когда мы сѣли за столъ, дѣвка завязала Аѳанасія Ивановича салфеткою, и очень хорошо сдѣлала, потому что безъ того онъ бы весь халать свой запачкалъ соусомъ. Я старался его чѣмъ-нибудь занять и рассказывалъ ему разныя новости; онъ слушалъ съ тою же улыбкою, но по временамъ взглядъ его былъ совершенно безчувственъ, и мысли въ немъ не бродили, но исчезали. Часто поднималъ онъ ложку съ кашею и, вмѣсто того, чтобы подносить ко рту, подносилъ къ носу; вилку свою, вмѣсто того, чтобы воткнуть въ кусокъ цыпленка, онъ тыкалъ въ графинъ, и тогда дѣвка,

взявши его за руку, наводила на цыпленка. Мы иногда ожидали по нѣскольку минутъ слѣдующаго блюда. Аѳанасій Ивановичъ уже самъ замѣчалъ это и говорилъ: — Что это такъ долго не несутъ кушанья? — Но я видѣлъ сквозь щель въ дверяхъ, что мальчикъ, разносившій намъ блюда, вовсе не думалъ о томъ и спалъ, свѣсивши голову на скамью.

— Вотъ это то кушанье, — сказалъ Аѳанасій Ивановичъ, когда подали намъ мнишки¹ со сметаною, — это то кушанье, — продолжалъ онъ, и я замѣтилъ, что голосъ его началъ дрожать, и слеза готовилась выглянуть изъ его свинцовыхъ глазъ, но онъ собиралъ всѣ усилія, желая удержать ее: — это то кушанье, которое по... по... покой... покойни... — и вдругъ брызнулъ слезами; рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетѣла и разбилась; соусъ залилъ его всего. Онъ сидѣлъ безчувственно, безчувственно держалъ ложку, и слезы, какъ ручей, какъ немолчно текущій фонтанъ, лились, лились ливнемъ на застилавшую его салфетку.

— Боже! — думалъ я, глядя на него, — пять лѣтъ всеистребляющаго времени — старикъ уже безчувственный, старикъ, котораго жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущеніе души, котораго вся жизнь, казалось, состояла только изъ сидѣнія на высокомъ стулѣ, изъ яденія сушеныхъ рыбокъ и грушъ, изъ добродушныхъ разсказовъ, — и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнѣе надъ нами: страсть или привычка? Или всѣ сильные порывы, весь вихорь нашихъ желаній и кипящихъ страстей есть только слѣдствіе нашего яркаго возраста, и только по тому одному кажутся глубоки и сокрушительны? — Что бы ни было, но въ это время мы казались дѣтски-

¹ Родъ варениковъ или сырниковъ.

ми всѣ наши страсти противъ этой долгой, медленной, почти безчувственной привычки. Нѣсколько разъ силился онъ выговорить имя покойницы, но на половинѣ слова спокойное и обыкновенное лицо его судорожно исковеркивалось, и плачь дитяти поражалъ меня въ самое сердце. Нѣтъ, это не тѣ слезы, на которыя обыкновенно такъ щедры старички, представляющіе вамъ жалкое свое положеніе и несчастія; это были также не тѣ слезы, которыя они роняютъ за стаканомъ пунша: нѣтъ! это были слезы, которыя текли, не спрашиваясь, сами собою, накопляясь отъ ѣдкости боли уже охладѣвшаго сердца.

Онъ недолго послѣ того жилъ. Я недавно услышалъ объ его смерти. Странно, однакоже, то, что обстоятельства кончины его имѣли какое то сходство съ кончиною Пульхеріи Ивановны. Въ одинъ день Аѳанасій Ивановичъ рѣшился немного пройти по саду. Когда онъ медленно шелъ по дорожкѣ, съ обыкновенною своею безпечностію, вовсе не имѣя никакой мысли, съ нимъ случилось странное происшествіе. Онъ вдругъ услышалъ, что позади его произнесъ кто то довольно явственнымъ голосомъ: „Аѳанасій Ивановичъ!“ Онъ оборотился, но никого совершенно не было; посмотрѣлъ во всѣ стороны, заглянулъ въ кусты — нигдѣ никого. День былъ тихъ, и солнце сіяло. Онъ на минутку задумался; лицо его какъ то оживилось, и онъ, наконецъ, произнесъ: — Это Пульхерія Ивановна зоветъ меня! — Вамъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь случалось слышать голосъ, называющій васъ по имени, который простолюдины объясняютъ тѣмъ, что душа стосковалась за человѣкомъ и призываетъ его, и послѣ котораго слѣдуетъ неминуемо смерть. Признаюсь, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, что въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто то явственно произносилъ мое имя. День обыкновенно

въ это время былъ самый ясный и солнечный; ни одинъ листъ въ саду на деревѣ не шевелился; тишина была мертвая; даже кузничекъ въ это время переставалъ кричать; ни души въ саду. Но, признаюсь, еслибы ночь самая бѣшеная и бурная, со всѣмъ адомъ стихій, настигла меня одного среди непроходимаго лѣса, я бы не такъ испугался ея, какъ этой ужасной тишины среди безоблачнаго дня. Я обыкновенно тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду, и тогда только успокоивался, когда попадался мнѣ навстрѣчу какой-нибудь человѣкъ, видъ котораго изгонялъ эту страшную сердечную пустыню.

Онъ весь покорился своему душевному убѣжденію, что Пульхерія Ивановна зоветъ его: онъ покорился съ волею послушнаго ребенка, сохнулъ, кашлялъ, таялъ, какъ свѣчка, и, наконецъ, угасъ такъ, какъ она, когда уже ничего не осталось, что бы могло поддержать бѣдное ея пламя. — Положите меня возлѣ Пульхеріи Ивановны — вотъ все, что произнесъ онъ передъ своею кончиною.

Желаніе его исполнили и похоронили возлѣ церкви, близъ могилы Пульхеріи Ивановны. Гостей было меньше на похоронахъ, но простого народа и нищихъ было такое же множество. Домикъ барскій уже сдѣлался вовсе пустъ. Предпріимчивый приказчикъ вмѣстѣ съ войтомъ перетасили въ свои избы всѣ остававшіяся старинныя вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро пріѣхалъ, неизвѣстно откуда, какой то дальній родственникъ, наслѣдникъ имѣнія, служившій прежде поручикомъ, не помню, въ какомъ полку, страшный реформаторъ. Онъ увидѣлъ тотчасъ величайшее разстройство и упущеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ; все это рѣшился онъ непременно искоренить, исправить и ввести во всемъ порядокъ. Накупилъ шесть прекрасныхъ англійскихъ серповъ, приколотилъ къ каждой избѣ особенный

номеръ, и, наконецъ, такъ хорошо распорядился, что имѣніе черезъ шесть мѣсяцевъ взято было въ опеку. Мудрая опека (изъ одного бывшаго засѣдателя и какого то штабсъ-капитана въ полиняломъ мундирѣ) перевела въ непродолжительное время всѣхъ куръ и всѣ яйца. Избы, почти всѣмъ лежавшія на землѣ, развалились вовсе; мужики распьянствовались и стали большею частію числиться въ бѣгахъ. Самъ же настоящій владѣтель, который, впрочемъ, жилъ довольно мирно съ своею опекою и пилъ вмѣстѣ съ нею пуншъ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ свою деревню и проживалъ не долго. Онъ до сихъ поръ ѣздитъ по всѣмъ ярмаркамъ въ Малороссіи, тщательно освѣдомляется о цѣнахъ на разныя большія произведенія, продающіяся оптомъ, какъ то: муку, пеньку, медъ и прочее; но покупаетъ только небольшія бездѣлушки, какъ то: кремешки, гвоздь прочищать трубку и вообще все то, что не превышаетъ всѣмъ оптомъ своимъ цѣны одного рубля.

Тарасъ Бульба.

(Позднѣйшая редакція.)

I.

— А поворотись-ка, сынъ! Экой ты смѣшной какой! Что это на васъ за поповскіе подрясники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кievской бурсѣ и пріѣхавшихъ домой къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень смущены такимъ приемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Стойте, стойте! Дайте мнѣ разглядѣть васъ хорошенько, — продолжалъ онъ, поворачивая ихъ, — какія же длинныя на васъ свитки!¹ Экія свитки! Такихъ свитокъ еще и на свѣтѣ не было. А побѣги который-нибудь изъ васъ! я посмотрю, не шлепнется ли онъ на землю, запутавшись въ полы.

¹ Верхняя одежда у южныхъ россіянъ.

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

— Смотри ты, какой пышный! А отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ; хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!

— Ахъ, ты сякой-такой сынъ! какъ! батька? — сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же хочешь ты со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говоритъ Бульба, засучивъ рукавъ, — посмотрю я, что за человѣкъ ты въ кулакѣ!

И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали насаживать другъ другу тумачи и въ бока, и въ поясицу, и въ грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурѣлъ старый! совсѣмъ спятилъ съ ума! — говорила блѣдная, худощавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. — Дѣти пріѣхали домой, больше году ихъ не видали, а онъ задумалъ нивѣсть что: на кулаки биться!

— Да онъ славно бьется! -- говорилъ Бульба, остановившись. — Ей Богу, хорошо! — продолжалъ онъ, немного оправляясь, — такъ, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся¹! — И отецъ съ сыномъ стали цѣловаться. — Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ: никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство:

¹ Поцѣлуемся.

что это за веревка висить? А ты, Бейбасъ¹, что стоишь и руки опустил? — говорилъ онъ, обращаясь къ младшему, — что жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?

— Вотъ еще что выдумалъ! — говорила мать, обнимавшая, между тѣмъ, младшаго. — И придетъ же въ голову этакое, чтобы дитя родное било отца! Да будто и до того теперь: дитя молодое, проѣхало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно опочить² и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ его биться!

— Э, да ты мазунчикъ³, какъ я вижу! — говорилъ Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь: вотъ ваша нѣжба! А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша мать! Это все дрянъ, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки, буквари и философія, и все это: ка зна що⁴ — я плевать на все это! — Здѣсь Бульба пригналъ въ строку такое слово, которое даже не употребляется въ печати. — А вотъ, лучше, я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ гдѣ наука, такъ наука! Тамъ вамъ школа: тамъ только наберетесь разуму.

— И всего только одну недѣлю быть имъ дома? — говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать, — и погулять имъ, бѣднымъ, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!

— Полно, полно выть, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ты бы спрятала ихъ обоихъ себѣ подъ юбку, да и сидѣла бы на

¹ Балбесъ.

² Отдохнуть.

³ Матушкинъ сынокъ.

⁴ Богъ знаетъ что.

дихъ, какъ на куриныхъ яйцахъ. Ступай, ступай, на ставъ намъ скорѣе на столъ все, что есть. Не нужно пампушекъ¹, медовиковъ, маковниковъ и другихъ пундиковъ²; тащи намъ всего барана, козу давай, меды сорокалѣтніе! Да горѣлки побольше, не съ выдумками горѣлки, не съ изюмомъ и всякими вытребеньками³, а чистой, пѣнной горѣлки, чтобы играла и шипѣла, какъ бѣшеная.

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, откуда проворно выбѣжали двѣ красивыя дѣвки-прислужницы, въ червонныхъ монистахъ⁴, прибиравшія комнаты. Онѣ, какъ видно, испугались приѣзда паничей, не любившихъ спускать никому, или же, просто, хотѣли соблюсти свой женскій обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидѣвши мужчину, и потомъ долго закрываться отъ сильнаго стыда рукавомъ. Свѣтлица была убрана во вкусъ того времени, о которомъ живые намеки остались только въ пѣсняхъ, да въ народныхъ думахъ, уже не поющихъ болѣе на Украинѣ бородатыми старцами-слѣпцами, въ сопровожденіи тихаго треньканья бандуры, въ виду обступившаго народа, — во вкусъ того браннаго, труднаго времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украинѣ за унію. Все было чисто, вымазано цвѣтной глиною. На стѣнахъ — сабли, нагайки, сѣтки для птицъ, невода и ружья, хитро обдѣланный рогъ для пороху, золотая уздечка на коня и путы съ серебряными бляхами. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми тусклыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ церквахъ, сквозь которыя иначе нельзя было глядѣть, какъ приподнявъ подвижное стекло. Вокругъ оконъ и дверей были красные отводы. На

¹ Вареное кушанье изъ тѣста.

² Кухонныхъ ухищреній, „разносоловъ“.

³ Выдумками.

⁴ Красныя ожерелья.

полкахъ по угламъ стояли кувшины, бутылки и флажки зеленого и синяго стекла, рѣзные серебряные кубки, позолоченныя чарки всякой работы: веницейской, турецкой, черкесской, зашедшія въ свѣтлицу Бульбы всякими путями черезъ третьи и четвертыя руки, что было весьма обыкновенно въ тѣ удалыя времена. Берестовыя скамьи вокругъ всей комнаты; огромный столъ подъ образами въ парадномъ углу; широкая печь съ запечьями, уступами и выступами, покрытая цвѣтными, пестрыми изразцами, — все это было очень знакомо нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней и потому, что не въ обычаѣ было позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинныя чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій казакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

Бульба, по случаю пріѣзда сыновей, велѣлъ созвать всѣхъ сотниковъ и весь полковой чинъ, кто только былъ налицо; и когда пришли двое изъ нихъ и есаулъ Дмитро Товкачъ, старый его товарищъ, онъ имъ тотъ же часъ представилъ сыновей, говоря:

— Вотъ смотрите, какіе молодцы! На Сѣчъ ихъ скоро пошлю.

Гости поздравили и Бульбу, и обоихъ юношей, и сказали имъ, что доброе дѣло дѣлаютъ, и что нѣтъ лучшей науки для молодого человѣка, какъ Запорожская Сѣчъ.

— Ну жъ, паны братья, садись всякій, гдѣ кому лучше, за столъ. Ну, сынки! прежде всего выпьемъ горѣлки! — такъ говорилъ Бульба. — Боже благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобы бусурмановъ били,

и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били. Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горѣлка? А какъ по-латыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ, бишь, того звали, что латинскіе вирши писалъ? Я грамотѣ разумѣю не сильно, а потому и не знаю: Горацій, что ли?

— Вишь, какой батько! — подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ, — все старый, собака, знаетъ, а еще и прикидывается.

— Я думаю, архимандритъ не давалъ вамъ и понюхать горѣлки, — продолжалъ Тарасъ. — А признайтесь, сынки, крѣпко стегали васъ березовыми и свѣжимъ вишнякомъ по спинѣ и по всему, что ни есть у казака? А можетъ, такъ какъ вы сдѣлались уже слишкомъ разумные, такъ, можетъ, и плетюганами пороли? Чай, не только по субботамъ¹, а доставалось и въ среду, и въ четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвѣчалъ хладнокровно Остапъ, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробуетъ! — сказалъ Андрій, — пускай теперь кто-нибудь только зацѣпить. Вотъ пусть только подвернется теперь какая-нибудь татарва, будетъ знать она, что за вещь казацкая сабля!

— Добре, сынку! ей Богу, добре! Да когда на то пошло, то и я съ вами ѣду! Ей Богу, ѣду. Какого дьявола мнѣ здѣсь ждать? Чтобъ я сталъ гречкосѣемъ, домоводомъ, глядѣть за овцами, да за свиньями, да бабиться съ женой? Да пропади она: я казакъ, не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье — погулять. Ей Богу, поѣду! — И старый Бульба ма-

¹ Традиціонный день сѣченія въ старой школѣ.

ло-по-малу горячился, горячился, наконецъ, разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и, пріосанившись, топнулъ ногою. — Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? Къ чему намъ все это? На что эти горшки? — Сказавши это, онъ началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услыша о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно-сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли возникнуть только въ тяжелый XV¹ вѣкъ на полукочующемъ углу Европы, когда вся южная первобытная Россія, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набѣгами монгольскихъ хищниковъ; когда, лишившись дома и кровли, сталъ здѣсь отваженъ человѣкъ; когда на пожарищахъ, въ виду грозныхъ сосѣдей и вѣчной опасности, селился онъ и привыкалъ глядѣть имъ прямо въ очи, разучившись знать, существуетъ ли какая боязнь на свѣтѣ; когда браннымъ пламенемъ объялся древле-мирный славянскій духъ и завелось казачество — широкая разгульная замашка русской природы, и когда всѣ порѣчья, перевозы, прибрежныя пологія и удобныя мѣста усѣялись казаками, которымъ и счету никто не

¹ Дальше Гоголь приводитъ рядъ фактовъ, относящихся къ началу XVII в., XV в. — случайная описка или не совсѣмъ точное опредѣленіе зарожденія казачества. Тѣ же анахронизмы и въ первонач. редакціи.

вѣдалъ, и смѣлые товарищи ихъ были въ правѣ отвѣчать султану, пожелавшему знать о числѣ ихъ: „Кто ихъ знаетъ! у насъ ихъ раскидано по всему степу: что байракъ, то казакъ“ (гдѣ маленькій пригорокъ, тамъ ужъ и казакъ). Это было точно необыкновенное явленіе русской силы: его вышибло изъ народной груди огниво бѣды. Въмѣсто прежнихъ удѣловъ, мелкихъ городковъ, наполненныхъ псарями и ловчими, вмѣсто враждующихъ и торгующихъ городами мелкихъ князей, возникли грозныя селенія, курени¹ и околицы², связанные общою опасностью и ненавистью противъ нехристіанскихъ хищниковъ. Уже извѣстно всѣмъ изъ исторіи, какъ ихъ вѣчная борьба и безпокойная жизнь спасли Европу отъ неукротимыхъ набѣговъ, грозившихъ ее опрокинуть. Короли польскіе, очутившіеся, на мѣсто удѣльныхъ князей, властителями этихъ пространныхъ земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значеніе казаковъ и выгоды таковой бранной, сторожевой жизни. Они поощряли ихъ и льстили этому расположенію. Подъ ихъ отдаленною властью гетьманы, избранные изъ среды самихъ же казаковъ, преобразовали околицы и курени въ полки и правильные округа. Это не было строевое собранное войско; его бы никто не увидалъ; но въ случаѣ войны и общаго движенія, въ восемь дней, не больше, всякій являлся на конѣ, во всемъ своемъ вооруженіи, получа одинъ только червонецъ платы отъ короля, и въ двѣ недѣли набиралось такое войско, какого бы не въ силахъ были набрать никакіе рекрутскіе наборы. Кончился походъ, — воинъ уходилъ въ луга и пашни, на днѣпровскіе перевозы, ловилъ рыбу, торговалъ, варилъ пиво, и былъ вольный казакъ. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновеннымъ способностямъ его.

¹ и ² Отдѣленія запорожскаго войска.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ казакъ: накурить вина, снарядить телѣгу, намотать пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій, — все это было ему по плечу. Кромѣ рейстровыхъ¹ казаковъ, считавшихъ обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, въ случаѣ большой потребности, набрать цѣлыя толпы охочекомонныхъ²: стоило только есауламъ пройти по рынкамъ и площадямъ всѣхъ селъ и мѣстечекъ и прокричать во весь голосъ, ставши на телѣгу:

— Эй, вы, пивники, броварники³! полно вамъ пиво варить, да валяться по запечьямъ, да кормить своимъ жирнымъ тѣломъ мухъ! Ступайте славы рыцарской и чести добиваться! Вы, плугари, гречкосѣи, овцепасы, баболюбы! полно вамъ за плугомъ ходить, да пачкать въ землѣ свои желтые чоботы, да подбираться къ жинкамъ и губить силу рыцарскую! пора доставать казацкой славы! — И слова эти были — какъ искры, падавшія на сухое дерево. Пахарь ломалъ свой плугъ, бровари и пивовары кидали свои кади и разбивали бочки, ремесленникъ и торгашъ посылалъ къ чорту и ремесло, и лавку, билъ горшки въ домѣ, — и все, что ни было, садилось на коня. Словомъ, русскій характеръ получилъ здѣсь могучій, широкій размахъ, крѣпкую наружность.

Тарасъ былъ одинъ изъ числа коренныхъ, старыхъ полковниковъ: весь былъ онъ созданъ для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава. Тогда вліяніе Польши начинало уже оказываться на русскомъ дворянствѣ. Многіе перенимали уже польскіе обычаи, заводили роскошь,

¹ Регулярное войско, занесенное въ списки (реестръ).

² Добровольцы (кавалерія).

³ Винокуры.

великолѣпныя прислуги, соколовъ, ловчихъ, обѣды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Онъ любилъ простую жизнь казаковъ и перессорился съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые были наклонны къ варшавской сторонѣ, называя ихъ холопьями польскихъ пановъ. Вѣчно неугомонный, онъ считалъ себя законнымъ защитникомъ православія. Самоуправно входилъ въ села, гдѣ только жаловались на притѣсненія арендаторовъ и на прибавку новыхъ пошлинъ съ дыма¹. Самъ съ своими казаками производилъ надъ ними расправу и положилъ себѣ правиломъ, что въ трехъ случаяхъ всегда слѣдуетъ взяться за саблю, именно: когда комиссары не уважили въ чемъ старшинъ и стояли предъ ними въ шапкахъ; когда глумились надъ православіемъ и не чтили обычая предковъ, и, наконецъ, когда враги были бусурманы и турки, противъ которыхъ онъ считалъ во всякомъ случаѣ позволительнымъ поднять оружіе во славу христіанства.

Теперь онъ тѣшилъ себя заранѣе мыслью, какъ онъ явится съ двумя сыновьями своими на Сѣчь и скажетъ: — Вотъ посмотрите, какихъ я молодцовъ привелъ къ вамъ! — какъ представить ихъ всѣмъ старымъ, закаленнымъ въ битвахъ, товарищамъ; какъ поглядить на первые подвиги ихъ въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое почиталъ тоже однимъ изъ главныхъ достоинствъ рыцаря. Онъ сначала хотѣлъ было отправить ихъ однихъ; но, при видѣ ихъ свѣжести, рослости, могучей тѣлесной красоты, вспыхнулъ воинскій духъ его, и онъ на другой же день рѣшился ѣхать съ ними самъ, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Онъ уже хлопоталъ и отдавалъ приказы, выбиралъ коней и сбрую для молодыхъ сыновей, навѣдывался и въ конюшни, и въ амбары, ото-

¹ Съ каждой дымовой трубы.

бралъ слугъ, которые должны были завтра съ ними ѣхать. Есаулу Товкачу передалъ свою власть вмѣстѣ съ крѣпкимъ наказомъ явиться сей же часъ со всѣмъ полкомъ, если только онъ подастъ изъ Сѣчи какую-нибудь вѣсть. Хотя онъ былъ и навеселѣ, и въ головѣ его еще бродилъ хмель, однакожъ, не забылъ ничего; даже отдалъ приказъ напоить коней и всыпать имъ въ ясли крупной и лучшей пшеницы, и пришелъ, усталый отъ своихъ заботъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ.

Ночь еще только что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она расчесывала гребнемъ ихъ молодые, небрежно всклокоченные кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственной грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ— и только на одинъ мигъ видить ихъ передъ собой.— Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? — говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда то лицо ея. Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка.

Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуху. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости; она была какое то странное существо въ этомъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, — все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, съ слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, — берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ, можетъ быть, при первой битвѣ татаринъ срубить имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенные тѣла ихъ, которыя расклевуетъ хищная подорожная птица; а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: — Авось либо Бульба, проевувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ; можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту

не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и, мало-по-малу, лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низу. Она просидѣла до свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. — Ну, хлопцы, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ, какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ¹; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шап-

¹ Шнурокъ, которымъ стягиваются шаровары.

чами, съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! Она какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! — сказалъ Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую¹, чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то — пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ!

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. — Пусть хранитъ васъ... Божья Матерь... Не забываютъ, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ... — Далѣе она не могла говорить.

— Ну, пойдѣмъ, дѣти! — сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилинула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота, со всею легкостію

¹ Рыцарскую.

дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала она за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ сыновей съ какою то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно¹ и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ тоже нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ то въ разладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ: хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только видны были надъ землею двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазали, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо перелетавшую черезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ногъ. Вотъ уже одинъ только шесть надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. — Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда плачетъ казакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчи изъ своихъ прежнихъ сотоварищей. Онъ вычислялъ,

¹ Въ грусти, печальные.

какіе уже перемерли, якіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Но нужно сказать поболѣе о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кievскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимою дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже обыкновенно они нѣсколько шлифовались и получали что то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый еще годъ бѣжалъ. Его возвратили, высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, еслибы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ службахъ цѣлыя двадцать лѣтъ и не поклялся напередъ, что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарасъ Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ наряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни: эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Учившіеся имъ ни къ чему не могли привязать своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ.

Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, возбуждающіяся въ свѣжемъ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, все это, соединившись, раждало въ нихъ ту предприимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли проходившаго бурсака. Консулъ¹, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговли. Эти бурсаки составляли совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель², несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ строже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессора-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы³, по ихъ приказанію, пороли своихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ,

¹ Старшій бурсакъ, слѣдившій за товарищами.

² Южно-русскій политическій дѣятель начала XVII в.

³ Спутники, помощники консула.

сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они убѣгали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословію, никакъ не избавлялся неумолимыхъ розогъ. Естественнo, что все это должно было какъ то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ—обобратъ чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не выдавалъ своихъ товарищей; никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ то болѣе развитыя. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ изобрѣтательнѣе своего брата, чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но вмѣстѣ съ нею

душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за восемнадцать лѣтъ; женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его; онъ, слушая философскіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокою, нѣжную. Предъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне, и гдѣ дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію. Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, на него почти наѣхала колымага какого то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница съ пристрашными усами хлынулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадямъ, онѣ рванули, — и Андрій, къ счастію, успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывалъ отъ роду: черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ,

озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ. Онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая толпою, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодого бандуриста. Но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію, онъ пролѣзъ чрезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, которое раскидывалось вѣтвями на самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ онъ на крышу и черезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго чело-вѣка, что не могла произнести ни одного слова; но когда примѣтила, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости пошевелить рукою, когда узнала въ немъ того же самого, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка; но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ пошевелить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную

шемизетку ¹ съ фесто́нами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтренныя полячки и которая повергла бѣднаго бурсака въ большее еще смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи. Раздавшійся въ это время у дверей стукъ испугалъ ее. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и, какъ только безпокойство прошло, кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его. Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ встрѣтилъ ее еще разъ въ костелѣ: она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ; и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и вмѣсто прекрасной черноглазой полячки выглядывало изъ оконъ какое то толстое лицо. Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потушивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленныя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только черныя казачьи шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли? — сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости, — какъ будто какіе-нибудь чернецы! Ну, разомъ всѣ думки къ нечи-

¹ Накидку, пелеринку.

стому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да пришпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!

И казаки, пригнувшись къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ. нельзя было видѣть; одна только струя сжимаемой травы показывала слѣдъ ихъ быстрого бѣга.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ, теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше; вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули миллионы разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубыя, синія и лиловыя волошки; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ, откуда, колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальномъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ

и только мелькаетъ одною черною точкою; вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!...

Наши путешественники останавливались только на нѣсколько минутъ для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ изъ десяти казаковъ слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянные баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ъли только хлѣбъ съ саломъ или коржи¹, или только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, и продолжали путь до вечера. Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась: все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка выпускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрагивался до щекъ. Вся музыка, звучащая днемъ, утихала и смѣнялась другою. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ

¹ Сухая пшеничная лепешка.

кулишъ¹; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву: весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье, — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь устѣянною блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалась дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красныя платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ преключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья: все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: — Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ! — Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человѣкъ. — А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! и не пробуйте, — вовѣки не поймаете: у него конь быстрѣе моего Чорта. — Однакожь, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой

¹ Родъ жидкой каши.

рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть свой слѣдъ, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Черезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, бывшаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ захолодѣло: они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосой отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстилался ближе, ближе, и, наконецъ, обхватилъ половину всей поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались широко по землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и, чрезъ три часа плаванія, были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народу бранилась на берегу съ перевозчиками. Казаки оправили коней. Тарасъ приосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ. Молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы, съ какимъ то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ вѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При вѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ двадцати пяти кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мяти своими дюжими руками бычачьи кожи; крамари ¹ подъ ятками ² сидѣли съ кучами кремней,

¹ Торговцы.

² Палатки.

огнивами и порохомъ; армянинъ развѣсилъ дорогіе платки; татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ; жидъ, выставивъ впередъ свою голову, цѣдилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожець, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него. — Эхъ, какъ важно развернулся! Фу ты, какая пышная фигура! — говорилъ онъ, остановивши коня. Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожець, какъ левъ, растянулся на дорогѣ; закинутый гордо чубъ его захватывалъ на поларшина земли; шаровары алаго дорогого сукна были запачканы дегтемъ для показанія полного къ нимъ презрѣнія. Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе по тѣсной улицѣ, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ націй, наполнявшими это предмѣстіе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчь, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они миновали предмѣстіе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора, или тѣхъ низенькихъ домиковъ съ навѣсами на низенькихъ деревянныхъ столбикахъ, какіе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: — Здравствуйте, панове! — Здравствуйте и вы! — отвѣчали запорожцы. Вездѣ, по всему полю, живописными кучами пестрѣлъ народъ. По сму-

глымъ лицамъ видно было, что всѣ они были закалены въ битвахъ, испробовали всякихъ невзгодъ. Такъ вотъ она, Сѣчь! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украйну!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада ¹. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожець безъ рубашки; онъ держалъ ее въ рукахъ и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожець, заломивши шапку чортомъ и вскинувъ руками. Онъ кричалъ только:— Живѣе играйте, музыканты! Не жалѣй, Оома, горѣлки православнымъ христіанамъ!—И Оома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четверо старыхъ вырабатывали довольно мелко ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслися въ-присядку и били, круто и крѣпко, своими серебряными подковами плотно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ далече отдавались гопаки и трепаки ², выбиваемые звонкими подковами сапоговъ. Но одинъ всѣхъ живѣе вскрикивалъ и летѣлъ вслѣдъ за другими въ танцѣ. Чуприна ³ развѣвалась по вѣтру, вся открыта была сильная грудь; теплый зимній кожухъ былъ надѣтъ въ рукава, и потъ градомъ лилъ съ него, какъ изъ ведра. — Да сними хоть кожухъ! — сказалъ, наконецъ, Тарасъ:—видишь, какъ парить. — Не можно — кричалъ запорожець. — Отчего? — Не можно; у меня ужъ такой нравъ: что скину,

¹ Военный совѣтъ.

² Танцы.

³ Чубъ.

то пропью. — А шапки ужъ давно не было на молодцѣ, ни пояса на кафтанѣ, ни питаго платка: все пошло, куда слѣдуетъ. Толпа росла; къ танцующимъ приставали другіе, и нельзя было видѣть безъ внутренняго движенья, какъ все отди-рало танецъ самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо свѣтъ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, названъ казачкомъ.

— Эхъ, еслибы не конь! — вскрикнулъ Тарасъ: — пустился бы, право, пустился бы самъ въ танецъ!

А между тѣмъ въ народѣ стали попадаться и уваженные по заслугамъ всею Сѣчью сѣдые, старые чубы, бывавшіе не разъ старшинами. Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія. — А, это ты, Печерица! Здравствуй, Козолупъ! — Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? — Ты какъ сюда зашелъ, Долото? Здорово, Кирдяга! Здорово, Густый! Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень? — И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понесли вопросы: — А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсышокъ? — И слышалъ только въ отвѣтъ Тарасъ Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсышкова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ. Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: — Добрые были казаки!

III.

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчи. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила за-

труднять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя оттого были почти непрерывны. Казаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой-нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое то непрерывное пиршество, балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность, и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что то околдовывающее. Оно не было сборищемъ бражниковъ, напивавшихся съ горя; не было просто бѣшеное разгулье веселости. Всякій приходящій сюда позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и беззаботно предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, гулякъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разказы и болтовня, среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живого разказа, что нужно было имѣть всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранять неподвижное выраженіе лица, не моргнувъ даже усомъ, — рѣзкая черта, которою отличается донинѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный россиянинъ. Веселость была пьяна, шумна,

но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно-искажающимъ весельемъ забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, гдѣ играютъ въ мячъ, у нихъ были неохраемые, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собой кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержатъ въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь выронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, не вытерпѣвшіе академическихъ лозъ и не вынесшіе изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ ними здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было много тѣхъ офицеровъ, которые потомъ отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Много было и такихъ, которые пришли на Сѣчь съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать, что они были на Сѣчи, и уже закаленные рыцари. Но кого тутъ не было? Эта странная республика была именно потребностію

того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ¹ во всякое время могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстьѣ Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина.

Остапу и Андрію казалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчь бездна народу, и хоть бы кто-нибудь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ? Они приходили сюда, какъ будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, откуда только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: — Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь? — Вѣрую! — отвѣчалъ приходившій. — И въ Троицу Святую вѣруешь? — Вѣрую! — И въ церковь ходишь? — Хожу! — А ну, перекрестись! — Пришедшій крестился. — Ну, хорошо! — отвѣчалъ кошевой, — ступай же, въ который самъ знаешь курень. — Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣчь молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жида, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, ко-

¹ Золотыя монеты.

торые очень походили на отдѣльные независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя: все было на рукахъ у куренного атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе батька. У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата ¹, каша и даже топливо; ему отдавали деньги подѣ сохранѣ. Нерѣдко происходила ссора у куреней съ куренями; въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Курени покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не пересиливали, наконецъ, и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостью юношей въ это разгульное море и забыли вмигъ и отцовскій домъ, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предалися новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ иногда даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если казакъ проворовался, укралъ какую-нибудь бездѣлицу, это считалось уже поношеніемъ всему казачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его на смерть. Не платившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить, заплативши за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же при

¹ Толокно.

немъ вырыли яму, опустили туда живого убійцу и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни, и все представлялся этотъ заживо засыпанный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые казака стали на хорошемъ счету у казаковъ. Часто, вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями, выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ, или же выходили на озера, рѣки и протоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода, сѣти и тащить богатые тони на продовольствіе всего своего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется казакъ, но они стали уже замѣтны между другими молодыми прямою удалю и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ течения — дѣло, за которое новичокъ принимался торжественно въ казацкіе круги.

Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь — настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ, рыцарю. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо: — Что, кошевой, пора бы погулять запорожцамъ.

— Негдѣ погулять, — отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

— Какъ негдѣ? можно пойти на Турещину, или на Татарву.

— Не можно ни въ Турещину, ни въ Та-

тарву — отвѣчалъ кошевой¹, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ. Мы общали султану миръ.

— Да вѣдь онъ бусурмень: и Богъ, и святое писаніе велить бить бусурменовъ.

— Не имѣемъ права. Еслибъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ быть, и можно было бы; а теперь нѣтъ, не можно.

— Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь: не имѣемъ права; а ты говоришь: не нужно идти запорожцамъ!

— Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.

— Такъ, стало быть, слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ, какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіанству не было отъ него никакой пользы? Такъ на что же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ? растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые: растолкуй мнѣ, на что мы живемъ?

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ запросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ немного помолчалъ и потомъ сказалъ: — А войнѣ все-таки не бывать.

— Такъ не бывать войнѣ? — спросилъ опять Тарасъ.

— Нѣтъ.

— Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?

— И думать объ этомъ нечего.

— Постой же ты, чортовъ кулакъ! — сказалъ Бульба про себя: — ты у меня будешь знать! — и положилъ тутъ же отмстить кошевому.

¹ Выборный начальникъ Сѣчи.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмельные казаки, въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ, повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша¹, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, несмотря однакожъ на то, страшно заспаннѣвшимъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры? — закричалъ онъ.

— Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ! — отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули, — и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться черныя кучи запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго боя показались, наконецъ, старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернильницею и есаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

— Что значитъ это собранье? Чего хотите, панове? — сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

— Клади палицу! Клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! Не хотимъ тебя больше, — кричали изъ толпы казаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но ку

¹ Литавщикъ.

рени, и пьяные, и трезвые, пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говорить, но, зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его на смерть, что всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

— Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства? — сказали судья, писарь и есаулъ, и готовились тутъ же положить чернильницу, войсковую печать и жезлъ.

— Нѣтъ, вы оставайтесь! — закричали изъ толпы, — намъ нужно было только прогнать кошевого, потому что онъ — баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые.

— Кого же выберете теперь въ кошевые? — сказали старшины.

— Кукубенка выбрать! — кричала часть.

— Не хотимъ Кукубенка! — кричала другая. — Рано ему, еще молоко на губахъ не обсохло.

— Шило пусть будетъ атаманомъ! — кричали одни. — Шила посадить въ кошевые!

— Въ спину тебѣ шило! — кричала съ бранью толпа. — Что онъ за казакъ, когда проворовался, собачій сынъ, какъ татаринъ? Къ чорту въ мѣшокъ пьяницу Шила!

— Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!

— Не хотимъ Бородатаго! Къ нечистой матери Бородатаго!

— Кричите Кирдягу! — шепнулъ Тарась Бульба нѣкоторымъ,

— Кирдягу! Кирдягу! — кричала толпа. — Бородатаго, Бородатаго! Кирдягу! Кирдягу! Шила! Къ чорту съ Шиломъ! Кирдягу!

Все кандидаты, услышавши произнесенными свои имена, тотчасъ же вышли изъ толпы, чтобы не подать никакого повода думать, будто бы они помогали личнымъ участіемъ своимъ въ избраніи.

— Кирдягу! Кирдягу! — раздавалось сильнѣе прочихъ. — Бородатаго! — Дѣло принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовалъ.

— Ступайте за Кирдягою! — закричали. Человѣкъ десятокъ казаковъ отдѣлились тутъ же изъ толпы; нѣкоторые изъ нихъ едва держались на ногахъ, — до такой степени успѣли нагрузиться, и отправились прямо къ Кирдягѣ объявить ему объ его избраніи.

Кирдяга, хотя престарѣлый, но умный казакъ, давно уже сидѣлъ въ своемъ куренѣ и какъ будто бы не вѣдалъ ни о чемъ происходившемъ. — Что, панове? что вамъ нужно? — спросилъ онъ.

— Иди, тебя выбрали въ кошевые!..

— Помилосердствуйте, панове! — сказалъ Кирдяга, — гдѣ мнѣ быть достойну такой чести! Гдѣ мнѣ быть кошевымъ! Да у меня и разума не хватитъ къ отправленію такой должности. Будто уже никого лучшаго не нашлось въ цѣломъ войскѣ?

— Ступай же, говорятъ тебѣ! — кричали запорожцы. Двое изъ нихъ схватили его подъ руки, и какъ онъ ни упирался ногами, но былъ, наконецъ, притащенъ на площадь, сопровождаемый бранью, подталкиваньемъ сзади кулаками, пинками и увѣщаньями: — Не пяться же, чортовъ сынъ! Принимай же честь, собака, когда тебѣ даютъ ее! — Такимъ образомъ введенъ былъ Кирдяга въ казачій кругъ.

— Что, панове? — провозгласили во весь народъ приведшіе его, — согласны ли вы, чтобы сей казакъ былъ у насъ кошевымъ?

— Всѣ согласны! — закричала толпа, и отъ крику долго гремѣло все поле.

Одинъ изъ старшинъ взялъ палицу и поднесъ ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчасъ же отказался. Старшина поднесъ въ другой разъ: Кирдяга отказался и въ другой разъ, и потомъ уже за третьимъ разомъ взялъ палицу.

Одобрительный крикъ раздался по всей толпѣ, и вновь далеко загудѣло отъ казацкаго крика все поле. Тогда выступило изъ середины народа четверо самыхъ старыхъ, сѣдоусыхъ и сѣдочупрыныхъ казаковъ (слишкомъ старыхъ не было на Сѣчи, ибо никто изъ запорожцевъ не умиралъ своею смертию) и, взявши каждый въ руки земли, которая на ту пору отъ бывшего дождя растворилась въ грязь, положили ее ему на голову. Мокрая земля стекла съ его головы, потекла по усамъ и по щекамъ, и все лицо замазала ему грязью. Но Кирдяга стоялъ, не двигаясь съ мѣста, и благодарилъ казаковъ за оказанную честь.

Такимъ образомъ кончилось шумное избраніе, которому, не извѣстно, были ли такъ рады другіе, какъ радъ былъ Бульба: этимъ онъ отомстилъ прежнему кошевому; къ тому же и Кирдяга былъ старый его товарищъ и бывалъ съ нимъ въ однихъ и тѣхъ же сухопутныхъ и морскихъ походахъ, дѣля суровости и труды боевой жизни. Толпа разбрелась тутъ же праздновать избранье, и поднялась гульня, какой еще не видывали дотолѣ Остапъ и Андрій. Винные шинки были разбиты; медъ, горѣлка и ниво забирались просто, безъ денегъ; шинкари были уже рады и тому, что сами остались цѣлы. Вся ночь прошла въ крикахъ и пѣсняхъ, славившихъ подвиги, и взошедшій мѣсяцъ долго еще видѣлъ толпы музыкантовъ, проходившихъ по улицамъ, съ бандурами, турбанами, круглыми балалайками, и церковныхъ пѣсельниковъ, которыхъ держали на Сѣчи для пѣнья въ церкви и для восхваленія запорожскихъ дѣлъ. Наконецъ, хмель и утомленье стали одолевать крѣпкія головы. И видно было, какъ то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ падалъ на землю казакъ; какъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валился вмѣстѣ съ нимъ. Тамъ гурьбою улегалась цѣлая куча; тамъ выбиралъ

иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія то безсвязныя рѣчи; наконецъ, и того подкосила хмельная сила, повалился и тотъ, — и заснула вся Сѣчь.

IV.

А на другой день Тарасъ Бульба уже совѣщался съ новымъ кошевымъ, какъ поднять запорожцевъ на какое-нибудь дѣло. Кошевой былъ умный и хитрый казакъ, зналъ вдоль и поперекъ запорожцевъ, и сначала сказалъ: — Не можно клятвы преступить, никакъ не можно, — а потомъ, помолчавши, прибавилъ: — Ничего, можно; клятвы мы не преступимъ, а такъ кое-что придумаемъ. Пусть только соберется народъ, да не то, чтобы по моему приказу, а просто своею охотою, — вы ужъ знаете, какъ это сдѣлать. — а мы со старшинами тотчасъ и прибѣжимъ на площадь, будто бы ничего не знаемъ.

Не прошло часу послѣ ихъ разговора, какъ уже грянули въ литавры. Нашлись вдругъ и хмельные и неразумные казаки. Милліонъ казацкихъ шапокъ высыпалъ вдругъ на площадь. Поднялся говоръ: — Кто? зачѣмъ? изъ-за какого дѣла пробили сборъ? — Никто не отвѣчалъ. Наконецъ, въ томъ и въ другомъ углу стало раздаваться: — Вотъ пропадаетъ даромъ казацкая сила: нѣтъ войны! Вотъ старшины забайбачились¹ наповалъ, позаплыли жиромъ очи! Нѣтъ, видно, правды на свѣтѣ! Другіе казаки слушали сначала, а потомъ и сами стали говорить: — А и вправду нѣтъ никакой правды на свѣтѣ! — Старшины казались изумленными отъ такихъ рѣчей. Наконецъ, кошевой вы-

¹ Разлѣнились.

шелъ впередъ и сказалъ: — Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Держи!

— Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродѣйство, да вы, можетъ быть, и сами лучше это знаете, что многіе запорожцы позадолжали въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейдетъ. Потомъ опять въ разсужденіи того пойдетъ рѣчь, что есть много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожець изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?

— Онъ хорошо говоритъ, — подумалъ Бульба.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ: сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. При томъ же у насъ храмъ Божій, — грѣхъ сказать, что такое: вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣчь, а до сихъ поръ не то уже, чтобы снаружи церковь, но даже образа безъ всякаго убранства, хотя бы серебряную ризу кто догадался имъ выковать; они только то и получили, что отказали въ духовной иные казаки; да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что почти все пропили еще при жизни своей. Такъ я веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурманами; мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.

— Что жъ онъ путаетъ такое? — сказалъ про себя Бульба.

— Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать; рыцарская честь не велитъ. А, по своему бѣдному разуму, вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ, пусть немного

пошарпають берега Натоліи ¹. Какъ думаете, панове?

— Веди, веди всѣхъ, — закричала со всѣхъ сторонъ толпа, — за вѣру мы готовы положить головы.

Кошевой испугался; онъ ничуть не хотѣлъ подымать всего Запорожья: разорвать миръ ему казалось въ этомъ случаѣ дѣломъ неправымъ. — Позвольте, панове, еще одну рѣчь держать?

— Довольно! — кричали запорожцы, — лучше не скажешь.

— Когда такъ, то пусть будетъ такъ. Я слуга вашей воли. Ужъ дѣло извѣстное, и по писанью извѣстно, что гласъ народа — гласъ Божій. Ужъ умнѣе того нельзя выдумать, что весь народъ выдумалъ. Только вотъ что: вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы тѣмъ временемъ были бы наготовѣ, и силы у насъ были бы свѣжія, и никого бъ не побоялись. А во время отлучки и татарва можетъ напасть: они, турецкія собаки, въ глаза не кинутся и къ хозяину на домъ не посмѣютъ придти, а сзади укусятъ за пяты, да и больно укусятъ. Да если ужъ пошло на то, чтобы говорить правду, у насъ и челновъ нѣтъ столько въ запасѣ, да и пороху не намолото въ такомъ количествѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ: я слуга вашей воли.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаются; пьяныхъ, къ счастію, было немного, и потому рѣшились послушаться благоразумнаго совѣта.

Въ тотъ же часъ отправились нѣсколько челвѣкъ на противоположный берегъ Днѣпра въ войсковую скарбницу ², гдѣ, въ неприступныхъ тай-

¹ Анатолиі.

² Сокровищницу.

никахъ, подъ водою и въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Вмигъ толпою народа наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явились съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкоплечіе, дюженогіе запорожцы; съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Другіе таскали готовые сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челнъ; тамъ, переверотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ увязывали къ бокамъ другихъ челновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ дальше по всему побережью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочий крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ, — у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ, — показывалъ, что они или только что избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый плечистый казакъ, челоу кт лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

— А съ чѣмъ пріѣхали? — спросилъ кошевой, когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочие, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

— Съ бѣдою! — кричалъ съ парома приземистый казакъ.

— Съ какою?

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать?

— Говори!

— Или хотите, можетъ быть, собрать раду?

— Говори, мы всѣ тутъ.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

— А вы развѣ ничего не слышали о томъ, что дѣлается на гетьманщинѣ?

— А что? — произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Э! что? Видно, вамъ татаринъ заткнулъ клейтухомъ¹ уши, что вы ничего не слышали.

— Говори же, что тамъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и родились, и крестились, еще не видали такого.

— Да говори же намъ, что дѣлается, собачій сынъ! — закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

— Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши.

— Какъ не наши?

— Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдни нельзя править.

— Что ты толкуешь?

— И если разсобачій жидъ не положить значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя.

— Вретъ онъ, паны браты, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ.

— Слушайте! еще не то расскажу: и ксендзы ѣздятъ по всей Украинѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что за-

¹ Шыжомъ.

прягаютъ уже не коней, а просто православныхъ христіанъ. Слушайте! еще не то расскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украинѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьѣ, да гуляете, да, видно татаринъ такого задалъ вамъ страху, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей — ничего нѣтъ, и вы не слышите, что дѣлается на свѣтѣ.

— Стой, стой! — прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали, и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. — Стой! и я скажу слово. А что жъ вы, — такъ бы и этакъ поколотилъ чортъ вашего батька! — что жъ вы дѣлали сами? Развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы пустили такому беззаконію?

— Э, какъ пустили такому беззаконію!.. А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да и, нечего грѣха таить, были тоже собаки между нашими — ужъ приняли ихъ вѣру.

— А гетьманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ и намъ никому.

— Какъ?

— А такъ, что ужъ теперь гетьманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Вотъ что надѣлали полковники!

Веколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурей, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: — Какъ!

чтобы жида держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксендзы запрятали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ! чтобы попустить такія мученія на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетьманомъ! Да не будетъ же сего, не будетъ! — Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли запорожцы и почуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа: волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро накалялись, но, наколившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ. — Перевѣшать всю жидову! — раздалось изъ толпы, — пусть же не шьютъ изъ поповскихъ ризъ юбокъ своимъ жидовкамъ! Пусть же не ставятъ значковъ на святыхъ пасхахъ! Перетопить ихъ всѣхъ, поганцевъ, въ Днѣпрѣ! — Слова эти, произнесенныя кѣмъ то изъ толпы, пролетѣли молніей по всѣмъ головамъ, и толпа ринулась на предмѣстье съ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ; но казаки вездѣ ихъ находили.

— Ясновельможные паны! — кричалъ одинъ высокій и длинный, какъ палка, жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ. — Ясновельможные паны! слово только дайте намъ сказать, одно слово! Мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, — такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажутъ, — сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

— Ясные паны! — произнесъ жидъ. — Такихъ пановъ еще никогда не видывано, ей Богу, ни-

когда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ! — Голосъ его замиралъ и дрожалъ отъ страха. — Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее! Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украинѣ! Ей Богу, не наши! То совсѣмъ не жида: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него, да и бросить! Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуть?

— Ей Богу, правда! — отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуть въ изодранныхъ еломкахъ, оба бѣлые, какъ глина.

— Мы никогда еще, — продолжалъ длинный жидъ, — не снюхивались съ непріятелями, а католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами, какъ братья родные...

— Какъ? чтобы запорожцы были съ вами братья? — произнесъ одинъ изъ толпы. — Не дождетесь, проклятые жида! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!

Эти слова были сигналомъ. Жидовъ расхватили по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалобный крикъ раздался со всѣхъ сторонъ, но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ.

Бѣдный ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, выскочилъ изъ кафтана, за который было его ухватили, въ одномъ пѣгомъ, узкомъ камзолѣ, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: — Великій господинъ, ясновельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша! Былъ воинъ на украшеніе всему рыцарству. Я ему восемьсотъ цехиновъ далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турка...

— Ты зналъ брата? — спросилъ Тарасъ.

— Ей Богу, зналъ! великодушный былъ пакъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Янкель.

— Хорошо, — сказалъ Тарасъ, и потомъ, подумавъ, обратился къ казакамъ и проговорилъ такъ: — Повѣситъ жида будетъ всегда время, когда будетъ нужно; а на сегодня отдайте его мнѣ.

Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли казаки его. — Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не шевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, онъ отправился на площадь, потому, что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили вмигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да казацкія чайки¹, а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые, и молодые; всѣ, съ совѣта всѣхъ старшинъ, куренныхъ, кошевого и съ воли всего запорожскаго войска, положили идти прямо на Польшу, отмстить за все зло и посрамленіе вѣры и казацкой славы, набрать добычи съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по степи о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель, это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда кошевой раздавалъ повелѣнія: раздавалъ онъ ихъ тихо, не выкрикивая и не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый, глубоко-опытный въ дѣлѣ казакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія.

¹ Лодки.

— Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько! — такъ говорилъ онъ. — Исправьте возы и мазницы ¹, испробуйте оружье. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на казака, да по горшку саламаты и толченаго проса — больше чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ будетъ въ возахъ все, что нужно. По парѣ коней чтобъ было у каждаго казака! Да парѣ двѣсти взять воловъ, потому что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волю. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть — пошли тотъ же часъ драть китайку и дорогіе оксамиты ² себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите только одно оружье, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шею повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака, будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ безо всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля или царапнетъ саблей по головѣ, или по чему-нибудь иному, не давайте большаго уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороку въ чаркѣ сивухи, духомъ выпейте, и все пройдетъ — не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!

¹ Родъ ведра для дегтя.

² Бархатъ.

— Такъ говорилъ кошевой, и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь отрезвилась, и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ будто бы ихъ не было никогда между казаками. Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружіе; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрипъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье. И скоро далеко-далеко вытянулся казачій таборъ по всему полю. И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ пробѣжать отъ головы до хвоста его. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ запорожцы обратили головы назадъ. — Прощай, наша мать! — сказали они почти въ одно слово: — пусть же тебя хранить Богъ отъ всякаго несчастья!

Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ Бульба увидѣлъ, что жидокъ его, Янкель, уже разбилъ какую то ятку съ навѣсомъ и продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья, нужныя на дорогу, даже калачи и хлѣбы. — Каковъ чортовъ жидъ! — подумалъ про себя Тарасъ и, подѣхавъ къ нему на конѣ, сказалъ: — Дурень, что ты здѣсь сидишь? Развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?

Янкель, въ отвѣтъ на это, подошелъ къ нему поближе и, сдѣлавъ знакъ обѣими руками, какъ будто хотѣлъ объявить что то таинственное, сказалъ: — Пусть панъ только молчить и никому не говорить: между казацкими возами есть одинъ мой возъ; я везу всякій нужный запасъ для каза-

ковъ и по дорогѣ буду доставлять всякій провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ; ей Богу, такъ; ей Богу, такъ.

Пожалъ плечами Тарасъ Бульба, подивился бойкой жидовской натурѣ и отъѣхалъ къ табору.

V.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха. Всюду пронеслися слухи: „Запорожцы! показалися запорожцы!“ .. Все, что могло спастись, спасалось. Все подымалось и разбѣгалось, по обычаю этого нестройнаго, безпечнаго вѣка, когда не воздвигали ни крѣпостей, ни замковъ, а, какъ попало, становилъ на время соломенное жилище свое человекъ. Онъ думалъ: „Не тратить же на избу работу и деньги, когда и безъ того будетъ она снесена татарскимъ набѣгомъ!“ Все всполошилось: кто мѣнялъ воловъ и плугъ на коня и ружье, и отправлялся въ полки; кто прятался, угоняя скотъ и унося, что только можно было унести. Попадались иногда по дорогѣ и такіе, которые вооруженною рукою встрѣчали гостей, но больше было такихъ, которые бѣжали заранее. Всѣ знали, что трудно имѣть дѣло съ буйной и бранной толпой, извѣстной подъ именемъ запорожскаго войска, которое въ наружномъ своемъ вольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для времени битвы. Конные ѣхали, не отягчая и не горяча коней, пѣшіе шли трезво за возами, и весь таборъ подвигался только по ночамъ, отдыхая днемъ и выбирая для того пустыри, незанесенныя мѣста и лѣса, которыхъ было тогда еще вдоволь. Засылаемы были впередъ лазутчики и разсыльные узнавать и вывѣдывать, гдѣ, что и какъ. И часто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ менѣе всего

могли ожидать ихъ, они появлялись вдругъ—и все тогда прощалось съ жизнью: пожары обхватывали деревни; скотъ и лошади, которые не угонялись за войскомъ, были избиваемы тутъ же на мѣстѣ. Казалось, больше пировали они, чѣмъ совершали походъ свой. Дыбомъ сталъ бы нынѣ волосъ отъ тѣхъ страшныхъ знаковъ свирѣпства полудикаго вѣка, которые пронесли вездѣ запорожцы. Избитые младенцы, обрѣзанныя груди у женщинъ, содранная кожа съ ногъ по колѣни у выпущенныхъ на свободу, — словомъ, крупною монетою отплачивали казаки прежніе долги. Прелатъ одного монастыря, услышавъ о приближеніи ихъ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ, чтобы сказать, что они не такъ ведутъ себя, какъ слѣдуетъ, что между запорожцами и правительствомъ стоитъ согласіе, что они нарушаютъ свою обязанность къ королю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всякое народное право. — Скажи епископу отъ меня и отъ всѣхъ запорожцевъ, — сказалъ кошевой, — чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только зажигаютъ и раскуриваютъ свои трубки.—И скоро величественное аббатство обхватилось сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, жидовъ, женщинъ вдругъ омоглоудили тѣ города, гдѣ какая-нибудь была надежда на гарнизонъ и городовое рушеніе¹. Высылаемая по временамъ правительствомъ запоздалая помощь, состоявшая изъ небольшихъ полковъ, или не могла найти ихъ, или же робѣла, обращала тылъ при первой встрѣчѣ и улетала на лихихъ коняхъ своихъ. Случалось, что многіе военачальники королевскіе, торжествовавшіе дотолѣ въ прежнихъ битвахъ, рѣшались, соединя свои силы, стать грудью противъ запорожцевъ. И тутъ

¹ Милицію.

то болѣе всего пробовали себя молодые казаки, чуждавшіеся грабительства, корысти и безсильнаго непріятеля, горѣвшіе желаніемъ показать себя предъ старыми, помѣряться одинъ на одинъ съ бойкимъ и хвастливымъ ляхомъ, красовавшимся на горделивомъ конѣ съ летавшими по вѣтру откидными рукавами епанчи ¹. Потѣшна была наука; много уже они добыли себѣ конной сбруи, дорогихъ сабель и ружей. Въ одинъ мѣсяцъ возмужали и совершенно переродились только что оперившіеся птенцы и стали мужчинами; черты лица ихъ, въ которыхъ доселѣ видна была какая то юношеская мягкость, стали теперь грозны и сильны. А старому Тарасу любо было видѣть, какъ оба сына его были одни изъ первыхъ. Остапу, казалось, былъ на роду написанъ битвенный путь и трудное знанье вершать ратныя дѣла. Ни разу не растерявшись и не смутившись ни отъ какого случая, съ хладнокровіемъ, почти неестественнымъ для двадцатидвухлѣтняго, онъ въ одинъ мигъ могъ вымѣрять всю опасность и все положеніе дѣла, тутъ же могъ найти средство, какъ уклониться отъ нея, но уклониться съ тѣмъ, чтобы потомъ вѣрнѣй преодолѣть ее. Уже испытанной увѣренностью стали теперь означаться его движенія и въ нихъ не могли не быть замѣтны наклонности будущаго вождя. Крѣпостью дышало его тѣло, и рыцарскія его качества уже пріобрѣли широкую силу качествъ льва.—О, да этотъ будетъ со временемъ добрый полковникъ! — говорилъ старый Тарасъ, — ей, ей, будетъ добрый полковникъ, да еще такой, что и батка за поясъ заткнетъ!

Андрій весь погрузился въ очаровательную музыку пуль и мечей. Онъ не зналъ, что такое значить обдумывать или рассчитывать, или измѣ-

¹ Плащъ.

рять заранѣе свои и чужія силы. Бѣшеную нѣгу и упоеніе онъ видѣлъ въ битвѣ: что то пиршественное зрѣлось ему въ тѣ минуты, когда разгорится у человѣка голова, въ глазахъ все мелькаетъ и мѣшается, летятъ головы, съ громомъ падаютъ на землю кони, а онъ несется, какъ пьяный, въ свистѣ пуль, въ сабельномъ блескѣ, и наноситъ всѣмъ удары, и не слышитъ нанесенныхъ. Не разъ дивился отецъ также и Андрію, видя, какъ онъ, понуждаемый однимъ только запальчивымъ увлеченіемъ, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и однимъ бѣшенымъ натискомъ своимъ производилъ такіа чудеса, которымъ не могли не изумиться старые въ бояхъ. Дивился старый Тарасъ и говорилъ: — И это добрый — врагъ бы не взялъ его! — вояка! не Остапъ, а добрый, добрый также вояка!

Войско рѣшилось идти прямо въ городъ Дубно, гдѣ, носились слухи, было много казны и богатыхъ обывателей. Въ полтора дня походъ былъ сдѣланъ, и запорожцы показались передъ городомъ. Жители рѣшились защищаться до послѣднихъ силъ и крайности, и лучше хотѣли умереть на площадяхъ и улицахъ передъ своими порогами, чѣмъ пустить непріятеля въ дома. Высокій земляной валъ окружалъ городъ; гдѣ валъ былъ ниже, тамъ высовывались каменная стѣна или домъ, служившій батареей, или, наконецъ, дубовый частоколъ. Гарнизонъ былъ силенъ и чувствовалъ важность своего дѣла. Запорожцы жарко было полѣзли на валъ, но были встрѣчены сильною картечью. Мѣщане и городскіе обыватели, какъ видно, тоже не хотѣли быть праздными и стояли кучею на городскомъ валу. Въ глазахъ ихъ можно было читать

¹ Эпизодъ съ осадой Дубна, вѣроятно, основанъ Гоголемъ на слыханномъ имъ народномъ преданіи (см. „Памяти Гоголя“. Кіевъ, 1902, стр. 117—118).

отчаянное сопротивленіе; женщины тоже рѣшились участвовать, и на головы запорожцамъ полетѣли камни, бочки, горшки, горячій варъ, и, наконецъ, мѣшки песку, слѣпившаго имъ очи. Запорожцы не любили имѣть дѣло съ крѣпостями; вести осады была не ихъ часть. Кошевой повелѣлъ отступить и сказалъ:

— Ничего, паны братья, мы отступимъ; но будь я поганый татаринъ, а не христіанинъ, если мы выпустимъ ихъ хоть одного изъ города! Пусть ихъ всѣ передохнутъ, собаки, съ голоду! — Войско, отступивъ, облегло весь городъ и, отъ нечего дѣлать, занялось опустошеніемъ окрестностей, выжигая окружныя деревни, скирды неубраннаго хлѣба, и напуская табуны коней на нивы, еще не тронутыя серпомъ, гдѣ, какъ нарочно, колебались тучные колосья, плодъ необыкновеннаго урожая, наградившаго въ ту пору щедро всѣхъ земледѣльцевъ. Съ ужасомъ видѣли съ города, какъ истреблялись средства ихъ существованія. А между тѣмъ запорожцы, протянувъ вокругъ всего города въ два ряда свои телѣги, расположились такъ же, какъ и на Сѣчи, куренями, курили свои люльки, мѣнялись добытымъ оружіемъ, играли въ чехарду, въ четъ и нечетъ и посматривали съ убійственнымъ хладнокровіемъ на городъ. Ночью зажигались костры; кашевары варили въ каждомъ куренѣ кашу въ огромныхъ мѣдныхъ казанахъ; у горѣвшихъ всю ночь огней стояла безсонная стража. Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездѣйствіемъ и продолжительною трезвостью, не сопряженною ни съ какимъ дѣломъ. Кошевой велѣлъ удвоить даже порцію вина, что иногда водилось въ войскѣ, если не было трудныхъ подвиговъ и движеній. Молодымъ, и особенно сынамъ Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрій замѣтно скучалъ. — Неразумная голова, — говорилъ ему Тарасъ: — терпи казакъ — атаманъ будешь! Не тотъ еще добрый воинъ, кто

не потерялъ духа въ важномъ дѣлѣ, а тотъ добрый воинъ, кто и на бездѣльи не соскучить, кто все вытерпитъ, и хоть ты ему что хочь, а онъ все-таки поставитъ на своемъ. — Но не сойтись пылкому юношѣ со старцемъ: другая натура у обоихъ, и другими очами глядятъ они на то же дѣло.

А между тѣмъ подоспѣлъ Тарасовъ полкъ, приведенный Товкачемъ; съ нимъ было еще два есаула, писарь и другіе полковые чины; всѣхъ казаковъ набралось больше четырехъ тысячъ. Было между ними не мало и охочекомонныхъ, которые сами поднялись, своею волею, безъ всякаго призыва, какъ только услышали, въ чемъ дѣло. Есаулы привезли сыновьямъ Тараса благословеніе отъ старухи-матери и каждому по кипарисному образу изъ Межигорскаго кіевскаго монастыря. Надѣли на себя святыя образа оба брата и невольно задумались, припомнивъ старую мать. Чтó то пророчить и говорить имъ это благословеніе? Благословеніе ли на побѣду надъ врагомъ и потомъ веселый возвратъ въ отчизну съ добычей и славой на вѣчныя пѣсни бандуристамъ, или же?... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману, поднявшемуся изъ болотъ: безумно летаютъ въ немъ вверхъ и внизъ, черкая крыльями, птицы, не распознавая въ очи другъ друга, голубка — не видя ястреба, ястребъ — не видя голубки, и никто не знаетъ, какъ далеко летаетъ онъ отъ своей гибели...

Остапъ уже занялся своимъ дѣломъ и давно отошелъ къ куренямъ; Андрій же, самъ не зная, отчего, чувствовалъ какую то духоту на сердцѣ. Уже казаки окончили свою вечерю. Вечеръ давно потухнулъ, іюльская чудная ночь обняла воздухъ; но онъ не отходилъ къ куренямъ, не ложился спать и глядѣлъ невольно на всю бывшую предъ нимъ картину. На небѣ безчисленно мелькали тонкимъ и острымъ блескомъ звѣзды. Поле далеко

было занято раскиданными по немъ возами съ висячими мазнищами, облитыми дегтемъ, со всякимъ добромъ и провіантомъ, набраннымъ у врага. Возлѣ телѣгъ, подѣ телѣгами и подальше отъ телѣгъ — вездѣ были видны разметавшіеся на травѣ запорожцы. Всѣ они спали въ картинныхъ положеніяхъ: кто подмостивъ себѣ подѣ голову куль, кто шапку, кто употребивши, просто, бокъ своего товарища. Сабля, ружье-самопалъ, коротко-чубучная трубка съ мѣдными бляхами, желѣзными повертками и огнивомъ, были неотлучно при каждомъ казакѣ. Тяжелые волю лежали, подвернувши подѣ себя ноги, большими бѣловатыми массаами, и казались издали сѣрыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всѣхъ сторонъ изъ травы уже сталъ подыматься густой храпъ спящаго воинства, на который отзывались съ поля звонкими ржаніями жеребцы, негодующіе на свои спутанныя ноги. А между тѣмъ что то величественное и грозное примѣшалось къ красотѣ іюльской ночи. Это были зарева вдали догоравшихъ окрестностей. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ, встрѣтивъ что то горючее и вдругъ вырвавшись вихремъ, оно свистѣло и летѣло вверхъ подѣ самыя звѣзды, и оторванные охлопья его гаснули самыми дальними небесами. Тамъ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе; тамъ горѣлъ монастырскій садъ; казалось, слышно было, какъ деревья шипѣли, обвиваясь дымомъ, и когда выскакивалъ огонь, онъ вдругъ освѣщалъ фосфорическимъ, лилово-огненнымъ свѣтомъ спѣлыя гроздія сливъ или обращалъ въ червонное золото тамъ и тамъ желтѣвшія груши, и тутъ же среди ихъ чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія или на древесномъ суку тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огонь. Надъ огнемъ

вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Обложенный городъ, казалось, уснулъ; шпицы и кровли, и частоколъ, и стѣны его тихо вспыхивали отблесками отдаленныхъ пожарищъ. Андрій обошелъ казацкіе ряды. Костры, у которыхъ сидѣли сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа снали, перекусивши сильно чего-нибудь во весь казацкій аппетитъ. Онъ подивился немного такой безопасности, подумавши: — Хорошо, что нѣтъ близко никакого сильнаго непріятеля и некого опасаться. — Наконецъ, и самъ подошелъ онъ къ одному изъ воевъ, взлѣзъ на него и легъ на спину, подложивши себѣ подъ голову сложенные назадъ руки; но не могъ заснуть и долго глядѣлъ на небо: оно все было открыто предъ нимъ; чисто и прозрачно было въ воздухѣ; гущина звѣздъ, составлявшая млечный путь и косвеннымъ образомъ переходившая по небу, вся была залита въ свѣту. Временами Андрій какъ будто позабывался, и какой то легкій туманъ дремоты заслонялъ на мигъ предъ нимъ небо, и потомъ оно опять очищалось и вновь становилось видно.

Въ это время, показалось ему, мелькнулъ предъ нимъ какой то странный образъ человѣческаго лица. Думая, что это было простое обаяніе сна, которое сей же часъ разсѣется, онъ раскрылъ сильнѣе глаза свои и увидѣлъ, что къ нему точно наклонилось какое то изможденное, высохшее лицо и смотрѣло прямо ему въ очи. Длинные и черные, какъ уголь, волосы, не прибранные, растрепанные, лѣзли изъ-подъ темнаго наброшеннаго на голову покрывала; и странный блескъ взгляда, и мертвенная смуглота лица, выступавшаго рѣзкими чертами, заставляли скорѣе думать, что это былъ призракъ. Онъ схватился невольно рукой за пищаль и произнесъ почти судорожно: — Кто ты? Коли духъ нечистый, сгинь съ глазъ; коли живой человѣкъ,

не въ пору завелъ шутку — убью съ одного прицѣла.

Въ отвѣтъ на это, привидѣніе приставило палецъ къ губамъ и, казалось, молило о молчаніи. Онъ опустилъ руку и сталъ вглядываться въ него внимательнѣй. По длиннымъ волосамъ, шеѣ и полуобнаженной смуглой груди распозналъ онъ женщину. Но она была не здѣшняя уроженка: все лицо ея было смугло, изнурено недугомъ; широкія скулы выступали сильно надъ опавшими подъ ними щеками; узкія очи подымались дугообразнымъ разрѣзомъ кверху. Чѣмъ болѣе онъ всматривался въ черты ея, тѣмъ болѣе находилъ въ нихъ что то знакомое. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и спросилъ: — Скажи, кто ты? Мнѣ кажется, какъ будто я зналъ тебя, или видѣлъ гдѣ-нибудь?

— Два года назадъ тому, въ Кіевѣ.

— Два года назадъ, въ Кіевѣ, — повторилъ Андрій, стараясь перебрать все, что уцѣлѣло въ его памяти отъ прежней бурсацкой жизни. Онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее пристально и вдругъ вскрикнулъ во весь голосъ: — Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки...

— Чшш! — произнесла татарка, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки, дрожа всѣмъ тѣломъ и оборотя въ то же время голову назадъ, чтобы видѣть, не проснулся ли кто-нибудь отъ такого сильнаго вскрика, произведеннаго Андріемъ.

— Скажи, скажи, отчего, какъ ты здѣсь? — говорилъ Андрій, почти задыхаясь, шопотомъ, прерывавшимся всякую минуту отъ внутреннего волненія. — Гдѣ панночка? жива еще?

— Она тутъ, въ городѣ.

— Въ городѣ? — произнесъ онъ, едва опять не вскрикнувши, и почувствовалъ, что вся кровь вдругъ прихлынула къ сердцу: — отчего жъ она въ городѣ?

— Оттого, что самъ старый панъ въ городѣ:

онъ уже полтора года, какъ сидитъ воеводой въ Дубнѣ.

— Что жъ, она замужемъ? Да говори же, — какая ты странная! — что она теперь...

— Она другой день ничего не ѣла.

— Какъ?

— Ни у кого изъ городскихъ жителей нѣтъ уже давно куска хлѣба, всѣ давно ѣдятъ одну землю.

Андрій остолбѣнѣлъ.

— Панночка видѣла тебя съ городского вала вмѣстѣ съ запорожцами. Она сказала мнѣ: „Ступай, скажи рыцарю: если онъ помнитъ меня, чтобы пришелъ ко мнѣ; а не помнитъ, — чтобы далъ тебѣ кусокъ хлѣба для старухи, моей матери, потому что я не хочу видѣть, какъ при мнѣ умретъ мать. Пусть лучше я прежде, а она послѣ меня. Проси и хватай его за колѣни и ноги: у него также есть старая мать, — чтобъ ради ея далъ хлѣба!“

Много всякихъ чувствъ пробудилось и вспыхнуло въ молодой груди казака.

— Но какъ же ты здѣсь? Какъ ты пришла?

— Подземнымъ ходомъ.

— Развѣ есть подземный ходъ?

— Есть.

— Гдѣ?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестомъ святымъ!

— Спустиась въ яръ и перейдя протокъ, тамъ, гдѣ тростникъ.

— И выходитъ въ самый городъ?

— Прямо къ городскому монастырю.

— Идемъ, идемъ сейчасъ!

— Но, ради Христа и Святой Маріи, кусокъ хлѣба!

— Хорошо, будетъ. Стой здѣсь возлѣ воза, или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидитъ, всѣ спятъ; я сейчасъ ворочусь.

И онъ отошелъ къ возамъ, гдѣ хранились запасы, принадлежавшіе ихъ куреню. Сердце его билось. Все минувшее, все, что было заглушено нынѣшними казацкими биваками, суровой бранною жизнью, — все всплыло разомъ на поверхность, потопивши, въ свою очередь, настоящее. Опять вынырнула передъ нимъ, какъ изъ темной морской пучины, гордая женщина; вновь сверкнули въ его памяти прекрасныя руки, очи, смѣющіяся уста, густые темноорѣховые волосы, курчаво распавшіеся по грудямъ, и всѣ упругіе, въ согласномъ сочетаньи созданные члены дѣвическаго стана. Нѣтъ, они не погасали, не исчезали въ груди его, они посторонились только, чтобы дать на время просторъ другимъ могучимъ движеньямъ; но часто, часто смущался ими глубокій сонъ молодого казака, и часто, проснувшись, лежалъ онъ безъ сна на одрѣ, не умѣя истолковать тому причины.

Онъ шелъ, а бѣіеніе сердца становилось сильнѣе, сильнѣе, при одной мысли, что увидить ее опять, и дрожали молодые колѣни. Пришедши къ возамъ, онъ совершенно позабылъ, зачѣмъ пришелъ: поднесъ руку ко лбу и долго теръ его, стараясь припомнить, что ему нужно дѣлать. Наконецъ, вздрогнулъ, весь исполнился испуга: ему вдругъ пришло на мысль, что она умираетъ съ голода. Онъ бросился къ возу и схватилъ нѣсколько большихъ черныхъ хлѣбовъ себѣ подъ руку; но тутъ же подумалъ: не будетъ ли эта пища, годная для дюжаго, неприхотливаго запорожца, груба и неприлична ея нѣжному сложенію? Тутъ вспомнилъ онъ, что вчера кошевой попрекалъ кашеваровъ за то, что сварили за одинъ разъ всю гречневую муку на саламату, тогда какъ бы ея стало на добрыхъ три раза. Въ полной увѣренности, что онъ найдетъ вдоволь саламаты въ казанахъ, онъ вытащилъ отцовскій походный казанокъ и съ нимъ отправился къ кашевару ихъ

куреня, спавшему у двухъ десятиведерныхъ казановъ, подъ которыми еще теплилась зола. Заглянувши въ нихъ, онъ изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловѣческихъ силъ, чтобы все это съѣсть, тѣмъ болѣе, что въ ихъ куренѣ считалось меньше людей, чѣмъ въ другихъ. Онъ заглянулъ въ казаны другихъ куреней — нигдѣ ничего. Поневолѣ пришла ему въ голову поговорка: „запорожцы, какъ дѣти: коли мало—съѣдятъ, коли много—тоже ничего не оставятъ“. Что дѣлать? Былъ, однако же, гдѣ то, кажется, на возу отцовскаго полка, мѣшокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Онъ прямо подошелъ къ отцовскому возу, но на возѣ его уже не было: Остапъ взялъ его себѣ подъ головы и, растянувшись возлѣ на землѣ, храпѣлъ на все поле. Андрій схватилъ мѣшокъ одной рукой и дернулъ его вдругъ такъ, что голова Остапа упала на землю, а онъ самъ вскочилъ вприсонкахъ и, сидя съ закрытыми глазами, закричалъ, что было мочи:

— Держите, держите чортова ляха, да ловите коня, коня ловите!

— Замолчи, я тебя убью!—закричалъ въ испугѣ Андрій, замахнувшись на него мѣшкомъ.

Но Остапъ и безъ того уже не продолжалъ рѣчи, присмирѣлъ и пустилъ такой храпъ, что отъ дыханія шевелилась трава, на которой онъ лежалъ. Андрій робко оглянулся на всѣ стороны, чтобы узнать, не пробудилъ ли кого-нибудь изъ казаковъ сонный бредъ Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась въ ближнемъ куренѣ и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждавъ минуты двѣ, онъ, наконецъ, отправился съ своею ношею. Татарка лежала, едва дыша.

— Вставай, идемъ! Всѣ спать, не бойся! Подымешь ли ты хоть одинъ изъ этихъ хлѣбовъ, если мнѣ будетъ несподручно захватить всѣ?

Сказавъ это, онъ взвалилъ себѣ на спину мѣшки, стащилъ, проходя мимо одного воза, еще одинъ мѣшокъ съ просомъ, взялъ даже въ руки тѣ хлѣбы, которые хотѣлъ было отдать нести татаркѣ, и, нѣсколько понагнувшись подъ тяжестью, шелъ отважно между рядами спавшихъ запорожцевъ.

— Андрій! — сказалъ старый Бульба въ то время, когда онъ проходилъ мимо его. Сердце его замерло; онъ остановился и, весь дрожа, тихо произнесъ: — А что?

— Съ тобою баба! Ей, отдеру тебя, вставши, на всѣ бока! Не доведутъ тебя бабы до добра!

Сказавши это, онъ оперся головою на локоть и сталъ пристально разсматривать закутанную въ покрывало татарку.

Андрій стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не имѣя духу взглянуть въ лицо отцу. И потомъ, когда поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него, увидѣлъ, что уже старый Бульба спалъ, положивъ голову на ладонь.

Онъ перекрестился. Вдругъ отхлынуль отъ сердца испугъ еще скорѣе, чѣмъ прихлынулъ. Когда же повернулся онъ, чтобы взглянуть на татарку, она стояла предъ нимъ, подобно темной гранитной статуѣ, вся закутанная въ покрывало, и отблескъ отдаленнаго зарева, вспыхнувъ, озарилъ только одни ея очи, одеревянѣвшія, какъ у мертвеца. Онъ дернулъ ее за рукавъ, и оба пошли вмѣстѣ, безпрестанно оглядываясь назадъ и, наконецъ, опустились отлогостью въ низменную ложину, почти яръ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балками, — по дну которой лѣниво пресмыкался протокъ, поросшій осокой и усѣянный кочками. Опустясь въ эту ложину, они скрылись совершенно изъ виду всего поля, занятаго запорожскимъ таборомъ. По крайней мѣрѣ, когда Андрій оглянулся, то увидѣлъ, что позади его кру-

тою стѣной, болѣе чѣмъ въ ростъ человека, вознеслась покатость; на вершинѣ ея покачивалось нѣсколько стебельковъ полевого былья, и надъ ними поднималась на небо луна въ видѣ косвенно обращеннаго серпа изъ яркаго червоннаго золота. Сорвавшійся со степи вѣтерокъ давалъ знать, что уже немного оставалось времени до разсвѣта. Но нигдѣ не слышно было отдаленнаго пѣтушьяго крика: ни въ городѣ, ни въ разоренныхъ окрестностяхъ не оставалось давно ни одного пѣтуха. По небольшому бревну перебрались они черезъ протокъ, за которымъ возносился противоположный берегъ, казавшійся выше бывшаго у нихъ назади и выступавшій совершеннымъ обрывомъ. Казалось, въ этомъ мѣстѣ былъ крѣпкій и надежный самъ собою пунктъ городской крѣпости: по крайней мѣрѣ, земляной валъ былъ тутъ ниже и не выглядывалъ изъ-за него гарнизонъ. Но зато подалѣе подымалась толстая монастырская стѣна. Обрывистый берегъ весь обросъ бурьяномъ, и по небольшой лощинѣ между нимъ и протокомъ росъ высокій тростникъ, почти въ вышину человека. На вершинѣ обрыва видны были остатки плетня, обличавшіе когда то бывший огородъ; передъ нимъ — широкіе листы лопуха; изъ-за него торчала лебеда, дикій колючій бодякъ¹ и подсолнечникъ, подымавшій выше всѣхъ ихъ свою голову. Здѣсь татарка скинула съ себя черевики и пошла босикомъ, подобравъ осторожно свое платье, потому что мѣсто было топко и наполнено водою. Пробираясь межъ тростникомъ, остановились они передъ наваленнымъ хворостомъ и фашинникомъ. Отклонивъ хворостъ, нашли они родъ земляного свода — отверстіе, мало чѣмъ большее отверстія, бывающаго въ хлѣбной печи. Татарка, наклонивъ голову, вошла первая; вслѣдъ за нею Андрій, нагнувшись, сколько

¹ Чертополохъ.

можно ниже, чтобы можно было пробраться съ своими мѣшками, и скоро очутились оба въ совершенной темнотѣ.

VI.

Андрій едва двигался въ темномъ и узкомъ земляномъ коридорѣ, слѣдуя за татаркою и таща на себѣ мѣшки хлѣба.

— Скоро намъ будетъ видно, — сказала проводница, — мы подходимъ къ мѣсту, гдѣ поставила я свѣтильникъ.

И точно, темныя земляныя стѣны начали понемногу озаряться. Они достигли небольшой площадки, гдѣ, казалось, была часовня; по крайней мѣрѣ, къ стѣнѣ былъ приставленъ узенькій столикъ въ видѣ алтарнаго престола, и надъ нимъ виденъ былъ почти совершенно изгладившійся, полинявшій образъ католической Мадонны. Небольшая серебряная лампадка, передъ нимъ висѣвшая, чуть-чуть озаряла его. Татарка наклонилась и подняла съ земли оставленный мѣдный свѣтильникъ, на тонкой, высокой ножкѣ, съ висѣвшими вокругъ ея на цѣпочкахъ щипцами, шпилькой для поправленія огня и гасильникомъ. Взявши его, она зажгла огнемъ отъ лампы. Свѣтъ усилился, и они, идя вмѣстѣ, то освѣщаясь сильно огнемъ, то набрасываясь темною, какъ уголь, тѣнью, напоминали собою картины Герардо *dalle notti* ¹. Свѣжее, кипящее здоровьемъ и юностью, прекрасное лицо рыцаря представляло сильную противоположность съ изнуреннымъ и блѣднымъ лицомъ его спутницы. Проходъ сталъ нѣсколько шире, такъ что Андрію можно было пораспрямиться. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ эти земля-

¹ Голландскій художникъ Герардъ Гонтгорстъ (1592—1662), прозванный *Gherardo della notte* (ночной), потому что онъ любилъ изображать ночь и предметы, освѣщенные свѣчами и факелами.

ныя стѣны, напомнившія ему кіевскія пещеры. Такъ же, какъ и въ пещерахъ кіевскихъ, тутъ видны были углубленія въ стѣнахъ, и стояли кое-гдѣ гробы; мѣстами даже попадались, просто, человѣческія кости, отъ сырости сдѣлавшіяся мягкими и рассыпавшіяся въ муку. Видно, и здѣсь также были святые люди и укрывались также отъ мірскихъ бурь, горя и обольщеній. Сырость мѣстами была очень сильна: подъ ногами ихъ иногда была совершенная вода. Андрій долженъ былъ часто останавливаться, чтобы дать отдохнуть своей спутницѣ, которой усталость возобновлялась безпрестанно. Небольшой кусокъ хлѣба, проглоченный ею, произвелъ только боль въ желудкѣ, отвыкшемъ отъ пищи, и она оставалась часто безъ движенія по нѣскольку минутъ на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ, передъ ними показалась маленькая желѣзная дверь.

— Ну, слава Богу, мы пришли, — сказала слабымъ голосомъ татарка, приподняла руку, чтобы постучаться, и не имѣла силъ.

Андрій ударилъ, вмѣсто нея, сильно въ дверь; раздался гулъ, показывавшій, что за дверью былъ большой просторъ. Гулъ этотъ измѣнялся, встрѣтивъ, какъ казалось, высокіе своды. Минуты черезъ двѣ загремѣли ключи, и кто то, казалось, сходилъ по лѣстницѣ. Наконецъ, дверь отперлась; ихъ встрѣтилъ монахъ, стоявшій на узенькой лѣстницѣ съ ключами и свѣчой въ рукахъ. Андрій невольно остановился при видѣ католическаго монаха, возбуждавшаго такое ненавистное презрѣніе въ казакахъ, поступавшихъ съ ними безчеловѣчнѣй, чѣмъ съ жидами. Монахъ тоже нѣсколько отступилъ назадъ, увидѣвъ запорожскаго казака; но слово, невнятно произнесенное татаркою, его успокоило. Онъ посвѣтилъ имъ, заперъ за ними дверь, ввелъ ихъ по лѣстницѣ вверхъ, и они очутились подъ высокими темными сводами монастыр-

ской церкви. У одного изъ алтарей, уставленнаго высокими подсвѣчниками и свѣчами, стоялъ на колѣняхъ священникъ и тихо молился. Около него съ обѣихъ сторонъ стояли также на колѣняхъ два молодые клирошанина въ лиловыхъ мантияхъ, съ бѣлыми кружевными шемизетками¹ сверхъ ихъ и съ кадилами въ рукахъ. Онъ молился о ниспосланіи чуда: о спасеніи города, о подкрѣпленіи падающаго духа, о ниспосланіи терпѣнія, о удаленіи искусителя, нашептывающаго ропотъ и малодушный, робкій плачъ на земныя несчастія. Нѣсколько женщинъ, похожихъ на привидѣнія, стояли на колѣняхъ, опершись и совершенно положивъ изнеможенные головы на спинки стоявшихъ передъ ними стульевъ и темныхъ деревянныхъ лавокъ; нѣсколько мужчинъ, прислонясь у колоннъ и пилястръ, на которыхъ возлежали боковые своды, печально стояли тоже на колѣняхъ. Окно съ цвѣтными стеклами, бывшее надъ алтаремъ, озарилось розовымъ румянцемъ утра, и упали отъ него на полъ голубые, желтые и другихъ цвѣтовъ кружки свѣта, освѣтившіе внезапно темную церковь. Весь алтарь въ своемъ далекомъ углубленіи показался вдругъ въ сіяніи; кадилый дымъ остановился на воздухъ радужно освѣщеннымъ облакомъ. Андрій не безъ изумленія глядѣлъ изъ своего темнаго угла на чудо, произведенное свѣтомъ. Въ это время величественный ревъ органа наполнилъ вдругъ всю церковь; онъ становился гуще и гуще, разрастался, перешелъ въ тяжелые рокоты грома и потомъ вдругъ, обратившись въ небесную музыку, понесся высоко подъ сводами, своими поющими звуками, напоминавшими тонкіе дѣвичьи голоса, и потомъ опять обратился онъ въ густой ревъ и громъ, и затихъ. И долго еще громовые рокоты носились, дрожа, подъ сводами, и дивился Ан-

¹ Накидка, целеринка.

дрій съ полукрытымъ ртомъ величественной музыкѣ.

Въ это время, почувствовалъ онъ, кто то дернулъ его за полу кафтана. — Пора, — сказала татарка. Они перешли черезъ церковь, не замѣченные никѣмъ, и вышли потомъ на площадь, бывшую передъ нею. Заря уже давно румянилась на небѣ: все возвѣщало восхожденіе солнца. Площадь, имѣвшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посрединѣ ея оставались еще деревянные столики, показывавшіе, что здѣсь былъ еще недѣлю, можетъ быть, только назадъ рынокъ съѣстныхъ припасовъ. Улица, которыхъ тогда не мостили, была просто засохшая груда грязи. Площадь обступали кругомъ небольшіе каменные и глиняные въ одинъ этажъ дома, съ видными въ стѣнахъ деревянными сваями и столбами во всю ихъ высоту, косвенно перекрещенные деревянными же связями, какъ вообще строили дома тогдашніе обыватели, что можно видѣть и понынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Польши. Всѣ они были покрыты непомѣрно высокими крышами, со множествомъ слуховыхъ оконъ и отдушинъ. На одной сторонѣ, почти близъ церкви, выше другихъ, возносилось совершенно отличное отъ прочихъ зданіе, вѣроятно, городской магистратъ или какое-нибудь правительственное мѣсто. Оно было въ два этажа, и надъ нимъ вверху надстроенъ былъ въ двѣ арки бельведеръ, гдѣ стоялъ часовой; большой часовой циферблатъ вдѣланъ былъ въ крышу. Площадь казалась мертвою; но Андрію почудилось какое то слабое стенаніе. Разсматривая, онъ замѣтилъ на другой ея сторонѣ группу изъ двухъ-трехъ чело-вѣкъ, лежавшихъ почти безъ всякаго движенія на землѣ. Онъ вперилъ глаза внимательнѣй, чтобы разсмотрѣть, заснувшіе ли это были, или умершіе, и въ это время наткнулся на что то, лежавшее у ногъ его. Это было мертвое тѣло женщины, по-

видимому, жидовки. Казалось, она была еще молода, хотя въ искаженныхъ, изможденныхъ чертахъ ея нельзя было того видѣть. На головѣ ея былъ красный шелковый платокъ; жемчуги или бусы въ два ряда украшали ея наушники; двѣ три длинныя, всѣ въ завиткахъ кудри выпадали изъ-подъ нихъ на ея высохшую шею съ натянувшимися жилами. Возлѣ нея лежалъ ребенокъ, судорожно схватившійся рукою за тощую грудь ея и скрутившій ее своими пальцами отъ невольной злости, не нашедъ въ ней молока. Онъ уже не плакалъ и не кричалъ, и только по тихо опускавшемуся и подымавшемуся животу его можно было думать, что онъ еще не умеръ, или, по крайней мѣрѣ, еще только готовился испустить послѣднее дыханье. Они повертели въ улицы и были остановлены вдругъ какимъ-то бѣснующимся, который, увидѣвъ у Андрія драгоцѣнную ношу, кинулся на него, какъ тигръ, вцѣпился въ него, крича: — Хлѣба! — Но силъ не было у него равныхъ бѣшенству; Андрій оттолкнулъ его: онъ полетѣлъ на землю. Движимый состраданіемъ, онъ швырнулъ ему одинъ хлѣбъ, на который тотъ бросился, подобно бѣшеной собакѣ, изгрызъ, искусалъ его и тутъ же, на улицѣ, въ страшныхъ судорогахъ испустилъ духъ отъ долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждомъ шагу поражали ихъ страшныя жертвы голода. Казалось, какъ будто, не вынося мученій въ домахъ, многіе нарочно выбѣжали на улицу: не ниспошлется ли въ воздухъ чего-нибудь, питающаго силы. У воротъ одного дома сидѣла старуха, и нельзя сказать, заснула ли она, умерла или, просто, позабылась; по крайней мѣрѣ, она уже не слышала и не видѣла ничего и, опустивъ голову на грудь, сидѣла недвижима на одномъ и томъ же мѣстѣ. Съ крыши другого дома висѣло внизъ, на веревочной петлѣ, вытянувшееся и исчахлое тѣло: бѣднякъ не могъ вынести до конца

страданій голода и захотѣлъ лучше произвольнымъ самоубійствомъ ускорить конецъ свой.

При видѣ такихъ поражающихъ свидѣтельствъ голода, Андрій не вытерпѣлъ не спросить татарку: — Неужели они, однакожъ, совсѣмъ не нашли, чѣмъ пробавить¹ жизнь? Если человѣку приходитъ послѣдняя крайность, тогда, дѣлать нечего, онъ долженъ питаться тѣмъ, чѣмъ дотолѣ брезгалъ: онъ можетъ питаться тѣми тварями, которыя запрещены закономъ, все можетъ тогда пойти въ снѣдь.

— Все переѣли, — сказала татарка, — всю скотину: ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдешь во всемъ городѣ. У насъ въ городѣ никогда не водилось никакихъ запасовъ: все привозилось изъ деревень.

— Но, какъ же вы, умирая лютою смертию, все еще думаете оборонить городъ?

— Да, можетъ быть, воевода и сдалъ бы, но вчера утромъ полковникъ, который въ Буджакахъ, пустилъ въ городъ ястреба съ запиской, чтобъ не отдавали города: что онъ идетъ на выручку съ полкомъ, да ожидаетъ только другого полковника, чтобъ идти обоимъ вмѣстѣ. И теперь всякую минуту ждуть ихъ... Но вотъ мы пришли къ дому.

Андрій уже издали видѣлъ домъ, не похожій на другіе и, какъ казалось, строенный какимъ-нибудь архитекторомъ итальянскимъ; онъ былъ сложенъ изъ красивыхъ тонкихъ кирпичей въ два этажа. Окна нижняго этажа были заключены въ высоко выдавшіеся гранитные карнизы; верхній этажъ состоялъ весь изъ небольшихъ арокъ, образовавшихъ галлерею; между ними были видны рѣшотки съ гербами; на углахъ дома тоже были гербы. Наружная широкая лѣстница изъ крашеныхъ кирпичей выходила на самую площадь. Внизу лѣстницы сидѣло по одному ча-

¹ Продолжить, поддержать.

совому, которые картинно и симметрически держались одной рукой за стоявшія около нихъ алебарды, а другою подпирали наклоненныя свои головы и, казалось, такимъ образомъ болѣе походили на изваянія, чѣмъ на живыя существа. Они не спали и не дремали, но, казалось, были нечувствительны ко всему; они не обратили даже вниманія на то, кто всходилъ по лѣстницѣ. Наверху лѣстницы они нашли богато убраннаго, всего съ ногъ до головы вооруженнаго воина, державшаго въ рукѣ молитвенникъ. Онъ было возвелъ на нихъ истомленные очи, но татарка сказала ему одно слово, и онъ опустилъ ихъ вновь въ открытыя страницы своего молитвенника. Они вступили въ первую комнату, довольно просторную, служившую пріемною или, просто, переднею; она была наполнена вся сидѣвшими въ разныхъ положеніяхъ у стѣнъ солдатами, слугами, псарями, виночерпіями и прочей дворней, необходимою для показанія сана польскаго вельможи, какъ военнаго, такъ и владѣльца собственныхъ помѣстьевъ. Слышенъ былъ чадъ погаснувшей свѣчи; двѣ другія еще горѣли въ двухъ огромныхъ, почти въ ростъ человѣка подсвѣчникахъ, стоявшихъ посерединѣ, несмотря на то, что уже давно въ рѣшетчатое широкое окно глядѣло утро. Андрій уже было хотѣлъ идти прямо въ широкую дубовую дверь, украшенную гербомъ и множествомъ рѣзныхъ украшеній, но татарка дернула за рукавъ и указала маленькую дверь въ боковой стѣнѣ. Этою вышли они въ коридоръ и потомъ въ комнату, которую онъ началъ внимательно разсматривать. Свѣтъ, проходившій сквозь щель ставня, тронулъ кое-что: малиновый занавѣсъ, позолоченный карнизъ и живопись на стѣнѣ. Здѣсь татарка указала Андрію остаться, отворила дверь въ другую комнату, изъ которой блеснулъ свѣтъ огня. Онъ услышалъ шопотъ и тихій голосъ, отъ котораго все потряслось у него. Онъ

видѣлъ сквозь растворившуюся дверь, какъ мелькнула быстро стройная женская фигура съ длинною роскошною косою, упавшею на поднятую кверху руку. Татарка возвратилась и сказала, чтобы онъ вошелъ. Онъ не помнилъ, какъ вошелъ, и какъ затворилась за нимъ дверь. Въ комнатѣ горѣли двѣ свѣчи, лампада теплилась передъ образомъ; подъ нимъ стоялъ высокій столикъ, по обычаю католическому, со ступеньками для преклоненія колѣней во время молитвы. Но не того искали глаза его. Онъ повернулся въ другую сторону и увидѣлъ женщину, казалось, застывшую и окаменѣвшую въ какомъ то быстромъ движеніи. Казалось, какъ будто вся фигура ея хотѣла броситься къ нему и вдругъ остановилась. И онъ остался также изумленнымъ предъ нею. Не такую воображалъ онъ ее видѣть: это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде; ничего не было въ ней похожаго на ту, но вдвое прекраснѣе и чудеснѣе была она теперь, чѣмъ прежде: тогда было въ ней что то неконченное, недовершенное, теперь это было произведеніе, которому художникъ далъ послѣдній ударъ кисти. Та была прелестная, вѣтреная дѣвушка; эта была красавица, женщина во всей развившейся красѣ своей. Полное чувство выражалось въ ея поднятыхъ глазахъ, не отрывки, не намеки на чувство, но все чувство. Еще слезы не успѣли въ нихъ высохнуть и облекли ихъ блистающею влагою, проходившею душу; грудь, шея и плечи заключились въ тѣ прекрасныя границы, которыя назначены вполнѣ развившейся красотѣ; волосы, которые прежде разносились легкими кудрями по лицу ея, теперь обратились въ густую роскошную косу, часть которой была подобрана, а часть разбросалась по всей длинѣ руки и тонкими, длинными, прекрасно согнутыми волосами упала на грудь. Казалось, всѣ до одной измѣнились черты ея. Напрасно

силился онъ отыскать въ нихъ хотя одну изъ тѣхъ, которыя носились въ его памяти, — ни одной. Какъ ни велика была ея блѣдность, но она не помрачила чудесной красоты ея, напротивъ, какъ будто придавала ей что то стремительное, неотразимо-побѣдоносное. И ощутилъ Андрій въ своей душѣ благоговѣйную боязнь, и сталъ неподвиженъ передъ нею. Она, казалось, также была поражена видомъ казака, представшаго во всей красѣ и силѣ юношескаго мужества, который, казалось, и въ самой неподвижности своихъ членовъ уже обличалъ развязную вольность движеній; ясною твердостью сверкала глазъ его, смѣлою дугою выгнулась бархатная бровь, загорѣлыя щеки блистали всею яркостью дѣвственнаго огня и, какъ шелкъ, лоснился молодой черный усь.

— Нѣтъ, я не въ силахъ ничѣмъ возблагодарить тебя, великодушный рыцарь, — сказала она, и весь колебался серебряный звукъ ея голоса. — Одинъ Богъ можетъ вознаградить тебя; не мнѣ, слабой женщинѣ... — Она потушила свои очи; прекрасными снѣжными полукружьями надвинулись на нихъ вѣки, окраенныя длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами; наклонилось все чудесное лицо ея, и тонкій румянецъ оттѣнилъ его снизу. Ничего не умѣлъ сказать на это Андрій; онъ хотѣлъ бы выговорить все, что ни есть на душѣ, выговорить его такъ же горячо, какъ оно было на душѣ, — и не могъ. Почувствовалъ онъ что то, заградившее ему уста; звукъ отнялся у слова: почувствовалъ онъ, что не ему, воспитанному въ бурсѣ и въ бранной кочевой жизни, отвѣчать на такія рѣчи, и вознегодовалъ на свою казацкую натуру.

Въ это время вошла въ комнату татарка. Она уже успѣла нарѣзать ломтями принесенный рыцаремъ хлѣбъ, несла его на золотомъ блюдѣ и поставила передъ своею панною. Красавица взглянула на нее, на хлѣбъ, и возвела очи на Андрія, —

и много было въ очахъ тѣхъ. Этотъ умиленный взоръ, выказавшій изнеможеніе и безсиліе выразить обнявшія ее чувства, былъ болѣе доступенъ Андрію, чѣмъ всѣ рѣчи. Его душѣ вдругъ стало легко; казалось, все развязалось у него. Душевные движенія и чувства, которыя дотолѣ какъ будто кто то удерживалъ тяжкою уздою, теперь почувствовали себя освобожденными, на волю, и уже хотѣли излиться въ неукротимые потоки словъ, какъ вдругъ красавица, оборотясь къ татаркѣ, безпокойно спросила: — А мать? ты отнесла ей?

— Она спитъ.

— А отцу?

— Отнесла; онъ сказалъ, что придетъ самъ благодарить рыцаря.

Она взяла хлѣбъ и поднесла его ко рту. Съ неизъяснимымъ наслажденіемъ глядѣлъ Андрій, какъ она ломала его блистающими своими пальцами и ѣла; и вдругъ вспомнилъ о бѣсновавшемся отъ голода, который испустилъ духъ въ глазахъ его, проглотивши кусокъ хлѣба. Онъ поблѣднѣлъ и, схвативъ ее за руку, закричалъ: — Довольно! не ѣшь больше! Ты такъ долго не ѣла, тебѣ хлѣбъ будетъ теперь ядовитъ. — И она опустила тутъ же свою руку; положила хлѣбъ на блюдо и, какъ покорный ребенокъ, смотрѣла ему въ очи. И пусть бы выразило чье-нибудь слово... но не властны выразить ни рѣзецъ, ни кисть, ни высокомогучее слово того, что видится иной разъ во взорахъ дѣвы, ниже того умиленнаго чувства, которымъ объемлется глядящій въ такіе взоры дѣвы.

— Царица! — вскрикнулъ Андрій, полный и сердечныхъ и душевныхъ и всякихъ избытковъ, — что тебѣ нужно, чего ты хочешь? — прикажи мнѣ! Задай мнѣ службу самую невозможную, какая только есть на свѣтѣ, — я побѣгу исполнять ее! Скажи мнѣ сдѣлать то, чего не въ силахъ сдѣлать ни одинъ человекъ, — я сдѣлаю, я погублю себя.

Погублю, погублю! и погубить себя для тебя, клянусь святымъ крестомъ, мнѣ такъ сладко... но не въ силахъ сказать того! У меня три хутора, половина табуновъ отцовскихъ мои, все, что принесла отцу мать моя, что даже отъ него скрываетъ она, — все мое. Такого ни у кого нѣтъ теперь у казаковъ нашихъ оружія, какъ у меня: за одну рукоять моей сабли даютъ мнѣ лучшій табунъ и три тысячи овецъ. И отъ всего этого откажусь, кину, брошу, сожгу, затоплю, если только ты вымолвишь одно слово, или хотя только шевельнешь своею тонкою, черною бровью! Но знаю, что, можетъ быть, несу глупыя рѣчи, и некстати, и нейдетъ все это сюда, что не мнѣ, проведеншему жизнь въ бурсѣ и на Запорожьи, говорить такъ, какъ въ обычаѣ говорить тамъ, гдѣ бываютъ короли, князья и все, что ни есть лучшаго въ вельможномъ рыцарствѣ. Вижу, что ты иное творенье Бога, нежели всѣ мы, и далеки предъ тобою всѣ другія боярскія жены и дочери-дѣвы. Мы не годимся быть твоими рабами; только небесные ангелы могутъ служить тебѣ.

Съ возрастающимъ изумленіемъ, вся превратившись въ слухъ, не проронивъ ни одного слова, слушала дѣва открытую, сердечную рѣчь, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалась молодая, полная силъ душа. И каждое простое слово этой рѣчи, выговоренное голосомъ, летѣвшимъ прямо съ сердечнаго дна, облечено было въ силу. И выдалось впередъ все прекрасное лицо ея, отбросила она далеко назадъ досадные волосы, открыла уста и долго глядѣла съ открытыми устами. Потомъ хотѣла что то сказать и вдругъ остановилась, и вспомнила, что другимъ назначеніемъ ведется рыцарь, что отецъ, братья и вся отчизна его стоятъ позади его суровыми мстителями, что страшны облегли городъ запорожцы, что лютой смерти обречены всѣ они съ своимъ городомъ...

и глаза ея вдругъ наполнились слезами; быстро она схватила платокъ, шитый шелками, набросила его себѣ на лицо, и онъ въ минуту сталъ весь влаженъ; и долго сидѣла, забросивъ назадъ свою прекрасную голову, сжавъ бѣлоснѣжными зубами свою прекрасную нижнюю губу, какъ бы внезапно почувствовавъ какое укушеніе ядовитаго гада, и не снимая съ лица платка, чтобы онъ не видѣлъ ея сокрушительной грусти.

— Скажи мнѣ одно слово! — сказалъ Андрій и взялъ ее за атласную руку. Сверкающій огонь пробѣжалъ по жиламъ его отъ этого прикосновенія, и жалъ онъ руку, лежавшую безчувственно въ рукѣ его.

Но она молчала и не отнимала платка отъ лица своего и оставалась неподвижна.

— Отчего же ты такъ печальна? Скажи мнѣ, отчего ты такъ печальна?

Бросила прочь она отъ себя платокъ, отдернула налѣзавшіе на очи длинные волосы косы своей и вся разлилася въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ, поднявшись прекраснымъ вечеромъ, пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ приводнаго тростника: зашелестятъ, зазвучатъ и понесутся вдругъ унывно-тонкіе звуки, и ловить ихъ съ непонятной грустью остановившійся путникъ, не чуя ни погасающаго вечера, ни несущихся веселыхъ пѣсенъ народа, бредущаго отъ полевыхъ работъ и жнивъ, ни отдаленнаго тарахтанья гдѣ то проѣзжающей телѣги.

— Не достойна ли я вѣчныхъ сожалѣній? Не несчастна ли мать, родившая меня на свѣтъ? Не горькая ли доля пришлась на часть мнѣ? Не лютей ли ты палачъ мой, моя свирѣпая судьба? Всѣхъ ты привела къ ногамъ моимъ: лучшихъ дворянъ изъ всего шляхетства, богатѣйшихъ пановъ, графовъ и иноземныхъ бароновъ, и все, что ни есть цвѣтъ нашего рыцарства. Всѣмъ имъ

было вольно любить меня, и за великое благо всякій изъ нихъ почелъ бы любовь мою. Стоило мнѣ только махнуть рукой, и любой изъ нихъ, красивѣйшій, прекраснѣйшій лицомъ и породой, сталъ бы моимъ супругомъ. И ни къ одному изъ нихъ не причаровала ты моего сердца, свирѣлая судьба моя; а причаровала мое сердце, мимо лучшихъ витязей земли нашей, къ чуждому, къ врагу нашему. За что же Ты, Пречистая Божья Матерь, за какіе грѣхи, за какія тяжкія преступленія такъ неумолимо и безпощадно гонишь меня? Въ изобиліи и роскошномъ избыткѣ всего текли дни мои; лучшія, дорогія блюда и сладкія вина были мнѣ снѣдью. И на что все это было? къ чему оно все было? Къ тому ли, чтобы, наконецъ, умереть лютою смертию, какой не умираетъ послѣдній нищій въ королевствѣ? И мало того, что осуждена я на такую страшную участь; мало того, что передъ концомъ своимъ должна видѣть, какъ станутъ умирать въ невыносимыхъ мукахъ отецъ и мать, для спасенія которыхъ двадцать разъ готова была бы отдать жизнь свою; мало всего этого: нужно, чтобы передъ концомъ своимъ мнѣ довелось увидѣть и услышать слова и любовь, какой не видала я. Нужно, чтобы онъ рѣчами своими разодралъ на части мое сердце, чтобы горькая моя часть была еще горше, чтобы еще жалче было мнѣ моей молодой жизни, чтобы еще страшнѣе казалась мнѣ смерть моя и чтобы еще больше, умирая, попрекала я тебя, свирѣлая судьба моя, и Тебя, — прости мое прегрѣшеніе, — Святая Божья Матерь!

И когда затихла она, безнадежное, безнадежное чувство отразилось въ лицѣ ея; ноющею грустью заговорила всякая черта его, и все, отъ печально поникшаго лба и опустившихся очей до слезъ-застывшихъ и засохнувшихъ по тихо пламенѣвъ, шимъ щекамъ ея, все, казалось, говорило: — Нѣтъ счастья на лицѣ этомъ!

— Не слыхано на свѣтѣ, не можно, не быть тому, — говорилъ Андрій, — чтобы красивѣйшая и лучшая изъ женъ понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы предъ ней, какъ предъ святыней, преклонилось все, что ни есть лучшаго на свѣтѣ. Нѣтъ, ты не умрешь! Не тебѣ умирать; клянусь моимъ рожденіемъ и всѣмъ, что мнѣ мило на свѣтѣ, — ты не умрешь! Если же выйдетъ уже такъ, и ничѣмъ — ни силой, ни молитвой, ни мужествомъ нельзя будетъ отклонить горькой судьбы, то мы умремъ вмѣстѣ, и прежде я умру, умру передъ тобой, у твоихъ прекрасныхъ колѣней, и развѣ уже мертваго меня разлучать съ тобою.

— Не обманывай, рыцарь, и себя, и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю и, къ великому моему горю, знаю слишкомъ хорошо, что тебѣ нельзя любить меня; и знаю я, какой долгъ и завѣтъ твой: тебя зовутъ отецъ, товарищи, отчизна, а мы — враги тебѣ.

— А что мнѣ отецъ, товарищи и отчизна? — сказалъ Андрій, встряхнувъ быстро головою и выпрямивъ весь прямой, какъ надрѣчная осока, станъ свой. — Такъ если жъ такъ, такъ вотъ что: нѣтъ у меня никого! Никого, никого! — повторилъ онъ тѣмъ же голосомъ и сопроводивъ его тѣмъ движеніемъ руки, съ какимъ упругій, несокрушимый казакъ выражаетъ рѣшимость на дѣло, неслыханное и невозможное для другого. — Кто сказалъ, что моя отчизна Украина? Кто далъ мнѣ ее въ отчины? Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша, что милѣе для нея всего. Отчизна моя — ты! Вотъ моя отчизна! И понесу я отчизну эту въ сердцѣ моемъ, понесу ее, пока станетъ моего вѣку, и посмотрю: пусть кто-нибудь изъ казаковъ вырветъ ее оттуда! И все, что ни есть, продамъ, отдамъ, погублю за такую отчизну!

На мигъ остолбенѣвъ, какъ прекрасная статуя, смотрѣла она ему въ очи и вдругъ зарыдала, и съ чудною женскою стремительностью, на какую бываетъ только способна одна безразсечно великодушная женщина, созданная на прекрасное сердечное движеніе, кинулась она къ нему на шею, обхвативъ его снѣгоподобными, чудными руками, и зарыдала. Въ это время раздались на улицѣ неясные крики, сопровождаемые трубнымъ и литаврнымъ звукомъ; но онъ не слышалъ ихъ: онъ слышалъ только, какъ чудныя уста обдавали его благовонной теплотой своего дыханья, какъ слезы ея текли ручьями къ нему на лицо, и, спустившіеся всѣ съ головы, пахучіе ея волосы опутали его всего своимъ темнымъ и блистающимъ шелкомъ.

Въ это время вбѣжала къ нимъ съ радостнымъ крикомъ татарка. — Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли въ городъ, привезли хлѣба, пшена, муки и связанныхъ запорожцевъ! — Но не слышалъ никто изъ нихъ, какіе „наши“ вошли въ городъ, что привезли съ собою и какихъ связали запорожцевъ. Полный не на землѣ вкушаемыхъ чувствъ, Андрій поцѣловалъ въ благовонныя уста, прильнувшія къ щекѣ его, и не безотвѣтны были благовонныя уста. Они отозвались тѣмъ же, и въ этомъ обоюдномъ сліянномъ поцѣлуѣ ощутилось то, что одинъ только разъ въ жизни дается чувствовать человѣку.

И погибъ казакъ! Пропалъ для всего казацкаго рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовскихъ хуторовъ своихъ, ни церкви Божьей. Украинѣ не видать тоже храбрѣйшаго изъ своихъ дѣтей, взявшихся защищать ее. Вырветъ старый Тарасъ сѣдой клокъ волосъ изъ своей чупрыны и проклянетъ и день, и часъ, въ который породилъ на позоръ себѣ такого сына.

VII.

Шумъ и движеніе происходили въ запорожскомъ таборѣ. Сначала никто не могъ дать вѣрнаго отчета, какъ случилось, что войска прошли въ городъ. Потомъ уже оказалось, что весь Переяславскій курень, расположившійся передъ боковыми городскими воротами, былъ пьянъ мертвецки; стало быть, дивиться нечего, что половина была перебита, а другая перевязана еще прежде, чѣмъ всѣ могли узнать, въ чемъ дѣло. Покамѣсть ближніе курени, разбуженные шумомъ, успѣли схватиться за оружіе, войско уже уходило въ ворота, и послѣдніе ряды отстрѣливались отъ устремившихся на нихъ въ безпорядкѣ сонныхъ и полупротрезвившихся запорожцевъ.

Кошевой далъ приказъ собраться всѣмъ, и, когда всѣ стали въ кругъ и, снявши шапки, затихли, онъ сказалъ: — Такъ вотъ что, панове братове, случилось въ эту ночь; вотъ до чего довель хмель! Вотъ какое поруганье оказалъ намъ непріятель! У васъ, видно, уже такое заведеніе: коли позволишь удвоить порцію, такъ вы готовы такъ натянуться, что врагъ Христова воинства не только сниметъ съ васъ шаровары, но въ самое лицо вамъ начищаетъ, такъ вы того не услышите.

Казаки всѣ стояли, понутивъ головы, зная вину; одинъ только незамайковскій куренный атаманъ Кукубенко отозвался. — Постой, батько! — сказалъ онъ, — хоть оно и не въ законѣ, чтобы сказать какое возраженіе, когда говоритъ кошевой передъ лицомъ всего войска, да дѣло не такъ было, такъ нужно сказать. Ты не совсѣмъ справедливо попрекнулъ все христіанское войско. Казаки были бы повинны и достойны смерти, еслибы напились въ походѣ, на войнѣ, на трудной, тяжелой работѣ; но мы сидѣли безъ дѣла, маячились попусту передъ городомъ. Ни поста, ни другого

христіанскаго воздержанья не было: какъ же можетъ статья, чтобы на бездѣльи не напился человѣкъ? Грѣха тутъ нѣтъ. А мы вотъ лучше покажемъ имъ, что такое нападать на безвинныхъ людей. Прежде били добре, а ужъ теперь побьемъ такъ, что и пять не унесутъ домой.

Рѣчь куренного атамана понравилась казакамъ. Они приподняли уже совсѣмъ было понутившіяся головы, и многіе одобрительно кивнули головой, примолвивши: — Добре сказалъ Кукубенко! — А Тарасъ Бульба, стоявшій недалеко отъ кошевого, сказалъ: — А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказалъ? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блаженъ и отецъ, родившій такого сына: еще не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое, не поругавшись надъ бѣдою человѣка, ободрило бы его, придало бы духу ему, какъ шпоры придаютъ духу коню, освѣженному водопоемъ. Я самъ хотѣлъ вамъ сказать потомъ утѣшительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказалъ и кошевой! — отозвалось въ рядахъ запорожцевъ. — Доброе слово! — повторили другіе. И самые сѣдые, стоявшіе, какъ сивые голуби, и тѣ кивнули головою и, моргнувши сѣдымъ усомъ, тихо сказали: — Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжалъ кошевой, — брать крѣпость, карабкаться и подкапываться, какъ дѣлаютъ чужеземные нѣмецкіе мастера — пусть ей врагъ прикинется! — и неприлично, и не казацкое дѣло. А судя по тому, что есть, непріятель вошелъ въ городъ не съ большимъ запасомъ; телѣгъ что то было съ нимъ немного. Народъ въ городѣ голодный, стало быть, все съѣстъ духомъ, да и конямъ тоже сѣна... ужъ я не знаю, развѣ съ неба кинетъ имъ на

вилы какой-нибудь ихъ святой... только про это еще Богъ знаетъ; а ксендзы то ихъ горады на одни слова. За тѣмъ или за другимъ, а ужъ они выйдутъ изъ города. Раздѣляйся же на три кучи и становись на три дороги передъ тремя воротами. Передъ главными воротами пять куреней, передъ другими по три куреня. Дядькивскій и Корсунскій курень на засаду! Полковникъ Тарасъ съ полкомъ на засаду! Тытаревскій и Тымошевскій курень на запасъ съ праваго бока обоза! Щербиновскій и Стебликивскій верхній — съ лѣваго боку! Да выбирайтесь изъ ряду, молодцы, которые позубастѣй на слово, задирать непріятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпитъ: и можетъ быть, сегодня же всѣ они выйдутъ изъ воротъ. Куренные атаманы, перегляди всякій курень свой: у кого недочетъ, пополни его остатками Переяславскаго. Перегляди все снова! Дать на опохмелъ всѣмъ по чаркѣ, и по хлѣбу на казака. Только, вѣрно, всякій еще вчерашнимъ сытъ, ибо, некуда дѣтъ правды, понаѣдались всѣ такъ, что дивлюсь, какъ ночью никто не лопнулъ. Да вотъ еще одинъ наказъ: если кто-нибудь, шинкаръ-жидъ, продастъ казаку хоть одинъ кухоль сивухи, то я прибью ему на самый лобъ свиное ухо, собакѣ, и повѣшу ногами вверхъ! За работу же, братцы! За работу!

Такъ распоряжалъ кошевой, и всѣ поклонились ему въ поясъ и, не надѣвая шапокъ, отправились по своимъ возамъ и таборамъ, и когда уже совсѣмъ далеко отошли, тогда только надѣли шапки. Всѣ начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порохъ изъ мѣшковъ въ пороховницы, откатывали и становили возы и выбирали коней.

Уходя къ своему полку, Тарасъ думалъ и не могъ придумать, куда бы дѣвался Андрій: — Полонили ли его вмѣстѣ съ другими и связали соннаго? только нѣтъ, не таковъ Андрій, чтобы от-

дался живымъ въ плѣнъ.—Между убитыми казаками тоже не было его видно. Задумался крѣпко Тарась и шелъ передъ полкомъ, не слыша, что его давно называлъ кто то по имени. — Кому нужно меня? — сказалъ онъ, наконецъ, очнувшись. Предъ нимъ стоялъ жидъ Янкель.

— Панъ полковникъ, панъ полковникъ! — говорилъ жидъ поспѣшнымъ и прерывистымъ голосомъ, какъ будто бы хотѣлъ объявить дѣло не совсемъ пустое. — Я былъ въ городѣ, панъ полковникъ!

Тарась посмотрѣлъ на жида и подивился тому, что онъ уже успѣлъ побывать въ городѣ. — Какой же врагъ тебя занесъ туда?

— Я тотчасъ расскажу, — сказалъ Янкель. — Какъ только услышалъ я на зарѣ шумъ, и казаки стали стрѣлять, я ухватилъ кафтанъ и, не надѣвая его, побѣжалъ туда бѣгомъ; дорогою уже надѣлъ его въ рукава, потому что хотѣлъ поскорѣй узнать, отчего шумъ, отчего казаки на самой зарѣ стали стрѣлять. Я взялъ и прибѣжалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, въ то время, когда послѣднее войско входило въ городъ. Гляжу — впереди отряда панъ хорунжій, Галяновичъ. Онъ человѣкъ мнѣ знакомый: еще съ третьяго года задолжалъ сто червонныхъ. Я за нимъ, будто бы за тѣмъ, чтобы выправить съ него долгъ, и вошелъ вмѣстѣ съ ними въ городъ.

— Какъ же ты вошелъ въ городъ, да еще и долгъ хотѣлъ выправить? — сказалъ Бульба. — И не велѣлъ онъ тебя тутъ же повѣсить, какъ собаку?

— А, ей Богу, хотѣлъ повѣсить, — отвѣчалъ жидъ: — уже было его слуги совсемъ схватили меня и закинули веревку на шею; но я взмолился пану, сказалъ, что подожду долгъ, сколько панъ хочетъ, и пообѣщалъ еще дать взаймы, какъ только поможетъ мнѣ собрать долги съ другихъ

рыцарей; ибо у пана хорунжаго, — я все скажу пану, — нѣтъ и одного червоннаго въ карманѣ. Хоть у него и есть хутора, и усадьбы, и четыре замка, и степовой земли до самаго Шклова, а грошей у него такъ, какъ у казака, ничего нѣтъ. И теперь, еслибы не вооружили его бреславскіе жидаы, не въ чемъ было бы ему и на войну выѣхать. Онъ и на сеймъ оттого не былъ...

— Что жъ ты дѣлалъ въ городѣ? Видѣлъ нашихъ?

— Какъ же! Нашихъ тамъ много: Ицка, Рахумъ, Самуйло, Хайвалохъ, еврей-арендаторъ...

— Пропади они, собаки! — вскрикнулъ, разсердившись, Тарасъ. — Что ты мнѣ тычешь свое жидовское племя? Я тебя спрашиваю про нашихъ запорожцевъ.

— Нашихъ запорожцевъ не видалъ, а видалъ одного пана Андрія,

— Андрія видѣлъ? — вскрикнулъ Бульба. — Что жъ ты, гдѣ видѣлъ его? въ подвалѣ? въ ямѣ? Обезчещенъ? связанъ?

— Кто же бы смѣлъ связать пана Андрія? Теперь онъ такой важный рыцарь... Далибугъ¹, я не узналъ! И наплечники въ золотѣ, и нарукавники въ золотѣ, и зеркало въ золотѣ, и шапка въ золотѣ, и по поясу золото, и вездѣ золото, и все золото. Такъ, какъ солнце взглянетъ весною, когда въ огородѣ всякая птичка пищитъ и поетъ, и травка пахнетъ, такъ и онъ весь сіяетъ въ золотѣ. И коня ему далъ воевода самаго лучшаго подъ верхъ; два ста червонныхъ стоитъ одинъ конь.

Бульба остолбенѣлъ: — Зачѣмъ же онъ надѣлъ чужое одѣянье?

— Потому что лучше, потому и надѣлъ. И самъ разѣзжаетъ, и другіе разѣзжаютъ; и онъ

¹ Ей Богу.

учить, и его учать: какъ наибогатѣйшій польскій панъ.

— Кто жъ его принудилъ?

— Я жъ не говорю, чтобы его кто принудилъ. Развѣ панъ не знаетъ, что онъ по своей волѣ перешелъ къ нимъ?

— Кто перешелъ?

— А панъ Андрій.

— Куда перешелъ?

— Перешелъ на ихъ сторону; онъ ужъ теперь совсѣмъ ихній.

— Врешь, свиное ухо!

— Какъ же можно, чтобы я вралъ? Дуракъ я развѣ, чтобы вралъ? На свою бы голову я вралъ? Развѣ я не знаю, что жиды повѣсятъ, какъ собаку, коли онъ совретъ передъ паномъ?

— Такъ это выходитъ, онъ, по-твоему, продалъ отчизну и вѣру?

— Я же не говорю этого, чтобы онъ продавалъ что: я сказалъ только, что онъ перешелъ къ нимъ.

— Врешь, чортовъ жидъ! Такого дѣла не было на христіанской землѣ! Ты путаешь, собака!

— Пусть трава порастетъ на порогъ моего дома, если я путаю. Пусть всякій наплюетъ на могилу отца, матери, свекора, и отца отца моего, и отца матери моей, если я путаю. Если панъ хочетъ, я даже скажу, и отчего онъ перешелъ къ нимъ.

— Отчего?

— У воеводы есть дочка-красавица. Святой Боже, какая красавица! — Здѣсь жидъ постарался, какъ только могъ, выразить въ лицѣ своемъ красоту, разставивъ руки; прищуривъ глазъ и покрививши на-бокъ ротъ, какъ будто чего-нибудь отвѣдавши.

— Ну, такъ что же изъ того?

— Онъ для нея и сдѣлалъ все, и перешелъ. Коли человѣкъ влюбится, то онъ все равно, что подошва, которую, коли размочишь въ водѣ, возьми, согни — она и согнется.

Крѣпко задумался Бульба. Вспомнилъ онъ, что велика власть слабой женщины, что многихъ сильныхъ погубляла она, что податлива съ этой стороны природа Андрія, и стоялъ онъ долго, какъ вкопанный, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Слушай, панъ, я все расскажу пану, — говорилъ жидъ. — Какъ только услышалъ я шумъ и увидѣлъ, что проходятъ въ городскія ворота, я схватилъ на всякій случай съ собой нитку жемчуга, потому что въ городѣ есть красавицы и дворянки; а коли есть красавицы и дворянки, сказалъ я себѣ, то имъ хоть и ѣсть нечего, а жемчугъ все-таки купятъ. И какъ только хорунжаго слуги пустили меня, я побѣжалъ на воеводинъ дворъ продавать жемчугъ. Разспросилъ все у служанки-татарки: — Будетъ свадьба сейчасъ, какъ только прогонятъ запорожцевъ. Панъ Андрій обѣщалъ прогнать запорожцевъ.

— И ты не убилъ тутъ же на мѣстѣ его, чортова сына? — вскрикнулъ Бульба.

— За что же убить? Онъ перешелъ по доброй волѣ. Чѣмъ человѣкъ виновать? Тамъ ему лучше, туда и перешелъ.

— И ты видѣлъ его въ самое лицо?

— Ей Богу, въ самое лицо! Такой славный вояка! Всѣхъ възрачнѣй. Дай ему Богъ здоровья, меня тотчасъ узналъ; и когда я подошелъ къ нему, тотчасъ сказалъ...

— Что жъ онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ, — прежде кивнулъ пальцемъ, а потомъ уже сказалъ: — Янкель! А я: — панъ Андрій! — говорю. — Янкель! скажи отцу, скажи брату, скажи казакамъ, скажи запорожцамъ, скажи всѣмъ, что отецъ теперь не отецъ мнѣ, братъ не

братъ, товарищъ не товарищъ, и что я съ ними буду биться со всѣми, со всѣми буду биться!

— Врешь, чортовъ Іуда! — закричалъ, вышедъ изъ себя, Тарасъ. — Врешь, собака! Ты и Христа распялъ, проклятый Богомъ человѣкъ! Я тебя убью, сатана! Утекай отсюда, не то — тутъ же тебѣ и смерть! — Сказавши это, Тарасъ выхватилъ свою саблю. Испуганный жидъ припустился тутъ же во всѣ лопатки, какъ только могли вынести его тонкія, сухія икры. Долго еще бѣжалъ онъ безъ оглядки между казацкимъ таборомъ и потомъ далеко по всему чистому полю, хотя Тарасъ вовсе не гнался за нимъ, размысливъ, что неразумно вымещать запальчивость на первомъ повернувшемся.

Теперь припомнилъ онъ, что видѣлъ въ прошлую ночь Андрія, проходившаго по табору съ какой то женщиною, и поникъ сѣдою головою, а все еще не хотѣлъ вѣрить, чтобы могло случиться такое позорное дѣло, и чтобы собственный сынъ его продалъ вѣру и душу.

Наконецъ, повелъ онъ свой полкъ въ засаду и скрылся съ нимъ за лѣсомъ, который одинъ былъ не выжженъ еще казаками. А запорожцы, и пѣшіе и конные, выступали на три дороги къ тремъ воротамъ. Одинъ за другимъ валили курени: Уманскій, Поповичевскій, Каневскій, Стебликивскій, Незамайковскій, Гургузивъ, Тытаревскій, Тymoшевскій. Одного только Переяславскаго не было. Крѣпко курнули ¹ казаки его, и прокурили свою долю. Кто проснулся связанный во вражьихъ рукахъ, кто, и совсѣмъ не просыпаясь, сонный, перешелъ въ сырую землю, и самъ атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, очутился въ ляшскомъ стану.

Въ городѣ слышали казацкое движеніе. Всѣ

¹ Перепились, напились.

высыпали на валъ, и предстала предъ казаковъ живая картина: польскіе витязи, одинъ другого красивѣй, стояли на валу. Мѣдныя шапки сіяли, какъ солнца, оперенныя бѣлыми, какъ лебедь, перьями. На другихъ были легкія шапочки, розовыя и голубыя, съ перегнутыми на-бекрень верхами; кафтаны съ откидными рукавами, шитые золотомъ и просто выложенные шнурками; у тѣхъ сабли и оружья въ дорогихъ оправахъ, за которыя дорого приплачивали паны, — много было всякихъ другихъ убранствъ. Напередѣ стоялъ спесиво, въ красной шапкѣ, убранной золотомъ, буджаковскій полковникъ. Грузенъ былъ полковникъ, всѣхъ выше и толще, и широкій дорогой кафтанъ насилу облекалъ его. На другой сторонѣ, почти къ боковымъ воротамъ, стоялъ другой полковникъ, небольшой человекъ, весь высохшій; но малыя зоркія очи глядѣли живо изъ-подъ густо наросшихъ бровей, и оборачивался онъ скоро на всѣ стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тѣло свое, зналъ онъ хорошо ратную науку. Недалеко отъ него стоялъ хорунжій, длинный, длинный, съ густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка въ краскѣ на лицѣ: любилъ панъ крѣпкіе меды и добрую пирושку. И много было видно за ними всякой шляхты, вооружившейся, кто на свои червонцы, кто на королевскую казну, кто на жидовскія деньги, заложивъ все, что ни нашлось въ жидовскихъ замкахъ. Не мало было и всякихъ сенаторскихъ нахлѣбниковъ, которыхъ брали съ собою сенаторы на обѣды для почета, которые крали со стола и изъ буфетовъ серебряные кубки и, послѣ сегодншняго почета, на другой день садились на козлы править конями у какого-нибудь пана. Всякихъ было тамъ. Иной разъ и выпить было не на что, а на войну всѣ принарядились.

Казацкіе ряды стояли тихо передъ стѣнами. Не было на нихъ ни на комъ золота; только развѣ кое-гдѣ блестѣло оно на сабельныхъ рукоятяхъ и ружейныхъ оправахъ. Не любили казаки богато наряжаться на битвахъ; простыя были на нихъ кольчуги и свиты¹, и далеко чернѣли и червонѣли черныя червоноверхія бараньи ихъ шапки.

Два казака выѣхало впередъ изъ запорожскихъ рядовъ: одинъ еще совсѣмъ молодой, другой постарѣе, оба зубастые на слова, на дѣлѣ тоже не плохіе казаки: Охримъ Нашъ и Мыкыта Голокопытенко. Слѣдомъ за ними выѣхалъ и Демидъ Поповичъ, коренастый казакъ, уже давно маячившій на Сѣчи, бывшій подъ Адріанополемъ и много натерпѣвшійся на вѣку своемъ: горѣлъ въ огнѣ и прибѣжалъ на Сѣчѣ съ обсмоленною, почернѣвшею головою и выгорѣвшими усами; но раздобѣлъ вновь Поповичъ, пустилъ за ухо оселедецъ, вырастилъ усы густые и черные, какъ смоль. И крѣпокъ былъ на ѣдкое слово Поповичъ.

— А, красные жупаны на всемъ войскѣ, да хотѣлъ бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вотъ я васъ! — кричалъ сверху дюжій полковникъ, — всѣхъ перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видѣли, какъ перевязалъ я вашихъ? Выведите имъ на валъ запорожцевъ!

И вывели на валъ скрученныхъ веревками запорожцевъ. Впереди ихъ былъ куренной атаманъ Хлибъ, безъ шароваръ и верхняго убранства, — такъ, какъ схватили его хмельного. Потупилъ въ землю голову атаманъ, стыдяся наготы своей передъ своими же казаками и того, что попалъ въ плѣнъ, какъ собака, сонный. И въ одну ночь посѣдѣла крѣпкая голова его.

— Не печалься, Хлибъ! Выручимъ! — кричали ему снизу казаки.

¹ Верхняя суконная одежда.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куреной атаманъ Бородатый: — въ томъ нѣтъ вины твоей, что схватили тебя нагого: бѣда можетъ быть со всякимъ человѣкомъ; но стыдно имъ, что выставили тебя на позоръ, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонныхъ людей храброе войско? — говорилъ, поглядывая на валъ, Голокопытенко.

— Вотъ, погодите, обрѣжемъ мы вамъ чубы! — кричали имъ сверху.

— А хотѣлъ бы я поглядѣть, какъ они намъ обрѣжутъ чубы! — говорилъ Поповичъ, поворотившись передъ ними на конѣ, и потомъ, поглядѣвши на своихъ, сказалъ: — А что жъ! Можетъ быть, ляхи и правду говорятъ: коли выведетъ ихъ вонъ тотъ пузатый, имъ всѣмъ будетъ добрая защита.

— Отчего жъ ты думаешь, будетъ имъ добрая защита? — сказали казаки, зная, что Поповичъ вѣрно уже готовился что-нибудь отпустить.

— А оттого, что позади его упрячется все войско, и ужъ чорта съ два изъ-за его пуза достанешь котораго-нибудь копьемъ!

Всѣ засмѣялись казаки; и долго многіе изъ нихъ еще покачивали головою, говоря: — Ну, ужъ Поповичъ! Ужъ коли кому закрутить слово, такъ только ну... — Да ужъ и не сказали казаки, что такое „ну“.

— Отступайте, отступайте скорѣй отъ стѣны! — закричалъ кошевой; ибо ляхи, казалось, не выдержали ѣдкаго слова, и полковникъ махнулъ рукой.

Едва только посторонились казаки, какъ грянули съ валу картечью. На валу засуетились, показался самъ сѣдой воевода на конѣ. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выѣхали ровнымъ коннымъ строемъ шитые гусары, за ними кольчужники, потомъ латники съ копьями, потомъ

всѣ въ мѣдныхъ шапкахъ, потомъ ѣхали особнякомъ лучшіе шляхтичи, каждый одѣтый по-своему. Не хотѣли гордые шляхтичи вмѣшаться въ ряды съ другими, и у котораго не было команды, тотъ ѣхалъ одинъ съ своими слугами. Потомъ опять ряды, и за ними выѣхалъ хорунжій; за нимъ опять ряды, и выѣхалъ дюжій полковникъ; а позади всего уже войска выѣхалъ послѣднимъ низенькій полковникъ.

— Не давать имъ! Не давать имъ строиться и становиться въ ряды! — кричалъ кошевой. — Разомъ напирайте на нихъ всѣ курени! Оставляйте всѣ прочія ворота! Тытаревскій курень, нападай съ боку! Дядькивскій курень, нападай съ другого! Напирайте на тыль, Кукубенко и Палывода! Мѣшайте, мѣшайте и розните ихъ!

И ударили со всѣхъ сторонъ казаки, сбили и смѣшали ляховъ, и сами смѣшались. Не дали даже и стрѣльбы произвести; пошло дѣло на мечи, да на копья. Всѣ сбились въ кучу, и каждому привелъ случай показать себя.

Демидъ Поповичъ трехъ закололъ простыхъ и двухъ лучшихъ шляхтичей сбилъ съ коней, говоря: — Вотъ добрые кони! Такихъ коней я давно хотѣлъ достать.—И выгналъ коней далеко въ поле, крича стоявшимъ казакамъ перенять ихъ. Потомъ вновь пробился въ кучу, напалъ опять на сбитыхъ съ коней шляхтичей: одного убилъ, а другому накиннулъ арканъ на шею, привязалъ къ сѣдлу и поволокъ его по всему полю, снявши съ него саблю съ дорогою рукоятью и отвязавши отъ пояса цѣлый черенокъ съ червонцами.

Кобита, добрый казакъ и молодой еще, схватился тоже съ однимъ изъ храбрѣйшихъ въ польскомъ войскѣ, и долго бились они. Сошлись уже въ рукопашный. Одолѣлъ было уже казакъ и, сломивши, ударилъ вострымъ турецкимъ ножомъ въ грудь; но не уберегся самъ: тутъ же въ ви-

сокъ хлопнула его горячая пуля. Свалилъ его знатнѣйшій изъ пановъ, красивѣйшій и древняго княжескаго роду рыцарь. Какъ стройный тополь, носился онъ на буланомъ конѣ своемъ. И много уже показалъ боярской богатырской удали: двухъ запорожцевъ разрубилъ на-двое; Ѳедора Коржа, добраго казака, опрокинулъ вмѣстѣ съ конемъ, выстрѣлилъ по коню и казака досталъ изъ-за коня копьемъ; многимъ отнесъ головы и руки и повадилъ казака Кобиту, вогнавши ему пулю въ високъ.

— Вотъ съ кѣмъ бы я хотѣлъ попробовать силы! — закричалъ незамайковскій куренный атаманъ Кукубенко. Припустивъ коня, налетѣлъ прямо ему въ тылъ и сильно вскрикнулъ, такъ что вздрогнули всѣ близъ стоявшіе отъ нечеловѣческаго крика. Хотѣлъ было поворотить вдругъ своего коня ляхъ и стать ему въ лицо; но не послушался конь: испуганный страшнымъ крикомъ метнулся на сторону, и досталъ его ружейною пулею Кукубенко. Вошла въ спинныя лопатки ему горячая пуля, и свалился онъ съ коня. Но и тутъ не поддался ляхъ, все еще силился нанести врагу ударъ, но ослабѣла упавшая вмѣстѣ съ саблею рука. А Кукубенко, взявъ въ обѣ руки свой тяжелый палашъ, вогналъ его ему въ самыя побѣднѣвшія уста: вышибъ два сахарные зуба палашъ, разсѣкъ на-двое языкъ, разбилъ горловой позвонокъ и вошелъ далеко въ землю. Такъ и пригвоздилъ онъ его тамъ навѣки къ сырой землѣ. Ключомъ хлынула вверхъ алая, какъ надрѣчная калина, высокая дворянская кровь, и выкрасила весь, обшитый золотомъ, желтый кафтанъ его. А Кукубенко уже кинулъ его и пробился съ своими незамайковцами въ другую кучу.

— Эхъ, оставилъ неприбраннымъ такое дорогое убранство! — сказалъ уманскій куренной Бородатый, отѣхавши отъ своихъ къ мѣсту, гдѣ ле-

жалъ убитый Кукубенкомъ шляхтичъ. — Я семерыхъ убилъ шляхтичей своею рукою, а такого убранства еще не видѣлъ ни на комъ. — И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять съ него дорогіе доспѣхи, вынулъ уже турецкій ножъ въ оправѣ изъ самоцвѣтныхъ каменьевъ, отвязалъ огъ пояса черенокъ съ червонцами, снялъ съ груди сумку съ тонкимъ бѣльемъ, дорогимъ серебромъ и дѣвическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память. И не услышалъ Бородатый, какъ налетѣлъ на него сзади красноносый хорунжій, уже разъ сбитый имъ съ сѣдла и получившій добрую зазубрину на память. Размахнулся онъ со всего плеча и ударилъ его саблей по нагнувшейся шеѣ. Не къ добру повела корысть казака: отскочила могучая голова, и упалъ обезглавленный трупъ, далеко вокругъ оросивши землю. Понеслась къ вышинамъ суровая казацкая душа, хмурясь и негодуя, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивуясь, что такъ рано вылетѣла изъ такого крѣпкаго тѣла. Не успѣлъ хорунжій ухватить за чубъ атаманскую голову, чтобы привязать ее къ сѣдлу, а ужъ былъ тутъ суровый мститель.

Какъ плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается распластанный на одномъ мѣстѣ и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перенела, такъ Тарасовъ сынъ, Остапъ, налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку. Побагровѣло еще сильнѣе красное лицо хорунжаго, когда затынула ему горло жестокая петля: схватился онъ было за пистолетъ, но судорожно сведенная рука не могла направить выстрѣла, и пуля даромъ полетѣла въ поле. Остапъ тутъ же, у его же сѣдла, отвязалъ шелковый шнуръ, который возилъ съ собою хорунжій для вязанія плѣнныхъ, и его же шнуромъ связалъ его по рукамъ и по ногамъ, прицѣпилъ конецъ ве-

ревки къ сѣдлу и поволокъ его черезъ поле, сзывая громко всѣхъ казаковъ Уманскаго куреня, чтобы шли отдать послѣднюю честь атаману.

Какъ услышали уманцы, что куренного ихъ атамана Бородатаго нѣтъ уже въ живыхъ, бросали поле битвы и прибѣжали прибрать его тѣло; и тутъ же стали совѣщаться, кого выбрать въ куренные. Наконецъ, сказали: — Да на что совѣщаться? Лучше не можно поставить въ куренные, какъ Бульбенка Остапа: онъ, правда, младшій всѣхъ насъ, но разумъ у него, какъ у стараго человѣка.

Остапъ, снявъ шапку, всѣхъ поблагодарилъ казаковъ-товарищей за честь, не сталъ отговариваться ни молодостью, ни молодымъ разумомъ, зная, что время военное и не до того теперь, а тутъ же повелъ ихъ прямо на кучу и ужъ показалъ имъ всѣмъ, что не даромъ выбрали его въ атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дѣло слишкомъ жарко, отступили и перебѣжали поле, чтобы собраться на другомъ концѣ его. А низенькій полковникъ махнулъ на стоявшія отдѣльно у самыхъ воротъ четыре свѣжія сотни, и грянули оттуда картечью въ казацкія кучи; но мало кого достали: пули хватили по быкамъ казацкимъ, дико глядѣвшимъ на битву. Взревѣли испуганные быки, повертели на казацкіе таборы, переломали возы и многихъ перетоптали. Но Тарасъ въ это время, вырвавшись изъ засады со своимъ полкомъ, съ крикомъ бросился на-переймы. Поворотило назадъ все бѣшеное стадо, испуганное крикомъ, и метнулось на ляхскіе полки, опрокинуло конницу, всѣхъ смяло и разсыпало.

— О, спасибо вамъ, воны! — кричали запорожцы; — служили все походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили съ новыми силами на непріятеля. Много тогда перебили враговъ. Многіе показали себя: Метелиця,

Шило, оба Писаренки, Вовтузенко, и не мало было всякихъ другихъ. Увидѣли ляхи, что плохо, наконецъ, приходитъ, выкинули хоругвь и закричали отворять городскія ворота. Со скрипомъ отворились обитыя желѣзомъ ворота и приняли толпившихся, какъ овецъ въ овчарню, изнуренныхъ и покрытыхъ пылью всадниковъ. Многіе изъ запорожцевъ погнались было за ними, но Остапъ своихъ уманцевъ остановилъ, сказавши: — Подальше, подальше, паны братья, отъ стѣнъ! Не годится близко подходить къ нимъ. — И правду сказалъ, потому что со стѣнъ грянули и посыпали всѣмъ, чѣмъ ни попало, и многимъ досталось. Въ это время подѣхалъ кошевой и похвалилъ Остапа, сказавши: — Вотъ и новый атаманъ, а ведетъ войско такъ, какъ бы и старый! — Оглянулся старый Бульба поглядѣть, какой тамъ новый атаманъ, и увидѣлъ, что впереди всѣхъ уманцевъ сидѣлъ на конѣ Остапъ, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица въ рукѣ. — Вишь ты какой! — сказалъ онъ, глядя на него; и обрадовался старый и сталъ благодарить всѣхъ уманцевъ за честь, оказанную сыну.

Казаки вновь отступили, готовясь идти къ таборамъ, а на городскомъ валу вновь показались ляхи, уже съ изорванными епанчами. Запеклася кровь на многихъ дорогихъ кафтанахъ, и пылью покрылись красивыя мѣдныя шапки.

— Что, перевязали? — кричали имъ снизу запорожцы.

— Вотъ я васъ! — кричалъ все такъ же сверху толстый полковникъ, показывая веревку; и все еще не переставали грозить запыленные, изнуренные воины, и всѣ, бывшіе позадорнѣе, перекинулись съ обѣихъ сторонъ бойкими словами.

Наконецъ, разошлись всѣ. Кто расположился отдыхать, истомившись отъ боя; кто присыпалъ землей свои раны и дралъ на перевязки платки и

дорогія одежды, снятыя съ убитаго непріятеля. Другіе же, которые были посвѣжѣе, стали прибирать тѣла и отдавать имъ послѣднюю почесть: палашами, копьями копали могилы; шапками, полами выносили землю; сложили честно казацкія тѣла и засыпали ихъ свѣжею землею, чтобы не досталось воронамъ и хищнымъ орламъ выклевать имъ очи. А ляхскія тѣла, увязавши, какъ попало, десятками къ хвостамъ дикихъ коней, пустили ихъ по всему полю, и долго потомъ гнались за ними и хлестали ихъ по бокамъ. Летѣли бѣшеные кони по бороздамъ, буграмъ, черезъ рвы и потоки, и бились о землю покрытые кровью и прахомъ ляхскіе трупы.

Потомъ сѣли кругами всѣ курени вечерять ¹ и долго говорили о дѣлахъ и подвигахъ, доставшихся въ удѣлъ каждому, на вѣчный разсказъ пришельцамъ и потомству. Долго не ложились они; а долѣе всѣхъ не ложился старый Тарасъ, все размышляя, что бы значило, что Андрія не было между вражьихъ воевъ. Посовѣстился ли Іуда выйти противу своихъ, или обманулъ жидъ, и попался онъ, просто, въ неволю. Но тутъ же вспомнилъ онъ, что не въ мѣру было наклончиво сердце Андрія на женскія рѣчи, почувствовалъ скорбь и заклился сильно въ душѣ противъ полячки, причаровавшей его сына. И выполнилъ бы онъ свою клятву: не поглядѣлъ бы на ея красоту, вытащилъ бы ее за густую, пышную косу, поволокъ бы ее за собою по всему полю между всѣхъ казаковъ. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ея чудныя груди и плечи, блескомъ равныя нетающимъ снѣгамъ, что покрываютъ горныя вершины. Разнесъ бы по частямъ онъ ея пышное, прекрасное тѣло. Но не вѣдалъ Бульба того, что готовить Богъ человѣку завтра,

¹ Ужинать.

и сталъ позабываться сномъ и, наконецъ, заснулъ. А казаки все еще говорили промежъ собой, и всю ночь стояла у огней, приглядываясь пристально во всѣ концы, трезвая, не смыкавшая очей стража.

VIII.

Еще солнце не дошло до половины неба, какъ всѣ запорожцы собрались въ круги. Изъ Сѣчи пришла вѣсть, что татары, во время отлучки казаковъ, ограбили въ ней все, вырыли скарбъ, который втайнѣ держали казаки подъ землею, избили и забрали въ плѣнъ всѣхъ, которые оставались, и со всѣми забранными стадами и табунами направили путь прямо къ Перекопу. Одинъ только казакъ, Максимъ Голодуха, вырвался дорогою изъ татарскихъ рукъ, закололъ мирзу, отвязалъ у него мѣшокъ съ цехинами и на татарскомъ конѣ, въ татарской одеждѣ, полтора дня и двѣ ночи уходилъ отъ погони, загналъ на-смерть коня, пересѣлъ дорогою на другого, загналъ и того, и уже на третьемъ пріѣхалъ въ запорожскій таборъ, развѣдавъ на дорогѣ, что запорожцы были подъ Дубномъ. Только и успѣлъ объявить онъ, что случилось такое зло: но отчего, оно случилось, курнули ли оставшіеся запорожцы, по казацкому обычаю, и пьяными отдались въ плѣнъ, и какъ узнали татары мѣсто, гдѣ былъ зарытъ войсковой скарбъ, — того ничего не сказалъ онъ. Сильно истомился казакъ, распухъ весь, лицо пожгло и опалило ему вѣтромъ; упалъ онъ тутъ же и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Въ подобныхъ случаяхъ водилось у запорожцевъ гнаться въ ту жъ минуту за похитителями, стараясь настигнуть ихъ на дорогѣ, потому что плѣнные какъ разъ могли очутиться на базарахъ Малой Азіи, въ Смирнѣ, на Критскомъ острову, и

Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ не показались бы чубатая запорожскія головы. Вотъ отчего собрались запорожцы. Всѣ до единого стояли они въ шапкахъ, потому что пришли не съ тѣмъ, чтобы слушать по начальству атаманскій приказъ, но совѣщаться, какъ равные между собою. — Давай совѣтъ прежде старшіе! — закричали въ толпѣ. — Давай совѣтъ кошевой! — говорили другіе.

И кошевой снялъ шапку, ужъ не такъ, какъ начальникъ, а какъ товарищъ, благодарилъ всѣхъ казаковъ за честь и сказалъ: — Много между нами есть старшихъ и совѣтомъ умнѣйшихъ, но коли меня почтили, то мой совѣтъ: не терять, товарищи, времени и гнаться за татаринѣмъ; ибо вы сами знаете, что за человѣкъ татаринъ: онъ не станетъ съ награвленнымъ добромъ ожидать нашего прихода, а мигѣмъ размытарить его, такъ что и слѣдовъ не найдешь. Такъ мой совѣтъ: идти. Мы здѣсь уже погуляли. Ляхи знаютъ, что такое казаки; за вѣру, сколько было по силамъ, отместили; корысти же съ голоднаго города немного. Итакъ, мой совѣтъ — идти.

— Идти! — раздалось голосно въ запорожскихъ куреняхъ. Но Тарасу Бульбѣ не пришлось по душѣ такія слова, и навѣсилъ онъ еще ниже на очи свои хмурья, изчерна-бѣлыя брови, подобныя кустамъ, выросшимъ по высокому темени горы, которыхъ верхушки вплоть занесъ иглистый сѣверный иней.

— Нѣтъ, не правъ совѣтъ твой, кошевой! — сказалъ онъ. — Ты не такъ говоришь: ты позабылъ, видно, что въ плѣну остаются наши, захваченные ляхами? Ты хочешь, видно, чтобъ мы не уважили перваго святого закона товарищества, оставили бы братьевъ своихъ на то, чтобы съ нихъ съ живыхъ содрали кожу, или, исчетвертовавъ на части казацкое ихъ тѣло, развозили бы ихъ по городамъ и селамъ, какъ уже сдѣлали они

съ гетьманомъ и лучшими русскими витязями на Украинѣ. Развѣ мало они поругались и безъ того надъ святынею? Что жъ мы такое? спрашиваю я всѣхъ васъ. Что жъ за казакъ тотъ, который кинулъ въ бѣдѣ товарища, кинулъ его, какъ собаку, пропасть на чужбинѣ? Коли ужъ на то пошло, что всякій ни во что ставитъ казацкую честь, позволивъ себѣ плюнуть въ сѣдые усы свои и прекратить себя обиднымъ словомъ, такъ не укорить же никто меня. Одинъ остаюсь!

Поколебались всѣ стоявшіе запорожцы.

— А развѣ ты позабылъ, бравый полковникъ, — сказалъ тогда кошевой, — что у татаръ въ рукахъ тоже наши товарищи, что если мы теперь ихъ не выручимъ, то жизнь ихъ будетъ продана на вѣчное невольничество язычникамъ, что хуже всякой лютой смерти? Позабылъ развѣ, что у нихъ теперь вся казна наша, добытая христіанскою кровью?

Задумались всѣ казаки и не знали, что сказать. Никому не хотѣлось изъ нихъ заслужить обидную славу. Тогда вышелъ впередъ всѣхъ старѣйшій годами во всемъ запорожскомъ войскѣ, Касьянъ Бовдюгъ. Въ чести былъ онъ отъ всѣхъ казаковъ; два раза уже былъ избираемъ кошевымъ и на войнахъ тоже былъ сильно добрый казакъ, но уже давно состарѣлся и не бывалъ ни въ какихъ походахъ; не любилъ тоже и совѣтовъ давать никому, а любилъ старый вояка лежать на боку у казацкихъ круговъ, слушая рассказы про всякіе бывалые случаи и казацкіе походы. Никогда не вмѣшивался онъ въ ихъ рѣчи, а все только слушалъ, да прижималъ пальцемъ золу въ своей коротенькой трубкѣ, которой не выпускалъ изо рта, и долго сидѣлъ онъ потомъ, прижмуривъ слегка очи, и не знали казаки, спалъ ли онъ, или все еще слушалъ. Всѣ походы оставался онъ дома; но сей разъ разобрало стараго. Махнулъ рукою

по-казацки и сказалъ: — А не куды пошло? Пойду и я: можетъ, въ чемъ-нибудь буду пригоденъ казачеству! — Всѣ казаки притихли, когда выступилъ онъ теперь передъ собраніе, ибо давно не слышали отъ него никакого слова. Всякій хотѣлъ знать, что скажетъ Бовдюгъ.

— Пришла очередь и мнѣ сказать слово, паны братья! — такъ онъ началъ. — Послушайте, дѣти, стараго. Мудро сказалъ кошевой; и, какъ голова казацкаго войска, обязанный приберегать его и пещись о войсковомъ скарбѣ, мудрѣе ничего онъ не могъ сказать. Вотъ что! Это пусть будетъ первая моя рѣчь! А теперь послушайте, что скажетъ моя другая рѣчь. А вотъ что скажетъ моя другая рѣчь: большую правду сказалъ и Тарасъ, полковникъ, дай, Боже, ему побольше вѣку, и чтобъ такихъ полковниковъ было побольше на Украинѣ! Первый долгъ и первая честь казака есть соблюсти товарищество. Сколько ни живу я на вѣку, не слышалъ я, паны братья, чтобы казакъ покинулъ гдѣ или продалъ какъ-нибудь своего товарища. И тѣ, и другіе намъ товарищи — меньше ихъ или больше, все равно, все товарищи, всѣ намъ дороги. Такъ вотъ какая моя рѣчь: тѣ, которымъ милы захваченные татарами, пусть отправляются за татарами, а которымъ милы полоненные ляхами и которымъ не хочется оставлять праваго дѣла, пусть остаются. Кошевой по долгу пойдетъ съ одною половиною за татарами, а другая половина выберетъ себѣ наказнаго атамана. А наказнымъ атаманомъ, коли хотите послушать бѣлой головы, не пригоже быть никому другому, какъ только одному Тарасу Бульбѣ. Нѣтъ изъ насъ никого равнаго ему въ доблести.

Такъ сказалъ Бовдюгъ и затихъ; и обрадовались всѣ казаки, что навелъ ихъ такимъ образомъ на умъ старый. Всѣ вскинули вверхъ шапки и закричали: — Спасибо тебѣ, батько! Молчалъ,

молчалъ, долго молчалъ, да вотъ, наконецъ, и сказалъ: не даромъ говорилъ, когда собирался въ походъ, что будешь пригоденъ казачеству: такъ и сдѣлалось.

— Что, согласны вы на то?—спросилъ кошевой.

— Всѣ согласны! — закричали казаки.

— Стало быть, радъ конецъ?

— Конецъ радъ! — закричали казаки.

— Слушайте жъ теперь войскового приказа, дѣти, — сказалъ кошевой, выступилъ впередъ и надѣлъ шапку, а всѣ запорожцы, сколько ихъ ни было, сняли свои шапки и остались съ непокрытыми головами, утупивъ очи въ землю, какъ бывало всегда между казаками, когда собирался что говорить старшій. — Теперь отдѣляйтесь, паны братья! Кто хочетъ идти, ступай на правую сторону, а кто остается, отходи на лѣвую! Куды большая часть куреня переходитъ, туды и атаманъ; коли меньшая часть переходитъ, приставай къ другимъ куренямъ.

И всѣ стали переходить кто на правую, кто на лѣвую сторону. Котораго куреня большая часть переходила, туды и куренный атаманъ переходилъ; котораго малая часть, та приставала къ другимъ куренямъ; и вышло безъ малаго не поровну на всякой сторонѣ. Захотѣли остаться: весь почти Незамайковскій курень, большая половина Поповичевского куреня, весь Уманскій курень, весь Каневскій курень, большая половина Стебликивскаго куреня, большая половина Тymoшевскаго куреня. Всѣ остальные вызвались идти въ-догонъ за татарами. Много было на обѣихъ сторонахъ дюжихъ и храбрыхъ казаковъ. Между тѣми, которые рѣшились идти вслѣдъ за татарами, былъ Череватый, добрый старый казакъ, Покотыполе, Лемишъ, Прокоповичъ Хома; Демидъ Поповичъ тоже перешелъ туды, потому что былъ сильно завзятаго нрава казакъ, не могъ долго высидѣть на мѣстѣ: съ ляхами попробовалъ уже онъ дѣла, хо-

тѣлось попробовать еще съ татарами. Куренные были: Ностюганъ, Покрышка, Невылычкій, и много еще другихъ славныхъ и храбрыхъ казаковъ захотѣло попробовать меча и могучаго плеча въ схваткѣ съ татаринѣмъ. Не мало было также сильно и сильно добрыхъ казаковъ между тѣми, которые захотѣли остаться: куренные Деметровичъ, Кукубенко, Вертыхвистъ, Балабанъ, Бульбенко Остапъ. Потомъ много было еще другихъ именитыхъ и дюжихъ казаковъ: Вовтузенко, Червыченко, Степанъ Гуска, Охримъ Гуска, Мыкола Густый, Задорожній, Метелиця, Иванъ Закрутыгуба, Мосій Шило, Дегтяренко, Сыдоренко, Писаренко, потомъ другой Писаренко, потомъ еще Писаренко, и много было другихъ добрыхъ казаковъ. Всѣ были хожалые, ѣзжалые: ходили по анатольскимъ берегамъ, по крымскимъ солончакамъ и степямъ, по всѣмъ рѣчкамъ большимъ и малымъ, которыя впадали въ Днѣпръ, по всѣмъ заходамъ и днѣпровскимъ островамъ; бывали въ молдавской, волошской, въ турецкой землѣ; изѣздили все Черное море двухрульными казацкими челнами; нападали въ пятьдесятъ челновъ въ рядъ на богатѣйшіе и превысокіе корабли; перетопили не мало турецкихъ галеръ и много, много выстрѣлили пороху на своемъ вѣку. Не разъ драли на онучи дорогія паволоки ¹ и оксамиты ²; не разъ черешши ³ у штанныхъ очкуровъ набивали все чистыми цехинами ⁴. А сколько всякій изъ нихъ пропилъ и прогулялъ добра, ставшаго бы другому на всю жизнь, того и счесть нельзя. Все спустили покацацки, угощая весь міръ и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свѣтѣ. Еще и теперь у рѣдкаго изъ нихъ не было закопано до-

¹ Парча.

² Бархатъ.

³ Кошельки.

⁴ Золотыя монеты.

бра: кружекъ, серебряныхъ ковшей и запястьевъ, подъ камышами на днѣпровскихъ островахъ, чтобы не довелось татарину найти его, еслибы, въ случаѣ несчастья, удалось ему напасть врасплохъ на Сѣчъ; но трудно было бы татарину найти его, потому что и самъ хозяинъ уже сталъ забывать, въ которомъ мѣстѣ закопалъ его. Такіе то были казаки, захотѣвшіе остаться и отмстить ляхамъ за вѣрныхъ товарищей и Христову вѣру! Старый казакъ Бовдюгъ захотѣлъ также остаться съ ними, сказавши: — Теперь не такія мои лѣта, чтобы гоняться за татарами, а тутъ есть мѣсто, гдѣ опочить доброю казацкою смертію. Давно уже просилъ я у Бога, чтобы если придется кончать жизнь, то чтобы кончить ее на войнѣ за святое и христіанское дѣло. Такъ оно и случилось. Славнѣйшей кончины уже не будетъ въ другомъ мѣстѣ для стараго казака.

Когда отдѣлились всѣ и стали на двѣ стороны въ два ряда куренями, кошевой прошелъ промежъ рядовъ и сказалъ:

— А что, панове братове, довольны одна сторона другою?

— Всѣ довольны, батько! — отвѣчали казаки.

— Ну, такъ поцѣлуйтесь же и дайте другъ другу прощанье, ибо, Богъ знаетъ, приведется ли въ жизни еще увидѣться. Слушайте своего атамана, а исполняйте то, что сами знаете: сами знаете, что велитъ казацкая честь

И всѣ казаки, сколько ихъ ни было, перецѣловались между собою. Начали первые атаманы, и, поведши рукою сѣдые усы свои, поцѣловались навкрестъ и потомъ взяли за руки и крѣпко держали руки; хотѣлъ одинъ другого спросить: — Что, пане брате, увидимся или не увидимся? — да и не спросили, замолчали, — и загадались ¹ обѣ

¹ Задумать.

сѣдья головы. А казаки всѣ до одной прощались, зная, что много будетъ работы тѣмъ и другимъ; но не повершили, однакожъ, тотчасъ разлучиться, а повершили дожидаться темной ночной поры, чтобы не дать непріятелю увидѣть убыль въ казацкомъ войскѣ. Потомъ всѣ отправились по куренямъ обѣдать.

Послѣ обѣда всѣ, которымъ предстояла дорога, легли отдыхать и спали крѣпко и долгимъ сномъ, какъ будто чуя, что, можетъ, послѣдній сонъ доведется имъ вкусить на такой свободѣ. Спали до самаго заходу солнечнаго; а какъ зашло солнце и немного стемнѣло, стали мазать телѣги. Снарядясь, пустили впередъ возы, а сами, пошанковавшись ¹ еще разъ съ товарищами, тихо пошли вслѣдъ за возами; конница чинно, безъ покрика и посвиста на лошадей, слегка затопотала вслѣдъ за пѣшими, и скоро стало ихъ не видно въ темнотѣ. Глухо отдавалась только конская топъ да скрипъ иного колеса, которое еще не расходилось, или не было хорошо подмазано за ночною темнотою.

Долго еще остававшіеся товарищи махали имъ издали руками, хотя не было ничего видно. А когда сошли и воротились по своимъ мѣстамъ, когда увидѣли при высвѣтившихъ ясно звѣздахъ, что половины телѣгъ уже не было на мѣстѣ, что многихъ, многихъ нѣтъ, невесело стало у всякаго на сердцѣ, и всѣ задумались противъ воли, утупивъ въ землю гульливую свои головы.

Тарасъ видѣлъ, какъ смутны ² стали казацкіе ряды и какъ уныніе, неприличное храброму, стало тихо обнимать казацкія головы; но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ уныньемъ, наведеннымъ прощаньемъ съ товарищами. А между тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши

¹ Попрощавшись.

² Печальны.

по-казацки, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода, передъ другими, что море передъ мелководными рѣками: коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ; коли же безвѣтренно и тихо, яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою неоглядную стеклянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слугамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ онъ былъ въ казацкомъ обозѣ; двойною крѣпкою шиною были обтянуты тяжелыя колеса его; грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возу были все баклаги¹ и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про запасъ, на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута, и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому, до единого, казаку досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое бы и чувство овладѣло человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

— А берите всѣ, — сказалъ Бульба, — всѣ, сколько ни есть, берите, что у кого есть: ковшъ или черпакъ, которымъ поить коня, или рукавицу, или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти.

И казаки всѣ, сколько ни было ихъ, брали: у

¹ Плоскій боченокъ.

кого былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарась пить, пока не дастъ знаку, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что то сказать. Зналъ Тарась, что какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино, и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да присоединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина и духа.

— Я угощаю васъ, паны братья! — такъ сказалъ Бульба — не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь; не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь предъ нами минута. Передъ нами дѣла великаго поту, великой казацкой доблести! Итакъ, выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру: чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ, сколько ни есть басурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему басурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ одного лучше, одинъ одного краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, пане-братове, за вѣру!

— За вѣру! — загомонѣли всѣ, стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами. — За вѣру! — подхватили дальніе — и все, что ни было, и старое, и молодое, выпило за вѣру.

— За Сичь! — сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

— За Сичь! — отдалось густо въ переднихъ рядахъ. — За Сичь! — сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ; и вострепёнувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: — за Сичь! — И слышало далече поле, какъ поминали казаки свою Сичь.

— Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями. — За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно загадались¹ они. Не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они, не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогого оружья, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней; но загадались они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльно море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибрежными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мелкая травка, лѣсами. Какъ орлы, озирали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою. Будетъ, будетъ все поле съ облогами² и дорогами покрыто торчащими ихъ бѣлыми костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями;

¹ Задумались.

² Блокада, осада, ограда.

далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и запущенными книзу усами; будутъ, налетѣвъ, орлы выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно разметавшемся смертномъ нощлегѣ! Не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошокъ съ ружейнаго дула, казацкая слава. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бороною, а, можетъ, еще полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговорить о нихъ: ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую много повергнувъ мастеръ дорогого чистаго серебра, чтобы далече по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву.

IX.

Въ городѣ не узналъ никто, что половина запорожцевъ выступила въ погоню за татарами. Съ магистратской башни примѣтили только часовые, что потянулась часть воевъ за лѣсъ; но подумали, что казаки готовились сдѣлать засаду; то же думалъ и французскій инженеръ. А между тѣмъ слова кошевого не прошли даромъ, и въ городѣ оказался недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ: по обычаю прошедшихъ вѣковъ, войска не разочли, сколько имъ было нужно. Попробовали сдѣлать вылазку, но половина смѣльчаковъ была тутъ же перебита казаками, а половина прогнана въ городъ ни съ чѣмъ. Жиды, однако, воспользовались вылазкою и пронюхали все: куда и зачѣмъ

отправились запорожцы, и съ какими военачальниками, и какіе именно курени, и сколько ихъ числомъ, и сколько было оставшихся на мѣстѣ, и что они думаютъ дѣлать, — словомъ, чрезъ нѣсколько уже минутъ въ городѣ все узнали. Полковники ободрились и готовились дать сраженіе. Тарасъ уже видѣлъ то по движенію и шуму въ городѣ, и расторопно хлопоталъ, строилъ, раздавалъ приказы и наказы, уставлялъ въ три табора курени, обнесши ихъ возами въ видѣ крѣпостей, — родъ битвы, въ которой бывали непобѣдимы запорожцы; двумъ куренямъ повелѣлъ забраться въ засаду; убилъ часть поля острыми кольями, изломаннымъ оружіемъ, обломками копьевъ, чтобы при случаѣ нагнать туда непріятельскую конницу. И когда все было сдѣлано, какъ нужно, сказалъ рѣчь казакамъ, не для того, чтобы ободрить и освѣжить ихъ — зналъ, что и безъ того крѣпки они духомъ, — а, просто, самому хотѣлось высказать все, что было на сердцѣ.

— Хочется мнѣ вамъ сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали отъ отцовъ и дѣдовъ, въ какой чести у всѣхъ была земля наша: и грекамъ дала знать себя, и съ Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русскаго рода, свои князья, а не католическіе недовѣрки. Все взяли басурманы, все пропало; только остались мы, сирые, да, какъ вдовица послѣ крѣпкаго мужа, сирая такъ же, какъ и мы, земля наша! Вотъ въ какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вотъ на чемъ стоитъ наше товарищество! Нѣтъ узъ святѣе товарищества. Отецъ любитъ свое дитя, мать любитъ свое дитя, дитя любитъ отца и мать; но это не то, братцы: любитъ и звѣрь свое дитя! Но породниться родствомъ по душѣ, а не по крови, можетъ одинъ только человѣкъ. Бывали и въ другихъ земляхъ товарищи, но такихъ, какъ въ русской землѣ, не было такихъ то-

варищей. Вамъ случилось не одному помногу пропадать на чужбинѣ; видишь, и тамъ люди! также Божій человекъ, и разговоришься съ нимъ, какъ со своимъ; а какъ дойдетъ до того, чтобы повѣдать сердечное слово — видишь: нѣтъ! умные люди, да не тѣ; такіе же люди, да не тѣ! Нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа, — любить не то, чтобы умомъ или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ — а!.. — сказалъ Тарасъ, и махнулъ рукой, и потрясъ сѣдою головою, и усомъ моргнулъ, и сказалъ: — Нѣтъ, такъ любить никто не можетъ! Знаю, подло завелось теперь въ землѣ нашей: думаютъ только, чтобы при нихъ были хлѣбные стоги, скирды, да конные табуны ихъ, да были бы цѣлы въ погребяхъ запечатанные меды ихъ; перенимаютъ, чортъ знаетъ, какіе бусурманскіе обычаи; гнушаются языкомъ своимъ; свой съ своимъ не хочетъ говорить; свой своего продаетъ, какъ продаютъ бездушную тварь на торговомъ рынкѣ. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польскаго магната, который желтымъ чоботомъ своимъ бьетъ ихъ въ морду, дороже для нихъ всякаго братства. Но у послѣдняго подлюки, каковъ онъ ни есть, хоть весь извалялся онъ въ сажѣ и въ поклонничествѣ, есть и у того, братцы, крупица русскаго чувства; и проснется оно когда-нибудь, — и ударится онъ, горемычный, объ полы руками, схватить себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дѣло. Пусть же знаютъ они всѣ, что такое значить въ русской землѣ товарищество! Ужъ если на то пошло, чтобы умирать, такъ никому жъ изъ нихъ не доведется такъ умирать! никому, никому! Не хватить у нихъ на то мышиною натуры ихъ!

Такъ говорилъ атаманъ, и когда кончилъ рѣчь, все еще потрясалъ посеребрившеюся въ казацкихъ

дѣлахъ головою. Всѣхъ, кто ни стоялъ, разобрала сильно рѣчь, дошедъ далеко до самаго сердца; самые старѣйшіе въ рядахъ стали неподвижны, потупивъ сѣдыя головы въ землю; слеза тихо накатывалася въ старыхъ очахъ; медленно отирали они ее рукавомъ. И потомъ всѣ, какъ будто сговорившись, махнули въ одно время рукою и потрясли бывалыми головами. Знать, видно, много напомнилъ имъ старый Тарасъ знакомаго и лучшаго, что бываетъ на сердцѣ у человѣка, умудреннаго горемъ, трудомъ, удалью и всякимъ невзгодьемъ жизни, или хотя и не познавшаго ихъ, но много почувствоваго молодую, жемчужною душою на вѣчную радость старцамъ-родителямъ, родившимъ ихъ.

А изъ города уже выступало непріятельское войско, гремя въ литавры и трубы, и, подбочившись, выѣзжали паны, окруженные несмѣтными слугами. Толстый полковникъ отдавалъ приказы. И стали наступать они тѣсно на казацкіе таборы, грозя, нацѣливаясь пищалями, сверкая очами и блеща мѣдными доспѣхами. Какъ только увидѣли казаки, что подошли они на ружейный выстрѣлъ, всѣ разомъ грянули въ семипядные пищаля и, не прерывая, все палили изъ пищалей. Далеко понеслось громкое хлопанье по всѣмъ окрестнымъ полямъ и нивамъ, сливаясь въ непрерывный гулъ; дымомъ затянуло все поле; а запорожцы все палили, не переводя духу: задніе только заряжали, да передавали переднимъ, наводя изумленіе на непріятеля, не могшаго понять, какъ стрѣляли казаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великимъ дымомъ, обнявшимъ то и другое войско, не видно было, какъ то одного, то другого не ставало въ рядахъ; но чувствовали ляхи, что густо летѣли пули, и жарко становилось дѣло; и когда попятились назадъ, чтобы посторониться отъ дыма и оглядѣться, то многихъ не досчитались въ

рядахъ своихъ; а у казаковъ, можетъ быть, другой-третій былъ убитъ на всю сотню. И все продолжали палить казаки изъ пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Самъ иноземный инженеръ¹ подивился такой, никогда имъ не виданной, тактикѣ, сказавши тутъ же при всѣхъ: — Вотъ brave молодцы запорожцы! Вотъ какъ нужно биться и другимъ въ другихъ земляхъ! — И далъ совѣтъ поворотить тутъ же на таборъ пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунныя пушки; дрогнула, далеко загудѣвши, земля, и вдвое больше затянуло дымомъ все поле. Почуяли запахъ пороха среди площадей и улицъ въ дальнихъ и ближнихъ городахъ. Но цѣлившіе взяли слишкомъ высоко, раскаленные ядра выгнули слишкомъ высокую дугу: страшно завизжавъ по воздуху, перелетѣли они черезъ головы всего табора и углубились далеко въ землю, взорвавъ и взметнувъ высоко на воздухъ черную землю. Ухватилъ себя за волосы французскій инженеръ при видѣ такого неискусства, и самъ принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями непрерывно казаки.

Тарасъ видѣлъ еще издали, что бѣда будетъ всему Незамайковскому и Стебликивскому куреню, и вскрикнулъ зычно: — Выбирайтесь скорѣй изъ-за возовъ и садись всякій на коня! — Но не успѣли бы сдѣлать то и другое казаки, еслибы Остапъ не ударилъ въ самую середину: выбилъ фитили у шести пушкарей, у четырехъ только не могъ выбить: отогнали его назадъ ляхи. А тѣмъ временемъ иноземный капитанъ самъ взялъ въ руку фитиль, чтобы выпалить изъ величайшей пушки, какой никто изъ казаковъ не видывалъ дотолѣ. Страшно глядѣла она широкою пастью, и тысяча смертей глядѣло оттуда. И какъ грянула она, а

¹ Гоголь имѣетъ въ виду французскаго инженера Боплана, оставшаго „Описаніе Украйны“.

за нею слѣдомъ три другія, четырекратно потрясши глухо-отвѣтную землю, — много нанесли онѣ горя! Не по одному казаку взрыдаеть старая мать, ударяя себя костистыми руками въ дряхлыя перси; не одна останется вдова въ Глуховѣ, Немировѣ, Черниговѣ и другихъ городахъ. Будеть, сердечная, выбѣгать всякій день на базаръ, хватаясь за всѣхъ проходящихъ, распознавая каждого изъ нихъ въ очи, нѣтъ ли между ихъ одного, милѣйшаго всѣхъ; но много пройдетъ черезъ городъ всякаго войска, и вѣчно не будетъ между ними одного, милѣйшаго всѣхъ.

Такъ, какъ будто и не бывало половины Незамайковскаго куреня! Какъ градомъ выбиваетъ вдругъ всю ниву, гдѣ, что полновѣсный червонецъ, красовался всякій колосъ, такъ ихъ выбило и положило.

Какъ же вскинулись казаки! Какъ схватились всѣ! Какъ закипѣлъ куренный атаманъ Кукубенко, увидѣвши, что лучшей половины куреня его нѣтъ! Вбился онъ съ остальными своими незамайковцами въ самую середину. Въ гнѣвѣ изсѣкъ въ капусту перваго попавшагося, многихъ конниковъ сбиль съ коней, доставши копьемъ и конника, и коня, пробрался къ пушкарямъ и уже отбилъ одну пушку; а ужъ тамъ, видитъ, хлопочеть уманскій куренный атаманъ, и Степанъ Гуска уже отбиваетъ главную пушку. Оставилъ онъ тѣхъ казаковъ и поворотилъ съ своими въ другую непріятельскую гущу: такъ гдѣ прошли незамайковцы — такъ тамъ и улица! гдѣ поворотили — такъ ужъ тамъ и переулочъ! Такъ и видно, какъ рѣдѣли ряды, и снопами валились ляхи! А у самыхъ воевъ Вовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальнихъ Дегтяренко, а за нимъ куренный атаманъ Вертыхвистъ. Двухъ уже шляхтичей поднялъ на копье Дегтяренко, да напалъ, наконецъ, на неподатли-

ваго третьяго. Увертливъ и крѣпокъ былъ ляхъ, пышной сбруей украшенъ и пятьдесятъ однихъ слугъ привелъ съ собою. Погнулъ онъ крѣпко Дегтяренка, сбиль его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, закричалъ:

— Нѣтъ изъ васъ, собакъ казаковъ, ни одного, кто бы посмѣлъ противостать мнѣ!

— А вотъ есть же! — сказалъ и выступилъ впередъ Мосій Шило. Сильный былъ онъ казакъ, не разъ атаманствовалъ на морѣ и натерпѣлся всякихъ бѣдъ. Схватили ихъ турки у самаго Трапезонта и всѣхъ забрали невольниками на галеры, взяли ихъ по рукамъ и ногамъ въ желѣзные цѣпи, не давали по цѣлымъ недѣлямъ пшена и поили противной морской водою. Все выносили и вытерпѣли бѣдные невольники, лишь бы не перемѣнять православной вѣры. Не вытерпѣлъ атаманъ Мосій Шило, истопталъ ногами святой законъ, скверною чалмой обвинъ грѣшную голову, вошелъ въ довѣренность къ пашѣ, сталъ ключникомъ на кораблѣ и старшимъ надъ всѣми невольниками. Много опечалились оттого бѣдные невольники, ибо знали, что если свой продастъ вѣру и пристанетъ къ угнетателямъ, то тяжелѣй и горше быть подъ его рукой, чѣмъ подъ всякимъ другимъ нехристомъ: такъ и сбылось. Всѣхъ посадилъ Мосій Шило въ новыя цѣпи по три въ рядъ, прикрутилъ имъ до самыхъ бѣлыхъ костей жестокия веревки; всѣхъ перебилъ по шеямъ, угощая подзатыльниками. И когда турки, обрадовавшись, что достали себѣ такого слугу, стали пировать и, позабывъ законъ свой, всѣ перепились, онъ принесъ всѣ шестьдесятъ четыре ключа и роздалъ невольникамъ, чтобы отмыкали себя, бросали бы цѣпи и кандалы въ море, а брали бы на мѣсто того сабли, да рубили турокъ. Много тогда набрали казаки добычи и воротились со славою въ отчизну, и долго бандуристы прославляли Мосіа

Шила¹. Выбрали бы его въ кошевые, да былъ со-
всѣмъ чудный казакъ. Иной разъ повершалъ такое
дѣло, какого мудрѣйшему не придумать, а въ дру-
гой, просто, дурь одолѣвала казака. Пропилъ онъ
и прогулялъ все, всѣмъ задолжалъ на Сѣчи и, въ
прибавку къ тому, прокрался, какъ уличный воръ:
ночью утащилъ изъ чужого куреня всю казацкую
сбрую и заложилъ шинкарю. За такое позорное
дѣло привязали его на базарѣ къ столбу и поло-
жили возлѣ дубину, чтобы всякій, по мѣрѣ силъ
своихъ, отвѣсилъ ему по удару; но не нашлось
такого изъ запорожцевъ, кто бы поднялъ на него
дубину, помня прежнія его заслуги. Таковъ былъ
казакъ Мосій Шило.

— Такъ есть же такіе, которые бьютъ васъ,
собакъ! — сказалъ онъ, кинувшись на него. И ужъ
тамъ то рубились они! И наплечники, и зерцала
погнулись у обоихъ отъ ударовъ. Разрубилъ на
немъ вражій ляхъ желѣзную рубашку, доставъ лез-
веемъ самага тѣла: зачервонѣла² казацкая рубаш-
ка. Но не поглядѣлъ на то Шило, а замахнулся
всей жилистой рукою (тяжела была коренастая
рука) и оглушилъ его внезапно по головѣ. Разле-
тѣлась мѣдная шапка, зашатался и грянулся ляхъ;
а Шило принялся рубить и крестить оглушеннаго.
Не добивай, казакъ, врага, а лучше поверотись
назадъ! Не поверотился казакъ назадъ, и тутъ же
одинъ изъ слугъ убитаго хватилъ его ножомъ въ
шею. Поворотился Шило и ужъ досталъ бы смѣль-
чака; но онъ пропалъ въ пороховомъ дымѣ. Со
всѣхъ сторонъ поднялось хлопанье изъ самопаловъ.
Пошатнулся Шило и почувалъ, что рана была смер-
тельна. Упалъ онъ, наложилъ руку на свою рану
и сказалъ, обратившись къ товарищамъ: — Про-
щайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоитъ
на вѣчныя времена православная русская земля, и

¹ Разсказъ этотъ основанъ на одной изъ малорусскихъ „думъ“.
² Сдѣлалась красною.

будетъ ей вѣчная честь! — И зажмурилъ ослабшія свои очи, и вынеслась казацкая душа изъ суроваго тѣла. А тамъ уже выѣзжалъ Задорожній съ своими, ломилъ ряды куренный Вертыхвистъ и выступалъ Балабанъ.

— А что, паны, — сказалъ Тарасъ, перекликнувшись съ куренными, — есть еще порохъ въ пороховницахъ? Не ослабѣла ли казацкая сила? Не гнутся ли казаки?

— Есть еще, батько, порохъ въ пороховницахъ; не ослабѣла еще казацкая сила; еще не гнутся казаки!

И наперли сильно казаки: совсѣмъ смѣшали всѣ ряды. Низкорослый полковникъ ударилъ сборъ и велѣлъ выкинуть восемь малеванныхъ знаменъ, чтобы собрать своихъ, рассыпавшихся далеко по всему полю. Всѣ бѣжали ляхи къ знаменамъ; но не успѣли они еще выстроиться, какъ уже куренный атаманъ Кукубенко ударилъ вновь съ своими незамайковцами въ середину и напалъ прямо на толстопузаго полковника. Не выдержалъ полковникъ и, поворотивъ коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гналъ его черезъ все поле, не давъ ему соединиться съ полкомъ. Завидѣвъ то съ бокового куреня, Степанъ Гуска пустился ему на-переймы, съ арканомъ въ рукѣ, пригнувши всю голову къ лошадиной шеѣ, и, улучивши время, съ одного раза накинулъ арканъ ему на шею: весь побагровѣлъ полковникъ, ухватясь за веревку обѣими руками и сисясь разорвать ее, но уже дюжіе размахъ вогналъ ему въ самый животъ гибельную пику. Тамъ и остался онъ, пригвожденный къ землѣ. Но не сдобровать и Гускѣ! Не успѣли оглянуться казаки, какъ уже увидѣли Степана Гуску поднятаго на четыре копы. Только и успѣлъ сказать бѣднякъ: — Пусть же пропадутъ всѣ враги, и ликуетъ вѣчные вѣки русская земля!... — И тамъ же испустилъ духъ свой.

Оглянулись казаки, а ужъ тамъ сбоку казакъ Метелиця угощаетъ ляховъ, шеломя того и другого; а ужъ тамъ съ другого напираетъ съ своими атаманъ Невылычкій; а у возовъ ворочаетъ врага и бьетъ Закрутыгуба; а у дальнихъ возовъ третій Писаренко отогналъ уже цѣлую ватагу; а ужъ тамъ, у другихъ возовъ, схватились и бьются на самыхъ возахъ.

— Что, паны, — перекликнулся атаманъ Тарасъ, проѣхавши впереди всѣхъ, — есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Крѣпка ли еще казацкая сила? Не гнутся ли еще казаки?

— Есть еще, батъко, порохъ въ пороховницахъ; еще крѣпка казацкая сила; еще не гнутся казаки!

А ужъ упалъ съ воза Бовдюкъ. Прямо подъ самое сердце припала ему пуля; но собралъ старый весь духъ свой и сказалъ: — Не жаль разстаться съ свѣтомъ. Дай Богъ и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца вѣка русская земля! — И понеслась къ вышинамъ Бовдюгова душа рассказать давно отшедшимъ старцамъ, какъ умѣютъ биться на русской землѣ и, еще лучше того, какъ умѣютъ умирать въ ней за святую вѣру.

Балабанъ, куренный атаманъ, скоро послѣ того грянулся также на землю. Три смертельныя раны достались ему отъ копья, отъ пули и отъ тяжелаго палаша. А былъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ казаковъ; много совершилъ онъ подъ своимъ атаманствомъ морскихъ походовъ, но славнѣе всѣхъ былъ походъ къ анатольскимъ берегамъ. Много набрали они тогда цехиновъ, дорогой турецкой габы¹, киндяковъ² и всякихъ убранствъ, но мыкнули горе на обратномъ пути: попались, сердечные, подъ турецкія ядра. Какъхватило ихъ съ корабля, — половина челновъ закружилась и пере-

¹ Движимость, имущество.

² Бумажная матерія для подкладки; ленты.

вернулась, потопивши не одного въ воду; но привязанные къ бокамъ камыши спасли челны отъ потопленія. Балабанъ отплылъ на всѣхъ веслахъ, сталъ прямо къ солнцу и чрезъ то сдѣлался невиденъ турецкому кораблю. Всю ночь потомъ черпаками и шапками выбирали они воду, латая¹ пробитыя мѣста; изъ казацкихъ штановъ нарѣзали парусовъ, понесли и убѣжали отъ быстрѣйшаго турецкаго корабля. И мало того, что прибыли безбѣдно на Сѣчь, привезли еще златошвейную ризу архимандриту Межигорскаго кievскаго монастыря и на Покровъ, что на Запорожьѣ, окладъ изъ чистаго серебра. И славили долго потомъ бандуристы удачливость казаковъ. — Поникнулъ онъ теперь головою, почуявъ предсмерныя муки, и тихо сказалъ: — Сдается мнѣ, паны-браты, умираю хорошою смертью: семерыхъ изрубилъ, девятерыхъ копьемъ искололъ, истопталъ конемъ вдоволь, а ужъ не припомню, сколькихъ досталъ пулею. Пусть же цвѣтетъ вѣчно русская земля!... — И отлетѣла его душа.

Казаки, казаки! не выдавайте лучшаго цвѣта вашего войска! Уже обступили Кукубенка; уже семь человѣкъ только осталось изъ всего Незамайковскаго куреня; уже и тѣ отбиваются черезъ силу; уже окровавилась на немъ одежда. Самъ Тарась, увидя бѣду его, поспѣшилъ на выручку. Но поздно подоспѣли казаки: уже успѣло ему углубиться подъ сердце копье прежде, чѣмъ были отогнаны обступившіе его враги. Тихо склонился онъ на руки подхватившимъ его казакамъ, и хлынула молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли въ стекляномъ сосудѣ изъ погреба неосторожные слуги: поскользнулись тутъ же у входа и разбили дорогую сулею²: все разлилось на землю вино, и схватилъ себя за голову прибѣжавшій хо-

¹ Чиня.

² Большая бутылъ.

заянъ, сберегавшій его про лучшій случай въ жизни, чтобы, если приведетъ Богъ на старости лѣтъ встрѣтиться съ товарищемъ юности, то чтобы помянуть бы вмѣстѣ съ нимъ прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человѣкъ... Повелъ Кукубенко вокругъ себя очами и проговорилъ: — Благодарю Бога, что довелось мнѣ умереть при глазахъ вашихъ, товарищи! Пусть же послѣ насъ живутъ еще лучшіе, чѣмъ мы, и красуется вѣчно любимая Христомъ русская земля!.. — И вылетѣла молодая душа. Подняли ее ангелы подъ руки и понесли съ небесамъ. Хорошо будетъ ему тамъ. „Садись, Кукубенко, одесную Меня! — скажетъ ему Христосъ: — ты не измѣнилъ товариществу, безчестнаго дѣла не сдѣлалъ, не выдалъ въ бѣдѣ человѣка, хранилъ и сберегалъ Мою церковь“. Всѣхъ опечалила смерть Кукубенка. Уже рѣдѣли сильно казачкіе ряды: многихъ, многихъ храбрыхъ уже не досчитывались; но стояли и держались еще казаки.

— А что, паны, — перекликнулся Тарасъ съ оставшимися куренями, — есть ли еще порохъ въ пороховницахъ? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли казачья сила? Не погнулись ли казаки?

— Достанетъ еще, батько, пороху; годятся еще сабли; не утомилась казачья сила; не гнулись еще казаки!

И рванулись снова казаки такъ, какъ бы и потерь никакихъ не потерпѣли. Уже три только куренныхъ атамана осталось въ живыхъ; червонѣли уже всюду красныя рѣки; высоко гатились ¹ мосты изъ казачьихъ и вражьихъ тѣлъ. Взглянулъ Тарасъ на небо, а ужъ по небу потянулася вереница кречетовъ. Ну, будетъ кому то пожива! А ужъ тамъ подняли на копье Метелицу; уже голова дру-

¹ Дѣлались плотины, строились.

гого Писаренка, завертѣвшись, захлопала очами; уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охримъ Гуска. — Ну! — сказалъ Тарась и махнулъ платкомъ. Понялъ тотъ знакъ Остапъ и ударилъ сильно, вырвавшись изъ засады, въ конницу. Не выдержали сильного напору ляхи, а онъ ихъ гналъ и нагналъ прямо на мѣсто, гдѣ были убиты въ землю колья и обломки копьевъ. Пошли спотыкаться и падать кони, и летѣть черезъ ихъ головы ляхи. А въ это время корсунцы, стоявшіе послѣдними за возами, увидѣвши, что уже достанетъ ружейная пуля, грянули вдругъ изъ самопаловъ. Всѣ сбились и растерялись ляхи, и пріободрились казаки. — Вотъ и наша побѣда! — раздались со всѣхъ сторонъ запорожскіе голоса, затрубили въ трубы и выкинули побѣдную хоругвь. Вездѣ бѣжали и крылись разбитые ляхи. — Ну, нѣтъ, еще не совсѣмъ побѣда! — сказалъ Тарась, глядя на городскія ворота, и сказалъ онъ правду.

Отворились ворота, и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣхъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были всѣ, какъ одинъ, бурые аргамаки¹; впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойчѣе, всѣхъ красивѣе; такъ и летѣли черные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился завязанный на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Такъ и оторопѣлъ Тарась, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій. А онъ между тѣмъ, объятый пыломъ и жаромъ битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарокъ, понесся, какъ молодой борзой песъ, красивѣйшій, быстрѣйшій и молодшій всѣхъ въ стаѣ. Атукнулъ на него опытный охотникъ — и онъ понесся, пустивъ прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на-бокъ всѣмъ тѣломъ, взрывая снѣгъ и десять разъ выпереживая самого зайца въ жару сво-

¹ Реслыя дорогія верховыя лошади (азіатскаго происхожденія).

его бѣга. Остановился старый Тарасъ и глядѣлъ на то, какъ онъ чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налево. Не вытерпѣлъ Тарасъ и закричалъ: — Какъ? своихъ? своихъ, чортовъ сынъ, своихъ бьешь? — Но Андрій не различалъ, кто предъ нимъ былъ, свои или другіе какіе; ничего не видѣлъ онъ. Кудри, кудри онъ видѣлъ, длинныя, длинныя кудри и подобную рѣчному лебедю грудь, и снѣжную шею, и плечи, и все, что создано для безумныхъ поцѣлуевъ.

— Эй, хлопьята! заманите мнѣ только его къ лѣсу, заманите мнѣ только его! — кричалъ Тарасъ. И вызвалось тотъ же часъ тридцать быстрѣйшихъ казаковъ заманить его. И, поправивъ на себѣ высокія шапки, тутъ же пустились на коняхъ, прямо наперерѣзъ гусарамъ. Ударили сбоку на переднихъ, сбили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватилъ плашмя по спинѣ Андрія, и въ тотъ же часъ пустились бѣжать отъ нихъ, сколько достало казацкой мочи. Какъ вскинулся Андрій! Какъ забунтовала по всѣмъ жилкамъ молодая кровь! Ударивъ острыми шпорами коня, во весь духъ полетѣлъ онъ за казаками, не глядя назадъ, не видя, что позади всего только двадцать человѣкъ поспѣвало за нимъ; а казаки летѣли во всю прыть на коняхъ и прямо поворотили къ лѣсу. Разогнался на конѣ Андрій и чуть было уже не настигнулъ Голокопытенка, какъ вдругъ чья то сильная рука ухватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій: предъ нимъ Тарасъ! Затрясся онъ всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ: такъ школьникъ, неосторожно задравшій своего товарища и получившій за то отъ него ударъ линейкою по лбу, вспыхиваетъ, какъ огонь, бѣшенный выскакиваетъ изъ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ ната-

кивается на входящаго въ классъ учителя: вмигъ притихаетъ бѣшенный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость. Подобно тому, въ одинъ мигъ пропаль, какъ бы не бывальъ вовсе, гнѣвъ Андрія. И видѣль онъ передъ собою одного только страшнаго отца.

— Ну, что жъ теперь мы будемъ дѣлать? — сказалъ Тарасъ, смотря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ на то сказать Андрій и стоялъ, утупивши¹ въ землю очи.

— Что, сынку, помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

— Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью! — сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ, какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его, и какъ онъ произносилъ чье то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьевъ—это было имя прекрасной полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувавшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и глядѣль долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованья, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.— Чѣмъ бы не казакъ былъ?—сказалъ Тарасъ:— и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у

¹ Потупивъ.

дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака!

— Батько, что ты сдѣлалъ! Это ты убилъ его? — сказалъ подѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Остапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же: — Предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не поругались надъ нимъ враги, и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы.

— Погребутъ его и безъ насъ! — сказалъ Тарасъ, — будутъ у него плакальщики и утѣшницы!

И минуты двѣ думалъ онъ: кинуть ли его на расхищенье волкамъ-сыромахамъ, или пощадить въ немъ рыцарскую доблесть, которую храбрый долженъ уважать въ комъ бы то ни было, какъ видитъ, скачетъ къ нему на конѣ Голокопытенко: — Бѣда, атаманъ, окрѣпли ляхи, прибыла на подмогу свѣжая сила!.. — Не успѣлъ сказать Голокопытенко, скачетъ Вовтузенко: — Бѣда, атаманъ, новая валить еще сила!.. — Не успѣлъ сказать Вовтузенко, Писаренко бѣжитъ бѣгомъ уже безъ коня: — Гдѣ ты, батьку? Ищутъ тебя казаки. Ужъ убить куренный атаманъ Невылычкій, Задорожній убить, Черевиченко убить, но стоятъ казаки, не хотятъ умирать, не увидѣвъ тебя въ очи: хотятъ, чтобы взглянулъ ты на нихъ передъ смертнымъ часомъ.

— На коня, Остапъ! — сказалъ Тарасъ и спѣшилъ, чтобы застать еще казаковъ, чтобы поглядѣть еще на нихъ, и чтобы они взглянули передъ смертью на своего атамана. Но не выѣхали они еще изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и межъ деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями. — Остапъ! Остапъ! не поддавайся! — кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю на-голо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на

Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ, видно, наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ поотважнѣй, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля — вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. — Добре, сынку! Добре, Остапъ! — кричалъ Тарасъ; — вотъ я слѣдомъ за тобою. — А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплеть гостинцы тому и другому на голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа, и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ. — Остапъ! Остапъ! не поддавайся! — Но ужъ одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накиннулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа. — Эхъ, Остапъ, Остапъ! — кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. — Эхъ, Остапъ, Остапъ!.. — Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и перевернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули предъ нимъ головы, копья, дымъ, блески огня, сучья съ древесными листьями, мелькнувшіе ему въ самыя очи. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ на землю. И туманъ покрылъ его очи.

Х.

— Долго же я спалъ! — сказалъ Тарасъ, очнувшись, какъ послѣ труднаго хмельного сна, и стараясь распознать окружавшіе его предметы. Страшная слабость одолѣвала его члены. Едва метались предъ нимъ стѣны и углы незнакомой свѣтлицы. Наконецъ, замѣтилъ онъ, что предъ нимъ сидѣлъ Товкачъ и, казалось, прислушивался ко всякому его дыханью.

— Да, — подумаль про себя Товкачъ, — заснулъ бы ты, можетъ быть, и навѣки! — Но ничего не сказалъ, погрозилъ пальцемъ и далъ знакъ молчать.

— Да скажи же мнѣ, гдѣ я теперь? — спросилъ опять Тарасъ, напругая умъ и стараясь припомнить бывшее.

— Молчи жъ! — прикрикнулъ сурово на него товарищъ, — чего тебѣ еще хочется знать? Развѣ ты не видишь, что весь изрубленъ? Ужъ двѣ недѣли, какъ мы съ тобою скачемъ, не переводя духу, и какъ ты въ горячкѣ и жару несешь и городишь чепуху. Вотъ въ первый разъ заснулъ покойно. Молчи жъ, если не хочешь нанести самъ себѣ бѣду.

Но Тарасъ все старался и силился собрать свои мысли и припомнить бывшее. — Да, вѣдь, меня же схватили и окружили было совсѣмъ ляхи? Мнѣ жъ не было никакой возможности выбиться изъ толпы?

— Молчи жъ, говорятъ тебѣ, чортова дѣтина! — вскричалъ Товкачъ сердито, какъ нянька, выведенная изъ терпѣнья, кричитъ неугомонному повѣсѣ-ребенку. — Что пользы знать тебѣ, какъ выбрался? Довольно того, что выбрался. Нашлись люди, которые тебя не выдали, — ну, и будетъ съ тебя! Намъ еще не мало ночей скакать вмѣстѣ! Ты думаешь, что пошелъ за простого казака? Нѣтъ, твою голову оцѣнили въ двѣ тысячи червонныхъ.

— А Остапъ? — вскричалъ вдругъ Тарасъ, понатужился приподняться и вдругъ вспомнилъ, какъ Остапа схватили и связали въ глазахъ его, и что онъ теперь уже въ ляхскихъ рукахъ. И обняло горе старую голову. Сорвалъ и сдернулъ онъ всѣ перевязки ранъ своихъ; бросилъ ихъ далеко прочь, хотѣлъ громко что то сказать — и вмѣсто того понесъ чепуху: жаръ и бредъ вновь

овладѣли имъ, и понеслись безъ толку и связи безумныя рѣчи. А между тѣмъ вѣрный товарищъ стоялъ предъ нимъ, бранясь и разсыпая безъ счету жестокия укорительныя слова и упреки. Наконецъ, схватилъ онъ его за ноги и руки, спеленалъ, какъ ребенка, поправилъ всѣ перевязки, увернулъ его воловью кожу, увязалъ въ лубки и, прикрѣпивши веревками къ сѣдлу, помчался вновь съ нимъ въ дорогу.

— Хоть не живого, да довезу тебя! Не попусти, чтобы ляхи поглумились надъ твоей казацкою породою, на куски рвали бы твое тѣло, да бросали его въ воду. Пусть же, хоть и будетъ орелъ высмывать¹ изъ твоего лба очи, да пусть же степовой нашъ орелъ, а не ляшскій, не тотъ, что прилетаетъ изъ польской земли. Хоть неживого, а довезу тебя до Украйны.

Такъ говорилъ вѣрный товарищъ. Скакалъ безъ отдыха дни и ночи и привезъ его безчувственного въ самую Запорожскую Сѣчь. Тамъ принялся онъ лѣчить его неумоимо травами и смачиваньями; нашелъ какую то знающую жидовку, которая мѣсяцъ поила его разными снадобьями, и, наконецъ, Тарасу стало лучше. Лѣкарство ли, или своя желѣзная сила взяла верхъ, только онъ черезъ полтора мѣсяца сталъ на ноги; раны зажили, и только одни сабельные рубцы давали знать, какъ глубоко когда то былъ раненъ старый казакъ. Однако же, замѣтно сталъ онъ пасмуренъ и печаленъ. Три тяжелыя морщины насунулись на лобъ его и уже больше никогда не сходили съ него. Оглянувшись онъ теперь вокругъ себя: все новое на Сѣчи, всѣ перемерли старые товарищи. Ни одного изъ тѣхъ, которые стояли за правое дѣло, за вѣру и братство. И тѣ, которые отправились съ кошевымъ въ угонъ за татарами, и тѣхъ уже не

¹ Выдирать.

было давно: всѣ положили головы, всѣ сгибли, кто положивъ на самомъ бою честную голову, кто отъ безводья и безхлѣбья, среди крымскихъ солончаковъ; кто въ плѣну пропалъ, не вынеши позора; и самого прежняго кошевого уже давно не было на свѣтѣ, и никого изъ старыхъ товарищей, и уже давно поросла травой когда то кипѣвшая казачья сила. Слышалъ онъ только, что былъ пиръ сильный, шумный пиръ: вся перебита вдребезги посуда; нигдѣ не осталось вина ни капли, расхитили гости и слуги всѣ дорогіе кубки и сосуды—и смутный¹ стоитъ хозяинъ дома, думая: „Лучше бѣ и не было того пира“. Напрасно старались занять и развеселить Тараса; напрасно бородатые, сѣдые бандиристы, проходя по два и по три, разславляли его казацкіе подвиги — сурово и равнодушно глядѣлъ онъ на все, и на неподвижномъ лицѣ его выступала неугасимая горестъ, и тихо, понутивъ голову, говорилъ онъ: — Сынъ мой! Остатъ мой!

Запорожцы собирались на морскую эспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтушіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ. Она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запорожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за

¹ Печальный.

ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатью боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Онъ уходилъ въ луга и степи, будто бы за охотою, но зарядъ его оставался невыстрѣленнымъ. И, положивъ ружье, полный тоски, садился онъ на морской берегъ. Долго сидѣлъ онъ тамъ, понуривъ голову и все говоря: — Остапъ мой! Остапъ мой! — Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усь его серебрился, и слеза капала одна за другою.

И не выдержалъ, наконецъ, Тарасъ: „Что бы ни было, пойду развѣдать, что онъ: живъ ли онъ? въ могилѣ? или уже и въ самой могилѣ нѣтъ его? Развѣдаю, во что бы ни стало!“ И черезъ недѣлю уже очутился онъ въ городѣ Умани, вооруженный, на конѣ, съ копьемъ, саблей, дорожной баклагой у сѣдла, походнымъ горшкомъ съ саламатой¹, пороховыми патронами, лошадиными путами и прочимъ снарядомъ. Онъ прямо подѣхалъ къ нечистому, запачканному домишкѣ, у котораго небольшія окошки едва были видны, закопченныя неизвестно чѣмъ; труба заткнута была тряпкою, и дырявая крыша вся была покрыта воробьями. Куча всякаго сору лежала предъ самыми дверьми. Изъ окна выглядывала голова жидовки въ чепцѣ съ потемнѣвшими жемчугами.

— Мужъ дома? — сказалъ Бульба, слѣзая съ коня и привязывая поводъ къ желѣзному крючку, бывшему у самыхъ дверей.

— Дома, — сказала жидовка и поспѣшила тотъ

¹ Толокно.

же часъ выйти съ пшеницей въ корчикѣ¹ для коня и стопой² пива для рыцаря.

— Гдѣ же твой жидъ?

— Онъ въ другой свѣтлицѣ, молится, — проговорила жидовка, кланаясь и пожелавъ здоровья въ то время, когда Бульба поднесъ къ губамъ стопу.

— Оставайся здѣсь, накорми и напои моего коня, а я пойду, поговорю съ нимъ одинъ. У меня до него дѣло.

Этотъ жидъ былъ извѣстный Янкель. Онъ уже очутился тутъ арендаторомъ и корчмаремъ; прибралъ понемногу всѣхъ окружныхъ цановъ и шляхтичей въ свои руки, высосалъ понемногу почти всѣ деньги и сильно означилъ свое жидовское присутствіе въ той странѣ. На разстояніи трехъ миль во всѣ стороны не оставалось ни одной избы въ порядкѣ: все валилось и дряхлѣло, все пораспивалось, и осталась бѣдность, да лохмотья; какъ послѣ пожара или чумы вывѣтрился весь край. И еслибы десять лѣтъ еще пожилъ тамъ Янкель, то онъ, вѣроятно, вывѣтрилъ бы и все воеводство.

Тарасъ вошелъ въ свѣтлицу. Жидъ молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Такъ и бросились жиду прежде всего въ глаза двѣ тысячи червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ постыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. — Я спасъ

¹ Ковшъ.

² Вольшая кружка (часть ведра).

твою жизнь — тебя бы разорвали, какъ собаку, запорожцы, — теперь твоя очередь, теперь сдѣлай мнѣ услугу!

Лицо жида нѣсколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?

— Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву.

— Въ Варшаву? Какъ, въ Варшаву? — сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

— Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву. Что бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.

— Кому сказать слово?

— Ему, Остапу, сыну моему.

— Развѣ панъ не слышалъ, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову даютъ двѣ тысячи червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ пять тысячъ дамъ. Вотъ тебѣ двѣ тысячи сейчасъ (Бульба высыпалъ изъ кожаного гамана ¹ двѣ тысячи червонныхъ), а остальные — какъ ворочусь.

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

— Ай, славная монета! Ай, добрая монета! — говорилъ онъ, вертя одинъ червонецъ въ рукахъ и пробуя на зубахъ. — Я думаю, тотъ человѣкъ, у котораго панъ обобралъ такіе хорошіе червонцы, и часу не прожилъ на свѣтѣ: пошелъ тотъ же часъ въ рѣку, да и утонулъ тамъ послѣ такихъ славныхъ червонцевъ.

— Я бы не просилъ тебя. Я бы самъ, можетъ быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи; ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы. Вы хоть чорта проведете;

¹ Кошелекъ, мѣшокъ.

вы знаете всѣ штуки: вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!

— А панъ думаетъ, что такъ прямо взялъ кобылу, запрегъ, да и: „Эй, ну, пошелъ, сивка!“ Думаетъ панъ, что можно такъ, какъ есть, не спрятавши, везти пана?

— Ну, такъ прячь, прячь, какъ знаешь; въ порожнюю бочку, что ли?

— Ай, ай! А панъ думаетъ, развѣ можно спрятать его въ бочку? Панъ развѣ не знаетъ, что всякій подумаетъ, что въ бочкѣ горѣлка?

— Ну, такъ и пусть думаетъ, что горѣлка ¹.

— Какъ? Пусть думаетъ, что горѣлка? — сказалъ жидъ и схватилъ себя обѣими руками за пейсики и потомъ поднялъ кверху обѣ руки.

— Ну, что же ты такъ оторопѣлъ?

— А панъ развѣ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все лакомки, ласуны ²: шляхтичъ будетъ бѣжать верстъ пять за бочкой, продолбитъ какъ разъ дырочку, тотчасъ увидитъ, что не течетъ, и скажетъ: — Жидъ не повезетъ порожнюю бочку; вѣрно, тутъ есть что-нибудь! Схватить жида, связать жида, отобрать всѣ деньги у жида, посадить въ тюрьму жида! — Потому что все, что ни есть недобраго, все валится на жида; потому что жида всякій принимаетъ за собаку; потому что думаютъ, ужъ и не человѣкъ, коли жидъ!

— Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою!

— Не можно, панъ; ей Богу, не можно. По всей Польшѣ люди голодны теперь, какъ собаки: и рыбу раскрадутъ, и пана нащупаютъ.

— Такъ вези меня хоть на чортъ, только вези!

¹ Водка.

² Лакомки.

— Слушай, слушай, панъ! — сказалъ жидъ, посунувши обшлага рукавовъ своихъ и подходя къ нему съ растопыренными руками. — Вотъ что мы сдѣлаемъ. Теперь строить вездѣ крѣпости и замки; изъ Нѣметчины пріѣхали французскіе инженеры, а потому по дорогамъ везутъ много кирпичу и камней. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичомъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, коли будетъ тяжело; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Дѣлай, какъ хочешь, только вези!

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные, курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ жидовскаго яломка ¹ по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади, длинный, какъ верста, поставленная на дорогѣ.

XI.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣздчиковъ, этой страшной грозы предприимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частію для своего собственнаго удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы, и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главныя городскія ворота. Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ и боль-

¹ Шапочка.

ше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ короткомъ, запачканномъ пылью рысакѣ, поверотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома, со множествомъ протянутыхъ изъ оконъ жердей, увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что только было у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможные удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькіе панталонцы и копченый гусь. Иногда довольно смазливенькое личико еврейки, убранное потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Куча жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна; тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчій, и Янкель тотчасъ въѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бѣльба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и хотя трудно уговорить стражей, но, однакъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ съ тремя жидами въ комнату.

Жидаы начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждого изъ нихъ. Что то, казалось, сильно потрясло его: на грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое то сокрушительное пламя надежды, — надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія; старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

— Слушайте, жидаы! — сказалъ онъ, и въ словахъ его было что то восторженное. — Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ. Вотъ я этому человѣку обѣщаль двѣнадцать тысячъ червонныхъ, — я прибавляю еще двѣнадцать. Всѣ, какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ.

— О, не можно, любезный панъ, не можно! — сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно! — сказалъ другой жидъ. Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

— А попробовать, — сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ, — можетъ быть, Богъ дастъ.

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба, какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ

отгадать: онъ слышалъ только часто произносимое слово „Мардохай“, и больше нечего.

— Слушай, панъ! — сказалъ Янкель, — нужно посоветоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то ужъ никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ, и не впускай никого! — Жиды вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жиды остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно; къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ, и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай“. Жиды безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы; наконецъ, въ концѣ ея изъ-за одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькали фалды полукафтанья. — А, Мардохай! Мардохай! — закричали всѣ жиды въ одинъ голосъ. Тошій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой толпѣ, и всѣ жиды наперерывъ спѣшили рассказывать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ поглядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ догадывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай размахивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто плевалъ на сторону и, подымая фалды полукафтанья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ какія то побрякушки, при чемъ показывалъ прескверные свои панталоны. Наконецъ, всѣ жиды подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій насторожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопасность, но, вспомнивши, что жиды не могутъ иначе разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жида вмѣстѣ вошли въ его комнату. Мардохай приблизился къ Тарасу, потрепалъ его по плечу и сказалъ: — Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже будетъ такъ, какъ нужно.

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую надежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣкоторое довѣріе: верхняя губа у него была, просто, страшилище; толщина ея, безъ сомнѣнія, увеличилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у этого Соломона было только пятнадцать волосковъ, и то на лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько знаковъ побоевъ, полученныхъ за удалство, что онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, исполненными удивленія къ его мудрости. Бульба остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небываломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ въ жизни безпокойство. Душа его была въ лихорадочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній, непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ; онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся въ концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не открывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно? — спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жида собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-

подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что то сказать, но наговорилъ такую дрянъ, что Тарась ничего не понялъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

— О, любезный панъ! — сказалъ Янкель, — теперь совсѣмъ не можно! Ей Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.

Тарась глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

— А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не всходило. Часовые соглашаются, и одинъ левентарь¹ общался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья, ой, вей миръ! Что это за корыстный народъ! И между нами такихъ нѣтъ: пятьдесятъ червонцевъ я далъ каждому, а левентарю . . .

— Хорошо. Веди меня къ нему! — произнесъ Тарась рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу. Онъ согласился на предложеніе Янкеля переодѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ припасти дальновидный жидъ. Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ для Бульбы. Янкель легъ на полу на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой то настойки, скинулъ полукафтанье, и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ

¹ Вѣроятно, региментарь — завѣдующій, начальствующій, командующій.

своею жидовкой во что то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа. Но Тарасъ не спалъ; онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу; онъ держалъ во рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля: — Вставай жидъ, и давай твою графскую одежду!

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли. Оно было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, наверху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей: тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ другого билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ: — Это мы; слышите, паны: это мы.

— Ступайте! — говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него удара.

Они вступили въ коридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу съ маленькими окошками вверху. — Кто идетъ? — закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество воиновъ въ полномъ вооруженіи. — Намъ никого не велѣно пускать.

— Это мы! — кричалъ Янкель, — ей Богу, мы, ясные паны! — Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастью, въ это время подошелъ какой то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

— Панъ, это же мы; вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.

— Пропустите, сто дьябловъ ¹ чортовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники. — Это мы, это я, это свои! — говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

— А что, можно теперь? — спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

— Можно; только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой, — отвѣчалъ часовой.

— Ай, ай, — произнесъ тихо жидъ, — это скверно, любезный панъ!

— Веди! — произнесъ упрямо Тарасъ. Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остриемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо

¹ Дьяволъ, чертей.

впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему. — Ваша ясновельможность! Ясновельможный панъ!

— Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?

— Вамъ, ясновельможный панъ.

— Гм... а я просто гайдукъ! — сказалъ трехъярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

— А я, ей Богу, думалъ, это самъ воевода. Ай, ай, ай... — При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы. — Ай, какой важный видъ! Ей Богу, полковникъ, совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

— Что за народъ военный! — продолжалъ жидъ, — охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнурочки, бляшечки... такъ отъ нихъ блеститъ, какъ отъ солнца; а цурки¹, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!... — Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

— Прошу пана оказать услугу! — произнесъ жидъ, — вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на казаковъ. Онъ еще сроду не видѣлъ, что это за народъ казаки.

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были увлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Ев-

¹ Дочери, дѣвушки.

ропы; Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи. И потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорилъ онъ, — зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.

— Врешь ты, чортовъ сынъ! — сказалъ Бульба, — самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретическую вѣру не уважаютъ!

— Эге, ге! — сказалъ гайдукъ, — а я знаю, пріятель, ты кто: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Пстой же, я позову сюда нашихъ.

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

— Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ казакъ? А еслибы онъ былъ казакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?

— Разсказывай себѣ!.. — И гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! молчите, ради Бога! — закричалъ Янкель. — Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда и не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца.

— Эге! два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ: я цырюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ! — Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы. — А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!

— И на что бы такъ много? — горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой; но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелекъ не было болѣе, и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать.

— Панъ, панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ! — сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

— Что жъ ты, чортовъ гайдукъ, — сказалъ Бульба, — деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать.

— Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ... Унесите скорѣе ноги, говорю я вамъ.

— Панъ! панъ! пойдѣмъ, ей Богу, пойдѣмъ! Цуръ¹ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно, — кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

— И на что бы трогать! Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастье посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ, и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу; она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

¹ Проклятье.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись, — пойдемъ на площадь. Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.

— Ой, панъ! зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.

— Пойдемъ! — упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. „Ахъ, какое мученье!“ кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается на свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составляв-

шихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ то дукатомъ¹. Онъ стоялъ съ коханкою² своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить: „Вотъ это, душечка Юзыся, — говорилъ онъ, — весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотреть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что, вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого что у него, душечка, уже больше не будетъ головы“. И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усеяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перила. Ясно-вельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто ша-

¹ Золотая монета.² Возлюбленной.

лунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на-бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ. Но толпа вдругъ занумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ! казаки!“

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами; бороды у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою то тихою горделивостію; ихъ платья изъ дорогого сукна изнасились и болтались на нихъ ветхими доскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки вверхъ и произнесъ громко: „Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!“ Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказалъ тихо Бульба и устави́лъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки, и... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душой, не чуя человѣчества. Напрасно нѣкоторые, немногіе, бывшіе исключеніями изъ вѣка, являлись противниками сихъ ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и многіе рыцари, просвѣтленные умомъ и душой, представляли, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе казацкой націи. Но власть короля и умныхъ мнѣній была ничто передъ безпорядкомъ и дерзкой волею государственныхъ магнатовъ, которые своею необдуманностью, неопостижимымъ отсутствіемъ всякой дальновидности, дѣтскимъ самолюбіемъ и ничтожною гордостью превратили сеймъ въ сатиру на правленіе. — Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполнѣ. Ни крику, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями; когда панянки¹ отворотили глаза свои, — ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не дрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову и, въ то же время, гордо приподнявъ очи, и одобрительно только говорилъ: „Добре, сынку, добре!“

Но когда подвели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя: Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти!

¹ Барышни.

Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери, или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и бьющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разумнымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и выкликнулъ въ душевной немощи: „Батько! гдѣ ты? Слышишь ли ты все это?...“

„Слышу!“ раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть; и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

XII.

Отыскался слѣдъ Тарасовъ. Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть, или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа, — поднялась отмстить за посмѣянье правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святого обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ. Молодой, но сильный духомъ, гетьманъ Острица¹ предводилъ всею несмѣтной казацкой силою. Возлѣ былъ виденъ престарѣлый, опытный

¹ Казацкій вождь XVII в. (казненъ въ 1638 г.).

товарищъ его и совѣтникъ Гуня. Восемь полковниковъ вели двѣнадцатитысячные полки. Два генеральные есаула и генеральный бунчужный ѣхали вслѣдъ за гетьманомъ. Генеральный хорунжій предводилъ главное знамя; много другихъ хоругвей и знаменъ развѣвалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки ¹. Много также было другихъ чиновъ полковыхъ: обозныхъ, войсковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; почти столько же, сколько было рейстровыхъ казаковъ, набралось охоческомонныхъ и вольныхъ. Отовсюду поднялись казаки: отъ Чигирина, отъ Переяслава, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны Днѣпровской и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ счету кони и несмѣтные таборы телѣгъ тянулись по полямъ. И между тѣми то казаками, между тѣми восьмью полками отборнѣе всѣхъ былъ одинъ полкъ; и полкомъ тѣмъ предводилъ Тарасъ Бульба. Все давало ему перевѣсъ предъ другими: и преклонная лѣта, и опытность, и умѣнье двигать своимъ войскомъ, и сильнѣйшая всѣхъ ненависть къ врагамъ. Даже самимъ казакамъ казалась чрезмѣрною его беспощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и совѣтъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только однимъ истребленіемъ.

Нечего описывать всѣхъ битвъ, гдѣ показали себя казаки, ни всего постепеннаго хода кампаніи: все это внесено въ лѣтописныя страницы. Извѣстно, какова въ русской землѣ война, поднятая за вѣру: нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчно-измѣнчиваго моря. Изъ самой середины морского дна возноситъ она къ небесамъ непроломныя свои стѣны, вся созданная изъ одного

¹ Бунчукъ -- знакъ гетьманской власти (изъ бѣлыхъ волосъ съ красными веревками).

цѣльнаго, сплошнаго камня. Отвсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимобѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти, тонетъ и ломится въ прахъ все, что ни есть на нихъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженный воздухъ.

Въ лѣтописныхъ страницахъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ; какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды; какъ слабъ былъ коронный гетьманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы; какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска; какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозныя казацкіе полки, и какъ, приведенный въ крайность, польскій гетьманъ клятвенно обѣщалъ полное удовлетвореніе во всемъ со стороны короля и государственныхъ чиновъ и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Но не такіе были казаки, чтобы поддаться на то: знали они уже, что такое польская клятва. И Потоцкій не красовался бы больше на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, не шумѣлъ бы на сеймахъ, задавая роскошныя пиры сенаторамъ, еслибы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Когда вышли навстрѣчу всѣ попы въ свѣтлыхъ золотыхъ ризахъ, неся иконы и кресты, и впереди самъ архіерей съ крестомъ въ рукѣ и въ пастырской митрѣ, преклонили казаки всѣ свои головы и сняли шапки. Никого не уважили бы они на ту пору, ниже самого короля; но противъ своей церкви христіанской не посмѣли, и уважили свое духовенство. Согласился гетьманъ вмѣстѣ съ полковниками отпустить Потоцкаго, взявши съ него клятвенную при-

сягу оставить на свободѣ всѣ христіанскія церкви, забыть старую вражду и не наносить никакой обиды казацкому воинству. Одинъ только полковникъ не согласился на такой миръ. Тотъ одинъ былъ Тарасъ. Вырвалъ онъ клокъ волосъ изъ головы своей и вскрикнулъ:

— Эй, гетьманъ и полковники! не сдѣлайте такого бабьяго дѣла! не вѣрьте ляхамъ: продадутъ псяюхи ¹! — Когда же полковой писарь подалъ условіе, и гетьманъ приложилъ свою властную ² руку, онъ снялъ съ себя чистый булатъ, дорогую турецкую саблю, изъ первѣйшаго желѣза, разломилъ ее на-двое, какъ трость, и кинулъ врознь далеко въ разныя стороны оба конца, сказавъ: — Прощайте же! Какъ двумъ концамъ сего цалаша не соединиться въ одно и не составить одной сабли, такъ и намъ, товарищи, больше не видаться на этомъ свѣтѣ! Помяните же прощальное мое слово... (при семъ словѣ голосъ его выросъ, поднялся выше, принялъ невѣдомую силу — и смутились всѣ отъ пророческихъ словъ), — передъ смертнымъ часомъ своимъ вы вспомните меня! Думаете, купили спокойствіе и миръ; думаете, пановать станете? Будете пановать другимъ панованьемъ: сдерутъ съ твоей головы, гетьманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половою, и долго будутъ видѣть ее по всѣмъ ярмаркамъ! Не удержите и вы, паны, головъ своихъ! пропадете въ сырыхъ погребяхъ, замурованные въ каменные стѣны, если васъ, какъ барановъ, не сварятъ всѣхъ живыми въ котлахъ!

— А вы, хлопцы! — продолжалъ онъ, оборотившись къ своимъ, — кто изъ васъ хочетъ умирать своею смертію—не по запечьямъ и бабьимъ лежанкамъ, не пьяными подъ заборомъ у шинка, подобно всякой падали, а честной казацкой смертію, всѣмъ

¹ Собаки.

² Собственную.

на одной постелѣ, какъ женихъ съ невѣстою? Или, можетъ быть, хотите воротиться домой, да оборотиться въ недовѣрковъ¹, да возить на своихъ спинахъ польскихъ ксендзовъ?

— За тобою, пане полковнику! за тобою! — вскрикнули всѣ, которые были въ Тарасовомъ полку, и къ нимъ перебѣжало не мало другихъ.

— А коли за мною, такъ за мною же! — сказалъ Тарасъ, надвинувъ глубже на голову себѣ шапку, грозно взглянулъ на всѣхъ остававшихся, оправился на конѣ своемъ и крикнулъ своимъ: — Не попрекнетъ же никто насъ обидной рѣчью! А ну, гайда, хлопцы, въ гости къ католикамъ! — И вслѣдъ затѣмъ ударилъ онъ по коню, и потянулся за нимъ таборъ изъ ста телѣгъ, и съ ними много было казацкихъ конниковъ и пѣхоты, и, оборотясь, грозилъ взоромъ всѣмъ оставшимся, — и гнѣвъ былъ взоръ его. Никто не посмѣлъ остановить ихъ. Въ виду всего воинства уходилъ полкъ, и долго еще оборачивался Тарасъ и все грозилъ.

Смутны стояли гетьманъ и полковники, задумались всѣ и молчали долго, какъ будто тѣснимые какимъ то тяжелымъ предвѣстіемъ. Не даромъ провѣщаль Тарасъ: такъ все сбылось, какъ онъ провѣщаль. Немного времени спустя, послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ², вздернута была голова гетьмана на колѣ вмѣстѣ со многими изъ первѣйшихъ сановниковъ.

А что же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ, и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе замки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранны сберегавшіеся въ панскихъ по-

¹ Ренегатовъ.

² Поляки измѣнически захватили Острицу.

гребяхъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды и утвари, находимыя въ кладовыхъ.—Ничего не жалѣйте! — повторялъ только Тарасъ. Не уважили казаки чернобровыхъ панянокъ, бѣлогрудыхъ, свѣтлоликихъ дѣвицъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ: зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огнистаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ подвинулась бы самая сырая земля, и степовая трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. — Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ! — приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій; едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія; неустомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися останками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичомъ усыяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетьманъ Потоцкій. Четыре дни бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и камнями. Но истощились запасы и

силы, и рѣшился Тарасъ пробиться сквозь ряды. И пробились было уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самага бѣгу, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: — Стой! выпала люлька съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ ляхамъ! — И нагнулся старый атаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную спутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. — Эхъ, старость, старость! — сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Мало не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. — Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собацѣ, лучшую честь воздать. — И присудили, съ гетьманскаго разрѣшенья, сжечь его живого въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло нагое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибили ему руки и, приподнявъ его повыше, чтобы отсюду былъ виденъ казакъ, принялись тутъ же раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его; глядѣлъ онъ, сердечный, въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки: ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. — Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе, — кричалъ онъ, — горку, что за лѣсомъ: туда не подступать они! — Но вѣтеръ не донесъ его словъ. — Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что! — говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника

четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: — Къ берегу! къ берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны, всѣ забирайте, чтобы не было погони!

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переверотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ. — А, товарищи! не куды пошло! — сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухъ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не достали до рѣки, грянулись съ вышины объ камень, пропали тамъ навѣки съ конями, даже не успѣвши издать крика. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали челны. Остановились ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ, или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками; перевернулся три раза въ воздухъ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у стараго атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричалъ онъ имъ сверху, — вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что взяли, чортовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Пойдите же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымется изъ русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему!.. — А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостался пламенемъ по дереву... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубоководныхъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ курухтановъ ¹ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и на побережьяхъ. Казаки живо плыли на узкихъ двухрульных челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего атамана.

¹ Турухтановъ.

Часть вторая.

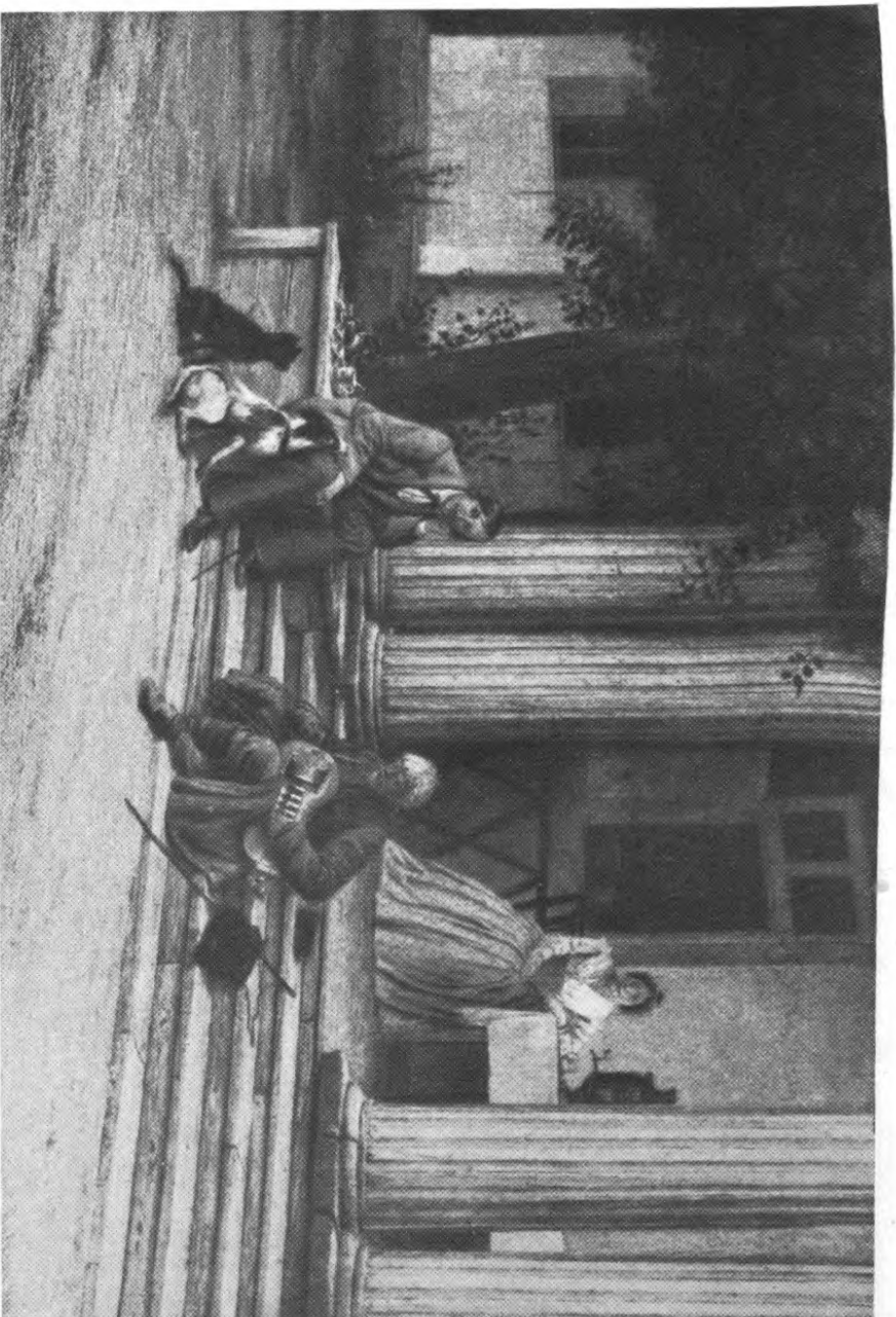
Вій ¹.

Какъ только ударялъ въ Кіевѣ поутру довольно звонкій семинарскій колоколъ, висѣвшій у воротъ Братскаго монастыря, то уже со всего города спѣшили толпами школьники и бурсаки. Грамматики, риторы, философы и богословы съ тетрадами подъ мышкой брели въ классъ. Грамматики были еще очень малы: идя, толкали другъ друга и бранились между собою самымъ тоненькимъ дискантомъ; они были всѣ почти въ изодранныхъ или запачканныхъ платьяхъ, и карманы ихъ вѣчно были наполнены всякою дрянью, какъ то: бабками, свистѣлками, сдѣланными изъ перышекъ, недоѣденнымъ пирогомъ, а иногда даже и маленькими воробышками, изъ которыхъ одинъ, вдругъ чиликнувъ среди необыкновенной тишины въ классъ, доставлялъ своему патрону порядочныя пали ² въ обѣ руки, а иногда и вишневые розги. Риторы шли солиднѣе; платья у нихъ были часто совер-

¹ Вій — есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малороссіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ идутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и рассказываю почти въ такой же простотѣ, какъ слышалъ.

Прим. Гоголя.

² Удары линейкой по рукѣ.

Н. В. Гоголь. II.

Гоголь въ Яновщинѣ.

Съ картины Волкова.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

шенно цѣлы, но зато на лицѣ всегда почти бывало какое-нибудь украшеніе, въ видѣ риторическаго тропа: или одинъ глазъ уходилъ подъ самый лобъ, или, вмѣсто губы, цѣлый пузырь, или какая-нибудь другая примѣта; эти говорили и божились между собою теноромъ. Философы цѣлою октавою брали ниже; въ карманахъ ихъ, кромѣ крѣпкихъ табачныхъ корешковъ, ничего не было. Запасовъ они не дѣлали никакихъ, и все, что попадалось, съѣдали тогда же; отъ нихъ слышалась трубка и горѣлка, иногда такъ далеко, что проходившій мимо ремесленникъ долго еще, остановившись, нюхалъ, какъ гончая собака, воздухъ.

Рынокъ въ это время обыкновенно только что начиналъ шевелиться, и торговки, съ бубликами, булками, арбузными сѣмечками и маковниками, дергали на подхватъ за полы тѣхъ, у которыхъ полы были изъ тонкаго сукна или какой-нибудь бумажной матеріи.

— Паничи, паничи! сюды, сюды! — говорили онѣ со всѣхъ сторонъ; — ось ¹ бублики, маковники, вертычки ², буханци ³ хороши! ей Богу, хороши! на меду! сама пекла!

Другая, поднявъ что то длинное, скрученное изъ тѣста, кричала: — Ось сусулька! Паничи, купите сусульку!

— Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная, — и носъ нехорошій, и руки нечистыя...

Но философовъ и богослововъ онѣ боялись задѣвать, потому что философы и богословы всегда любили брать только на пробу и притомъ цѣлою горстью.

По приходѣ въ семинарію, вся толпа размѣщалась по классамъ, находившимся въ низенькихъ,

¹ Вотъ.

² Верченые или завернутые хлѣбцы.

³ Небольшіе бѣлые хлѣбы.

довольно, однако же, просторныхъ комнатахъ съ небольшими окнами, съ широкими дверьми и запачканными скамьями. Классъ наполнялся вдругъ разноголосными жужжаніями: аудиторы выслушивали своихъ учениковъ; звонкій дискантъ грамматика попадалъ какъ разъ въ звонъ стекла, вставленнаго въ маленькія окна, и стекло отвѣчало почти тѣмъ же звукомъ; въ углу гудѣлъ риторъ, котораго ротъ и толстыя губы должны бы принадлежать, по крайней мѣрѣ, философiи. Онъ гудѣлъ басомъ, и только слышно было издали: „бу, бу, бу, бу“... Аудиторы, слушая урокъ, смотрѣли однимъ глазомъ подъ скамью, гдѣ изъ кармана подчиненнаго бурсака выглядывала булка или вареникъ, или еѣмена изъ тыквы.

Когда вся эта ученая толпа успѣвала приходить нѣсколько ранѣе, или когда знали, что профессора будутъ позже обыкновеннаго, тогда, со всеобщаго согласія, замышляли бой, и въ этомъ бою должны были участвовать всѣ, даже и цензора, обязанные смотрѣть за порядкомъ и нравственностію всего учащагося сословія. Два богослова обыкновенно рѣшали, какъ происходитъ битва: каждый ли классъ долженъ стоять за себя особенно, или всѣ должны раздѣлиться на двѣ половины: на бурсу и семинарію. Во всякомъ случаѣ, грамматики начинали прежде всѣхъ, и какъ только вмѣшивались риторы, они уже бѣжали прочь и становились на возвышеніяхъ наблюдать битву. Потомъ вступала философiя съ черными длинными усами, а, наконецъ, и богословія въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями. Обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что богословія побивала всѣхъ, и философiя, почесывая бока, была тѣснима въ классъ и помѣщалась отдыхать на скамьяхъ. Профессоръ, входившій въ классъ и участвовавшій когда то самъ въ подобныхъ бояхъ, въ одну минуту, по разгорѣвшимся лицамъ своихъ слушате-

лей, узнавалъ, что бой былъ недурень, и въ то время, когда онъ сѣкъ розгами по пальцамъ риторику, въ другомъ классѣ другой профессоръ отдѣлывалъ деревянными лопатками по рукамъ философію. Съ богословами же было поступаемо совершенно другимъ образомъ: имъ, по выраженію профессора богословія, отсыпалось по мѣркѣ крупнаго гороху, что состояло въ коротенькихъ кожаныхъ канчукахъ ¹.

Въ торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домамъ съ вертепами ². Иногда разыгрывали комедію, и въ такомъ случаѣ всегда отличался какой-нибудь богословъ, ростомъ мало чѣмъ пониже кіевской колокольни, представлявшій Иродіаду или Пентефрію, супругу египетскаго царедворца. Въ награду получали они кусокъ полотна или мѣшокъ проса, или половину варенаго гуся и тому подобное. Весь этотъ ученый народъ, — какъ семинарія, такъ и бурса, которая питали какую то наслѣдственную непріязнь между собою, — былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію, и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за вечерю ³ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло, и потому добротныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны. Тогда сенать, состоявшій изъ философовъ и богослововъ, отправлялъ грамматиковъ и риторовъ, подъ предводительствомъ одного философа, а иногда присоединялся и самъ, съ мѣшками на плечахъ, опустошать чужіе огороды, и въ бурсѣ появлялась каша изъ тыквъ. Сенаторы столько объѣдались арбузовъ и дынь, что на другой день аудиторы слышали отъ нихъ, вмѣсто одного, два урока: одинъ происходилъ изъ

¹ Нагайка, плеть.

² Маріонеточный театръ (остатки рождественской мистеріи).

³ Ужинъ.

устъ, другой ворчалъ въ сенаторскомъ желудкѣ. Бурса и семинарія носили какія то длинныя подобія сюртуковъ, простиравшихся по сіе время: слово техническое, означавшее — далѣе пятокъ.

Самое торжественное для семинаріи событіе было — вакансія: время съ іюня мѣсяца, когда обыкновенно бурса распускалась по домамъ. Тогда всю большую дорогу усѣивали грамматики, философы и богословы. Кто не имѣлъ своего пріюта, тотъ отправлялся къ кому-нибудь изъ товарищей. Философы и богословы отправлялись на кондиціи, то есть брались учить или готовить дѣтей людей зажиточныхъ, и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и на сюртукъ. Вся ватага эта тянулась вмѣстѣ цѣлымъ таборомъ, варила себѣ кашу и ночевала въ полѣ. Каждый тащилъ за собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Богословы особенно были бережливы и аккуратны: для того, чтобы не износить сапоговъ, они скидали ихъ, вѣшали на палки и несли на плечахъ, особенно, когда была грязь: тогда они, засучивъ шаровары по колѣни, безстрашно разбрызгивали своими ногами лужи. Какъ только завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ большой дороги и, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ ¹. Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый казакъ-поселянинъ, долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: „Жинко! то, что поють школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть“. И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ; порядочный кусъ сала, нѣсколько паляницъ ², а иногда и связанная

¹ Духовная пѣснь.

² Небольшой, нѣсколько плоскій хлѣбъ.

курица помѣщались вмѣстѣ. Подкрѣпившись такимъ запасомъ, грамматики, риторы, философы и богословы опять продолжали путь. Чѣмъ далѣе, однако же, шли они, тѣмъ болѣе уменьшалась толпа ихъ. Всѣ почти разбродились по домамъ, и оставались тѣ, которые имѣли родительскія гнѣзда далѣе другихъ.

Одинъ разъ, во время подобнаго странствованія, три бурсака своротили съ большой дороги въ сторону, съ тѣмъ, чтобы въ первомъ попавшемся хуторѣ запасти провіантомъ, потому что мѣшокъ у нихъ давно уже былъ пустъ. Это были: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ.

Богословъ былъ рослый, плечистый мужчина и имѣлъ чрезвычайно странный нравъ: все, что ни лежало, бывало, возлѣ него, онъ непремѣнно украдетъ. Въ другомъ случаѣ характеръ его былъ чрезвычайно мраченъ, и когда напивался онъ пьянъ, то прятался въ бурьянѣ¹, и семинаріи стоило большого труда сыскать его тамъ.

Философъ Хома Брутъ былъ нрава веселаго, любилъ очень лежать и курить люльку²; если же пилъ, то непремѣнно нанималъ музыкантовъ и отплясывалъ тропака. Онъ часто пробовалъ крупнаго гороху, но совершенно съ философическимъ равнодушіемъ, говоря, что, чему быть, того не миновать.

Риторъ Тиберій Горобецъ еще не имѣлъ права носить усовъ, нить горѣлки и курить люльки. Онъ носилъ только оселедецъ³, и потому характеръ его въ то время еще мало развился; но, судя по большимъ шишкамъ на лбу, съ которыми онъ часто являлся въ классъ, можно было предположить, что изъ него будетъ хорошій воинъ. Богословъ

¹ Сорная трава.

² Трубка.

³ Чубъ.

Халява и философъ Хома часто дирали его за чубъ, въ знакъ своего покровительства, и употребляли въ качествѣ депутата.

Былъ уже вечеръ, когда они своротили съ большой дороги; солнце только что сѣло, и дневная теплота оставалась еще въ воздухѣ. Богословъ и философъ шли молча, куря люльки; риторъ Тиберій Горобецъ сбивалъ палкою головки съ будяковъ¹, росшихъ по краямъ дороги. Дорога шла между разбросанными группами дубовъ и орѣшника, покрывавшими лугъ. Отголоски и небольшія горы, зеленныя и круглыя, какъ куполы, иногда перемежевывали равнину. Показавшаяся въ двухъ мѣстахъ нива съ вызрѣвавшимъ житомъ давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня. Но уже болѣе часа, какъ они минули хлѣбныя полосы, а, между тѣмъ, имъ не попадалось никакого жилья. Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, и только на западѣ блѣднѣлъ остатокъ алаго сіянія.

— Чтò за чортъ! — сказалъ философъ Хома Брутъ, — сдавалось совершенно, какъ будто сейчасъ будетъ хуторъ!

Богословъ помолчалъ, поглядѣлъ по окрестностямъ, потомъ опять взялъ въ ротъ свою люльку, и всѣ продолжали путь.

— Ей Богу! — сказалъ опять, остановившись, философъ, — ни чортова кулака не видно.

— А, можетъ быть, далѣе и попадетсѣ какой-нибудь хуторъ, — сказалъ богословъ, не выпуская люльки.

Но, между тѣмъ, уже была ночь, и ночь довольно темная. Небольшія тучи усилили мрачность и, судя по всѣмъ примѣтамъ, нельзя было ожидать ни звѣздъ, ни мѣсяца. Бурсаки замѣтили, что они сбились съ пути и давно шли не по дорогѣ.

¹ Чертополохъ.

Философъ, пошаривши ногами во всѣ стороны, сказалъ, наконецъ, отрывисто:

— А гдѣ же дорога?

Богословъ помолчалъ и, надумавшись, примолвилъ:

— Да, ночь темная.

Риторъ отошелъ въ сторону и старался ползкомъ нащупать дорогу, но руки его попадали только въ лисьи норы. Вездѣ была одна степь, по которой, казалось, никто не ѣздилъ.

Путешественники еще сдѣлали усиліе пройти нѣсколько впередъ, но вездѣ была та же дичь. Философъ попробовалъ перекликнуться, но голосъ его совершенно заглохъ по сторонамъ и не встрѣтилъ никакого отвѣта. Нѣсколько спустя только послышалось слабое стenanіе, похожее на волчій вой.

— Вишь! что тутъ дѣлать? — сказалъ философъ.

— А что? оставаться и заночевать въ полѣ! — сказалъ богословъ и полѣзъ въ карманъ достать огниво и закурить снова свою люльку. Но философъ не могъ согласиться на это: онъ всегда имѣлъ обыкновеніе упрятать на ночь полпудовую краюху хлѣба и фунта четыре сала, и чувствовалъ на этотъ разъ въ желудкѣ своемъ какое то несносное одиночество. Притомъ, несмотря на веселый нравъ свой, философъ боялся нѣсколько волковъ.

— Нѣтъ, Халява, не можно, — сказалъ онъ. — Какъ же, не подкрѣпивъ себя ничѣмъ, растянуться и лечь такъ, какъ собака? Попробуемъ еще: можетъ быть, набредемъ на какое-нибудь жильє, и хоть чарку горѣлки удастся выпить на ночь.

При словѣ „горѣлка“ богословъ сплюнулъ въ сторону и примолвилъ:

— Оно, конечно, въ полѣ оставаться нечего.

Бурсаки пошли впередъ, и, къ величайшей радости ихъ, въ отдаленіи почудился лай. Прислушавшись, съ которой стороны, они отправились бодрѣе и, немного пройдя, увидѣли огонекъ.

— Хуторъ! Ей Богу, хуторъ! — сказалъ философъ.

Предположенія его не обманули: черезъ нѣсколько времени они увидѣли, точно, небольшой хуторокъ, состоявшій изъ двухъ только хатъ, находившихся въ одномъ и томъ же дворѣ. Въ окнахъ свѣтился огонь; десятокъ сливныхъ деревьевъ торчалъ подъ тыномъ¹. Взглянувши въ сквозныя дощатыя ворота, бурсаки увидѣли дворъ, установленный чумацкими возами. Звѣзды кое-гдѣ глянули въ это время на небѣ.

— Смотрите же, братцы, не отставать! Во что бы то ни было, а добыть ночлега!

Три ученые мужа дружно ударили въ ворота и закричали:

— Отвори!

Дверь въ одной хатѣ заскрипѣла, и, минутою спустя, бурсаки увидѣли передъ собою старуху въ нагольномъ тулупѣ.

— Кто тамъ? — закричала она, глухо кашляя.

— Пусти, бабуся, переночевать: сбились съ дороги; такъ въ полѣ скверно, какъ въ голодномъ брюхѣ.

— А что вы за народъ?

— Да народъ необидчивый: богословъ Халява, философъ Брутъ и риторъ Горобецъ.

— Не можно, — проворчала старуха, — у меня народу полонъ дворъ, и всѣ углы въ хатѣ заняты. Куда я васъ дѣну? Да еще все какой рослый и здоровый народъ! Да у меня и хата развалится, когда помѣщу такихъ. Я знаю этихъ философовъ и богослововъ: если такихъ пьяницъ начнешь принимать, то и двора скоро не будетъ. Пошли, пошли! Тутъ вамъ нѣтъ мѣста.

— Умилосердись, бабуся! Какъ же можно, чтобы христіанскія души пропали ни за что, ни

¹ Частоколъ.

про что? Гдѣ хочешь, помѣсти насъ; и если мы что-нибудь, какъ-нибудь того, или какое другое что сдѣлаемъ, — то пусть намъ и руки отсохнутъ, и такое будетъ, что Богъ одинъ знаетъ — вотъ что!

Старуха, казалось, немного смягчилась.

— Хорошо, — сказала она, какъ бы размышляя, — я впусти васъ, только положу всѣхъ въ разныхъ мѣстахъ, а то у меня не будетъ спокойно на сердцѣ, когда будете лежать вмѣстѣ.

— На то твоя воля; не будемъ прекословить, — отвѣчали бурсаки.

Ворота заскрипѣли, и они вошли на дворъ.

— А что, бабуся, — сказалъ философъ, идя за старухой, — еслибы такъ, какъ говорятъ... Ей Богу, въ животѣ какъ будто кто колесами сталъ ѣздить: съ самаго утра вотъ хоть бы щепка была во рту.

— Вишь, чего захотѣлъ! — сказала старуха, — нѣтъ, у меня нѣтъ ничего такого, и печь не топилась сегодня.

— А мы бы уже за все это, — продолжалъ философъ, — расплатились бы завтра, какъ слѣдуетъ — чистоганомъ. Да! — продолжалъ онъ тихо, — чорта съ два получишь ты что-нибудь!

— Ступайте, ступайте! и будьте довольны тѣмъ, что даютъ вамъ. Вотъ чортъ принесъ какихъ нѣжныхъ паничей!

Философъ Хома пришелъ въ совершенное уныніе отъ такихъ словъ; но вдругъ носъ его почувствовалъ запахъ сушеной рыбы; онъ глянулъ на шаровары богослова, шедшаго съ нимъ рядомъ, и увидѣлъ, что изъ кармана его торчалъ преогромный рыбій хвостъ: богословъ уже успѣлъ подтибритъ съ воза цѣлаго карася. И такъ какъ онъ это производилъ не изъ какой-нибудь корысти, но единственно по привычкѣ, и, позабывши совершенно о своемъ карасѣ, уже разглядывалъ, что бы такое стянуть другое, не имѣя намѣренія пропу-

ститъ даже изломаннаго колеса, — то философъ Хома запустилъ руку въ его карманъ, какъ въ свой собственный, и вытащилъ карася.

Старуха размѣстила бурсаковъ: ритора положила въ хатѣ, богослова заперла въ пустую камору, философу отвела тоже пустой овечій хлѣвъ.

Философъ, оставшись одинъ, въ одну минуту съѣлъ карася, осмотрѣлъ плетенныя стѣны хлѣва, толкнулъ ногою въ морду просунувшуюся изъ другого хлѣва любопытную свинью и повернулся на правый бокъ, чтобы заснуть мертвецки. Вдругъ низенькая дверь отворилась, и старуха, нагнувшись, вошла въ хлѣвъ.

— А что, бабуся, чего тебѣ нужно? — сказалъ философъ.

Но старуха шла прямо къ нему съ распростертыми руками.

— Эге, ге! — подумалъ философъ. — Только нѣтъ, голубушка, устарѣла!

Онъ отодвинулся немного подальше, но старуха, безъ церемоніи, опять подошла къ нему.

— Слушай, бабуся! — сказалъ философъ, — теперь постъ; а я такой человѣкъ, что и за тысячу золотыхъ не захочу оскоромиться.

Но старуха раздвигала руки и ловила его, не говоря ни слова.

Философу сдѣлалось страшно, особливо, когда онъ замѣтилъ, что глаза ея сверкнули какимъ то необыкновеннымъ блескомъ.

— Бабуся! что ты? Ступай, ступай себѣ съ Богомъ! — закричалъ онъ.

Но старуха не говорила ни слова и хватала его руками.

Онъ вскочилъ на ноги, съ намѣреніемъ бѣжать; но старуха стала въ дверяхъ, вперила на него сверкающіе глаза и снова начала подходить къ нему.

Философъ хотѣлъ оттолкнуть ее руками, но, къ удивленію, замѣтилъ, что руки его не могутъ

приподняться, ноги не двигались; и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что даже голосъ не звучалъ изъ устъ его: слова безъ звука шевелились на губахъ. Онъ слышалъ только, какъ билось его сердце; онъ видѣлъ, какъ старуха подошла къ нему, сложила ему руки, нагнула ему голову; вскочила съ быстротою кошки къ нему на спину, ударила его метлою по боку, и онъ, подпрыгивая, какъ верховой конь, понесъ ее на плечахъ своихъ. Все это случилось такъ быстро, что философъ едва могъ опомниться и схватить обѣими руками себя за колѣни, желая удержать ноги, но онъ, къ величайшему изумленію его, подымались противъ воли и производили скачки быстрѣ черкесскаго бѣгуна. Когда уже минули они хуторъ, и передъ ними открылась ровная лощина, а въ сторонѣ потянулся черный, какъ уголь, лѣсъ, тогда только сказалъ онъ самъ въ себѣ: — Эге, да это вѣдьма!

Обращенный мѣсячный серпъ свѣтлѣлъ на небѣ. Робкое полночное сіяніе, какъ сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось по землѣ. Лѣса, луга, небо, долины — все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что то влажно-теплое; тѣни отъ деревъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину: такая была ночь, когда философъ Хома Брутъ скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ. Онъ чувствовалъ какое то томительное, непріятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бывшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ нея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины моря; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ немъ вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою.

Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое то солнце; онъ слышалъ, какъ голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная изъ блеска и трепета. Она оборотилась къ нему — и вотъ ея лицо, съ глазами, свѣтлыми, сверкающими, острыми, съ пѣньемъ вторгавшимся въ душу, уже приближалось къ нему, уже было на поверхности и, задрожавъ сверкающимъ смѣхомъ, удалялось; и вотъ она опрокинулась на спину — и облачныя перси ея, матовыя, какъ фарфоръ, не покрытый глазурью, просвѣчивали предъ солнцемъ по краямъ своей бѣлой, эластически-нѣжной окружности. Вода, въ видѣ маленькихъ пузырьковъ, какъ бисеръ, обсыпала ихъ. Она вся дрожить и смѣется въ водѣ...

Видитъ ли онъ это, или не видитъ? Наяву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ или музыка? звенить, звенить и вѣется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какою то нестерпимою трелію...

— Что это? — думалъ философъ Хома Брутъ, глядя внизъ, несясь во всю прыть. Потъ катился съ него градомъ. Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое то пронзающее, какое то томительно-страшное наслажденіе. Ему часто казалось, какъ будто сердца уже вовсе не было у него, и онъ со страхомъ хватался за него рукою. Изнеможенный, растерянный, онъ началъ припоминать всѣ, какія только зналъ, молитвы. Онъ перебиралъ всѣ закліянія противъ духовъ, и вдругъ почувствовалъ какое то освѣженіе; чувствовалъ, что шагъ его начиналъ становиться лѣнливѣе, вѣдма какъ то слабѣе держалась на спинѣ его, густая трава касалась его, и уже онъ не видѣлъ въ ней ничего необыкновеннаго. Свѣтлый серпъ свѣтилъ на небѣ.

— Хорошо же! — подумалъ про себя философъ

Хома и началъ почти вслухъ произносить закланія. Наконецъ, съ быстротою молніи, выпрыгнувъ изъ-подъ старухи и вскочилъ, въ свою очередь, къ ней на спину. Старуха мелкимъ дробнымъ шагомъ побѣжала такъ быстро, что всадникъ едва могъ переводить духъ свой. Земля чуть мелкала подъ нимъ; все было ясно при мѣсячномъ, хотя и неполномъ свѣтѣ; долины были гладки; но все отъ быстроты мелькало неясно и сбивчиво въ его глазахъ. Онъ схватилъ лежавшее на дорогѣ полевое и началъ имъ со всѣхъ силъ колотить старуху. Дикіе вопли издала она; сначала были они сердиты и угрожающи, потомъ становились слабѣе, пріятнѣе, чище, и потомъ уже тихо, едва звенѣли, какъ тонкіе серебряные колокольчики, и заронялись ему въ душу; и невольно мелькнула въ головѣ мысль: точно ли это старуха?

— Охъ, не могу больше! — произнесла она въ изнеможеніи и упала на землю.

Онъ всталъ на ноги и посмотрѣлъ ей въ очи (разсвѣтъ загорался, и блестѣли золотыя главы вдали кіевскихъ церквей): передъ нимъ лежала красавица съ растрепанною роскошною косою, съ длинными, какъ стрѣлы, рѣсницами. Безчувственно отбросила она на обѣ сторонѣ бѣлыя нагія руки и стонала, возведя кверху очи, полныя слезъ.

Затрепеталъ, какъ древесный листъ, Хома; жалость и какое то странное волненіе, и робость, невѣдомыя ему самому, овладѣли имъ. Онъ пустился бѣжать во весь духъ. Дорогой билось безпокойно его сердце, и никакъ не могъ онъ истолковать себѣ, что за странное, новое чувство имъ овладѣло. Онъ уже не хотѣлъ болѣе идти на хутора и спѣшилъ въ Кіевъ, раздумывая всю дорогу о такомъ непонятномъ происшествіи.

Бурсаковъ почти никого не было въ городѣ: всѣ разбрелись по хуторамъ, или на кондиціи, или просто безъ всякихъ кондицій, потому что

по хуторамъ малороссійскимъ можно ѣсть галушки, сыръ, сметану и вареники величиною въ шляпу, не заплативъ гроша денегъ. Большая разѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса, была рѣшительно пуста, и сколько философъ ни шарилъ во всѣхъ углахъ и даже ощупалъ всѣ дыры и западни въ крышѣ, но нигдѣ не отыскалъ ни куска сала или, по крайней мѣрѣ, стараго кнѣша¹, что, по обыкновенію, запрятываемо было бурсаками.

Однако же, философъ скоро сыскался, какъ поправить свое горе: онъ прошелъ, посвистывая, раза три по рынку, перемигнулся на самомъ концѣ съ какою то молодою вдовою въ желтомъ очипкѣ², продававшею ленты, ружейную дробь и колеса, — и былъ въ тотъ же день накормленъ пшеничными варениками, курицею... и словомъ — перечесть нельзя, что у него было за столомъ, накрытымъ въ маленькомъ глиняномъ домикѣ, среди вишневаго садика. Въ тотъ же самый вечеръ видѣли философа въ корчмѣ: онъ лежалъ на лавкѣ, покуривая, по обыкновенію своему, люльку, и при всѣхъ бросилъ жиду-корчмарю ползолотой. Передъ нимъ стояла кружка. Онъ глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно-довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи.

Между тѣмъ, распространились вездѣ слухи, что дочь одного изъ богатѣйшихъ сотниковъ, котораго хуторъ находился въ пятидесяти верстахъ отъ Кіева, возвратилась въ одинъ день съ прогулки вся избитая, едва имѣвшая силы добрѣсть до отцовскаго дома, находится при смерти и передъ смертнымъ часомъ изъявила желаніе, чтобы от-

¹ Печеный бѣлый хлѣбъ.

² Головной уборъ замужней женщины.

ходную по ней и молитвы, въ продолженіе трехъ дней послѣ смерти, читалъ одинъ изъ кіевскихъ семинаристовъ, Хома Бруть. Объ этомъ философъ узналъ отъ самого ректора, который нарочно призывалъ его въ свою комнату и объявилъ, чтобы онъ безъ всякаго отлагательства спѣшилъ въ дорогу, что именитый сотникъ прислалъ за нимъ нарочно людей и возокъ.

Философъ вздрогнулъ по какому то безотчетному чувству, котораго онъ самъ не могъ растолковать себѣ. Темное предчувствіе говорило ему, что ждетъ его что то недоброе. Самъ не зная, почему, объявилъ онъ напрямикъ, что не поѣдетъ.

— Послушай, domine ¹ Хома! — сказалъ ректоръ (онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ объяснялся очень вѣжливо съ своими подчиненными), — тебя никакой чортъ и не спрашиваетъ о томъ, хочешь ли ты ѣхать, или не хочешь. Я тебѣ скажу только то, что если ты еще будешь показывать свою рысь, да мудрствовать, то прикажу тебя по спинѣ и по прочему такъ отстегать молодымъ березнякомъ, что и въ баню не нужно будетъ ходить.

Философъ, почесывая слегка за ухомъ, вышелъ, не говоря ни слова, располагая при первомъ удобномъ случаѣ возложить надежду на свои ноги. Въ раздумьи сходилъ онъ съ крутой лѣстницы, приводившей на дворъ, обсаженный тополями, и на минуту остановился, услышавши довольно явственно голосъ ректора, дававшего приказанія своему ключнику и еще кому то, — вѣроятно, одному изъ посланныхъ за нимъ отъ сотника.

— Благодарю пана за крупу и яйца, — говорилъ ректоръ, — и скажи, что какъ только будутъ готовы тѣ книги, о которыхъ онъ пишетъ, то я тотчасъ пришлю: я отдалъ ихъ уже переписывать писцу. Да не забудь, мой голубе, приба-

¹ Господи́нь.

вить пану, что на хуторѣ у нихъ, я знаю, водится хорошая рыба, и особенно осетрина, то при случаѣ прислалъ бы: здѣсь на базарахъ и нехороша, и дорога. А ты, Явтухъ, дай молодцамъ по чаркѣ горѣлки; да философа привязать, а не то — какъ разъ удереть.

— Вишь, чортовъ сынъ! — подумалъ про себя философъ, — пронюхалъ, длинноногій व्यюнъ!

Онъ сошелъ внизъ и увидѣлъ кибитку, которую принялъ было сначала за хлѣбный овинъ на колесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, она была такъ же глубока, какъ печь, въ которой обжигаютъ кирпичи. Это былъ обыкновенный краковскій экипажъ, въ какомъ жида полсотнею отправляются вмѣстѣ съ товарами во все города, гдѣ только слышитъ ихъ носъ ярмарку. Его ожидало человекъ шесть здоровыхъ и крѣпкихъ казаковъ, уже нѣсколько пожилыхъ. Свитки изъ тонкаго сукна, съ кистями, показывали, что они принадлежали довольно значительному и богатому владѣльцу; небольшіе рубцы говорили, что они бывали когда то на войнѣ не безъ славы.

— Что жъ дѣлать? Чему быть, того не миновать! — подумалъ про себя философъ и, обратившись къ казакамъ, произнесъ громко: — Здравствуйте, братья товарищи!

— Будь здоровъ, панъ философъ! — отвѣчали нѣкоторые изъ казаковъ.

— Такъ вотъ это мнѣ приходится сидѣть вмѣстѣ съ вами? А брика знатная! — продолжалъ онъ, влѣзая. — Тутъ бы только нанять музыкантовъ, то и танцевать можно.

— Да, соразмѣрный экипажъ! — сказалъ одинъ изъ казаковъ, сядя на облучокъ самъ-другъ съ кучеромъ, завязавшимъ голову тряпицею, вмѣсто шапки, которую онъ успѣлъ оставить въ шинкѣ. Другіе пять вмѣстѣ съ философомъ полѣзли въ углубленіе и расположились на мѣшкахъ, на пол-

ненныхъ разною закупкою, сдѣланною въ городѣ.

— Любопытно бы знать, — сказалъ философъ, — еслибы, примѣромъ, эту брику нагрузить какимъ-нибудь товаромъ, положимъ — солью или желѣзными клинами, сколько потребовалось бы тогда коней?

— Да, — сказалъ, помолчавъ, сидѣвшій на облучкѣ казакъ, — достаточное бы число потребовалось коней.

Послѣ такого удовлетворительнаго отвѣта казакъ почиталъ себя въ правѣ молчать во всю дорогу.

Философу чрезвычайно хотѣлось узнать обстоятельнѣе, кто таковъ былъ этотъ сотникъ, каковъ его нравъ, что слышно о его дочкѣ, которая такимъ необыкновеннымъ образомъ возвратилась домой и находилась при смерти, и которой исторія связалась теперь съ его собственною, какъ у нихъ и что дѣлается въ домѣ. Онъ обращался къ нимъ съ вопросами; но казаки, вѣрно, были тоже философы, потому что, въ отвѣтъ на это, молчали и курили люльки, лежа на мѣшкахъ.

Одинъ только изъ нихъ обратился къ сидѣвшему на козлахъ возницѣ съ коротенькимъ приказаніемъ: — Смотри, Оверко, ты старый разиня, какъ будешь подъѣзжать къ шинку, что на чухрайловской дорогѣ, то не позабудь остановиться и разбудить меня и другихъ молодцовъ, если кому случится заснуть.

Послѣ этого онъ заснулъ довольно громко. Впрочемъ, эти наставленія были совершенно напрасны, потому что, едва только приблизилась исполинская брика къ шинку на чухрайловской дорогѣ, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: — Стой! — Притомъ лошади Оверка были такъ уже приучены, что останавливались сами передъ каждымъ шинкомъ.

Несмотря на жаркій іюльскій день, всѣ вышли изъ брики, отправились въ низенькую, запачканную комнату, гдѣ жидъ-корчмарь, съ знаками радости, бросился принимать своихъ старыхъ знакомыхъ. Жидъ принесъ подъ полою нѣсколько колбасъ изъ свинины и, положивши на столъ, тотчасъ отворотился отъ этого запрещеннаго талмудомъ плода. Всѣ усѣлись вокругъ стола; глиняныя кружки показались предъ каждымъ изъ гостей. Философъ Хома долженъ былъ участвовать въ общей пирушкѣ. И такъ какъ малороссіяне, когда подгуляютъ, непременно начнутъ цѣловаться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаніями. — А ну, Спиридъ, почеломкаемся! — Иди сюда, Дорошъ, я обниму тебя!

Одинъ казакъ, бывшій постарѣе всѣхъ другихъ, съ сѣдыми усами, подставивши руку подъ щеку, началъ рыдать отъ души о томъ, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, и что онъ остался однимъ одинъ на свѣтѣ. Другой былъ большой резонеръ и безпрестанно утѣшалъ его, говоря: — Не плачь; ей Богу, не плачь! что жъ тутъ?... Ужъ Богъ знаетъ, какъ и что такое. — Одинъ, по имени Дорошъ сдѣлался чрезвычайно любопытенъ и, оборотившись къ философу Хомѣ, безпрестанно спрашивалъ его: — Я хотѣлъ бы знать, чему у васъ въ бурсѣ учатъ: тому ли самому, что и дьякъ читаетъ въ церкви, или чему другому?

— Не спрашивай! — говорилъ протяжно резонеръ, — пусть его тамъ будетъ, какъ было. Богъ уже знаетъ, какъ нужно; Богъ все знаетъ.

— Нѣтъ, я хочу знать, — говорилъ Дорошъ, — что тамъ написано въ тѣхъ книжкахъ; можетъ быть, совсѣмъ другое, чѣмъ у дьяка.

— О, Боже мой, Боже мой! — говорилъ этотъ почтенный наставникъ, — и на что такое говорить? Такъ уже воля Божія положила. Уже что Богъ далъ, того не можно перемѣнить.

— Я хочу знать все, что ни написано. Я пойду въ бурсу, ей Богу, пойду. Что ты думаешь, я не выучусь? — Всему выучусь, всему!

— О, Боже жъ мой, Боже мой!.. — говорилъ утѣшитель и спустилъ свою голову на столъ, потому что совершенно былъ не въ силахъ держать ее долѣе на плечахъ. Прочіе казаки толковали о панахъ и о томъ, отчего на небѣ свѣтитъ мѣсяцъ.

Философъ Хома, увидя такое расположеніе головъ, рѣшился воспользоваться и улизнуть. Онъ сначала обратился къ сѣдовласому казаку, грустившему объ отцѣ и матери: — Что жъ ты, дядько, расплакался? — сказалъ онъ, — я самъ сирота! Отпустите меня, ребята, на волю! На что я вамъ? — Пустимъ его на волю! — отозвались нѣкоторые, — вѣдь онъ сирота; пусть себѣ идетъ, куда хочетъ.

— О, Боже жъ мой! Боже мой! — произнесъ утѣшитель, поднявъ свою голову, — отпустите его! Пусть идетъ себѣ!

И казаки уже хотѣли сами вывести его въ чистое поле; но тотъ, который показалъ свое любопытство, остановилъ ихъ, сказавши: — Не трогайте: я хочу съ нимъ поговорить о бурсѣ; я самъ пойду въ бурсу...

Впрочемъ, врядъ ли бы этотъ побѣгъ могъ совершиться, потому что когда философъ вздумалъ подняться изъ-за стола, то ноги его сдѣлались какъ будто деревянными, и дверей въ комнату начало представляться ему такое множество, что врядъ ли бы онъ отыскалъ настоящую.

Только ввечеру вся эта компанія вспомнила, что нужно отправляться далѣе въ дорогу. Возмостившись въ брику, они потянулись, погоняя лошадей и напѣвая пѣсню, которой слова и смыслъ врядъ ли бы кто разобралъ. Проколесивши большую половину ночи, безпрестанно сбиваясь съ до-

роги, выученной наизусть, они, наконецъ, спустились съ крутой горы въ долину, и философъ замѣтилъ по сторонамъ тянувшійся частоколъ или плетень, съ низенькими деревьями и выказывавшимися изъ-за нихъ крышами. Это было большое селеніе, принадлежавшее сотнику. Уже было далеко за полночь; небеса были темны, и маленькія звѣздочки мелькали кое-гдѣ. Ни въ одной хатѣ не видно было огня. Они взѣхали, въ сопровожденіи собачьяго лая, на дворъ. Съ обѣихъ сторонъ были замѣтны крытые соломой сараи и домики; одинъ изъ нихъ, находившійся какъ разъ посерединѣ противъ воротъ, былъ болѣе другихъ и служилъ, какъ казалось, пребываніемъ сотника. Брига остановилась передъ небольшимъ подобіемъ сарая, и путешественники наши отправились спать. Философъ хотѣлъ, однако же, нѣсколько осмотрѣть снаружи панскіе хоромы; но, какъ онъ ни палилъ свои глаза, ничто не могло означиться въ ясномъ видѣ: вмѣсто дома представлялся ему медвѣдь; изъ трубы дѣлался ректоръ. Философъ махнулъ рукою и пошелъ спать.

Когда проснулся философъ, то весь домъ былъ въ движеніи: въ ночь умерла панночка. Слуги бѣгали впопыхахъ взадъ и впередъ; старухи нѣкоторыя плакали; толпа любопытныхъ глядѣла сквозь заборъ на панскій дворъ, какъ будто бы могла что-нибудь увидѣть. Философъ началъ на досугъ осматривать тѣ мѣста, которыя онъ не могъ разглядѣть ночью. Панскій домъ былъ низенькое небольшое строеніе, какія обыкновенно строились въ старину въ Малороссіи; онъ былъ покрытъ соломой; маленькій, острый и высокій фронтонъ съ окошкомъ, похожимъ на поднятый кверху глазъ, былъ весь измалеванъ голубыми и желтыми цвѣтами и красными полумѣсяцами; онъ былъ утвержденъ на дубовыхъ столбикахъ, до половины круглыхъ, и снизу шестигранныхъ, съ вычурною об-

точкою вверху. Подъ этимъ фронтономъ находилось небольшое крылечко со скамейками по обѣимъ сторонамъ. Съ боковъ дома были навѣсы на такихъ же столбикахъ, индѣ¹ витыхъ. Высокая груша съ пирамидальною верхушкою и трепещущими листьями зеленѣла передъ домомъ. Нѣсколько амбаровъ въ два ряда стояли среди двора, образуя родъ широкой улицы, ведущей къ дому. За амбарами, къ самымъ воротамъ, стояли треугольниками два погреба, одинъ напротивъ другого, крытые также соломой. Треугольная стѣна каждого изъ нихъ была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображеніями. На одной изъ нихъ нарисованъ былъ сидящій на бочкѣ казакъ, державшій надъ головою кружку съ надписью: „Все выпью!“ На другомъ фляжка, сулей и по сторонамъ, для красоты, лошадь, стоявшая вверхъ ногами, трубка, бубны и надпись: „Вино — казачья потѣха“. Съ чердака одного изъ сараевъ выглядывалъ, сквозь огромное слуховое окно, барабанъ и мѣдныя трубы. У воротъ стояли двѣ пушки. Все показывало, что хозяинъ дома любилъ повеселиться, и дворъ часто оглашали пиршественные клики. За воротами находились двѣ вѣтряныя мельницы. Позади дома шли сады, и сквозь верхушки деревъ видны были однѣ только темныя шляпки трубъ скрывавшихся въ зеленой гущѣ хатъ. Все селеніе помѣщалось на широкомъ и ровномъ уступѣ горы. Съ сѣверной стороны все заслоняла крутая гора и подошвою своею оканчивалась у самого двора. При взглядѣ на нее снизу, она казалась еще круче, и на высокой верхушкѣ ея торчали кое-гдѣ неправильные стебли тощаго бурьяна и чернѣли на свѣтломъ небѣ; обнаженный глинистый видъ ея навѣвалъ какое то уныніе; она была вся изрыта дождевыми промои-

¹ Кое-гдѣ, мѣстами.

нами и проточинами. На крутомъ косогорѣ ея въ двухъ мѣстахъ торчали двѣ хаты; надъ одною изъ нихъ раскидывала вѣтви широкая яблоня, подпертая у корня небольшими кольями съ насыпною землею. Яблоки, сбиваемыя вѣтромъ, скатывались въ самый панскій дворъ. Съ вершины вилась по всей горѣ дорога и, опустившись, шла мимо двора въ селенье. Когда философъ измѣрилъ страшную круть ея и вспомнилъ вчерашнее путешествіе, то рѣшилъ, что или у пана были слишкомъ умныя лошади, или у казаковъ слишкомъ крѣпкія головы, когда и въ хмельномъ чаду умѣли не полетѣть вверхъ ногами вмѣстѣ съ неизмѣримою брикой и багажемъ. Философъ стоялъ на высшемъ въ дворѣ мѣстѣ, и, когда оборотился и глянулъ въ противоположную сторону, ему представился совершенно другой видъ. Селеніе вмѣстѣ съ отлогостью скатывалось на равнину. Необозримые луга открывались на далекое пространство; яркая зелень ихъ темнѣла по мѣрѣ отдаленія, и цѣлые ряды селеній синѣли вдали, хотя разстояніе ихъ было болѣе, нежели на двадцать верстъ. Съ правой стороны этихъ луговъ тянулись горы, и чуть замѣтною вдали полосою горѣлъ и темнѣлъ Днѣпръ.

— Эхъ, славное мѣсто! — сказалъ философъ, — вотъ тутъ бы жить, ловить рыбу въ Днѣпрѣ и въ прудахъ, охотиться съ тенетами или съ ружьемъ за стрепетами и крольшнечами ¹! Впрочемъ, я думаю, и дрофъ не мало въ этихъ лугахъ. Фруктовъ же можно засушить и продать въ городъ множество или, еще лучше, выкурить изъ нихъ водку, потому что водка изъ фруктовъ ни съ какимъ пѣнникомъ не сравнится. Да не мѣшаетъ подумать и о томъ, какъ бы улизнуть отсюда.

Онъ примѣтилъ за плетнемъ маленькую дорожку, совершенно закрытую разросшимся бурья-

номъ; поставилъ машинально на нее ногу, думая напередъ только прогуляться, а потомъ тихомолкомъ, промежъ хатами, да и махнуть въ поле, какъ внезапно почувствовалъ на своемъ плечѣ довольно крѣпкую руку.

Позади его стоялъ тотъ самый старый казакъ, который вчера такъ горько соболѣзновалъ о смерти отца и матери и о своемъ одиночествѣ.

— Напрасно ты думаешь, панъ философъ, улетнуть изъ хутора! — говорилъ онъ, — тутъ не такое заведеніе, чтобы можно было убѣжать; да и дороги для пѣшехода плохи; а ступай лучше къ пану: онъ ожидаетъ тебя давно въ свѣтлицѣ.

— Пойдемъ! Что жъ... я съ удовольствіемъ, — сказалъ философъ, и отправился вслѣдъ за казакомъ.

Сотникъ, уже престарѣлый, съ сѣдыми усами и съ выраженіемъ мрачной грусти, сидѣлъ передъ столомъ въ свѣтлицѣ, подперши обѣими руками голову. Ему было около пятидесяти лѣтъ; но глубокое уныніе на лицѣ и какой то блѣдно-тощій цвѣтъ показывали, что душа его была убита и разрушена вдругъ въ одну минуту, и вся прежняя веселость и шумная жизнь исчезли навѣки. Когда взошелъ Хома вмѣстѣ съ старымъ казакомъ, онъ отнялъ одну руку и слегка кивнулъ головою на низкій ихъ поклонъ.

Хома и казакъ почтительно остановились у дверей.

— Кто ты, и откуда, и какого званія, добрый человѣкъ? — сказалъ сотникъ ни ласково, ни сурово.

— Изъ бурсаковъ, философъ Хома Брутъ...

— А кто былъ твой отецъ?

— Не знаю, вельможный панъ.

— А мать твоя?

— И матери не знаю. По здравому разсужденію, конечно, была мать; но кто она и откуда, и когда жила, — ей Богу, добродію, не знаю.

Старикъ помолчалъ и, казалось, минуту оставался въ задумчивости.

— Какъ же ты познакомился съ моею дочкою?

— Не знакомился, вельможный панъ, ей Богу, не знакомился! Еще никакого дѣла съ панночками не имѣлъ, сколько ни живу на свѣтѣ. Цуръ имъ, чтобы не сказать непристойнаго!

— Отчего же она не другому кому, а тебѣ именно назначила читать?

Философъ пожалъ плечами: — Богъ его знаетъ, какъ это растолковать. Извѣстное уже дѣло, что панамъ подчасъ захочется такого, что и самый наиграмотнѣйшій человѣкъ не разберетъ; и пословица говоритъ: „Скачи, враже, якъ панъ каже“.

— Да не врешь ли ты, панъ философъ?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ пусть громомъ такъ и хлопнетъ, если лгу.

— Еслибы только минуточкой долѣе прожила ты, — грустно сказалъ сотникъ, — то, вѣрно бы, я узналъ все. „Никому не давай читать по мнѣ, но пошли, тату, сей же часъ въ кievскую семинарію и привези бурсака Хому Брута; пусть три ночи молится по грѣшной душѣ моей. Онъ знаетъ...“ А что такое знаетъ, я уже не услышалъ: она, голубонька, только и могла сказать, и умерла. Ты, добрый человѣкъ, вѣрно, извѣстенъ святою жизнію своею и богоугодными дѣлами, и она, можетъ быть, наслышалась о тебѣ.

— Кто? Я? — сказалъ бурсакъ, отступивши отъ изумленія. — Я святой жизни? — произнесъ онъ, посмотрѣвъ прямо въ глаза сотнику. — Богъ съ вами, панъ! Что вы это говорите! Да я, — хотъ оно непристойно сказать, — ходилъ къ булочницѣ противъ самага страстного четверга.

— Ну... вѣрно, уже недаромъ такъ назначено. Ты долженъ съ сего же дня начать свое дѣло.

— Я бы сказалъ на это вашей милости... Оно, конечно, всякій человѣкъ, вразумленный свя-

тому писанію, можетъ по соразмѣрности... только сюда приличнѣе бы требовалось дьякона или, по крайней мѣрѣ, дьяка. Они народъ толковый и знаютъ, какъ все это уже дѣлается; а я... Да у меня и голосъ не такой, и самъ я—чортъ знаетъ что. Никакого виду съ меня нѣтъ.

— Ужъ какъ ты себѣ хочешь, только я все, что завѣщала мнѣ моя голубка, исполню, ничего не пожалѣя. И когда ты съ сего дня три ночи совершишь, какъ слѣдуетъ, надъ нею молитвы, то я награжу тебя; а не то — и самому чорту не совѣтую разсердить меня.

Послѣднія слова произнесены были сотникомъ такъ крѣпко, что философъ понялъ вполне ихъ значеніе.

— Ступай за мною! — сказалъ сотникъ.

Они вышли въ сѣни. Сотникъ отворилъ дверь въ другую свѣтлицу, бывшую насупротивъ первой. Философъ остановился на минуту въ сѣняхъ высморгаться и съ какимъ то безотчетнымъ страхомъ переступилъ черезъ порогъ.

Весь полъ былъ устланъ красною китайкой. Въ углу, подъ образами, на высокомъ столѣ лежало тѣло умершей на одѣялѣ изъ синяго бархата, убранномъ золотою бахромою и кистями. Высокія восковыя свѣчи, увитыя калиною¹, стояли въ ногахъ и въ головахъ, изливая свой мутный, терявшійся въ дневномъ сіяніи, свѣтъ. Лицо умершей было заслонено отъ него неутѣшнымъ отцомъ, который сидѣлъ передъ нею, обратясь спиною къ дверямъ. Философа поразили слова, которыя онъ слышалъ:

— Я не о томъ жалѣю, моя наимилѣйшая мнѣ дочь, что ты во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, не доживъ положеннаго вѣка, на печаль и горестъ мнѣ, оставила землю; я о томъ жалѣю, моя голубонька, что

¹ Символь дѣвственности.

не знаю того, кто былъ, лютый врагъ мой, причиною твоей смерти. И еслибы я зналъ, кто могъ подумать только оскорбить тебя, или хоть бы сказалъ что-нибудь непріятное о тебѣ, то, клянусь Богомъ, не увидѣлъ бы онъ больше своихъ дѣтей, если онъ такъ же старъ, какъ и я, ни своего отца и матери, если только онъ еще на порѣ лѣтъ, и тѣло его было бы выброшено на еѣденіе птицамъ и звѣрямъ степнымъ! Но горе мнѣ, моя полевая нагидочка ¹, моя перепеличка, моя ясочка ², что проживу я остальной вѣкъ свой безъ потѣхи, утирая полою дробныя ³ слезы, текущія изъ старыхъ очей моихъ, тогда какъ врагъ мой будетъ веселиться и втайнѣ посмѣваться надъ хилымъ старцемъ...

Онъ остановился, и причиною этого была разрывающая горестъ, разрѣшившаяся цѣлымъ потокомъ слезъ.

Философъ былъ тронутъ такою безутѣшною печалью; онъ закашлялъ и издалъ глухое крехтаніе, желая очистить имъ свой голосъ.

Сотникъ оборотился и указалъ ему мѣсто въ головахъ умершей, передъ небольшимъ наложникомъ, на которомъ лежали книги.

— Три ночи какъ-нибудь отработаю, — подумалъ философъ, — зато панъ набьетъ мнѣ оба кармана чистыми червонцами.

Онъ приблизился и, еще разъ откашлявшись, принялся читать, не обращая никакого вниманія на сторону и не рѣшаясь взглянуть въ лицо умершей. Глубокая тишина воцарилась. Онъ замѣтилъ, что сотникъ вышелъ. Медленно поворотилъ онъ голову, чтобы взглянуть на умершую, и...

Трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ: передъ нимъ лежала красавица, какая когда-либо бывала

¹ Ноготокъ, растеніе.

² Мой свѣтикъ.

³ Мелкія, частыя.

на землѣ. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы въ такой рѣзкой и вмѣстѣ гармонической красотѣ. Она лежала, какъ живая; чело прекрасное, нѣжное, какъ снѣгъ, какъ серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечнаго дня, тонкія, ровныя, горделиво приподнялись надъ закрытыми глазами; а рѣсницы, упавшія стрѣлами на щеки, пылавшія жаромъ тайныхъ желаній; уста—рубины, готовые усмѣхнуться смѣхомъ блаженства, потопомъ радости... Но въ нихъ же, въ тѣхъ же самыхъ чертахъ, онъ видѣлъ что то страшно-пронзительное. Онъ чувствовалъ, что душа его начинала какъ то болѣзненно ныть, какъ будто бы вдругъ среди вихря веселья и закружившейся толпы запѣлъ кто-нибудь пѣсню похоронную. Рубины устъ ея, казалось, прикипали кровію къ самому сердцу. Вдругъ что то страшно-знакомое показалось въ лицѣ ея. — Вѣдьма! — вскрикнулъ онъ не своимъ голосомъ, отвелъ глаза въ сторону, поблѣднѣлъ весь и сталъ читать свои молитвы. Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ!

Когда солнце стало садиться, мертвую понесли въ церковь. Философъ однимъ плечомъ своимъ поддерживалъ черный траурный гробъ и чувствовалъ на плечѣ своемъ что то холодное, какъ ледъ. Сотникъ самъ шелъ впереди, неся рукою правую сторону тѣснаго дома умершей. Церковь деревянная, почернѣвшая, убранная зеленымъ мохомъ, съ тремя конусообразными куполами, уныло стояла почти на краю села. Замѣтно было, что въ ней давно уже не отправлялось никакого служенія. Свѣчи были зажжены почти передъ каждымъ образомъ. Гробъ поставили посерединѣ, противъ самага алтаря. Старый сотникъ поцѣловалъ еще разъ умершую, повергнулся ницъ и вышелъ вмѣстѣ съ носильщиками вонъ, давъ повелѣніе хорошенько накормить философа и послѣ ужина проводить его въ церковь. Пришедши въ кухню, всѣ, несшіе

гробъ, начали прикладывать руки къ печкѣ, что обыкновенно дѣлають малороссіяне, увидѣвши мертвеца.

Голодъ, который въ это время началъ чувствовать философъ, заставилъ его на нѣсколько минутъ позабыть вовсе объ умершей. Скоро вся дворня мало-по-малу начала сходиться въ кухню. Кухня въ сотниковомъ домѣ была что то похожее на клубъ, куда стекалось все, что ни обитало во дворѣ, считая въ это число и собакъ, приходившихъ съ машущими хвостами къ самымъ дверямъ за костями и помоями. Куда бы кто ни былъ посылаемъ и по какой бы то ни было надобности, онъ всегда прежде заходилъ на кухню, чтобы отдохнуть хоть минуту на лавкѣ и выкурить люльку. Всѣ холостяки, жившіе въ домѣ, щеголявшіе въ казацкихъ свиткахъ, лежали здѣсь почти цѣлый день на лавкѣ, подъ лавкою, на печкѣ — однимъ словомъ, гдѣ только можно было сыскать удобное мѣсто для лежанья. Притомъ всякій вѣчно позабывалъ въ кухнѣ или шапку, или кнутъ для чужихъ собакъ, или что-нибудь подобное. Но самое многочисленное собраніе бывало во время ужина, когда приходилъ и табунщикъ, успѣвшій загнать своихъ лошадей въ загонъ, и погонщикъ, приводившій коровъ для дойки, и всѣ тѣ, которыхъ въ теченіе дня нельзя было увидѣть. За ужиномъ болтовня овладѣвала самыми неговорливыми языками. Тутъ обыкновенно говорилось обо всемъ: и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка. Тутъ было множество бонмотистовъ¹, въ которыхъ между малороссіянами нѣтъ недостатка.

Философъ усѣлся вмѣстѣ съ другими въ обширный кружокъ, на вольномъ воздухѣ, передъ порогомъ кухни. Скоро баба въ красномъ очипкѣ вы-

¹ Остроумцевъ.

сунулась изъ дверей, держа въ обѣихъ рукахъ горячій горшокъ съ галушками, и поставила его посреди готовившихся ужинать. Каждый вынулъ изъ кармана своего деревянную ложку; иные, за неимѣніемъ, деревянную спичку. Какъ только уста стали двигаться немного медленнѣе, и волчій голодъ всего этого собранія немного утишился, многіе начали заговаривать. Разговоръ, натурально, долженъ былъ обратиться къ умершей.

— Правда ли, — сказалъ одинъ молодой овчаръ, который насадилъ на свою кожаную перевязь для люльки столько пуговицъ и мѣдныхъ бляхъ, что былъ похожъ на лавку мелкой торговли, — правда ли, что панночка, не тѣмъ будь помянута, зналась съ нечистымъ?

— Кто? Панночка? — сказалъ Дорошъ, уже знакомый прежде нашему философу, — да она была цѣлая вѣдьма! Я присягну, что вѣдьма!

— Полно, полно, Дорошъ, — сказалъ другой, который во время дороги изъявлялъ большую готовность утѣшать, — это не наше дѣло; Богъ съ нимъ! Нечего объ этомъ толковать. — Но Дорошъ вовсе не былъ расположенъ молчать; онъ только что передъ тѣмъ сходилъ въ погребъ вмѣстѣ съ ключникомъ по какому то нужному дѣлу и, наклонившись раза два къ двумъ или тремъ бочкамъ, вышелъ оттуда чрезвычайно веселый и говорилъ безъ умолку.

— Что ты хочешь? Чтобы я молчалъ? — сказалъ онъ, — да она на мнѣ самомъ ѣздила! Ей Богу, ѣздила!

— А что, дядько? — сказалъ молодой овчаръ съ пуговицами, — можно ли узнать по какимъ-нибудь примѣтамъ вѣдьму?

— Нельзя, — отвѣчалъ Дорошъ, — никакъ не узнаешь; хотя всѣ псалтыри перечитай, то не узнаешь.

— Можно, можно, Дорошъ: не говори этого, —

произнесъ прежній утѣшитель, — уже Богъ не даромъ далъ всякому особый обычай: люди, знающіе науку, говорятъ, что у вѣдьмы есть маленькій хвостикъ.

— Когда стара баба, то и вѣдьма, — сказалъ хладнокровно сѣдой казакъ.

— О, ужъ хороши и вы! — подхватила баба, которая подливала въ то время свѣжихъ галушекъ въ очистившійся горшокъ, — настоящіе толстые кабаны!

Старый казакъ, котораго имя было Явтухъ, а прозваніе Ковтунъ, выразилъ на губахъ своихъ улыбку удовольствія, замѣтивъ, что слова его задѣли за живое старуху; а погонщикъ скотины пустилъ такой густой смѣхъ, какъ будто бы два быка, ставши одинъ противъ другого, замычали разомъ.

Начавшійся разговоръ возбудилъ непреодолимое желаніе и любопытство философа узнать обстоятельнѣе про умершую сотникову дочь, и потому, желая опять навести его на прежнюю матерію, обратился къ сосѣду своему съ такими словами: „Я хотѣлъ спросить, почему все это сословіе, что сидитъ за ужиномъ, считаетъ панночку вѣдьмою? Что жъ, развѣ она кому-нибудь причинила зло, или извела кого-нибудь?“

— Было всякаго, — отвѣчалъ одинъ изъ сидѣвшихъ, съ лицомъ гладкимъ, чрезвычайно похожимъ на лопату.

— А кто не припомнитъ псаря Микиту, или того...

— А что жъ такое псарь Микита? — сказалъ философъ.

— Стой! я расскажу про псаря Микиту, — сказалъ Дорошъ.

— Я расскажу про Микиту, — отвѣчалъ табунщикъ, — потому что онъ былъ мой кумъ.

— Я расскажу про Микиту, — сказалъ Спиридь.

— Пускай, пускай Спиридь разскажетъ! — закричала толпа.

Спиридь началъ: — Ты, панъ философъ Хома, не зналъ Микиты. Эхъ, какой рѣдкій былъ человекъ! Собаку каждую онъ, бывало, такъ знаетъ, какъ родного отца. Теперешній псарь Микола, что сидитъ третьимъ за мною, и въ подметки ему не годится. Хотя онъ тоже разумѣетъ свое дѣло, но онъ противъ него — дрянъ, помои.

— Ты хорошо рассказываешь, хорошо! — сказалъ Дорошъ, одобрительно кивнувъ головою.

Спиридь продолжалъ: — Зайца увидитъ скорѣе, чѣмъ табакъ утрешь изъ носу. Бывало, свистнетъ: „а ну, Разбой! а ну, Быстрая!“ а самъ на конѣ во всю прыть, — и уже разсказать нельзя, кто кого скорѣе обгонитъ: онъ ли собаку, или собака его. Сивухи кварту свистнетъ вдругъ, какъ не бывало. Славный былъ псарь! Только съ недавняго времени началъ онъ заглядываться безпрестанно на панночку. Вклепался ли онъ точно въ нее, или уже она такъ его околдовала, только пропалъ человекъ, обабился совсѣмъ; сдѣлался, чортъ знаетъ что, пфу! непристойно сказать.

— Хорошо, — сказалъ Дорошъ.

— Какъ только панночка, бывало, взглянетъ на него, то и повода изъ рукъ пускаетъ, Разбоя зоветъ Бровкомъ, спотыкается и ни вѣсть что дѣлаетъ. Одинъ разъ панночка пришла на конюшню, гдѣ онъ чистилъ коня. — Дай, — говоритъ, — Микитка, я положу на тебя свою ножку. — А онъ, дурень, и радъ тому: говоритъ, что „не только ножку, но и сама садись на меня“. Панночка подняла свою ножку, и какъ увидѣлъ онъ ея нагую, полную и бѣлую ножку, то, говоритъ, чара такъ и ошеломила его. Онъ, дурень, нагнулъ спину и, схвативши обѣими руками за нагія ея ножки, пошелъ скакать, какъ конь, по всему полю, и куда они ѣздили, онъ ничего не могъ сказать;

только воротился едва живой, и съ той поры иссохнулъ весь, какъ щепка; и когда разъ пришли на конюшню, то вмѣсто его лежала только куча золы да пустое ведро: сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою. А такой былъ царь, какого на всемъ свѣтѣ не можно найти.

Когда Спиридъ окончилъ рассказъ свой, со всѣхъ сторонъ пошли толки о достоинствахъ бывшаго писаря.

— А про Шепчиху ты не слышалъ? — сказалъ Дорошъ, обращаясь къ Хомѣ.

— Нѣтъ.

— Эге, ге, ге! Такъ у васъ въ бурсѣ, видно, не слишкомъ большому разуму учать. Ну, слушай. У насъ есть на селѣ казакъ Шептунъ, — хорошій казакъ! Онъ любитъ иногда украсть и совратъ безъ всякой нужды, но... хорошій казакъ. Его хата не такъ далеко отсюда. Въ такую самую пору, какъ мы теперь сѣли вечерять, Шептунъ съ жинкою, окончивши вечерю, легли спать, и такъ какъ время было хорошее, то Шепчиха легла на дворѣ, а Шептунъ въ хатѣ, на лавкѣ; или нѣтъ: Шепчиха въ хатѣ на лавкѣ, а Шептунъ на дворѣ...

— И не на лавкѣ, а на полу легла Шепчиха, — подхватила баба, стоя у порога и подперши рукою щеку.

Дорошъ поглядѣлъ на нее, потомъ поглядѣлъ внизъ, потомъ опять на нее и, немного помолчавъ, сказалъ: — Когда скину съ тебя при всѣхъ исподницу¹, то не хорошо будетъ.

Это предостереженіе имѣло свое дѣйствіе. Старуха замолчала и уже ни разу не перебила рѣчи.

Дорошъ продолжалъ: — А въ люлькѣ, висѣвшей среди хаты, лежало годовое дитя, не знаю, мужескаго или женскаго пола. Шепчиха лежала, а по-

¹ Юбку.

томъ слышитъ, что за дверью скребется собака и воетъ такъ, хотъ изъ хаты бѣги. Она испугалась, ибо бабы — такой глупый народъ, что высунъ ей подъ-вечеръ изъ-за дверей языкъ, то и душа уйдетъ въ пятки. Однакожь, думаетъ: „Дай-ка я ударю по мордѣ проклятую собаку, авось-либо перестанетъ выть“, — и, взявши кочергу, вышла отворить дверь. Не успѣла она немного отворить, какъ собака кинулась промежъ ногъ ея и прямо къ дѣтской люлькѣ. Шепчиха видитъ, что это уже не собака, а панночка; да притомъ пускай бы уже панночка въ такомъ видѣ, какъ она ее знала,—это бы еще ничего; но вотъ вещь и обстоятельство, что она была вся синяя, а глаза горѣли, какъ уголь. Она схватила дитя, прокусила ему горло и начала пить изъ него кровь. Шепчиха только закричала: „Охъ, лишечко!“ да изъ хаты. Только видитъ, что въ сѣняхъ двери заперты; она на чердакъ; сидитъ и дрожитъ глупая баба; а потомъ видитъ, что панночка къ ней идетъ и на чердакъ, кинулась на нее и начала глупую бабу кусать. Уже Шептунъ поутру вытащилъ оттуда свою жинку, всю искусанную и посинѣвшую; а на другой день и умерла глупая баба. Такъ вотъ какія устройства и обольщенія бываютъ! Оно хотъ и панскаго помету, да все, когда вѣдьма, то вѣдьма.

Послѣ такого разсказа Дорошъ самодовольно оглянулся и засунулъ палецъ въ свою трубку, приготовляя ее къ набивкѣ табакомъ. Матерія о вѣдьмѣ сдѣлалась неисчерпаемою. Каждый въ свою очередь спѣшилъ что-нибудь разсказать. Къ тому вѣдьма, въ видѣ скирды сѣна, пріѣхала къ самымъ дверямъ хаты; у другого украла шапку или трубку; у многихъ дѣвокъ на селѣ отрѣзала косу; у другихъ выпила по нѣскольку ведеръ крови.

Наконецъ, вся компанія опомнилась и увидѣла,

что заболталась уже черезчуръ, потому что уже на дворѣ была совершенная ночь. Всѣ начали разбродиться по ночлегамъ, находившимся или на кухнѣ, или въ сараяхъ, или среди двора.

— А ну, панъ Хома! теперь и намъ пора идти къ покойницѣ, — сказалъ сѣдой казакъ, обратившись къ философу, и все четверо, въ томъ числѣ Спиридъ и Дорошъ, отправились въ церковь, стегая кнутомъ собакъ, которыхъ на улицѣ было великое множество и которыя со злости грызли ихъ палки.

Философъ, несмотря на то, что успѣлъ подкрѣпить себя доброю кружкою горѣлки, чувствовалъ втайнѣ подступавшую робость, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ освѣщенной церкви. Рассказы и странныя исторіи, слышанные имъ, помогали еще болѣе дѣйствовать его воображенію. Мракъ подъ тыномъ и деревьями начиналъ рѣдѣть; мѣсто становилось обнаженнѣе. Они вступили, наконецъ, за ветхую церковную ограду въ небольшой дворикъ, за которымъ не было ни деревца, и открывалось одно пустое поле да поглощенные ночнымъ мракомъ луга. Три казака взошли вмѣстѣ съ Хомою по крутой лѣстницѣ на крыльцо и вступили въ церковь. Здѣсь они оставили философа, пожелавъ ему благополучно отправить свою обязанность, и заперли за нимъ дверь, по приказанію пана.

Философъ остался одинъ. Сначала онъ зѣвнулъ, потомъ потянулся, потомъ фукнулъ въ обѣ руки и, наконецъ, уже осмотрѣлся. Посрединѣ стоялъ черный гробъ; свѣчи теплились предъ темными образами; свѣтъ отъ нихъ освѣщалъ только иконостасъ и слегка середину церкви; отдаленные углы притвора были закутаны мракомъ. Высокій старинный иконостасъ уже показывалъ глубокую ветхость; сквозная рѣзьба его, покрытая золотомъ, еще блестѣла однѣми только искрами:

позолота въ одномъ мѣстѣ опала, въ другомъ все почернѣла; лики святыхъ, совершенно потемнѣвшіе, глядѣли какъ то мрачно. Философъ еще разъ осмотрѣлся.—Что жъ? — сказалъ онъ,—чего тутъ бояться? Человѣкъ придти сюда не можетъ, а отъ мертвецовъ и выходцевъ съ того свѣта есть у меня молитвы, такія, какъ прочитаю, то они меня и пальцемъ не тронутъ. — Ничего! — повторилъ онъ, махнувъ рукою, — будемъ читать. — Подходя къ клиросу, увидѣлъ онъ нѣсколько связокъ свѣчей. — Это хорошо, — подумалъ философъ, — нужно освѣтить всю церковь такъ, чтобы видно было, какъ днемъ. Эхъ, жаль, что во храмѣ Божіемъ не можно люльки выкурить!

И онъ принялся прилѣплять восковыя свѣчи ко всѣмъ карнизамъ, наоямъ и образамъ, не жалѣя ихъ нимало, и скоро вся церковь наполнилась свѣтомъ. Вверху только мракъ сдѣлался какъ будто сильнѣе, и мрачныя образа глядѣли угрюмѣй изъ старинныхъ рѣзныхъ рамъ, кое-гдѣ сверкавшихъ позолотой. Онъ подошелъ ко гробу, съ робостію посмотрѣлъ въ лицо умершей — и не могъ не зажмурить, нѣсколько вздрогнувши, своихъ глазъ: такая страшная, сверкающая красота!

Онъ отворотился и хотѣлъ отойти; но, по странному любопытству, по странному поперебивающему себя чувству, не оставляющему человѣка, особенно во время страха, онъ не утерпѣлъ, уходя, не взглянуть на нее и, потомъ, ощутивши тотъ же трепетъ, взглянулъ еще разъ. Въ самомъ дѣлѣ, рѣзкая красота усопшей казалась страшною. Можетъ быть, даже она не поразила бы такимъ паническимъ ужасомъ, еслибы была нѣсколько безобразнѣе. Но въ ея чертахъ ничего не было тусклаго, мутнаго, умершаго; оно было живо, и философу казалось, какъ будто бы она глядитъ на него закрытыми глазами. Ему даже показалось, какъ будто изъ-подъ рѣсницы праваго глаза ея

покатилась слеза, и когда она остановилась на щекѣ, то онъ различилъ ясно, что это была капля крови.

Онъ поспѣшно отошелъ къ клиросу, развернулъ книгу и, чтобы болѣе ободрить себя, началъ читать самымъ громкимъ голосомъ. Голосъ его поразилъ церковныя деревянныя стѣны, давно молчаливыя и оглохлыя; одиноко, безъ эха, сыпался онъ густымъ басомъ въ совершенно мертвой тишинѣ и казался нѣсколько дикимъ даже самому чтецу. — Чего бояться? — думалъ онъ между тѣмъ самъ про себя, — вѣдь она не встанетъ изъ своего гроба, потому что побоится Божьяго слова. Пусть лежитъ! Да и что я за казакъ, когда бы утѣшился? Ну, выпилъ лишнее — оттого и показывается страшно. А понюхать табаку. Эхъ, добрый табакъ! Славный табакъ! Хорошій табакъ! — Однако же, перелистывая каждую страницу, онъ посматривалъ искоса на гробъ, и невольное чувство, казалось, шептало ему: „Вотъ, вотъ встанетъ! Вотъ поднимется, вотъ выглянетъ изъ гроба!“

Но тишина была мертвая; гробъ стоялъ неподвижно; свѣчи лили цѣлый потопъ свѣта. Страшна освѣщенная церковь ночью, съ мертвымъ тѣломъ и безъ души людей!

Возвыся голосъ, онъ началъ пѣть на разные голоса, желая заглушить остатки боязни, но чрезъ каждую минуту обращалъ глаза свои на гробъ, какъ будто бы задавая невольный вопросъ: „Что, если подымется, если встанетъ она?“

Но гробъ не шелохнулся. Хоть бы какой-нибудь звукъ, какое-нибудь живое существо, даже сверчокъ отозвался въ углу! Чуть только слышался легкій трескъ какой-нибудь отдаленной свѣчки, или слабый, слегка хлопнувшій звукъ восковой капли, падавшей на полъ,

„Ну, если подымется?..“

Она приподняла голову...

Онъ дико взглянулъ и протеръ глаза. Но она, точно, уже не лежить, а сидитъ въ своемъ гробѣ. Онъ отвелъ глаза свои и опять съ ужасомъ обратилъ ихъ на гробъ. Она встала... идетъ по церкви съ закрытыми глазами, безпрестанно расправляя руки, какъ бы желая поймать кого-нибудь.

Она идетъ прямо къ нему. Въ страхѣ, очертилъ онъ около себя кругъ; съ усиліемъ началъ читать молитвы и произносить заклинанія, которыми научилъ его одинъ монахъ, видѣвшій всю жизнь свою вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ.

Она встала почти на самой чертѣ; но видно было, что не имѣла силъ переступить ее, и вся посинѣла, какъ человѣкъ, уже нѣсколько дней умершій. Хома не имѣлъ духа взглянуть на нее: она была страшна. Она ударила зубами въ зубы и открыла мертвые глаза свои; но, не видя ничего, съ бѣшенствомъ, — что выразило ея задрожавшее лицо, — обратилась въ другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столпъ и уголъ, стараясь поймать Хому. Наконецъ, остановилась, погрозивъ пальцемъ, и легла въ свой гробъ.

Философъ все еще не могъ придти въ себя и со страхомъ поглядывалъ на это тѣсное жилище вѣдьмы. Наконецъ, гробъ вдругъ сорвался съ своего мѣста и со свистомъ началъ летать по всей церкви, крестя во всѣхъ направленіяхъ воздухъ. Философъ видѣлъ его почти надъ головою, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что онъ не могъ зацѣпить круга, имъ начерченнаго, и усилилъ свои заклинанія. Гробъ грянулся на срединѣ церкви и остался неподвижнымъ. Трупъ опять поднялся изъ него синій, позеленѣвшій. Но въ то время слышался отдаленный крикъ пѣтуха; трепъ опустился въ гробъ и захлопнулся гробовою крышкою.

Сердце у философа билось, и потъ катился градомъ; но, ободренный пѣтушьимъ крикомъ, онъ дочитывалъ быстрѣе листы, которые долженъ былъ прочесть прежде. При первой зарѣ пришли смѣнить его дьячокъ и сѣдой Явтухъ, который на тотъ разъ отправлялъ должность церковнаго старосты.

Пришедши на отдаленный ночлегъ, философъ долго не могъ заснуть; но усталость одолѣла, и онъ проспалъ до обѣда. Когда онъ проснулся, все ночное событіе казалось ему происходившимъ во снѣ. Ему дали, для подкрѣпленія силъ, кварту горѣлки. За обѣдомъ онъ скоро развязался, присовокупилъ кое къ чему замѣчанія, и съѣлъ почти одинъ довольно большого поросенка; но однако же о своемъ событіи въ церкви онъ не рѣшался говорить по какому то безотчетному для него чувству, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: „Да, были всякія чудеса“. Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и непрерывно поплевывалъ въ сторону.

Послѣ обѣда философъ былъ совершенно въ духѣ. Онъ успѣлъ обходить все селеніе, перезнакомиться почти со всѣми; изъ двухъ хатъ его даже выгнали; одна смазливая молодкахватила его порядочно лопатой по спинѣ, когда онъ вздумалъ было пощунать и полюбопытствовать, изъ какой матеріи у нея была сорочка и плахта¹. Но чѣмъ болѣе время близилось къ вечеру, тѣмъ задумчивѣе становился философъ. За часъ до ужина вся почти дворня собиралась играть въ кашу, или въ крагли, — родъ кеглей, гдѣ, вмѣсто шаровъ, употребляются длинныя палки, и выигравшій

¹ Нижняя женская одежда изъ шерстяной клѣтчатои матеріи.

имѣть право проѣзжаться на другомъ верхомъ. Эта игра становилась очень интересною для зрителей: часто погонщикъ, широкій, какъ блинъ, взлѣзалъ верхомъ на свиного пастуха, тщедушнаго, низенькаго, всего состоящаго изъ морщинъ. Въ другой разъ погонщикъ подставлялъ свою спину, и Дорошъ, вскочивши на нее, всегда говорилъ: „Экой здоровый быкъ!“ У порога кухни сидѣли тѣ, которые были посолондѣе. Они глядѣли чрезвычайно серьезно, куря люльки, даже и тогда, когда молодежь отъ души смѣялась какому-нибудь остроумному слову погонщика или Спирида. Хома напрасно старался вмѣшаться въ эту игру: какая то темная мысль, какъ гвоздь, сидѣла въ его головѣ. За вечерей сколько ни старался онъ развеселить себя, но страхъ загорался въ немъ вмѣстѣ съ тьмою, распростиравшеюся по небу.

— А ну, пора намъ, панъ бурсакъ! — сказалъ ему знакомый сѣдой казакъ, подымаясь съ мѣста вмѣстѣ съ Дорошемъ, — пойдемъ на работу.

Хому опять такимъ же самымъ образомъ отвели въ церковь; опять оставили его одного и заперли за нимъ дверь. Какъ только онъ остался одинъ, робость начала вѣдраться снова въ его грудь. Онъ опять увидѣлъ темные образа, блестящія рамы и знакомый черный гробъ, стоявшій въ угрожающей тишинѣ и неподвижности среди церкви.

— Что жъ? — произнесъ онъ, — теперь вѣдь мнѣ не въ диковинку это диво. Оно съ перваго раза только страшно. Да, оно только съ перваго раза немного страшно, а тамъ оно уже не страшно; оно уже совсѣмъ не страшно.

Онъ поспѣшно сталъ на клиросъ, очертилъ около себя кругъ, произнесъ нѣсколько заклинаній и началъ читать громко, рѣшась не подымать съ книги своихъ глазъ и не обращать вниманія ни на что. Уже около часа читалъ онъ и начиналъ нѣсколько уставать и покашливать; онъ вы-

нулъ изъ кармана рожокъ и, прежде нежели поднесъ табакъ къ носу, робко повелъ глазами на гробъ. На сердцѣ у него захолонуло: трупъ уже стоялъ передъ нимъ на самой чертѣ и вперилъ въ него мертвые, позеленѣвшіе глаза. Бурсакъ содрогнулся, и холодъ чувствительно пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Потупивъ очи въ книгу, сталъ онъ читать громче свои молитвы и заклѣтья и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и замахалъ руками, желая схватить его. Но, покосившись слегка однимъ глазомъ, увидѣлъ онъ, что трупъ не тамъ ловилъ его, гдѣ стоялъ онъ, и, какъ видно, не могъ видѣть его. Глухо стала ворчать она и начала выговаривать мертвыми устами страшныя слова; хрипло всхлипывали они, какъ клокотанье кипящей смолы. Что значили они, того не могъ бы сказать онъ, но что то страшное въ нихъ заключалось. Философъ въ страхъ понималъ, что она творила заклинанія.

Вѣтеръ пошелъ по церкви отъ словъ, и послышался шумъ, какъ бы отъ множества летящихъ крыльевъ. Онъ слышалъ, какъ бились крыльями въ стекла церковныхъ оконъ и въ желѣзныя рамы, какъ царапали съ визгомъ когтями по желѣзу, и какъ несмѣтная сила громила въ двери и хотѣла вломиться. Сильно у него билось во все время сердце; зажмуривъ глаза, все читалъ онъ заклѣтья и молитвы. Наконецъ, вдругъ что то засвистало вдали: это былъ отдаленный крикъ пѣтуха. Изнуренный философъ остановился и отдохнулъ духомъ.

Вошедшіе смѣнить его нашли его едва жива; онъ оперся спиною объ стѣну и, выпуча глаза, глядѣлъ неподвижно на пришедшихъ казаковъ. Его почти вывели и должны были поддерживать во всю дорогу. Пришедши на панскій дворъ, онъ встряхнулся и велѣлъ себѣ подать кварту горѣлки. Выпивши ее, онъ пригладилъ на головѣ своей волосы и сказалъ:

— Много на свѣтѣ всякой дряни водится! А страхи такіе случаются, ну... — При этомъ философъ махнулъ рукою.

Собравшіеся вокругъ него потупили головы, услышавъ такія слова. Даже небольшой мальчикъ, котораго вся дворня почитала въ правѣ уполномочивать вмѣсто себя, когда дѣло шло къ тому, чтобы чистить конюшню или таскать воду, даже этотъ бѣдный мальчишка тоже разинулъ ротъ.

Въ это время проходила мимо еще не совсѣмъ пожилая бабенка, въ плотно обтянутой запаскѣ¹, выказывавшей ея круглый и крѣпкій станъ, помощница старой кухарки, кокетка страшная, которая всегда находила что-нибудь прищипить къ своему очипку: или кусокъ ленточки, или гвоздику, или даже бумажку, если не было чего-нибудь другого.

— Здравствуй, Хома! — сказала она, увидѣвъ философа. — Ай, ай, ай! что́ это съ тобою? — вскрикнула она, всплеснувъ руками.

— Какъ что, глупая баба?

— Ахъ, Боже мой! да ты весь посѣдѣлъ!

— Эге, ге! Да она правду говоритъ! — произнесъ Спиридь, всматриваясь въ него пристально. — Ты, точно, посѣдѣлъ, какъ нашъ старый Явтухъ!

Философъ, услышавши это, побѣждалъ опрометью въ кухню, гдѣ онъ замѣтилъ прилѣпленный къ стѣнѣ, обпачканный мухами, треугольный кусокъ зеркала, передъ которымъ были натыканы незабудки, барвинки и даже гирлянда изъ нагидокъ, показывавшія назначеніе его для туалета щеголеватой кокетки. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ истину ихъ словъ: половина волосъ его, точно, побѣлѣла.

Повѣсилъ голову Хома Брутъ и предался размышленію.

— Пойду къ пану, — сказалъ онъ, наконецъ, —

¹ Родъ передника, темносиняго цвѣта.

разскажу ему все и объясню, что больше не хочу читать. Пусть отправляетъ меня сей же часъ въ Кіевъ.

Въ такихъ мысляхъ направилъ онъ путь свой къ крыльцу панскаго дома.

Сотникъ сидѣлъ почти неподвиженъ въ своей свѣтлицѣ. Та же самая безнадежная печаль, какую онъ встрѣтилъ прежде на его лицѣ, сохранялась въ немъ и донинѣ. Только щеки его опали гораздо болѣе прежняго. Замѣтно было, что онъ очень мало употреблялъ пищи, или, можетъ быть, даже вовсе не касался ея. Необыкновенная блѣдность придавала ему какую то каменную неподвижность.

— Здравствуй, небоже¹! — произнесъ онъ, увидѣвъ Хому, остановившагося съ шапкою въ рукахъ у дверей. — Что, какъ идетъ у тебя? Все благополучно?

— Благополучно то, благополучно; такая чертовщина водится, что прямо бери шапку, да и улепетывай, куда ноги несутъ.

— Какъ такъ?

— Да ваша, панъ, дочка... По здравому разсужденію, она, конечно, есть панскаго роду, въ томъ никто не станетъ прекословить; только, не во гнѣвъ будь сказано, упокой Богъ ея душу...

— Что же дочка?

— Припустила къ себѣ сатану. Такіе страхи задаетъ, что никакое писаніе не учитывается.

— Читай, читай! Она не даромъ призвала тебя: она заботилась, голубонька моя, о душѣ своей и хотѣла молитвами изгнать всякое дурное помышленіе.

— Власть ваша, панъ: ей Богу, не вмоготу!

— Читай, читай! — продолжалъ тѣмъ же увѣщательнымъ голосомъ сотникъ, — тебѣ одна ночь

¹ Вѣднѣга.

теперь осталась; ты сдѣлаешь христіанское дѣло, и я награжу тебя.

— Да какія бы ни были награды... Какъ ты себѣ хочь, панъ, а я не буду читать! — произнесъ Хома рѣшительно.

— Слушай, философъ! — сказалъ сотникъ, и голосъ его сдѣлался крѣпокъ и грозенъ, — я не люблю этихъ выдумокъ. Ты можешь это дѣлать въ вашей бурсѣ, а у меня не такъ: я уже какъ отдеру, такъ не то, что ректоръ. Знаешь ты, что такое хорошіе кожаные канчуки?

— Какъ не знать! — сказалъ философъ, понизивъ голосъ, — всякому извѣстно, что такое кожаные канчуки: при большомъ количествѣ — вещь нестерпимая.

— Да. Только ты не знаешь еще, какъ хлопцы мои умѣютъ дарить! — сказалъ сотникъ грозно, подымаясь на ноги, и лицо его приняло повелительное и свирѣпое выраженіе, обнаружившее весь необузданный его характеръ, усиленный только на время горестью. — У меня прежде выпарять, потомъ вспрыснуть горѣлкою, а послѣ опять. Ступай, ступай, исправляй свое дѣло! Не исправилъ — не встанешь, а исправишь — тысяча червонныхъ!

— Ого, го! да это хватъ! — подумалъ философъ, выходя, — съ этимъ нечего шутить. Стой, стой, пріятель: я такъ наострю лыжи, что ты съ своими собаками не угонишься за мною.

И Хома положилъ непременно бѣжать. Онъ выжидалъ только послѣобѣденнаго часа, когда вся дворня имѣла обыкновеніе забираться въ сѣно подъ сараями и, открывши ротъ, испускать такой храпъ и свистъ, что панское подворье дѣлалось похожимъ на фабрику.

Это время, наконецъ, настало. Даже и Явтухъ зажмурилъ глаза, растянувшись передъ солнцемъ. Философъ со страхомъ и дрожью отправился по-

тихоньку въ панскій садъ, откуда ему казалось удобнѣе и незамѣтнѣе было бѣжать въ поле. Этотъ садъ, по обыкновенію, былъ страшно запущенъ и, стало быть, чрезвычайно способствовалъ всякому тайному предпріятію. Выключая только одной дорожки, протоптанной по хозяйственной надобности, все прочее было скрыто густо разросшимися вишнями, бузиною, лопухомъ, просунувшими на самый верхъ свои высокіе стебли съ цѣпкими розовыми шишками. Хмель покрывалъ, какъ будто сѣтью, вершину всего этого пестраго собранія деревьевъ и кустарниковъ и составлялъ надъ ними крышу, напаялившуюся на плетень и спадавшую съ него вьющимися змѣями, вмѣстѣ съ дикими полевыми колокольчиками. За плетнемъ, служившимъ границею сада, шелъ цѣлый лѣсъ бурьяна, въ который, казалось, никто не любопытствовалъ заглядывать, и коса разлетѣлась бы вдребезги, еслибы захотѣла коснуться лезвеемъ своимъ одеревянѣвшихъ толстыхъ стеблей его.

Когда философъ хотѣлъ перешагнуть черезъ плетень, зубы его стучали, и сердце такъ сильно билось, что онъ самъ испугался. Пола его длинной хламиды, казалось, прилипла къ землѣ, какъ будто ее кто приколотилъ гвоздемъ. Когда онъ переступалъ плетень, ему, казалось, съ оглушительнымъ свистомъ трещалъ въ уши какой то голосъ: „Куда, куда?“ Философъ юркнулъ въ бурьянъ и пустился бѣжать, безпрестанно спотыкаясь о старые корни и давя ногами кротовъ. Онъ видѣлъ, что ему, выбравшись изъ бурьяна, стоило перебѣжать поле, за которымъ чернѣлъ густой терновникъ, гдѣ онъ считалъ себя безопаснымъ, и, пройдя который, онъ, по предположенію своему, думалъ встрѣтить дорогу прямо въ Кіевъ. Поле онъ перебѣжалъ вдругъ и очутился въ густомъ терновникѣ. Сквозь терновникъ онъ пролѣзъ, оставивъ, вмѣсто пошлины, куски своего сюртука на

каждомъ остромъ шицѣ, и очутился на небольшой лощинѣ. Вѣрба раздѣлившимися вѣтвями преклонялась индѣ почти до самой земли. Небольшой источникъ сверкалъ чистый, какъ серебро. Первое дѣло философа было прилечь и напиться, потому что онъ чувствовалъ жажду нестерпимую.

— Добрая вода! — сказалъ онъ, утирая губы, — тутъ бы можно отдохнуть.

— Нѣтъ, лучше побѣжимъ впередъ: неравно будетъ погоня!

Эти слова раздалися у него надъ ушами. Онъ оглянулся — передъ нимъ стоялъ Явтухъ.

— Чортовъ Явтухъ! — подумалъ въ сердцахъ про себя философъ, — я бы взялъ тебя, да за ноги... И мерзкую рожу твою, и все, что ни есть на тебѣ, побилъ бы дубовымъ бревномъ.

— Напрасно далъ ты такой крюкъ, — продолжалъ Явтухъ, — гораздо лучше было выбрать ту дорогу, по какой шелъ я: прямо мимо конюшни. Да притомъ и сюртука жаль. А сукно хорошее. Почему платилъ за аршинъ? Однакожь, погуляли довольно: пора и домой.

Философъ, почесываясь, побрелъ за Явтухомъ. — Теперь проклятая вѣдьма задастъ мнѣ пфейферу¹! — подумалъ онъ. — Да, впрочемъ, что я въ самомъ дѣлѣ? Чего боюсь? Развѣ я не казакъ? Вѣдь читалъ же двѣ ночи, поможетъ Богъ и третью. Видно, проклятая вѣдьма порядочно грѣховъ надѣлала, что нечистая сила такъ за нее стоитъ.

Такія размышленія занимали его, когда онъ вступалъ на панскій дворъ. Ободривши себя такими замѣчаніями, онъ упросилъ Дорѣша, который, посредствомъ протекціи ключника, имѣлъ иногда входъ въ панскіе погреба, вытащить сулею сивухи, и оба пріятеля, сѣвши подъ сараемъ, вытянули немного не полведра, такъ что философъ, вдругъ

¹ Перцу.

поднявшись на ноги, закричалъ: „Музыкантовъ! непременно музыкантовъ!“ и, не дождавшись музыкантовъ, пустился среди двора на расчищенномъ мѣстѣ отплясывать тропака. Онъ танцевалъ до тѣхъ поръ, пока не наступило время полдника, и дворня, обступившая его, какъ водится въ такихъ случаяхъ, въ кружокъ, наконецъ, плюнула и пошла прочь, сказавши: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ Наконецъ, философъ тутъ же легъ спать, и добрый ушатъ холодной воды могъ только пробудить его къ ужину. За ужиномъ онъ говорилъ о томъ, что такое казакъ, и что онъ не долженъ бояться ничего на свѣтѣ.

— Пора, — сказалъ Явтухъ, — пойдемъ.

— Спичка тебѣ въ языкъ, проклятый кнурь¹! — подумалъ философъ и, вставъ на ноги, сказалъ: — Пойдемъ!

Идя дорогою, философъ безпрестанно поглядывалъ по сторонамъ и слегка заговаривалъ со своими провожатыми. Но Явтухъ молчалъ; самъ Дорошъ былъ неразговорчивъ. Ночь была адская. Волки были вдали цѣлою стаей, и самый лай собачій былъ какъ то страшенъ.

— Кажется, какъ будто что то другое воетъ: это не волкъ, — сказалъ Дорошъ. Явтухъ молчалъ. Философъ не нашелся сказать ничего.

Они приблизились къ церкви и вступили подъ ея ветхіе деревянные своды, показывавшіе, какъ мало заботился владѣтель помѣстья о Богѣ и о душѣ своей. Явтухъ и Дорошъ по-прежнему удалились, и философъ остался одинъ.

Все было такъ же, все было въ томъ же самомъ грозно-знакомомъ видѣ. Онъ на минуту остановился. Посерединѣ все такъ же неподвижно стоялъ гробъ ужасной вѣдьмы. — Не побоюсь; ей Богу, не побоюсь! — сказалъ онъ и, очертивши по-

¹ Кабанъ, боровъ.

прежнему около себя кругъ, началъ припоминать всѣ свои заклинанія. Тишина была страшная; свѣчи трепетали и обливали свѣтомъ всю церковь. Философъ перевернулъ одинъ листъ, потомъ перевернулъ другой и замѣтилъ, что онъ читаетъ совсѣмъ не то, что писано въ книгѣ. Со страхомъ перекрестился онъ и началъ пѣть. Это нѣсколько ободрило его; чтеніе пошло впередъ, и листы мелькали одинъ за другимъ.

Вдругъ... среди тишины... съ трескомъ лопнула желѣзная крышка гроба, и поднялся мертвецъ. Еще страшнѣе былъ онъ, чѣмъ въ первый разъ. Зубы его страшно ударялись рядъ о рядъ, въ судорогахъ задержались его губы, и, дико взвизгивая, понеслись заклинанія. Вихоръ поднялся по церкви, попадали на землю иконы, полетѣли сверху внизъ разбитыя стекла окошекъ. Двери сорвались съ петель, и несмѣтная сила чудовищъ влетѣла въ Божью церковь. Страшный шумъ отъ крылъ и отъ царапанья когтей наполнилъ всю церковь. Все летало и носилось, ища повсюду философа.

У Хомы вышелъ изъ головы послѣдній остатокъ хмеля. Онъ только крестился, да читалъ, какъ попало, молитвы. И въ то же время слышалъ, какъ нечистая сила металась вокругъ его, чуть не зацѣпляя его концами крылъ и отвратительныхъ хвостовъ. Не имѣлъ духу разглядѣть онъ ихъ; видѣлъ только, какъ во всю стѣну стояло какое то огромное чудовище въ своихъ перепутанныхъ волосахъ, какъ въ лѣсу; сквозь сѣть волосъ глядѣли страшно два глаза, поднявъ немного вверхъ брови. Надъ нимъ держалось въ воздухѣ что то въ видѣ огромнаго пузыря, съ тысячею протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ; черная земля висѣла на нихъ клоками. Всѣ глядѣли на него, искали и не могли увидѣть его, окруженнаго таинственнымъ кругомъ. — Приведите Вія! Ступайте за Віемъ! — раздались слова мертвеца.

И вдругъ настала тишина въ церкви; послышалось вдали волчье завыванье, и скоро раздались тяжелые шаги, звучавшіе по церкви. Взглянувъ искоса, увидѣлъ онъ, что ведутъ какого то приземистаго, дюжаго, косолапаго человѣка. Весь былъ онъ въ черной землѣ. Какъ жилистые, крѣпкіе корни, выдавались его, засыпанные землею, ноги и руки. Тяжело ступалъ онъ, поминутно оступаясь. Длинные вѣки опущены были до самой земли. Съ ужасомъ замѣтилъ Хома, что лицо было на немъ желѣзное. Его привели подъ руки и прямо поставили къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Хома.

— Подымите мнѣ вѣки: не вижу! — сказалъ подземнымъ голосомъ Вій, — и все сонмище кинулось подымать ему вѣки.

— Не гляди! — шепнулъ какой то внутренній голосъ философу. Не вытерпѣлъ онъ, и глянулъ.

— Вотъ онъ! — закричалъ Вій, и уставилъ на него желѣзный палецъ. И всѣ, сколько ни было, кинулись на философа. Бездыханный, грянулся онъ на землю, и тутъ же вылетѣлъ духъ изъ него отъ страха.

Раздался пѣтушій крикъ. Это былъ уже второй крикъ: первый прослышали гномы. Испуганные духи бросились, кто какъ попало, въ окна и двери, чтобы поскорѣе вылетѣть; но не тутъ то было: такъ и остались они тамъ, завязнувши въ дверяхъ и окнахъ.

Вошедшій священникъ остановился при видѣ такого посрамленья Божьей святыни и не посмѣлъ служить панихиду въ такомъ мѣстѣ. Такъ навѣки и осталась церковь, съ завязнувшими въ дверяхъ и окнахъ чудовищами, обросла лѣсомъ, корнями, бурьяномъ, дикимъ терновникомъ, и никто не найдетъ теперь къ ней дороги.

Когда слухи объ этомъ дошли до Кіева, и богословъ Халява услышалъ, наконецъ, о такой

участи філософа Хоми, то предався цілий часъ раздумью. Съ нимъ, въ продолженіе того времени, произошли большія перемѣны. Счастіе ему улыбнулось: по окончаніи курса наукъ, его сдѣлали звонаремъ самой высокой колокольни, и онъ всегда почти являлся съ разбитымъ носомъ, потому что деревянная лѣстница на колокольню была чрезвычайно безалаберно сдѣлана.

— Ты слышалъ, что случилось съ Хоמוю? — сказалъ, подошедши къ нему, Тиберій Горобецъ, который въ то время былъ уже філософъ и носилъ свѣжіе усы.

— Такъ ему Богъ далъ, — сказалъ звонарь Халыва. — Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!

Молодой філософъ, который съ жаромъ энтузіаста началъ пользоваться своими правами, такъ что на немъ и шаровары, и сюртукъ, и даже шапка отзывались спиртомъ и табачными корешками, въ ту же минуту изъявилъ готовность.

— Славный былъ человѣкъ Хома! — сказалъ звонарь, когда хромой шинкаръ поставилъ передъ нимъ третью кружку. — Знатный былъ человѣкъ! А пропалъ ни за что.

— А я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а еслибы не боялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то и ничего не будетъ. Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ, въ Кіевѣ, всѣ бабы, которыя сидятъ на базарѣ, всѣ — вѣдьмы.

На это звонарь кивнулъ головою въ знакъ согласія. Но, замѣтивши, что языкъ его не могъ произнести ни одного слова, онъ осторожно всталъ изъ-за стола и, пошатываясь на обѣ стороны, пошелъ спрятаться въ самое отдаленное мѣсто въ бурьянѣ; при чемъ не позабылъ, по прежней привычкѣ своей, утащить старую подошву отъ сапога, валявшуюся на лавкѣ.

Повѣсть

о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ
съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Глава I.

Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ.

Славная бекеша¹ у Ивана Ивановича! отличнѣйшая! А какія смушки! Фу, ты пропасть, какія смушки! сизыя съ морозомъ! Я ставлю, Богъ знаетъ что, если у кого-либо найдутся такія! Взгляните, ради Бога, на нихъ, — особенно, если онъ станетъ съ кѣмъ-нибудь говорить, — взгляните сбоку: что это за объѣденіе! Описать нельзя: бархатъ! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворецъ, угодникъ Божій! отчего же это у меня нѣтъ такой бекешы! Онъ сшилъ ее тогда еще, когда Агаѳія Ѳедосѣевна не ѣздила въ Кіевъ. Вы знаете Агаѳію Ѳедосѣевну? Та самая, что откусила ухо у засѣдателя.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Какой у него домъ въ Миргородѣ! Вокругъ него, со всѣхъ сторонъ, навѣсь на дубовыхъ столбахъ, подъ навѣсомъ вездѣ скамейки. Иванъ Ивановичъ, когда сдѣлается слишкомъ жарко, скинетъ съ себя и бекешу, и исподнее, самъ останется въ одной

¹ Верхняя одежда (родъ кафтана или сюртука)

рубашкѣ и отдыхаетъ подъ навѣсомъ, и глядитъ, что дѣлается во дворѣ и на улицѣ. Какія у него яблони и груши подъ самыми окнами! Отворите только окно — такъ вѣтви сами и врываются въ комнату. Это все передъ домомъ; а посмотрѣли бы, что у него въ саду! Чего тамъ нѣтъ? Сливы, вишни, черешни, огородинъ всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Онъ очень любитъ дыни; это его любимое кушанье. Какъ только отобѣдаетъ и выйдетъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсъ, сейчасъ приказываетъ Гапкѣ принести двѣ дыни, и уже самъ разрѣжетъ, соберетъ сѣмена въ особую бумажку и начнетъ кушать. Потомъ велитъ Гапкѣ принести чернильницу и самъ, собственною рукою, сдѣлаетъ надпись надъ бумажкою съ сѣменами: „Сія дыня съѣдена такого то числа“. Если при этомъ былъ какой-нибудь гость, то „участвовалъ такой то“.

Покойный судья миргородскій всегда любовался, глядя на домъ Ивана Ивановича. Да, домишко очень недурень. Мнѣ нравится, что къ нему со всѣхъ сторонъ пристроены сѣни и сѣнички, такъ что если взглянуть на него издали, то видны однѣ только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походить на тарелку, наполненную блинами, а еще лучше, на губки, нарастающія на деревѣ. Впрочемъ, крыши всѣ крыты очеретомъ; ива, дубъ и двѣ яблони облокотились на нихъ своими раскидистыми вѣтвями. Промежъ деревъ мелькаютъ и выбѣгаютъ даже на улицу небольшія окошки съ рѣзными выбѣленными ставнями.

Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Его знаетъ и комиссаръ полтавскій! Дорошъ Тарасовичъ Пухивочка, когда ѣдетъ изъ Хорола, то всегда заѣзжаетъ къ нему. А протопопъ отецъ Петръ, что живетъ въ Колибердѣ, когда соберется у него

человѣкъ пятокъ гостей, всегда говоритъ, что онъ никого не знаетъ, кто бы такъ исполнялъ долгъ христіанскій и умѣлъ жить, какъ Иванъ Ивановичъ.

Боже, какъ летитъ время! Уже тогда прошло болѣе десяти лѣтъ, какъ онъ овдовѣлъ. Дѣтей у него не было. У Гапки есть дѣти и бѣгають часто по двору, Иванъ Ивановичъ всегда даетъ каждому изъ нихъ или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носитъ ключи отъ коморъ и погребовъ; отъ большого же сундука, что стоитъ въ его спальнѣ, и отъ средней коморы ключъ Иванъ Ивановичъ держитъ у себя и не любитъ никого туда пускать. Гапка — дѣвка здоровая, ходитъ въ запаскѣ¹, съ свѣжими икрами и щеками.

А какой богомольный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! Каждый воскресный день надѣваетъ онъ бекешу и идетъ въ церковь. Взошедши въ нее, Иванъ Ивановичъ, раскланявшись на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на клиросѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ. Когда же окончится служба, Иванъ Ивановичъ никакъ не утерпитъ, чтобъ не обойти всѣхъ нищихъ. Онъ бы, можетъ быть, и не хотѣлъ заняться такимъ скучнымъ дѣломъ, еслибы не побуждала его къ тому природная доброта. — Здорово, небого²! — обыкновенно говорилъ онъ, отыскавши самую искалѣченную бабу, въ изодранномъ, сшитомъ изъ заплатъ платьѣ. — Откуда ты, бѣдная?

— Я, паночку, изъ хутора пришла: третій день, какъ не пила, не ѣла; выгнали меня собственные дѣти.

— Бѣдная головушка! чего жъ ты пришла сюда?

— А такъ, паночку, милостыни просить, не дастъ ли кто-нибудь хоть на хлѣбъ.

¹ Темносиній передникъ.

² Бѣдая.

— Гм! что жъ, тебѣ развѣ хочется хлѣба? — обыкновенно спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

— Какъ не хотѣть! Голодна, какъ собака.

— Гм! — отвѣчалъ обыкновенно Иванъ Ивановичъ. — Такъ тебѣ, можетъ, и мяса хочется?

— Да все, что милость ваша дастъ, всѣмъ буду довольна.

— Гм! развѣ мясо лучше хлѣба?

— Гдѣ ужъ голодному разбирать? Все, что пожелуете, все хорошо. — При этомъ старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же съ Богомъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ. — Чего жъ ты стоишь? Вѣдь я тебя не бью!

И, обратившись съ такими разспросами къ другому, къ третьему, наконецъ, возвращается домой или заходитъ выпить рюмку водки къ сосѣду Ивану Никифоровичу, или къ судѣ, или къ городничему.

Иванъ Ивановичъ очень любитъ, если ему кто-нибудь сдѣлаетъ подарокъ, или гостинецъ. Это ему очень нравится.

Очень хорошій также человѣкъ Иванъ Никифоровичъ. Его дворъ возлѣ двора Ивана Ивановича. Они такіе между собою пріятели, какихъ свѣтъ не производилъ. Антонъ Прокофьевичъ Пупузь, который до сихъ поръ еще ходитъ въ коричневомъ сюртукѣ съ голубыми рукавами и обѣдаетъ по воскреснымъ днямъ у судьи, обыкновенно говорилъ, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича самъ чортъ связалъ веревочкой: куда одинъ, туда и другой плетется.

Иванъ Никифоровичъ никогда не былъ женатъ. Хотя поговаривали, что онъ женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что онъ даже не имѣлъ и намѣренія жениться. Откуда выходятъ всѣ эти сплетни? Такъ, какъ пронесли было, что Иванъ Никифоровичъ родился съ хво-

стомъ назади. Но эта выдумка такъ нелѣпа и вмѣстѣ гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужнымъ опровергать ее предъ просвѣщенными читателями, которымъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что у однѣхъ только вѣдьмъ, и то у весьма немногихъ, есть назади хвостъ Вѣдьмы, впрочемъ, принадлежать болѣе къ женскому полу, нежели къ мужескому.

Несмотря на большую пріязнь, эти рѣдкіе друзья не совсѣмъ были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры ихъ изъ сравненія. Иванъ Ивановичъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! Это ощущеніе можно сравнить только съ тѣмъ, когда у васъ ищутъ въ головѣ или потихоньку проводятъ пальцемъ по вашей пяткѣ. Слушаешь, слушаешь — и голову повѣсишь. Пріятно! чрезвычайно пріятно! какъ сонъ послѣ купанья. Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ; но зато, если влѣпитъ словцо, то держись только: отбреетъ лучше всякой бритвы. Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; Иванъ Никифоровичъ немного ниже, но зато распространяется въ толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на рѣдку хвостомъ внизъ; голова Ивана Никифоровича — на рѣдку хвостомъ вверхъ. Иванъ Ивановичъ только послѣ обѣда лежитъ въ одной рубашкѣ подъ навѣсомъ; ввечеру же надѣваетъ бекешу и идетъ куда-нибудь, или къ городовому магазину, куда онъ поставляетъ муку, или въ поле — ловить перепеловъ. Иванъ Никифоровичъ лежитъ весь день на крыльцѣ, — если не слишкомъ жаркій день, то обыкновенно выставивъ спину на солнце, — и никуда не хочетъ идти. Если вздумается утромъ, то пройдетъ по двору, осмотритъ хозяйство и опять на покой. Въ прежнія времена зайдетъ, бывало, къ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно тон-

кій человѣкъ и въ порядочномъ разговорѣ никогда не скажетъ неприличнаго слова, и тотчасъ обидится, если услышитъ его. Иванъ Никифоровичъ иногда не обережется. Тогда обыкновенно Иванъ Ивановичъ встаетъ съ мѣста и говоритъ: „Довольно, довольно, Иванъ Никифоровичъ; лучше скорѣе на солнце, чѣмъ говорить такіа богопротивныя слова“. Иванъ Ивановичъ очень сердится, если ему попадется въ борщъ муха: онъ тогда выходитъ изъ себя — и тарелку кинетъ, и хозяину достанется. Иванъ Никифоровичъ чрезвычайно любитъ купаться, и когда сядетъ по горло въ воду, велитъ поставить также въ воду столъ и самоваръ, и очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Иванъ Ивановичъ бреетъ бороду въ недѣлю два раза; Иванъ Никифоровичъ одинъ разъ. Иванъ Ивановичъ чрезвычайно любопытенъ: Боже сохрани, если что-нибудь начнешь ему рассказывать, да не доскажешь! Если жъ чѣмъ бываетъ недоволенъ, то тотчасъ даетъ замѣтить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволенъ ли онъ, или сердитъ; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажетъ. Иванъ Ивановичъ нѣсколько боязливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что еслибы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворъ съ амбарами и строеніемъ. У Ивана Ивановича большіе выразительные глаза табачнаго цвѣта, и ротъ нѣсколько похожъ на букву ижицу; у Ивана Никифоровича глаза маленькіе, желтоватые, совершенно пропадающіе между густыхъ бровей и пухлыхъ щекъ, и носъ въ видѣ спѣлой сливы. Иванъ Ивановичъ, если попотчиваетъ васъ табакомъ, то всегда напередъ лизнетъ языкомъ крышку табакерки, потомъ щелкнетъ по ней пальцемъ и, подневши, скажетъ, если вы съ нимъ знакомы: „Смѣю ли просить, государь мой, объ одол-

женіи?“, если же незнакомы, то: „Смѣю ли просить, государь мой, не имѣя чести знать чина, имени и отечества, объ одолженіи?“ Иванъ же Никифоровичъ даетъ вамъ прямо въ руки рожокъ свой и прибавить только: „Одолжайтесь“. Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ очень не любятъ блохъ, и оттого ни Иванъ Ивановичъ, ни Иванъ Никифоровичъ никакъ не пропустятъ жиды съ товарами, чтобы не купить у него элексира въ разныхъ баночкахъ противъ этихъ насѣкомыхъ, выбравивъ напередъ его хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру.

Впрочемъ, несмотря на нѣкоторыя несходства, какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ прекрасные люди.

Глава II,

изъ которой можно узнать, чего захотѣлось Ивану Ивановичу, о чемъ происходилъ разговоръ между Иваномъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ и чѣмъ онъ окончился.

Утромъ — это было въ іюлѣ мѣсяцѣ — Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда, какъ и почему; уходился страхъ, и прилежъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сарай, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: „Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоящая; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ,

капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?“

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрезъ заборъ въ дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ въ воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя панталоны съ пятнами, которыя когда то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другія въ видѣ буквы Л, потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился было вступить въ милицію¹ и отпустилъ было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпигъ, торчавшій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напередѣ. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень интересное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпигѣ, дѣлали его чѣмъ то необычно-

¹ Вѣроятно, милиція 1807 г.

веннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ¹, который развозятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи, — особливо, когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрипка; цыганъ бренчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана, а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стремянами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ, когда то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами.

— Вотъ глупая баба! — подумалъ Иванъ Ивановичъ, — она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минуть черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

— Что жъ это значить? — подумалъ Иванъ Ивановичъ, — я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что жъ это онъ? Стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ. Эй, баба, баба! — закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая пальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

— Чтò это у тебя, бабуса, такое?

— Видите сами — ружье.

— Какое ружье?

¹ Маріонеточный театръ.

— Кто его знаетъ, какое! Еслибъ оно было мое, то я, можетъ быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское.

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ съ шпагою провѣтривать.

— Оно, должно думать, желѣзное, — продолжала старуха.

— Гм! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное? — говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ. — А давно оно у пана?

— Можетъ быть, и давно.

— Хорошая вещьца! — продолжалъ Иванъ Ивановичъ. — Я выпрошу его. Чтò ему дѣлать съ нимъ? Или промѣняюсь на что-нибудь. Чтò, бабуса, дома панъ?

— Дома.

— Что онъ, лежитъ?

— Лежитъ.

— Ну, хорошо; я приду къ нему.

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однакожъ, Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ пере-

улокъ выходили, съ одной стороны, сарай Ивана Ивановича, съ другой — амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: изнутри поднялся собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостами, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо, или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ: картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и, зазѣвавшись, стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ, — ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсти необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты; и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой то чудный полусвѣтъ.

— Помоги Богъ! — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! — отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. — Извините, что я передъ вами въ натурѣ. — Иванъ Никифоровичъ лежалъ безо всего, даже безъ рубашки.

— Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?

— Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?

— Почивалъ.

— Такъ вы теперь и встали?

— Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! Какъ можно спать до сихъ поръ! Я только что пріѣхалъ изъ хутора. Прекрасныя жита по дорогѣ! восхитительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!

— Горцина! — закричалъ Иванъ Никифоровичъ, — принеси Ивану Ивановичу водки, да пироговъ съ сметаню.

— Хорошее время сегодня.

— Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару!

— Вотъ таки нужно помянуть чорта. Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да уже будетъ поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова.

— Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ.

— Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!

— Ей Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!

— Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку.

— Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ.

— Не знаю, отчего они нейдутъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича, — время ли не приспѣло еще . . . только время, кажется, такое, какое нужно.

— Вы говорите, что жита хорошія?

— Восхитительныя жита, восхитительныя!

За симъ послѣдовало молчаніе.

— Что это вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете? — наконецъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, превосходное, только вывороти — и можно снова носить.

— Мнѣ тамъ понравилась дна вещица, Иванъ Никифоровичъ.

— Какая?

— Скажите, пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ? — Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку. — Смѣю ли просить объ одолженіи?

— Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего. — При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. — Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила? Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На кануперъ¹ немножко похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на кануперъ? Возьмите, одолжайтесь!

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь оно вамъ не нужно.

— Какъ не нужно? а случится стрѣлять?

— Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ по второмъ

¹ Душистая трава.

пришествіи? Вы, сколько я знаю и другіе запомнить, ни одной еще качки¹ не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе. (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) — Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!

— Какъ можно! Это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! Это вещь необходимая!

— На что жъ она необходимая?

— Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники.... Еще бы не необходимая! Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего? — оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ коморѣ ружье.

— Хорошее ружье! Да у него, Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ.

— Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать коноплянымъ масломъ, чтобъ не ржавѣлъ.

— Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни.

— Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни?

¹ Т. е. утки.

Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ¹ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками, — я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!

— Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся.

— Что жъ вы дадите мнѣ за него? — При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

— Я вамъ дамъ за него бурю свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу ². Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ.

— Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать.

— Опять! Безъ чорта такъ нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ; ей Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!

— Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что такое: свинью!

— Отчего же она — чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ?

— Какъ же? Вы бы сами посудили хорошенько. Это такъ ружье, вещь извѣстная; а то—чортъ знаетъ что такое: свинья! Еслибы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону.

— Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?

— За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...

¹ Захватывалъ, загонялъ.

² Мѣсто, куда садятъ свиней для откармливанія.

— Садитесь, садитесь! Не буду уже . . . Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгниетъ и перержавѣтъ, стоя въ углу въ коморѣ — не хочу больше говорить о немъ.

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

— Говорятъ, — началъ Иванъ Ивановичъ, — что три короля объявили войну царю нашему.

— Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что жъ это за война? и отчего она?

— Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру.

— Вишь, дурни, чего захотѣли! — произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

— Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. — Нѣтъ, говорить, примите вы сами вѣру Христову!

— Что жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ!

— Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?

— Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ: вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...

— Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить.

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ съ сметаной. — Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ, кромѣ свиньи, еще два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ.

— Ей Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвши. (Это еще ничего: Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ). — Гдѣ видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеша своей не поставите.

— Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ.

— Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?

— Да что жъ, развѣ мало?

— За ружье?

— Конечно, за ружье...

— Два мѣшка за ружье?

— Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?

— Поцѣлуйте съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!

— О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье — вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...

— Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, какъ дурень съ писанною торбою, — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться.

— А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій гусакъ¹.

Еслибы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ? — спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

— Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!

— Какъ же вы смѣли, сударь, забывъ и при-

¹ Т. е. гусь-самецъ.

личіе, и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?

— Что жъ тутъ поноснаго? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?

— Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?

— Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе и жицы и сдѣлался похожимъ на О; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить. — Такъ я жъ вамъ объявляю, — произнесъ Иванъ Ивановичъ, — что я знать васъ не хочу.

— Большая бѣда! Ей Богу, не заплачу отъ этого! — отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. — Лгаль, лгаль, ей Богу, лгаль! Ему очень было досадно это.

— Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ.

— Эге, ге! — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что дѣлать, и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги. — Эй, баба, хлопче! — При семъ показалась изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. — Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!

— Какъ! дворянина? — закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Ивановичъ. — Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего! (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена.)

Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ, съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! И между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою.

— Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ.

— Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадитесь мнѣ: а не то — я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!

— Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

Глава III.

Что произошло послѣ ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ?

Итакъ, два почтенные мужа, честь и украшеніе Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздоръ, за гусака. Не захотѣли видѣть другъ друга, прервали всѣ связи, между тѣмъ какъ прежде были извѣстны за самыхъ неразлучныхъ друзей! Каждый день, бывало, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ посылаютъ другъ къ другу

узнать о здоровьѣ, и часто переговариваются другъ съ другомъ съ своихъ балконовъ, и говорятъ другъ другу такія пріятныя рѣчи, что сердцу любо слушать было. По воскреснымъ днямъ, бывало, Иванъ Ивановичъ въ штаметовой¹ бекешѣ, Иванъ Никифоровичъ въ нанковомъ желто-коричневомъ казакинѣ отправляются почти объ руку другъ съ другомъ въ церковь. И если Иванъ Ивановичъ, который имѣлъ глаза чрезвычайно зоркіе, первый замѣчалъ лужу или какую-нибудь нечистоту посреди улицы, что бываетъ иногда въ Миргородѣ, то всегда говорилъ Ивану Никифоровичу: „Берегитесь, не ступите сюда ногою, ибо здѣсь нехорошо“. Иванъ Никифоровичъ, съ своей стороны, показывалъ тоже самые трогательные знаки дружбы, и гдѣ бы ни стоялъ далеко, всегда протянетъ къ Ивану Ивановичу руку съ рожкомъ, примолвивши: „одолжайтесь!“ А какое прекрасное хозяйство у обоихъ!... И эти два друга... Когда я услышалъ объ этомъ, то меня какъ громомъ поразило! Я долго не хотѣлъ вѣрить! Боже праведный! Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ! Такіе достойные люди! Что жъ теперь прочно на этомъ свѣтѣ?

Когда Иванъ Ивановичъ пришелъ къ себѣ домой, то долго былъ въ сильномъ волненіи. Онъ, бывало, прежде всего зайдетъ въ конюшню посмотреть, вѣсть ли кобылка сѣно (у Ивана Ивановича кобылка саврасая, съ лысиной на лбу; хорошая очень лошадка); потомъ покормить индѣекъ и поросятъ изъ своихъ рукъ и тогда уже идетъ въ покои, гдѣ или дѣлаетъ деревянную посуду (онъ очень искусно, не хуже токаря, умѣетъ выдѣлывать разныя вещи изъ дерева), или читаетъ книжку, печатанную у Любія, Гарія и Попова (названія ея Иванъ Ивановичъ не помнитъ, потому что дѣвка

¹ Стаметъ — плотная гладкая шерстяная ткань.

уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавнаго листка, забавляя дитя), или же отдыхаетъ подъ навѣсомъ. Теперь же онъ не взялся ни за одно изъ всегдашнихъ своихъ занятій. Но, вмѣсто того, встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню; кинулъ палкой въ пѣтуха, который пришелъ къ крыльцу за обыкновенной подачей, и, когда подбѣжалъ къ нему запачканный мальчишка въ изодранной рубашенкѣ и закричалъ: „Тятя, тятя! дай пряника!“ то онъ ему такъ страшно пригрозилъ и затопалъ ногами, что испуганный мальчишка забѣжалъ, Богъ знаетъ куда.

Наконецъ, однакожъ, онъ одумался и началъ заниматься всегдашними дѣлами. Поздно сталъ онъ обѣдать и уже ввечеру почти легъ отдыхать подъ навѣсомъ. Хорошій борщъ съ голубями, который сварила Гапка, выгналъ совершенно утреннее происшествіе. Иванъ Ивановичъ опять началъ съ удовольствіемъ разсматривать свое хозяйство. Наконецъ, остановилъ глаза на сосѣднемъ дворѣ и сказалъ самъ себѣ: „Сегодня я не былъ у Ивана Никифоровича; пойду-ка къ нему“. —Сказавши это, Иванъ Ивановичъ взялъ палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышелъ за ворота, какъ вспомнилъ ссору, плюнулъ и возвратился назадъ. Почти такое же движеніе случилось и на дворѣ Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ видѣлъ, какъ баба уже поставила ногу на плетень, съ намѣреніемъ перелѣзть на его дворъ, какъ вдругъ послышался голосъ Ивана Никифоровича: „Назадъ, назадъ! не нужно!“ Однакожъ, Ивану Ивановичу сдѣлалось очень скучно. Весьма могло быть, что сіи достойные люди на другой же бы день помирились, еслибы особенное происшествіе въ домѣ Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла въ готовый погаснуть огонь вражды.

Къ Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня пріѣхала Агаѳія Ѳедосѣевна. Агаѳія Ѳедосѣевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, совершенно ей не за чѣмъ было къ нему ѣздить, и онъ самъ былъ не слишкомъ ей радъ; однакожъ, она ѣздила и проживала у него по цѣлымъ недѣлямъ, а иногда и болѣе. Тогда она отбирала ключи и весь домъ брала на свои руки. Это было очень непріятно Ивану Никифоровичу, однакожъ, онъ, къ удивленію, слушалъ ее, какъ ребенокъ, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агаѳія Ѳедосѣевна брала верхъ.

Я, признаюсь, не понимаю, для чего это такъ устроено, что женщины хватаютъ насъ за носъ такъ же ловко, какъ будто за ручку чайника: или руки ихъ такъ созданы, или носы наши ни на что болѣе не годятся. И несмотря на то, что носъ Ивана Никифоровича былъ нѣсколько похожъ на сливу, однакожъ, она схватила его за этотъ носъ и водила за собою, какъ собачку. Онъ даже измѣнялъ при ней невольно обыкновенный свой образъ жизни: не такъ долго лежалъ на солнцѣ, если же и лежалъ, то не въ натурѣ, а всегда надѣвалъ рубашку и шаровары, хотя Агаѳія Ѳедосѣевна совершенно этого не требовала. Она была не охотница до церемоній, и когда Иванъ Никифоровичъ страдалъ лихорадкою, она сама, своими руками, вытирала его съ ногъ до головы скипидаромъ и уксусомъ. Агаѳія Ѳедосѣевна носила на головѣ чепецъ, три бородавки на носу и кофейный капоть съ желтенькими цвѣтами. Весь станъ ея похожъ былъ на кадушку, и оттого отыскать ея талію было такъ же трудно, какъ увидѣть безъ зеркала свой носъ. Ножки ея были коротенькія, сформированныя на образецъ двухъ подушекъ. Она сплетничала и ѣла вареные бураки¹ по утрамъ, и отлично

¹ Свекла.

хорошо ругалась; и при всѣхъ этихъ разнообразныхъ занятіяхъ, лицо ея ни на минуту не измѣняло своего выраженія, что обыкновенно могутъ показывать однѣ только женщины.

Какъ только она пріѣхала, все пошло наыворотъ: — Ты, Иванъ Никифоровичъ, не мирись съ нимъ и не проси прощенія; онъ тебя погубить хочетъ; это таковский человѣкъ! Ты его еще не знаешь. — Шушукала, шушукала проклятая баба и сдѣлала то, что Иванъ Никифоровичъ и слышать не хотѣлъ объ Иванѣ Ивановичѣ.

Все приняло другой видъ. Если сосѣдняя собака забѣгала когда на дворъ, то ее колотили, чѣмъ ни попало; ребятишки, перелѣзавшіе черезъ заборъ, возвращались съ воплемъ, съ поднятыми вверхъ рубашонками и съ знаками розогъ на спинѣ. Даже самая баба, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было ее спросить о чемъ то, сдѣлала такую непристойность, что Иванъ Ивановичъ, какъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, плюнулъ и примолвилъ только: — Экая скверная баба! хуже своего пана!

Наконецъ, къ довершенію всѣхъ оскорбленій, ненавистный сосѣдъ выстроилъ прямо противъ него, гдѣ обыкновенно былъ перелазъ черезъ плетень, гусиный хлѣвъ, какъ будто съ особеннымъ намѣреніемъ усугубить оскорбленіе. Этотъ отвратительный для Ивана Ивановича хлѣвъ выстроенъ былъ съ дьявольскою скоростью — въ одинъ день.

Это возбудило въ Иванѣ Ивановичѣ злость и желаніе отомстить. Онъ не показалъ, однакожъ, никакого вида огорченія, несмотря на то, что хлѣвъ даже захватилъ часть его земли; но сердце у него такъ билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствіе.

Такъ провелъ онъ день. Настала ночь... О, еслибъ я былъ живописецъ, я бы чудно изобразилъ всю прелесть ночи! Я бы изобразилъ, какъ спитъ весь Миргородъ; какъ неподвижно глядятъ

на него безчисленныя звѣзды; какъ видимая тишина оглашается близкимъ и далекимъ лаемъ собакъ; какъ мимо ихъ несется влюбленный понамарь и перелѣзаетъ чрезъ плетень съ рыцарскою безстрашностію; какъ бѣлыя стѣны домовъ, охваченныя луннымъ свѣтомъ, становятся болѣе, освѣняющія ихъ деревья темнѣе, тѣнь отъ деревъ ложится чернѣе, цвѣты и умолкнувшая трава душистѣе, и сверчки, неугомонные рыцари ночи, дружно изо всѣхъ угловъ заводятъ свои трескучія пѣсни. Я бы изобразилъ, какъ въ одномъ изъ этихъ низенькихъ глиняныхъ домиковъ разметающейся на одинокой постели чернобровой горожанкѣ, съ дрожащими молодыми грудями, снится гусарскій усъ и шпоры, а свѣтъ луны смѣется на ея щекахъ. Я бы изобразилъ, какъ по бѣлой дорогѣ мелькаетъ черная тѣнь летучей мыши, садящейся на бѣлыя трубы домовъ... Но врядъ ли бы я могъ изобразить Ивана Ивановича, вышедшаго въ эту ночь съ пилою въ рукѣ: столько на лицѣ у него было написано разныхъ чувствъ! Тихо, тихо подкрался онъ и подлѣзъ подъ гусиный хлѣвъ. Собаки Ивана Никифоровича еще ничего не знали о ссорѣ между ними, и потому позволили ему, какъ старому приятелю, подойти къ хлѣву, который весь держался на четырехъ дубовыхъ столбахъ. Подлѣзши къ ближнему столбу, приставилъ онъ къ нему пилу и началъ пилить. Шумъ, производимый пилою, заставлялъ его поминутно оглядываться, но мысль объ обидѣ возвращала бодрость. Первый столбъ былъ подпиленъ; Иванъ Ивановичъ принялся за другой. Глаза его горѣли и ничего не видали отъ страха. Вдругъ Иванъ Ивановичъ вскрикнулъ и обомлѣлъ: ему показался мертвецъ; но скоро онъ пришелъ въ себя, увидѣвши, что это былъ гусь, просунувшій къ нему свою шею. Иванъ Ивановичъ плюнулъ отъ негодованія и началъ продолжать работу. И второй столбъ подпиленъ; зданіе

пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало такъ страшно биться, когда онъ принялся за третій, что онъ нѣсколько разъ прекращалъ работу. Уже болѣе половины столба было подпилено, какъ вдругъ шаткое зданіе сильно покачнулось... Иванъ Ивановичъ едва успѣлъ отскочить, какъ оно рухнуло съ трескомъ. Схвативши пилу, въ страшномъ испугѣ прибѣжалъ онъ домой и бросился въ кровать, не имѣя даже духу поглядѣть въ окно на слѣдствія своего страшнаго дѣла. Ему казалось, что весь дворъ Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иванъ Никифоровичъ, мальчикъ въ безконечномъ сюртукѣ, всѣ съ дрекольями, предводительствуемые Агаѳею Ѳедосѣевной, шли разорять и ломать его домъ.

Весь слѣдующій день провелъ Иванъ Ивановичъ, какъ въ лихорадкѣ. Ему все чудилось, что ненавистный сосѣдъ въ отмщеніе за это, по крайней мѣрѣ, подожжетъ домъ его; и потому онъ далъ повелѣніе Гапкѣ поминутно осматривать вездѣ, не подложено ли гдѣ-нибудь сухой соломы. Наконецъ, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, онъ рѣшился забѣжать зайцемъ впередъ и подать на него прошеніе въ миргородскій повѣтовый¹ судъ. Въ чемъ оно состояло, объ этомъ можно узнать изъ слѣдующей главы.

Глава IV.

О томъ, что произошло въ присутствіи миргородскаго повѣтоваго суда.

Чудный городъ Миргородъ! Какихъ въ немъ нѣтъ строеній! И подъ соломенною, и подъ очеремяною, даже подъ деревянною крышею. Направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень;

¹ Уѣздный.

по немъ вѣется хмель, на немъ висятъ горшки, изъ-за него подсолнечникъ выказываетъ свою солнце-образную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы... Роскошь! Плетень всегда убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напаянною плахтою, или сорочкою, или шароварами. Въ Миргородѣ нѣтъ ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вѣшаетъ на плетень, что ему вздумается. Если будете подходить къ площади, то, вѣрно, на время остановитесь полюбоваться видомъ: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за конны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея.

Но я тѣхъ мыслей, что нѣтъ лучше дома, какъ повѣтовый судъ. Дубовый ли онъ, или березовый — мнѣ нѣтъ дѣла, но въ немъ, милостивые государи, восемь окошекъ! восемь окошекъ въ рядъ, прямо на площадь и на то водное пространство, о которомъ я уже говорилъ и которое городничій называетъ озеромъ. Одинъ только онъ окрашенъ цвѣтомъ гранита; всѣ прочіе дома въ Миргородѣ просто выбѣлены. Крыша на немъ вся деревянная, и была бы даже выкрашена красною краскою, еслибы приготовленное для того масло канцелярскіе, приправивши лукомъ, не съѣли, что было, какъ нарочно, во время поста, и крыша осталась не крашеною. На площадь выступаетъ крыльцо, на которомъ часто бѣгаютъ куры, оттого что на крыльцѣ всегда почти разсыпаны крупы или что-нибудь сѣстное, что, впрочемъ, дѣлается не нарочно, но единственно отъ неосторожности просителей. Домъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной присутствіе, въ другой арестантская. Въ той половинѣ, гдѣ присутствіе, находятся двѣ ком-

наты чистыя, выбѣленные: одна передняя, для просителей, въ другой столъ, украшенный чернильными пятнами; на столѣ зеркало; четыре стула дубовые, съ высокими спинками; возлѣ стѣнъ сундуки, кованные желѣзомъ, въ которыхъ сохранялись кипы повѣтовой ябеды. На одномъ изъ этихъ сундуковъ стоялъ тогда сапогъ, вычищенный ваксою.

Присутствіе началось еще съ утра. Судья, довольно полный человѣкъ, хотя нѣсколько тонѣе Ивана Никифоровича, съ доброю миною, въ замасленномъ халатѣ, съ трубкою и чашкою чаю, разговаривалъ съ подсудкомъ¹. У судьи губы находились подъ самымъ носомъ, и оттого носъ его могъ нюхать верхнюю губу, сколько душѣ угодно было. Эта губа служила ему вмѣсто табакерки, потому что табакъ, адресуемый въ носъ, почти всегда сѣялся на нее. Итакъ, судья разговаривалъ съ подсудкомъ. Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ бы, слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это бы сдѣлалъ прежде всѣхъ, еслибы не вошелъ, между тѣмъ, въ занимательный разговоръ.

— Я нарочно старался узнать,—говорилъ судья, прихлебывая чай уже изъ простывшей чашки,—какимъ образомъ это дѣлается, что они поютъ хорошо. У меня былъ славный дроздъ, года два тому назадъ. Что жъ? Вдругъ испортился совсѣмъ, началъ пѣть, Богъ знаетъ что; чѣмъ далѣе, хуже, хуже; сталъ картавить, хрипѣть, — хотъ выбрось! А вѣдь самый вздоръ! Это вотъ отчего дѣлается: подъ горлышкомъ дѣлается бобонъ², меньше горошинки. Этотъ бобончикъ нужно только проколоть иглою. Меня научилъ этому Захаръ Прокофье-

¹ Засѣдатель уѣзднаго суда.

² Нарывъ, опухоль.

вичъ, и именно, если хотите, я вамъ расскажу, какимъ это было образомъ: прїѣзжаю я къ нему...

— Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое? — прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ какъ окончившій чтеніе.

— А вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро! Я и не услышалъ ничего! Да гдѣ жъ оно? Дайте его сюда, я подпишу. Что тамъ еще у васъ?

— Дѣло казака Бокитъка о краденой коровѣ.

— Хорошо, читайте! Да, такъ прїѣзжаю я къ нему... Я могу даже рассказать вамъ подробно, какъ онъ угостилъ меня. Къ водкѣ былъ поданъ балыкъ, единственный! Да, не нашего балыка, которымъ — (при этомъ судья сдѣлалъ языкомъ и улыбнулся, при чемъ носъ его понюхалъ свою всегдашнюю табакерку)... — которымъ угощаетъ наша бакалейная миргородская лавка. Селедки я не ѣлъ, потому что, какъ вы сами знаете, у меня отъ нея дѣлается изжога подъ ложечкою; но икры отвѣдалъ, — прекрасная икра! нечего сказать, отличная! Потомъ выпилъ я водки персиковой, настоящей на золототысячникъ. Была и шафранная; но шафранной, какъ вы сами знаете, я не употребляю. Оно, видите, очень хорошо: напередъ, какъ говорятъ, раззадорить аппетитъ, а потомъ уже завершить... А! слыхомъ слышать, видомъ видать... — вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.

— Богъ въ помощь! Желаю здравствовать! — произнесъ Иванъ Ивановичъ, поклонившись на всѣ стороны съ свойственною ему одному прїятностію. Боже мой, какъ онъ умѣлъ обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ! Тонкости такой я нигдѣ не видывалъ. Онъ зналъ очень хорошо самъ свое достоинство и потому на всеобщее почтеніе смотрѣлъ, какъ на должное. Судья самъ подалъ стулъ Ивану Ивановичу, носъ его потянулъ съ верхней губы

весь табакъ, что всегда было у него знакомъ большаго удовольствія.

— Чѣмъ прикажете потчивать васъ, Иванъ Ивановичъ? — спросилъ онъ, — не прикажете ли чашку чаю?

— Нѣтъ, весьма благодарю, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Сдѣлайте милость, одну чашечку! — повторилъ судья.

— Нѣтъ, благодарю. Весьма доволенъ гостепріимствомъ! — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поклонился и сѣлъ.

— Одну чашку! — повторилъ судья.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, Демьянъ Демьяновичъ! — При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Чашечку?

— Ужъ такъ и быть, развѣ чашечку! — произнесъ Иванъ Ивановичъ и протянулъ руку къ подносу.

Господи Боже! какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя рассказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!

— Не прикажете ли еще чашечку?

— Покорно благодарствую, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, ставя на подносъ опрокинутую чашку и кланяясь.

— Сдѣлайте одолженіе, Иванъ Ивановичъ!

— Не могу; весьма благодаренъ. — При этомъ Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Иванъ Ивановичъ! сдѣлайте дружбу, одну чашечку!

— Нѣтъ, весьма обязанъ за угощеніе. — Сказавши это, Иванъ Ивановичъ поклонился и сѣлъ.

— Только чашечку! Одну чашечку!

Иванъ Ивановичъ протянулъ руку къ подносу и взялъ чашку.

Фу, ты пропасть! Какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!

— Я, Демьянъ Демьяновичъ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, допивая послѣдній глотокъ, — я къ вамъ имѣю необходимое дѣло: я подаю позовъ¹. — При этомъ Иванъ Ивановичъ поставилъ чашку и вынулъ изъ кармана написанный гербовый листъ бумаги. — Позовъ на врага моего, на заклятаго врага.

— На кого же это?

— На Ивана Никифоровича Довгочхуна.

При этихъ словахъ судья чуть не упалъ со стула. — Что вы говорите! — произнесъ онъ, всплеснувъ руками, — Иванъ Ивановичъ, вы ли это?

— Видите сами, что я.

— Господь съ вами и всѣ святыя! Какъ! Вы, Иванъ Ивановичъ, стали непріателемъ Ивану Никифоровичу! Ваши ли это уста говорятъ? Повторите еще! Да не спрятался ли у васъ кто-нибудь сзади и говоритъ вмѣсто васъ?...

— Что жъ тутъ невѣроятнаго? Я не могу смотрѣть на него: онъ нанесъ мнѣ смертельную обиду, оскорбилъ честь мою.

— Пресвятая Троица! Какъ же мнѣ теперь увѣрить матушку? А она, старушка, каждый день, какъ только мы поссоримся съ сестрою, говорить: — Вы, дѣтки, живете между собою, какъ собаки. Хоть бы вы взяли примѣръ съ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича: вотъ ужъ друзья, такъ друзья! то-то пріятеля! то-то достойные люди! — Вотъ тебѣ и пріятеля! Разскажите, за что же это? какъ?

— Это дѣло деликатное, Демьянъ Демьяновичъ! на словахъ его нельзя разсказать: прикажите лучше прочесть просьбу. Вотъ, возьмите съ этой стороны, здѣсь приличнѣе.

— Прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ! — сказалъ судья, оборотившись къ секретарю.

¹ Искъ.

Тарасъ Тихоновичъ взялъ просьбу и, высморкавшись такимъ образомъ, какъ сморкаются всѣ секретари по повѣтовымъ судамъ, съ помощію двухъ пальцевъ, началъ читать:

— Отъ дворянина миргородскаго повѣта и помѣщика Ивана, Иванова сына, Перерепенка прошеніе; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„1) Извѣстный всему свѣту своими богопротивными, въ омерзѣніе приводящими и всякую мѣру превышающими законо-преступными поступками, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, сего 1810 года, іюля 7 дня, учинилъ мнѣ смертельную обиду, какъ персонально ¹ до чести моей относящуюся, такъ равномерно въ уничиженіе и конфузію чина моего и фамиліи. Оный дворянинъ и самъ, притомъ, гнуснаго вида, характеръ имѣетъ бранчивый и преисполненъ разнаго рода богохуленіями и бранными словами“ ...

Тутъ чтецъ немного остановился, чтобы снова высморкаться, а судья съ благоговѣніемъ сложилъ руки и только говорилъ про себя: „Что за бойкое перо! Господи Боже! какъ пишетъ этотъ чловѣкъ!“

Иванъ Ивановичъ просилъ читать далѣе, и Тарасъ Тихоновичъ продолжалъ:

„Оный дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, когда я пришелъ къ нему съ дружескими предложеніями, назвалъ меня публично обиднымъ и поноснымъ для чести моей именемъ, а именно „гусакомъ“, тогда какъ извѣстно всему миргородскому повѣту, что симъ гнуснымъ животнымъ я отнюдь никогда не именовался и впредь именоваться не намѣренъ. Доказательствомъ же моего дворянскаго происхожденія есть то, что въ метрической книгѣ, находящейся въ церкви Трехъ Святителей, записанъ какъ день моего рожденія,

¹ Лично.

такъ равномерно и полученное мною крещеніе. „Гусакъ“ же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдушъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ, ибо „гусакъ“ есть не человѣкъ, а птица, что уже всякому, даже не бывавшему въ семинаріи, достовѣрно извѣстно. Но оный злокачественный дворянинъ, будучи обо всемъ этомъ свѣдушъ, не для чего иного, какъ чтобы нанести смертельную для моего чина и званія обиду, обругалъ меня онымъ гнуснымъ словомъ.

„2) Сей же самый неблагопристойный и неприличный дворянинъ посягнулъ, притомъ, на мою родовую, полученную мною послѣ родителя моего, состоявшаго въ духовномъ званіи, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, собственность, тѣмъ, что, въ противность всякимъ законамъ, перенесъ совершенно насупротивъ моего крыльца гусиный хлѣвъ, что дѣлалось не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, какъ чтобъ усугубить нанесенную мнѣ обиду, ибо оный хлѣвъ стоялъ до сего въ изрядномъ мѣстѣ и довольно еще былъ крѣпокъ. Но омерзительное намѣреніе вышеупомянутаго дворянина состояло единственно въ томъ, чтобы учинить меня свидѣтелемъ непристойныхъ пассажей: ибо извѣстно, что всякій человѣкъ не пойдетъ въ хлѣвъ, тѣмъ паче въ гусиный, для приличнаго дѣла. При такомъ противозаконномъ дѣйствіи, двѣ переднія сохи захватили собственную мою землю, доставшуюся мнѣ еще при жизни отъ родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, начинавшуюся отъ амбара и прямою линіей до самаго того мѣста, гдѣ бабы моютъ горшки.

„3) Вышеизображенный дворянинъ, котораго уже самое имя и фамилія внушаетъ всякое омерзѣніе, питаетъ въ душѣ злостное намѣреніе поджечь меня въ собственномъ домѣ. Несомнѣнные

чему признаки изъ нижеслѣдующаго явствуютъ: во-1-хъ, оный злокачественный дворянинъ началъ выходить часто изъ своихъ покоевъ, чего прежде никогда, по причинѣ своей лѣности и гнусной тучности тѣла, не предпринималъ; во-2-хъ, въ людской его, примыкающей о самый заборъ, ограждающій мою собственную, полученную мною отъ покойнаго родителя моего, блаженной памяти Ивана, Онисіева сына, Перерепенка, землю, ежедневно и въ необычайной продолжительности горить свѣтъ, что уже явное есть къ тому доказательство; ибо до сего, по скаредной его скупости, всегда не только сальная свѣча, но даже каганецъ¹ былъ потушаемъ.

„И потому прошу онаго дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, яко повиннаго въ зажигательствѣ, въ оскорбленіи моего чина, имени и фамиліи и въ хищническомъ присвоеніи собственности, а паче всего въ подломъ и предосудительномъ присовокупленіи къ фамиліи моей названія „гусака“, ко взысканію штрафа, удовлетворенія, проторей и убытковъ присудить, и самого, яко нарушителя, въ кандалы забить и, заковавши, въ городскую тюрьму препроводить, и по сему моему прошенію рѣшеніе немедленно и неукоснительно учинить. Писалъ и сочинялъ дворянинъ, миргородскій помѣщикъ, Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко“.

По прочтеніи просьбы, судья приблизился къ Ивану Ивановичу, взялъ его за пуговицу и началъ говорить ему почти такимъ образомъ: — Что это вы дѣлаете, Иванъ Ивановичъ? Бога бойтесь! Бросьте просьбу, пусть она пропадаетъ! (Сатана приснись ей!) Возьмитесь лучше съ Иваномъ Никифоровичемъ за руки, да поцѣлуйтесь: да купите сантуринскаго, или никопольскаго², или хотъ,

¹ Свѣтильникъ (черепокъ съ саломъ).

² Вина.

просто, сдѣлайте пуншику, да позовите меня! Разопьемъ вмѣстѣ и позабудемъ все!

— Нѣтъ, Демьянъ Демьяновичъ! Не такое дѣло, — сказалъ Иванъ Ивановичъ съ важностію, которая такъ всегда шла къ нему, — не такое дѣло, чтобы можно было рѣшить любовною сдѣлкою. Прощайте! Прощайте и вы, господа! — продолжалъ онъ съ тою же важностію, оборотившись ко всѣмъ, — надѣюсь, что моя просьба возымѣетъ надлежащее дѣйствіе. — И ушелъ, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Судья сидѣлъ, не говоря ни слова; секретарь нюхалъ табакъ; канцелярскіе опрокинули разбитый черепокъ бутылки, употребляемый вмѣсто чернильницы, и самъ судья, въ разсѣянности, разводилъ пальцемъ по столу чернильную лужу.

— Что вы скажете на это, Дорофей Трофимовичъ? — сказалъ судья, послѣ нѣкотораго молчанія, обратившись къ подсудку.

— Ничего не скажу, — отвѣчалъ подсудокъ.

— Экія дѣла дѣлаются! — продолжалъ судья. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ дверь затрещала, и передняя половина Ивана Никифоровича высадилась въ присутствіе, остальная оставалась еще въ передней. Появленіе Ивана Никифоровича, и еще въ судъ, такъ показалось необыкновеннымъ, что судья вскрикнулъ, секретарь прервалъ свое чтеніе, одинъ канцеляристъ, въ фризномъ подобіи полуфрака, взялъ въ губы перо, другой проглотилъ муху. Даже отправлявшій должность фельдъегеря и сторожа инвалидъ, который до того стоялъ у дверей, почесывая въ своей грязной рубашкѣ, съ нашивкою на плечѣ, даже этотъ инвалидъ разинулъ ротъ и наступилъ кому то на ногу.

— Какими судьбами? Что и какъ? Какъ здоровѣе ваше, Иванъ Никифоровичъ?

Но Иванъ Никифоровичъ былъ ни живъ, ни мертвъ, потому что завязнулъ въ дверяхъ и не

могъ сдѣлать ни шагу впередъ или назадъ. Напрасно судья кричалъ въ переднюю, чтобы кто-нибудь изъ находившихся тамъ выперъ сзади Ивана Никифоровича въ присутственную залу. Въ передней находилась одна только старуха-просительница, которая, несмотря на всѣ усилія своихъ костлявыхъ рукъ, ничего не могла сдѣлать. Тогда одинъ изъ канцелярскихъ, съ толстыми губами, съ широкими плечами, съ толстымъ носомъ, глазами, глядѣвшими искоса и пьяно, съ разодранными локтями, приблизился къ передней половинѣ Ивана Никифоровича, сложилъ ему обѣ руки накрестъ, какъ ребенку, и мигнулъ старому инвалиду, который уперся своимъ колѣномъ въ брюхо Ивана Никифоровича, и, несмотря на жалобные стоны, онъ былъ вытиснуть въ переднюю. Тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей, при чемъ канцелярскій и его помощникъ, инвалидъ, отъ дружныхъ усилій, дыханіемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ.

— Не зашибли ли васъ, Иванъ Никифоровичъ? Я скажу матушкѣ, она пришлетъ вамъ настойки, которую потрите только поясицу и спину, и все пройдетъ.

Но Иванъ Никифоровичъ повалился на стулъ и, кромѣ продолжительныхъ оховъ, ничего не могъ сказать. Наконецъ, слабымъ, едва слышнымъ отъ усталости, голосомъ произнесъ онъ: — Не угодно ли? и, — вынувши изъ кармана рожокъ, прибавилъ: — Возьмите, одолжайтесь! —

— Весьма радъ, что васъ вижу, — отвѣчалъ судья, — но все не могу представить себѣ, что заставило васъ предпринять трудъ и одолжить насъ такою пріятною нечаянностію.

— Съ просьбою... могъ только произнести Иванъ Никифоровичъ.

— Съ просьбою? съ какою?

— Съ позволю... (тутъ одышка произвела долгую паузу) — охъ!... съ позволю на мошенника... Ивана Иванова Перерепенка.

— Господи! И вы туда же! Такіе рѣдкіе друзья! Позовъ на такого добродѣтельнаго чело-вѣка!...

— Онъ — самъ сатана! — произнесъ отрывисто Иванъ Никифоровичъ.

Судья перекрестился.

— Возьмите просьбу, прочитайте.

— Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ, — сказалъ судья, обращаясь къ секретарю, съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. Такое самоуправство носа причинило судѣ еще болѣе досады: онъ вынулъ платокъ и смелъ съ верхней губы весь табакъ, чтобы наказать дерзость его.

Секретарь, слѣлавши обыкновенный свой приступъ, который онъ всегда употреблялъ передъ начатіемъ чтенія, т. е. безъ помощи носового платка, началъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ такимъ образомъ:

„Просить дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочунъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты —

„1) По ненавистой злобѣ своей и явному недоброжелательству, называющій себя дворяниномъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, всякія пакости, убытки и иные ехидненскіе и въ ужасъ приводящіе поступки мнѣ чинить, и вчерашняго дня пополудни, какъ разбойникъ и тать, съ топорами, пилами, долотами и иными слесарными орудіями, забрался ночью въ мой дворъ и въ находящійся въ ономъ мой же собственный хлѣвъ, собственноручно и поноснымъ образомъ его изрубилъ,

на что съ моей стороны я не подавалъ никакой причины къ столь противозаконному и разбойническому поступку.

„2) Оный же дворянинъ Перерепенко имѣеть посягательство на самую жизнь мою, и до 7-го числа прошлаго мѣсяца, содержа въ тайнѣ сіе намѣреніе, пришелъ ко мнѣ и началъ дружескимъ и хитрымъ образомъ выпрашивать у меня ружье, находившееся въ моей комнатѣ, и предлагалъ мнѣ за него, съ свойственною ему скупостью, многія негодныя вещи, какъ то: свинью бурую и двѣ мѣрки овса. Но, предугадывая тогда же преступное его намѣреніе, я всячески старался отъ онаго уклонить его; но оный мошенникъ и подлецъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко выбрали меня мужицкимъ образомъ и питаеть ко мнѣ съ того времени вражду непримиримую. Притомъ же оный, часто поминаемый, неистовый дворянинъ и разбойникъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко, и происхожденія весьма поноснаго: его сестра была извѣстная всему свѣту потаскуха и ушла за егерскою ротою, стоявшею, назадъ тому пять лѣтъ, въ Миргородѣ, а мужа своего записала въ крестьяне; отецъ и мать тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы. Упоминаемый же дворянинъ и разбойникъ Перерепенко своими скотоподобными и порицанія достойными поступками превзошелъ всю свою родню и, подъ видомъ благочестія, дѣлаеть самыя соблазнительныя дѣла: постовъ не содержитъ, ибо наканунѣ Филипповки сей богоотступникъ купилъ барана и на другой день велѣлъ зарѣзать своей беззаконной дѣвкѣ Гапкѣ, оговариваясь, аки бы ему нужно было подъ тотъ часъ сало на каганцы и свѣчи.

„Посему прошу онаго дворянина, яко разбойника, святотатца, мошенника, уличеннаго уже въ воровствѣ и грабительствѣ, въ кандалы заковать и въ тюрьму или государственный острогъ пре-

проводить и тамъ уже, по усмотрѣнію, лиша чиновъ и дворянства, добре барбарами ¹ шмаровать ² и въ Сибирь на каторгу по надобности заточить, проторы, убытки велѣтъ ему заплатить и по сему моему прошенію рѣшеніе учинить.

„Къ сему прошенію руку приложилъ дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Какъ только секретарь кончилъ чтеніе, Иванъ Никифоровичъ взялся за шапку и поклонился, съ намѣреніемъ уйти.

— Куда же вы, Иванъ Никифоровичъ? --- говорилъ ему вслѣдъ судья. — Посидите немного! Выпейте чаю! Орышко! что ты стоишь, глупая дѣвка, и перемигиваешься съ канцелярскими? Ступай, принеси чаю!

Но Иванъ Никифоровичъ, съ испугу, что такъ далеко зашелъ отъ дому и выдержалъ такой опасный карантинъ, успѣлъ уже пролѣзть въ дверь, проговоривъ: — Не беспокойтесь, я съ удовольствіемъ... — и затворилъ ее за собою, оставивъ въ изумленіи все присутствіе.

Дѣлать было нечего. Обѣ просьбы были приняты, и дѣло готовилось принять довольно важный интересъ, какъ одно непредвидѣнное обстоятельство сообщило ему еще большую занимательность. Когда судья вышелъ изъ присутствія, въ сопровожденіи подсудка и секретаря, а канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ, книшей и прочаго дрязгу, въ это время бурая свинья вбѣжала въ комнату и схватила, къ удивленію присутствовавшихъ, не пирогъ или хлѣбную корку, но прошеніе Ивана Никифоровича, которое лежало на концѣ стола, перевѣсившись листами внизъ. Схвативши бумагу, бурая хавронья убѣжала такъ

¹ Кнутъ, плетъ.

² Помазать (въ данномъ случаѣ — высѣчь).

скоро, что ни одинъ изъ приказныхъ чиновниковъ не могъ догнать ее, несмотря на кидаемыя линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествіе произвело страшную суматоху, потому что даже копія не была еще списана съ прошенія. Судья, т. е. его секретарь, и подсудокъ, долго трактовали объ такомъ неслыханномъ обстоятельстве; наконецъ, рѣшено было на томъ, чтобы написать объ этомъ отношеніе къ городничему, такъ какъ слѣдствіе по этому дѣлу болѣе относилось къ градской полиціи. Отношеніе, за № 389, послано было къ нему того же дня, и по этому самому произошло довольно любопытное объясненіе, о которомъ читатели могутъ узнать изъ слѣдующей главы.

Глава V,

въ которой излагается совѣщаніе двухъ почетныхъ въ Миргородѣ особъ.

Какъ только Иванъ Ивановичъ управился въ своемъ хозяйствѣ и вышелъ, по обыкновенію, полежать подъ навѣсомъ, то, къ несказанному удивленію своему, увидѣлъ что то краснѣвшееся въ калиткѣ. Это былъ красный обшлагъ городничаго, который, равномерно какъ и воротникъ его, получилъ политуру и по краямъ превращался въ лакированную кожу. Иванъ Ивановичъ подумалъ про себя: „Не дурно, что пришелъ Петръ Ѳеодоровичъ поговорить“, но очень удивился, увидя, что городничій шелъ чрезвычайно скоро и размахивалъ руками, что случалось съ нимъ, по обыкновенію, весьма рѣдко. На мундирѣ у городничаго посажено было восемь пуговицъ; девятая, какъ оторвалась во время процессіи при освященіи храма, назадъ тому два года, такъ до сихъ поръ десятскіе не могутъ отыскать, хотя городничій при ежеднев-

ныхъ рапортахъ, которые отдають ему квартальные надзиратели, всегда спрашиваетъ, нашлась ли пуговица. Эти восемь пуговицъ были насажены у него такимъ образомъ, какъ бабы садятъ бобы: одна направо, другая налѣво. Лѣвая нога была у него прострѣлена въ послѣдней кампаніи, и потому онъ, прихрамывая, закидывалъ ея такъ далеко въ сторону, что разрушалъ этимъ почти весь трудъ правой ноги. Чѣмъ быстрѣе дѣйствовалъ городничій своею пѣхотою, тѣмъ менѣе она подвигалась впередъ, и потому, покамѣстъ дошелъ городничій къ навѣсу, Иванъ Ивановичъ имѣлъ довольно времени теряться въ догадкахъ, отчего городничій такъ скоро размахивалъ руками. Тѣмъ болѣе это его занимало, что дѣло казалось необыкновенной важности, ибо при городничемъ была даже новая шпага.

— Здравствуйте, Петръ Ѳеодоровичъ! — вскричалъ Иванъ Ивановичъ, который, какъ уже сказано, былъ очень любопытенъ и никакъ не могъ удержать своего нетерпѣнія при видѣ, какъ городничій бралъ приступомъ крыльцо, но все еще не поднималъ глазъ своихъ вверхъ и ссорился съ своею пѣхотою, которая никакимъ образомъ не могла съ одного размаху взойти на ступеньку.

— Добраго дня желаю любезному другу и благодѣтелю Ивану Ивановичу! — отвѣчалъ городничій.

— Милости прошу садиться. Вы, какъ я вижу, устали, потому что ваша раненая нога мѣшаетъ...

— Моя нога! — вскрикнулъ городничій, бросивъ на Ивана Ивановича одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе бросаетъ великанъ на пигмея, ученый педантъ на танцовальнаго учителя. При этомъ онъ вытянулъ свою ногу и топнулъ ею объ полъ. Эта храбрость, однакожъ, ему дорого стоила, потому что весь корпусъ его покачнулся и носъ клюнулъ перила; но мудрый блюститель порядка, чтобъ

не подать никакого вида, тотчасъ оправился и полѣзъ въ карманъ, какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы достать табакерку. — Я вамъ доложу себѣ, любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что я дѣлывалъ на вѣку своемъ не такіе походы. Да, серьезно, дѣлывалъ. Напримѣръ, во время кампаніи 1807 года... Ахъ, я вамъ расскажу, какимъ манеромъ я перелѣзъ черезъ заборъ къ одной хорошенькой нѣмкѣ. — При этомъ городничій зажмуриль одинъ глазъ и сдѣлалъ бѣсовски-плутовскую улыбку.

— Гдѣ жъ вы бывали сегодня? — спросилъ Иванъ Ивановичъ, желая прервать городничаго и скорѣе навести его на причину посѣщенія; ему бы очень хотѣлось спросить, что такое намѣренъ объявить городничій; но тонкое познаніе свѣта представляло ему всю неприличность такого вопроса, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ скрѣпитъ и ожидать разгадки, между тѣмъ какъ сердце его билось съ необыкновенною силою.

— А позвольте, я вамъ расскажу, гдѣ былъ я, — отвѣчалъ городничій. — Во-первыхъ, доложу вамъ, что сегодня отличное время...

При послѣднихъ словахъ Иванъ Ивановичъ почти что не умеръ.

— Но позвольте, — продолжалъ городничій, — я пришелъ сегодня къ вамъ по одному важному дѣлу. — Тутъ лицо городничаго и осанка приняли то же самое озабоченное положеніе, съ которымъ бралъ онъ приступомъ крыльцо. Иванъ Ивановичъ ожилъ и трепеталъ, какъ въ лихорадкѣ, не замедливши, по обыкновенію своему, сдѣлать вопросъ: — Какое же оно, важное? развѣ оно важное?

— Вотъ извольте видѣть: прежде всего осмѣлюсь доложить вамъ, любезный другъ и благодѣтель Иванъ Ивановичъ, что вы... съ моей стороны я, извольте видѣть, я ничего, но виды пра-

вительства, виды правительства этого требуютъ: вы нарушили порядокъ благочинія!

— Что это вы говорите, Петръ Ѳедоровичъ? Я ничего не понимаю.

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ! какъ вы ничего не понимаете? Ваша собственная животина утащила очень важную казенную бумагу, и вы еще говорите послѣ этого, что ничего не понимаете!

— Какая животина?

— Съ позволенія сказать, ваша собственная бурая свинья.

— А я чѣмъ виновать? Зачѣмъ судейскій сторожъ отворяетъ двери?

— Но, Иванъ Ивановичъ, ваше собственное животное: стало быть, вы виноваты.

— Покорно благодарю васъ за то, что съ свиньею меня равняете.

— Вотъ ужъ этого я не говорилъ, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу, не говорилъ! Извольте разсудить по чистой совѣсти сами. Вамъ, безъ всякаго сомнѣнія, извѣстно, что, согласно съ видами начальства, запрещено въ городѣ, тѣмъ же паче въ главныхъ градскихъ улицахъ, прогуливаться нечистымъ животнымъ. Согласитесь сами, что это дѣло запрещенное.

— Богъ знаетъ, что это вы говорите. Большая важность, что свинья вышла на улицу!

— Позвольте вамъ доложить, позвольте, позвольте, Иванъ Ивановичъ, это совершенно невозможно. Что жъ дѣлать? Начальство хочетъ — мы должны повиноваться. Не спору, забѣгаютъ иногда на улицу и даже на площадь куры и гуси, замѣтьте себѣ: куры и гуси; но свиней и козловъ я еще въ прошломъ году далъ предписаніе не впускать на публичныя площади, которое предписаніе тогда же приказалъ прочитать изустно въ собраніи, предъ цѣлымъ народомъ.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, я здѣсь ничего не вижу, какъ только то, что вы всячески стараетесь обижать меня.

— Вотъ этого то не можете сказать, любезнѣйшій другъ и благодѣтель, чтобы я старался обижать. Вспомните сами: я не сказалъ вамъ ни одного слова прошлый годъ, когда вы выстроили крышу цѣлымъ аршиномъ выше установленной мѣры. Напротивъ, я показалъ видъ, какъ будто совершенно этого не замѣтилъ. Вѣрьте, любезнѣйшій другъ, что и теперь бы я совершенно, такъ сказать... но мой долгъ, словомъ, обязанность, требуетъ смотрѣть за чистотою. Посудите сами, когда вдругъ на главной улицѣ...

— Ужъ хороши ваши главные улицы! Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно.

— Позвольте вамъ доложить, Иванъ Ивановичъ, что вы сами обижаете меня! Правда, это случается иногда, но по большей части только подъ заборомъ, сараями или коморами; но чтобъ на главной улицѣ, на площадь втесалась супоросная свинья, это такое дѣло...

— Что жъ такое, Петръ Ѳедоровичъ! Вѣдь свинья — твореніе Божіе!

— Согласенъ. Это всему свѣту извѣстно, что вы человекъ ученый, знаете науки и прочіе разные предметы. Конечно, я наукамъ не обучался никакимъ; скорописному письму я началъ учиться на тридцатомъ году своей жизни. Вѣдь я, какъ вамъ извѣстно, изъ рядовыхъ.

— Гм! — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, — продолжалъ городничій, — въ 1801 г. я находился въ 42 егерскомъ полку въ 4 ротѣ поручикомъ. Ротный командиръ у насъ былъ, если изволите знать, капитанъ Еремѣевъ.

При этомъ городничій запустилъ свои пальцы въ табакерку, которую Иванъ Ивановичъ держалъ открытою, и переминалъ табакъ.

Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ:

— Гм!

— Но мой долгъ, — продолжалъ городничій, — есть повиноваться требованіямъ правительства. Знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, что похитившій въ судѣ казенную бумагу подвергается, наравнѣ со всякимъ другимъ преступленіемъ, уголовному суду?

— Такъ знаю, что, если хотите, и васъ научу. Такъ говорится о людяхъ; на примѣръ, еслибы вы украли бумагу; но свинья — животное, твореніе Божіе.

— Все такъ, но законъ говоритъ: „Виновный въ похищеніи...“ Прошу васъ прислушаться внимательнѣе: виновный! Здѣсь не означается ни рода, ни пола, ни званія; стало быть, и животное можетъ быть виновно. Воля ваша, а животное, прежде произнесенія приговора къ наказанію, должно быть представлено въ полицію, какъ нарушитель порядка.

— Нѣтъ, Петръ Ѳедоровичъ, — возразилъ хладнокровно Иванъ Ивановичъ, — этого то не будетъ!

— Какъ вы хотите, только я долженъ слѣдовать предписаніямъ начальства.

— Что жъ вы страшаете меня? Вѣрно, хотите прислать за нею безрукаго солдата? Я прикажу дворовой бабѣ его кочергой выпроводить; ему послѣднюю руку переломать.

— Я не смѣю съ вами спорить. Въ такомъ случаѣ, если вы не хотите представить ее въ полицію, то пользуйтесь ею, какъ вамъ угодно; заколите, когда желаете, ее къ Рождеству и надѣлайте изъ нея окороковъ, или такъ съѣшьте. Только я бы у васъ попросилъ, если будете дѣлать колбасы, пришлите мнѣ парочку гѣхъ, которыя у васъ такъ искусно дѣлаетъ Гапка изъ свиной крови и сала. Моя Аграфена Трофимовна очень ихъ любитъ.

— Колбасъ, извольте, пришлю парочку.

— Очень вамъ буду благодаренъ, любезный другъ и благодѣтель. Теперь позвольте вамъ сказать еще одно слово. Я имѣю порученіе какъ отъ судьи, такъ равно и отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ, такъ сказать, примирить васъ съ пріятелемъ вашимъ, Иваномъ Никифоровичемъ.

— Какъ! съ невѣжею! Чтобы я примирился съ этимъ грубіяномъ! Никогда! Не будетъ этого, не будетъ!

Иванъ Ивановичъ былъ въ чрезвычайно рѣшительномъ состояніи.

— Какъ вы себѣ хотите, — отвѣчалъ городничій, угощая обѣ ноздри табакомъ. — Я вамъ не смѣю совѣтовать; однакожъ, позвольте доложить: вотъ вы теперь въ ссорѣ, а какъ помиритесь...

Но Иванъ Ивановичъ началъ говорить о ловлѣ перепеловъ, что обыкновенно случалось, когда онъ хотѣлъ замять рѣчь.

Итакъ, городничій, не получивъ никакого успѣха, долженъ былъ отправиться во-свояси.

Глава VI,

**изъ которой читатель легко можетъ узнать
все то, что въ ней содержится.**

Сколько ни старались въ судѣ скрыть дѣло, но на другой же день весь Миргородъ узналъ, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Самъ городничій первый, позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали объ этомъ, онъ ничего не сказалъ; спросилъ только:

— Не бурая ли?

Но Агаѳія Ѳедосѣевна, которая была при

этомъ, начала опять приступать къ Ивану Никифоровичу:

— Что ты, Иванъ Никифоровичъ? Надъ тобой будутъ смѣяться, какъ надъ дуракомъ, если тыпустишь! Какой ты послѣ этого будешь дворянинъ? Ты будешь хуже бабы, что продаетъ сластѣны¹, которыя ты такъ любишь.

И уговорила неугомонная! Нашла гдѣ то чело-вѣчка среднихъ лѣтъ, черномазаго, съ пятнами по всему лицу, въ темно-синемъ съ заплатами на локтяхъ сюртукѣ, совершенную приказную чернильницу! Сапоги онъ смазывалъ дегтемъ, носилъ по три пера за ухомъ и привязанный къ пуговицѣ на шнурочкѣ стеклянный пузырекъ, вмѣсто чернильницы; съѣдалъ за однимъ разомъ девять пироговъ, а десятый клалъ въ карманъ, и въ одинъ гербовый листъ столько уписывалъ всякой ябеды, что никакой чтецъ не могъ за однимъ разомъ прочесть, не перемежая этого кашлемъ и чиханьемъ. Это небольшое подобіе чело-вѣка копалось, корпѣло, писало и, наконецъ, состряпало такую бумагу:

„Въ миргородскій повѣтовый судъ отъ дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна.

„Вслѣдствіе онаго прошенія моего, что отъ меня, дворянина Ивана, Никифорова сына, Довгочхуна, къ тому имѣло быть, совокупно съ дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, чему и самъ повѣтовый миргородскій судъ потворство свое изъявилъ. И самое оное нахальное самоуправство бурой свиньи, будучи въ тайнѣ содержимо и уже отъ стороннихъ людей до слуха дошедшися. Понеже оное допущеніе и потворство, яко злоумышленное, суду неукоснительно подлежить; ибо оная свинья есть животное глупое, и тѣмъ паче способное къ хищенію бумаги.

¹ Пышки.

Изъ чего очевидно явствуетъ, что часто поминаемая свинья не иначе, какъ была подущена къ тому самымъ противникомъ, называющимъ себя дворяниномъ Иваномъ, Ивановымъ сыномъ, Перерепенкомъ, уже уличеннымъ въ разбоѣ, посягательствѣ на жизнь и святотатствѣ. Но оный миргородскій судъ, съ свойственнымъ ему лицепріятіемъ, тайное своей особы соглашеніе изъявилъ; безъ какового соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги, ибо миргородскій повѣтовый судъ въ прислугѣ весьма снабженъ: для сего довольно уже назвать одного солдата, во всякое время въ пріемной пребывающаго, который, хотя имѣетъ одинъ кривой глазъ и нѣсколько поврежденную руку, но, чтобы выгнать свинью и ударить ее дубиною, имѣетъ весьма соразмѣрныя способности. Изъ чего достовѣрно видно потворство онаго миргородскаго суда и безспорно раздѣленіе жидовскаго отъ того барыша по взаимности совмѣщаясь. Оный же вышеупомянутый разбойникъ и дворянинъ Иванъ, Ивановъ сынъ, Перерепенко въ приточеніи ошельмовавшись состоялся. Почему и довожу оному повѣтовому суду я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, въ надлежащее всевѣдѣніе, если съ оной бурой свиньи или согласившагося съ нею дворянина Перерепенка означенная просьба взыщена не будетъ, и по ней рѣшеніе по справедливости и въ мою пользу не возымѣетъ: то я, дворянинъ Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ, о таковомъ онаго суда противозаконномъ потворствѣ подать жалобу въ палату имѣю, съ надлежащимъ по формѣ перенесеніемъ дѣла —

„Дворянинъ миргородскаго повѣта Иванъ, Никифоровъ сынъ, Довгочхунъ“.

Эта просьба произвела свое дѣйствіе. Судья былъ человекъ, какъ обыкновенно бываютъ всѣ

добрые люди, трусливаго десятка. Онъ обратился къ секретарю. Но секретарь пустилъ сквозъ губы густой „гм“ и показалъ на лицѣ своемъ ту равнодушную и дьявольски-двусмысленную мину, которую принимаетъ одинъ только сатана, когда видитъ у ногъ своихъ прибѣгающую къ нему жертву. Одно средство оставалось: примирить двухъ пріятелей. Но какъ приступить къ этому, когда всѣ покушенія были до того неуспѣшны? Однакожь, еще рѣшились попытаться; но Иванъ Ивановичъ напрямикъ объявилъ, что не хочетъ, и даже весьма разсердился. Иванъ Никифоровичъ, вмѣсто отвѣта, оборотился спиною назадъ и хотъ бы слово сказалъ. Тогда процессъ пошелъ съ необыкновенною быстротою, которою обыкновенно такъ славятся судилища. Бумагу помѣтили, записали, выставили нумеръ, вшили, расписались, все въ одинъ и тотъ же день, и положили дѣло въ шкафъ, гдѣ оно лежало, лежало, лежало годъ, другой, третій. Множество невѣстъ успѣло выйти замужъ; въ Миргородѣ пробили новую улицу; у судьи выпалъ одинъ коренной зубъ и два боковыхъ; у Ивана Ивановича бѣгало по двору больше ребятишекъ, нежели прежде (откуда они взялись, Богъ одинъ знаетъ); Иванъ Никифоровичъ, въ упрекъ Ивану Ивановичу, выстроилъ новый гусиный хлѣвъ, хотя немного подальше прежняго, и совершенно застроился отъ Ивана Ивановича, такъ что сіи достойные люди никогда почти не видали въ лицо другъ друга; — и дѣло все лежало, въ самомъ лучшемъ порядкѣ, въ шкафу, который сдѣлался мраморнымъ отъ чернильныхъ пятенъ.

Между тѣмъ произошелъ чрезвычайно важный случай для всего Миргорода. Городничій давалъ ассамблею! Гдѣ возьму я кистей и красокъ, чтобы изобразить разнообразіе свѣзда и великолѣпное пиршество? Возьмите часы, откройте ихъ и посмотрите, что тамъ дѣлается! Не правда ли,

чепуха страшная? Представьте же теперь себѣ, что почти столько же, если не больше, колесъ стояло среди двора городничаго. Какихъ бричекъ и повозокъ тамъ не было! Одна — задъ широкій, а передъ узенькій; другая — задъ узенькій, а передъ широкий. Одна была и бричка, и повозка вмѣстѣ; другая ни бричка, ни повозка; иная была похожа на огромную копну сѣна или на толстую купчиху; другая — на растрепаннаго жида или на скелетъ, еще не совсѣмъ освободившійся отъ кожи; иная была въ профилѣ совершенная трубка съ чубукомъ, другая была ни на что не похожа, представляя какое то странное существо, совершенно безобразное и чрезвычайно фантастическое. Изъ среды этого хаоса колесъ и козелъ возвышалось подобіе кареты съ комнатнымъ окномъ, перекрещеннымъ толстымъ переплетомъ. Кучера, въ сѣрыхъ чекменяхъ¹, свиткахъ и сѣрякахъ², въ бараньихъ шапкахъ и разнокалиберныхъ фуражкахъ, съ трубками въ рукахъ, проводили по двору распряженныхъ лошадей. Что за ассамблею далъ городничій! Позвольте, я перечту всѣхъ, которые были тамъ: Тарасъ Тарасовичъ, Евплъ Акинѣевичъ, Евтихій Евтихіевичъ, Иванъ Ивановичъ — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, Савва Гавриловичъ, нашъ Иванъ Ивановичъ, Елевферій Елевферіевичъ, Макаръ Назарьевичъ, Оома Григорьевичъ... Не могу далѣе! не въ силахъ! Рука устаетъ писать! А сколько было дамъ! смуглыхъ и блѣлыхъ, длинныхъ и коротенькихъ, толстыхъ, какъ Иванъ Никифоровичъ, и такихъ тонкихъ, что, казалось, каждую можно было упрятать въ шпажные ножны городничаго. Сколько чепцовъ! сколько платьевъ! красныхъ, желтыхъ, кофейныхъ, зеленыхъ, синихъ, новыхъ, перелицованныхъ, перекроенныхъ, — платковъ, лентъ,

¹ Родъ поддевки, черкесска.

² Сѣрый армякъ.

ридикюлей! Прощайте, бѣдные глаза! вы никуда не будете годиться послѣ этого спектакля. А какой длинный столъ былъ вытянуть! А какъ разговаривалось все, какой шумъ подняли! Куда противъ этого мельница со всѣми своими жерновами, колесами, шестерней, ступами! Не могу вамъ сказать навѣрно, о чемъ они говорили, но должно думать, что о многихъ пріятныхъ и полезныхъ вещахъ, какъ то: о погодѣ, о собакахъ, о пшеницѣ, о чепчикахъ, о жеребцахъ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ, не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, у котораго одинъ глазъ кривъ, сказалъ:

— Мнѣ очень странно, что правый глазъ мой (кривой Иванъ Ивановичъ всегда говорилъ о себѣ иронически) не видитъ Ивана Никифоровича г-на Довгочхуна.

— Не хотѣлъ придти! — сказалъ городничій.

— Какъ такъ?

— Вотъ уже, слава Богу, есть два года, какъ поссорились они между собою, т. е. Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и гдѣ одинъ, туда другой ни за что не пойдетъ!

— Что вы говорите!

При этомъ кривой Иванъ Ивановичъ поднималъ глаза вверхъ и сложилъ руки вмѣстѣ.

— Что жъ теперь, если уже люди съ добрыми глазами не живутъ въ мирѣ, гдѣ же жить мнѣ въ ладу съ кривымъ моимъ окомъ!

На эти слова всѣ засмѣялись во весь ротъ. Всѣ очень любили кривого Ивана Ивановича за то, что онъ отпускалъ шутки совершенно во вкусъ нынѣшнемъ. Самъ высокій, худощавый человѣкъ, въ байковомъ сюртукѣ, съ пластыремъ на носу, который до того сидѣлъ въ углу и ни разу не перемѣнилъ движенія на своемъ лицѣ, даже когда залетѣла къ нему въ носъ муха, — этотъ самый господинъ всталъ съ своего мѣста и подвинулся ближе къ толпѣ, обступившей кривого Ивана Ивановича.

— Послушайте! — сказалъ кривой Иванъ Ивановичъ, когда увидѣлъ, что его окружило порядочное общество, — послушайте: вмѣсто того, что вы теперь заглядываетесь на мое кривое око, давайте, вмѣсто этого, помиримъ двухъ нашихъ пріятелей! Теперь Иванъ Ивановичъ разговариваетъ съ бабами и дѣвчатами, — пошлемъ потихоньку за Иваномъ Никифоровичемъ, да и столкнемъ ихъ вмѣстѣ.

Всѣ единодушно приняли предложеніе Ивана Ивановича и положили немедленно послать къ Ивану Никифоровичу на домъ просить его, во что бы ни стало, пріѣхать къ городничему на обѣдъ. Но важный вопросъ: на кого возложить это важное порученіе? повергнулъ всѣхъ въ недоумѣніе. Долго спорили, кто способнѣе и искуснѣе въ дипломатической части; наконецъ, единодушно рѣшили возложить все это на Антона Прокофьевича Голопузя.

Но прежде нужно нѣсколько познакомить читателя съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ. Антонъ Прокофьевичъ былъ совершенно добродѣтельный человѣкъ во всемъ значеніи этого слова: дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее, — онъ благодарить; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ, — онъ и тогда благодарить. Если у него спрашивали: — Отчего это у васъ, Антонъ Прокофьевичъ, сюртукъ коричневый, а рукава голубые? — то онъ обыкновенно всегда отвѣчалъ: — А у васъ и такого нѣтъ! Подождите, обносится, весь будетъ одинаковый! — И точно, голубое сукно, отъ дѣйствія солнца, начало обращаться въ коричневое, и теперь совершенно подходитъ подъ цвѣтъ сюртука. Но вотъ что странно, что Антонъ Прокофьевичъ имѣетъ обыкновеніе суконное платье носить лѣтомъ, а нанковое — зимою. Антонъ Прокофьевичъ не имѣетъ своего дома. У него былъ прежде

на концѣ города, но онъ его продалъ и на вырученныя деньги купилъ тройку гнѣдыхъ лошадей и небольшую бричку, въ которой разъѣзжалъ гостить по помѣщикамъ. Но такъ какъ съ лошадьми было много хлопотъ, и притомъ нужны были деньги на овесъ, то Антонъ Прокофьевичъ ихъ промѣнялъ на скрипку и дворовую дѣвку, взявши придачи двадцати пяти-рублевую бумажку. Потомъ скрипку Антонъ Прокофьевичъ продалъ, а дѣвку промѣнялъ на сафьянный съ золотомъ кисетъ, и теперь у него кисетъ такой, какого ни у кого нѣтъ. За это наслажденіе онъ уже не можетъ разъѣзжать по деревнямъ, а долженъ оставаться въ городѣ и ночевать въ разныхъ домахъ, особенно тѣхъ дворянъ, которые находили удовольствіе щелкать его по носу. Антонъ Прокофьевичъ любитъ хорошо поѣсть, играетъ изрядно въ дураки и мельники. Повиноваться всегда было его стихіею, и потому онъ, взявши шапку и палку, немедленно отправился въ путь.

Но, идучи, сталъ разсуждать, какимъ образомъ ему подвигнуть Ивана Никифоровича придти на ассамблею. Нѣсколько крутой нравъ сего, впрочемъ, достойнаго человѣка дѣлалъ его предпріятіе почти невозможнымъ. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ему рѣшиться придти, когда встать съ постели уже ему стоило великаго труда? Но, положимъ, что онъ встанетъ, какъ ему придти туда, гдѣ находится, — что, безъ сомнѣнія, онъ знаетъ, — непримиримый врагъ его? Чѣмъ болѣе Антонъ Прокофьевичъ обдумывалъ, тѣмъ болѣе находилъ препятствій. День былъ душенъ; солнце жгло; потъ лился съ него градомъ. Антонъ Прокофьевичъ, несмотря на то, что его щелкали по носу, былъ довольно хитрый человѣкъ на многія дѣла. Въ мѣнѣ только былъ онъ не такъ счастливъ. Онъ очень зналъ, когда нужно прикинуться дуракомъ, и иногда умѣлъ найтись въ такихъ обстоятель-

ствахъ и случаяхъ, гдѣ рѣдко умный бываетъ въ состояніи извернуться.

Въ то время, какъ изобрѣтательный умъ его выдумывалъ средство, какъ убѣдить Ивана Никифоровича, и уже онъ храбро шелъ навстрѣчу всего, одно неожиданное обстоятельство нѣсколько смутило его. Не мѣшаетъ, при этомъ, сообщить читателю, что у Антона Прокофьевича были, между прочимъ, одни панталоны такого страннаго свойства, что когда онъ надѣвалъ ихъ, то всегда собаки кусали его за икры. Какъ на бѣду, въ тотъ день онъ надѣлъ именно эти панталоны, и потому, едва только онъ предался размышленіямъ, какъ страшный лай со всѣхъ сторонъ поразилъ слухъ его. Антонъ Прокофьевичъ поднялъ такой крикъ (громче его никто не умѣлъ кричать), что не только знакомая баба и обитатель неизмѣримаго сюртука выбѣжали къ нему навстрѣчу, но даже мальчишки со двора Ивана Ивановича посыпались къ нему, и хотя собаки только за одну ногу успѣли его укусить, однакожъ, это очень уменьшило его бодрость, и онъ съ нѣкотораго рода робостью подступалъ къ крыльцу.

Г л а в а VII

и

послѣдняя.

— А, здравствуйте! На что вы собакъ дразните? — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, увидѣвши Антона Прокофьевича, потому что съ Антономъ Прокофьевичемъ никто иначе не говорилъ, какъ шутя.

— Чтобъ онѣ передохли всѣ! Кто ихъ дразнить? — отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ ¹.

¹ Вѣроятно, дальше пропускъ въ текстѣ — приглашеніе къ городничему.

— Вы врите.

— Ей Богу, нѣтъ! Просилъ васъ Иванъ Ѳедоровичъ на обѣдъ.

— Гм!

— Ей Богу! такъ убѣдительно просилъ, что выразить не можно. „Что это, говорить, Иванъ Никифоровичъ чуждается меня, какъ непріятеля; никогда не зайдетъ поговорить, либо посидѣть“.

Иванъ Никифоровичъ погладилъ свой подбородокъ.

— Если, говорить, Иванъ Никифоровичъ и теперь не придетъ, то я не знаю, что подумать: вѣрно, онъ имѣетъ на меня какой умыселъ! Сдѣлайте милость, Антонъ Прокофьевичъ, уговорите Ивана Никифоровича! — Что жъ, Иванъ Никифоровичъ, пойдѣмъ! Тамъ собралась теперь отличная компанія!

Иванъ Никифоровичъ началъ разсматривать пѣтуха, который, стоя на крыльцѣ, изо всей мочи дралъ горло.

— Еслибы вы знали, Иванъ Никифоровичъ, — продолжалъ усердный депутатъ, — какой осетрины, какой свѣжей икры прислали Петру Ѳедоровичу!

При этомъ Иванъ Никифоровичъ поворотилъ свою голову и началъ внимательно прислушиваться.

Это ободрило депутата. — Пойдемте скорѣе: тамъ и Ѳома Григорьевичъ! Что жъ вы? — прибавилъ онъ, видя, что Иванъ Никифоровичъ лежалъ все въ одинаковомъ положеніи: — что жъ, идемъ, или неидемъ?

— Не хочу.

Это „не хочу“ поразило Антона Прокофьевича: онъ уже думалъ, что убѣдительное представленіе его совершенно склонило этого, впрочемъ, достойнаго человѣка; но вмѣсто того услышалъ рѣшительное: „не хочу“.

— Отчего же не хотите вы? — спросилъ онъ почти со досадою, которая показывалась у него чрезвычайно рѣдко, даже тогда, когда клали ему на голову зажженую бумагу, чѣмъ особенно любили себя тѣшить судья и городничій.

Иванъ Никифоровичъ понюхалъ табакъ.

— Воля ваша, Иванъ Никифоровичъ, я не знаю, что васъ удерживаетъ.

— Чего я пойду? — проговорилъ, наконецъ, Иванъ Никифоровичъ: — тамъ будетъ разбойникъ! — Такъ онъ называлъ обыкновенно Ивана Ивановича . . . Боже праведный! А давно ли . . .

— Ей Богу, не будетъ! Вотъ какъ Богъ святъ, что не будетъ! Чтобъ меня на самомъ этомъ мѣстѣ громомъ убило! — отвѣчалъ Антонъ Прокофьевичъ, который готовъ былъ божиться десять разъ на одинъ часъ. — Пойдемте же, Иванъ Никифоровичъ!

— Да вы врете, Антонъ Прокофьевичъ, онъ тамъ?

— Ей Богу, ей Богу, нѣтъ! Чтобы я не сошелъ съ этого мѣста, если онъ тамъ! Да и сами посудите, съ какой стати мнѣ лгать! Чтобъ мнѣ руки и ноги отсохли! . . . Что, и теперь не вѣрите? Чтобъ я околѣлъ тутъ же передъ вами! Чтобъ ни отцу, ни матери моей, ни мнѣ не видать царствія небснаго! Еще не вѣрите?

Иванъ Никифоровичъ этими увѣреніями совершенно успокоился и велѣлъ своему камердинеру, въ безграничномъ сюртукѣ, принести шаровары и нанковый казакинъ.

Я полагаю, что описывать, какимъ образомъ Иванъ Никифоровичъ надѣвалъ шаровары, какъ ему намотали галстукъ и, наконецъ, надѣли казакинъ, который подъ лѣвымъ рукавомъ лопнулъ, совершенно излишне. Довольно, что онъ во все это время сохранялъ приличное спокойствіе и не отвѣчалъ ни слова на предложенія Антона Про-

кофьевича — что-нибудь промѣнять на его турецкій кисеть.

Между тѣмъ собраніе съ нетерпѣніемъ ожидало рѣшительной минуты, когда явится Иванъ Никифоровичъ, и исполнится, наконецъ, всеобщее желаніе, чтобы сіи достойные люди примирились между собою. Многіе были почти увѣрены, что не придетъ Иванъ Никифоровичъ. Городничій даже бился объ закладъ съ кривымъ Иваномъ Ивановичемъ, что не придетъ; но разошелся только потому, что кривой Иванъ Ивановичъ требовалъ, чтобы тотъ поставилъ въ закладъ подстрѣленную свою ногу, а онъ кривое око, — чѣмъ городничій очень обидѣлся, а компанія потихоньку смѣялась. Никто еще не садился за столъ, хотя давно уже былъ второй часъ, — время, въ которое въ Миргородѣ, даже въ парадныхъ случаяхъ, давно уже обѣдаютъ.

Едва только Антонъ Прокофьевичъ появился въ дверяхъ, какъ въ то же мгновеніе былъ обступленъ всѣми. Антонъ Прокофьевичъ на всѣ вопросы закричалъ однимъ рѣшительнымъ словомъ: „Не будетъ!“ Едва только онъ это произнесъ, и уже градъ выговоровъ, браней, а, можетъ быть, и щелчковъ готовился посыпаться на его голову за неудачу посольства, какъ вдругъ дверь отворилась и — вошелъ Иванъ Никифоровичъ.

Еслибы показался самъ сатана или мертвецъ, то они бы не произвели такого изумленія во всемъ обществѣ, въ какое повергнулъ его неожиданный приходъ Ивана Никифоровича. А Антонъ Прокофьевичъ только заливался, ухватившись за бока, отъ радости, что такъ подшутилъ надъ всею компанією.

Какъ бы то ни было, только это было почти невѣроятно для всѣхъ, чтобы Иванъ Никифоровичъ въ такое короткое время могъ одѣться, какъ прилично дворянину. Ивана Ивановича въ это время не было: онъ зачѣмъ то вышелъ. Очнувшись отъ

изумленія, вся публика приняла участіе въ здоровьѣ Ивана Никифоровича и изъявила удовольствіе, что онъ раздался въ толщину. Иванъ Никифоровичъ цѣловался со всякимъ и говорилъ: „Очень одолженъ“.

Между тѣмъ запахъ борща понесся чрезъ комнату и пощекоталъ пріятно ноздри проголодавшимся гостямъ. Всѣ повалили въ столовую. Вереница дамъ, говорливыхъ и молчаливыхъ, тощихъ и толстыхъ, потянулась впередъ, и длинный столъ зарябѣлъ всѣми цвѣтами. Не стану описывать кушаньевъ, какія были за столомъ! Ничего не упомяну ни о мнишкахъ въ сметанѣ, ни объ утрибкѣ¹, которую подавали къ борщу, ни объ индѣйкѣ со сливами и изюмомъ, ни о томъ кушаньѣ, которое очень походило видомъ на сапоги, намоченные въ квасъ, ни о томъ соусѣ, который есть лебединая пѣснь стариннаго повара, о томъ соусѣ, который подавался обхваченный весь виннымъ пламенемъ, что очень забавляло и вмѣстѣ пугало дамъ. Не стану говорить объ этихъ кушаньяхъ, потому что мнѣ гораздо болѣе нравится ѣсть ихъ, нежели распространяться объ нихъ въ разговорахъ.

Ивану Ивановичу очень понравилась рыба, приготовленная съ хрѣномъ. Онъ особенно занялся этимъ полезнымъ и питательнымъ упражненіемъ. Выбирая самую тонкія рыбы косточки, онъ клалъ ихъ на тарелку и какъ то нечаянно взглянулъ на супротивъ: Творецъ небесный! какъ это было странно! Противъ него сидѣлъ Иванъ Никифоровичъ!

Въ одно и то же время взглянулъ и Иванъ Никифоровичъ!.. Нѣтъ!.. не могу!.. Дайте мнѣ другое перо! Перо мое вяло, мертво, съ тонкимъ расщепомъ для этой картины! Лица ихъ съ отразившимся изумленіемъ сдѣлались какъ бы окаменѣлыми. Каждый изъ нихъ увидѣлъ лицо давно зна-

¹ Кушанье изъ внутренностей.

комое, къ которому, казалось бы, невольно готовъ подойти, какъ къ пріятелю неожиданному, и поднести рожокъ, съ словомъ: „одолжайтесь“, или: „смѣю ли просить объ одолженіи“; но вмѣстѣ съ этимъ то же самое лицо было страшно, какъ нехорошее предзнаменованіе! Потъ катился градомъ у Ивана Ивановича и у Ивана Никифоровича.

Присутствующіе, всѣ, сколько ихъ ни было за столомъ, онѣмѣли отъ вниманія и не отрывали глазъ отъ нѣкогда бывшихъ друзей. Дамы, которыя до того времени были заняты довольно интереснымъ разговоромъ о томъ, какимъ образомъ дѣлаются каплуны, вдругъ прервали разговоръ. Все стихло! Это была картина, достойная кисти великаго художника!

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ вынулъ носовой платокъ и началъ сморкаться, а Иванъ Никифоровичъ осмотрѣлся вокругъ и остановилъ глаза на растворенной двери. Городничій тотчасъ замѣтилъ это движеніе и велѣлъ затворить дверь покрѣпче. Тогда каждый изъ друзей началъ кушать, и уже ни разу не взглянули они другъ на друга.

Какъ только кончился обѣдъ, оба прежніе пріатели схватились съ мѣсть и начали искать шапокъ, чтобы улизнуть. Тогда городничій мигнулъ и Иванъ Ивановичъ — не тотъ Иванъ Ивановичъ, а другой, что съ кривымъ глазомъ — сталъ за спиною Ивана Никифоровича, а городничій зашелъ за спину Ивана Ивановича, и оба начали подталкивать ихъ сзади, чтобы спихнуть ихъ вмѣстѣ и не выпускать до тѣхъ поръ, пока не подадутъ рукъ. Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, натолкнулъ Ивана Никифоровича, хотя и нѣсколько косо, однакожъ, довольно еще удачно, въ то мѣсто, гдѣ стоялъ Иванъ Ивановичъ; но городничій сдѣлалъ дирекцію¹ слишкомъ въ сторону, потому что

¹ Направленіе.

онъ никакъ не могъ управиться съ своевольною пѣхотою, не слушавшею на тотъ разъ никакой команды, и какъ на зло закидывавшею чрезвычайно далеко и совершенно въ противную сторону (что, можетъ, происходило оттого, что за столомъ было чрезвычайно много разныхъ наливокъ), такъ что Иванъ Ивановичъ упалъ на даму въ красномъ платьѣ, которая, изъ любопытства, просунулась въ самую середину. Такое предзнаменованіе не предвѣщало ничего добраго. Однакожъ, судья, чтобъ поправить это дѣло, занялъ мѣсто городничаго и, потянувши носомъ съ верхней губы весь табакъ, отпихнулъ Ивана Ивановича въ другую сторону. Въ Миргородѣ это обыкновенный способъ примиренія; онъ нѣсколько похожъ на игру въ мячикъ. Какъ только судья пихнулъ Ивана Ивановича, Иванъ Ивановичъ, съ кривымъ глазомъ, уперся всею силою и пихнулъ Ивана Никифоровича, съ котораго потъ валился, какъ дождевая вода съ крыши. Несмотря на то, что оба пріятеля весьма упирались, они все-таки были столкнуты, потому что обѣ дѣйствовавшія стороны получили значительное подкрѣпленіе со стороны другихъ гостей.

Тогда обступили ихъ со всѣхъ сторонъ тѣсно и не выпускали до тѣхъ поръ, пока они не рѣшились подать другъ другу руки. — Богъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ и Иванъ Ивановичъ! Скажите по совѣсти: за что вы поссорились? Не по пустякамъ ли? Не совѣстно ли вамъ передъ людьми и передъ Богомъ!

— Я не знаю, — сказалъ Иванъ Никифоровичъ, пыхтя отъ усталости (замѣтно было, что онъ былъ весьма не прочь отъ примиренія), — я не знаю, что я такое сдѣлалъ Ивану Ивановичу; за что же онъ порубилъ мой хлѣвъ и замышлялъ погубить меня?

— Не повиненъ ни въ какомъ зломъ умыслѣ, — говорилъ Иванъ Ивановичъ, не обращая глазъ на

Ивана Никифоровича. — Клянусь и передъ Богомъ и передъ вами, почтенное дворянство, я ничего не сдѣлалъ моему врагу. За что же онъ меня поноситъ и наноситъ вредъ моему чину и званію?

— Какой же я вамъ, Иванъ Ивановичъ, нанесъ вредъ? сказалъ Иванъ Никифоровичъ. Еще одна минута объясненія — и давнишняя вражда готова была погаснуть. Уже Иванъ Никифоровичъ полѣзъ въ карманъ, чтобы достать рожокъ и сказать: „одолжайтесь“.

— Развѣ это не вредъ, — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, не подымая глазъ, — когда вы, милостивый государь, оскорбили мой чинъ и фамилію такимъ словомъ, которое неприлично здѣсь сказать?

— Позвольте вамъ сказать по-дружески, Иванъ Ивановичъ! (при этомъ Иванъ Никифоровичъ дотронулся пальцемъ до пуговицы Ивана Ивановича, что означало совершенное его расположеніе), — вы обидѣлись, чортъ знаетъ за что такое: за то, что я васъ назвалъ гусакѣмъ...

Иванъ Никифоровичъ спохватился, что сдѣлалъ неосторожность, произнеши это слово; но уже было поздно: слово было произнесено. Все пошло къ чорту! Когда, при произнесеніи этого слова безъ свидѣтелей, Иванъ Ивановичъ вышелъ изъ себя и пришелъ въ такой гнѣвъ, въ какомъ не дай Богъ видѣть человѣка, — что жъ теперь, посудите, любезные читатели, что теперь, когда это убійственное слово произнесено было въ собраніи, въ которомъ находилось множество дамъ, передъ которыми Иванъ Ивановичъ любилъ быть особенно приличнымъ? Поступи Иванъ Никифоровичъ не такимъ образомъ, скажи онъ птица, а не гусакъ, еще бы можно было поправить. Но — все кончено!

Онъ бросилъ на Ивана Никифоровича взглядъ — и какой взглядъ! Еслибы этому взгляду придана

была власть исполнительная, то онъ обратился бы въ прахъ Ивана Никифоровича. Гости повяли этотъ взглядъ и поспѣшили сами разлучить ихъ. И этотъ человѣкъ, образецъ кротости, который ни одну нищую не пропускалъ, чтобъ не разспросить ее, выбѣжалъ въ ужасномъ бѣшенствѣ. Такія сильныя бури производятъ страсти!

Цѣлый мѣсяцъ ничего не было слышно объ Иванѣ Ивановичѣ. Онъ заперся въ своемъ домѣ. Завѣтный сундукъ былъ отпертъ, изъ сундука были вынуты — что же? карбованцы¹! старые, дѣдовскіе карбованцы! И эти карбованцы перешли въ запачканныя руки чернильныхъ дѣльцовъ. Дѣло было перенесено въ палату. И когда получилъ Иванъ Ивановичъ радостное извѣстіе, что завтра рѣшится оно, тогда только выглянулъ на свѣтъ и рѣшился выйти изъ дому. Увы! съ того времени палата извѣщала ежедневно, что дѣло кончится завтра, въ продолженіе десяти лѣтъ.

Назадъ тому лѣтъ пять я проѣзжалъ чрезъ городъ Миргородъ. Я ѣхалъ въ дурное время. Тогда стояла осень съ своею грустно-сырою погодою, грязью и туманомъ. Какая то ненатуральная зелень, — твореніе скучныхъ, непрерывныхъ дождей, — покрывала жидкою сѣтью поля и нивы, къ которымъ она такъ пристала, какъ шалости старику, розы — старухѣ. На меня тогда сильное вліяніе производила погода: я скучалъ, когда она была скучна. Но, несмотря на то, когда я сталъ подъѣзжать къ Миргороду, то почувствовалъ, что у меня сердце бьется сильно. Боже, сколько воспоминаній! Я двѣнадцать лѣтъ не видалъ Миргорода. Здѣсь жили тогда въ трогательной дружбѣ два единственные человѣка, два единственные

¹ Рубли.

друга. А сколько вымерло знаменитыхъ людей! Судья Демьянъ Демьяновичъ уже тогда былъ покойникомъ; Иванъ Ивановичъ, что съ кривымъ глазомъ, тоже приказалъ долго жить. Я въѣхалъ въ главную улицу: вездѣ стояли шесты съ привязаннымъ вверху пуконъ соломы: производилась какая то новая планировка! Нѣсколько избъ было снесено. Остатки заборовъ и плетней торчали уныло.

День былъ тогда праздничный; я приказалъ рогоженную кибитку свою остановить передъ церковью и вошелъ такъ тихо, что никто не обратилъ. Правда, и некому было: церковь была пуста; народу почти никого; видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свѣчи, при пасмурномъ, лучше сказать, больномъ днѣ, какъ то были странно непріятны; темные притворы были печальны; продолговатыя окна, съ круглыми стеклами, обливались дождливыми слезами. Я отошелъ въ притворъ и оборотился къ одному почтенному старику съ посѣдѣвшими волосами: „Позвольте узнать, живъ ли Иванъ Никифоровичъ?“ Въ это время лампада вспыхнула живѣе передъ иконою, и свѣтъ прямо ударился въ лицо моего сосѣда. Какъ же я удивился, когда, рассматривая, увидѣлъ черты знакомыя! Это былъ самъ Иванъ Никифоровичъ! Но какъ измѣнился!

— Здоровы ли вы, Иванъ Никифоровичъ? Какъ же вы постарѣли!

— Да, постарѣлъ. Я сегодня изъ Полтавы, — отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ.

— Что вы говорите! Вы ѣздили въ Полтаву въ такую дурную погоду?

— Что жъ дѣлать! Тяжба...

При этомъ я невольно вдохнулъ.

Иванъ Никифоровичъ замѣтилъ этотъ вздохъ и сказалъ:

— Не безпокойтесь: я имѣю вѣрное извѣстіе,

что дѣло рѣшится на слѣдующей недѣлѣ, и въ мою пользу.

Я пожалъ плечами и пошелъ узнать что-нибудь объ Иванѣ Ивановичѣ.

— Иванъ Ивановичъ здѣсь! — сказалъ мнѣ кто то, — онъ на клиросѣ.

Я увидѣлъ тогда тощую фигуру. Это ли Иванъ Ивановичъ? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно бѣлые; но бекеша была все та же. Послѣ первыхъ привѣтствій, Иванъ Ивановичъ, обратившись къ мнѣ съ веселою улыбкою, которая такъ всегда шла къ его воронкообразному лицу, сказалъ: — Увѣдомить ли васъ о пріятной новости?

— О какой новости? — спросилъ я.

— Завтра непременно рѣшится мое дѣло; палата сказала навѣрное.

Я вздохнулъ еще глубже и поскорѣе поспѣшилъ проститься, — потому что я ѣхалъ по весьма важному дѣлу, — и сѣлъ въ кибитку.

Тошія лошади, извѣстныя въ Миргородѣ подъ именемъ курьерскихъ, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, непріятный для слуха звукъ. Дождь лилъ ливнемъ на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывшагося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава съ будкою, въ которой инвалидъ чинилъ сѣрые доспѣхи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, мѣстами изрытое, черное, мѣстами зеленѣющее, мокрыя галки и вороны, однообразный дождь, слезливое безъ просвѣту небо. — Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!

И. В. Гоголь. II.

Мать и сестры Гоголя.

Изъ альбома Хмѣлевскаго.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Малороссійскія слова,

встрѣчающіяся въ первомъ и второмъ томахъ ¹.

Бандура,	инструментъ, родъ гитары.
Баклага,	родъ плоскаго бочонка.
Батогъ,	кнутъ.
Барвинокъ,	растенье.
Баштанъ,	мѣсто, засѣянное арбузами и дынями.
Болѣчка,	вередъ.
Бондарь,	бочаръ.
Бубликъ,	круглый крендель, баранокъ.
Будякъ,	чертополохъ.
Бурякъ,	свекла.
Буханецъ,	небольшой бѣлый хлѣбъ.
Варенуха,	вареная водка съ пряностями и плодами.
Вертепъ,	кукольный театръ.
Вечеря, вечерять	ужинъ, ужинать.
Видлога,	откидная шапка изъ сукна, пришитая къ кобеняку.
Винница,	винокурня
Войка,	воинъ.
Выкрутасы,	трудныя па.
Габѣ,	движимость, имущество.
Галушки,	клецки.
Гаманъ,	родъ бумажника, гдѣ хранится огниво, кремь, труть, табакъ, иногда и деньги.
Гатить,	дѣлать плотину.
Голодная кутья,	сочельникъ.
Голодрабецъ,	бѣднякъ, бобыль.

¹ Составленный Гоголемъ словарикъ.

Гопакъ, }
 Горлица, }
 Гречаникъ,
 Гусакъ,
 Далибугъ,
 Дѣвчина, дѣвчата,
 Дижъ,
 Добродію,
 Довбишъ,
 Домовина,
 Дрибушки,
 Дуля,
 Дукатъ,
 Жінка,
 Жупанъ,
 Завзятый,
 Заводы,
 Загадаться,
 Замурованный,
 Знахоръ,—ка,
 Исподница,
 Кавунъ,
 Каганецъ,

Казанъ,
 Кануперъ,
 Канчукъ,
 Карбованецъ,
 Кацанъ,
 Качка,
 Клѣпки,

Книшъ,
 Кнуръ,
 Кобенякъ.

Кожухъ,
 Комора,
 Корбликъ,
 Коржъ,

Коровай,
 Корчикъ,

Коханка,
 Кунтушъ,

танцы.

гречневый хлѣбъ.

гусь-самецъ.

ей Богу (польское).

дѣвушка, дѣвушки.

кадка.

сударь, милостивецъ.

литавщикъ.

гробъ.

мелкія косы.

шишъ.

червонецъ.

жена.

родъ кафтана.

задорный.

заливъ.

задуматься.

задѣланный камнемъ.

колдунъ, ворожея.

юбка.

арбузъ.

свѣтильникъ, состоящій изъ черепка, наполненнаго саломъ.

котелъ.

травъ.

нагайка.

цѣлковый.

русскій мужикъ съ бородой.

утка.

выпуклыя дощечки, изъ которыхъ составляется бочка.

родъ печенаго бѣлаго хлѣба.

боровъ.

родъ суконнаго плаща, съ пришитою сзади видлогою.

тулупъ.

амбаръ.

старинный головной уборъ.

сухая лепешка изъ пшеничной муки, часто съ саломъ.

свадебный хлѣбъ.

родъ деревеннаго ковша, которымъ пересыпаютъ хлѣбъ, совокъ.

возлюбленная.

верхнее старинное платье.

Курѣнь,	соломенный шалашъ.
Курѣнь у запорожцевъ,	отдѣленіе военного стана запорожцевъ.
Кѹхоль,	кружка.
Кѹхва,	родъ кадки.
Левàда,	поле, окопанное рвомъ.
Ліхо, лішечко,	бѣда.
Лысый дидько,	домовой, демонъ.
Люлька,	трубка.
Мазніца,	родъ ведра, въ которомъ держать деготь въ дорогѣ.
Макітра,	горшокъ, въ которомъ трутъ макъ и прочее.
Макогòнь,	пестъ для растиранія.
Малахай,	плеть.
Міска,	чашка для похлебки.
Мнйшки,	кушанье изъ муки съ творогомъ.
Молодйца,	молодая, замужняя женщина.
Нагйдка, нагйдочка,	ноготокъ, растеніе
Наймытъ,	нанятой работникъ.
Наймычка,	нанятая работница.
Намйтка,	бѣлое женское покрывало изъ рѣдкаго полотна, съ откидными концами.
Нечуй-вѣтеръ,	травя, которую даютъ свиньямъ для жиру.
Оселѣдецъ,	длинный клокъ волосъ на головѣ, заматывающійся за ухо; въ собственномъ смыслѣ — сельдь.
Охочекомонный,	вольныя кавалерійскія войска.
Очерѣтъ,	тростникъ.
Очйпокъ,	родъ женской шапочки.
Очкѹрь,	шнурокъ, которымъ стягиваются шаровары.
Паляница,	небольшой хлѣбъ, нѣсколько плоскій.
Памцѹшки,	вареное кушанье изъ тѣста.
Пасичникъ,	пчеловодъ.
Пàрубокъ,	парень.
Пейсики,	жидовскіе локоны.
Пѣкло,	адъ.
Перепѣличка,	молодая перепелка.
Перѣкупка,	торговка.
Переполòхъ,	испугъ; выливать переполохъ — лѣчить отъ испуга.
Петровы батоги.	дикій цикорій.

Пивкопы,
Плѣхта.

Повѣтъ, — ѡвый,
Повѣтка,
Подсѹдокъ,
Позѡвъ,
Полѡва,
Полутабенѣкъ,
Пѡкутъ,
Пошѣпковаться,
Псяѹха,
Пыщикъ,
Пѹтра,
Рѣда,
Раздобрѣтъ,
Рейстрѡвый казакъ,
Ручникъ,
Рушѣніе,
Сажъ,

Саламѣта,
Свѣтка,
Свѡлокъ,
Синдѣчки,
Скрѣня,
Сластѣны,
Сливѣнка,
Смѣлецъ,
Смѹшки,
Сѡняшница,
Сопѣлка,
Стрички,
Стусѣвъ,
Сукнѣ,
Суліѣ,
Сыровѣцъ,
Тендѣтнѣй,
Тройчатка,
Тѣсная баба,

Утрѣбка,
Хлѡпецъ,
Хѹторъ,
Хѹстка,

двадцать пять копеекъ.
нижняя одежда женщинъ изъ
шерстяной клѣтчатой матеріи.
уѣздъ, уѣзднѣй.
сарай.
засѣдатель уѣзднаго суда.
тяжебное прошеніе.
мякина.
старинная шелковая матерія.
мѣсто подъ образами.
поздороваться.
польское бранное слово.
пищалка, свистокъ.
кушанье, родъ каши.
совѣтъ.
растолстѣтъ.
казакъ, записанный на службу.
утиральникъ.
ополченіе.
мѣсто, гдѣ откармливаютъ скотину.
толокно.
родъ полукафтѣнья.
перекладина подъ потолкомъ.
узкія ленты.
большой сундукъ.
пышки.
наливка изъ сливъ.
гусинѣй жиръ,
мерлушки.
боль въ животѣ.
дудка, свирѣль.
ленты.
кулакъ.
одежда женщинъ изъ сукна.
большая бутыль.
хлѣбнѣй квасъ.
слабосильнѣй, нѣжнѣй.
тройнѣй плетъ.
игра, въ которую играютъ школьники въ классѣ: жмутся на скамѣй, покамѣстъ одна половина не вытѣснить другую.
кушанье изъ внутренностей.
мальчикъ.
небольшѣй деревушка.
платокъ

Цурка,	дѣвушка, дочь (польское).
Цыбуля,	лукъ.
Черевикъ,	башмаки.
Черенѡкъ съ червон-	поясъ, въ который насыпали
цами,	червонцы.
Чубъ, }	длинный клѡкъ волосъ на го-
Чуприна, }	ловѣ.
Чумаки,	обозники, ѣдущіе въ Крымъ
	за солью и на Донъ за ры-
	бою.
Шйшка,	небольшой хлѣбъ, дѣлаемый на
	свадьбахъ.
Швецъ,	сапожникъ.
Шйбеникъ	висѣльникъ.
Юшка,	супъ, жижа.
Ятка,	родъ палатки или шатра.
Ясочка,	свѣтикъ мой.
Яломѡкъ,	жидовская шапочка.

Тарасъ Бульба.

Редакція, напечатанная въ „Миргородѣ“ (1835 г.).

I.

— А поворотись, сынку! цуръ тебѣ¹, какой ты смѣшной! Что это на васъ за поповскіе подрысники? И эдакъ всѣ ходятъ въ академіи?

Такими словами встрѣтилъ старый Бульба двухъ сыновей своихъ, учившихся въ кievской бурсѣ и пріѣхавшихъ уже на домъ къ отцу.

Сыновья его только что слѣзли съ коней. Это были два дюжіе молодца, еще смотрѣвшіе исподлобья, какъ недавно выпущенные семинаристы. Крѣпкія, здоровыя лица ихъ были покрыты первымъ пухомъ волосъ, котораго еще не касалась бритва. Они были очень оконфужены такимъ пріемомъ отца и стояли неподвижно, потупивъ глаза въ землю.

— Пойдите, пойдите, дѣти, — продолжалъ онъ, поворачивая ихъ, — какія же длинныя на васъ свитки²! Вотъ это свитки! Ну, ну, ну! такихъ свитокъ еще никогда на свѣтѣ не было! А ну, побѣгите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

— Не смѣйся, не смѣйся, батьку! — сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ.

¹ Заклинаніе.

² Свиткой называется верхняя одежда у малороссіянъ.

Прим. Гоголя.

— Фу, ты какой пышный! а отчего жъ бы не смѣяться?

— Да такъ. Хоть ты мнѣ и батько, а какъ будешь смѣяться, то, ей Богу, поколочу!

— Ахъ, ты сякой, такой сынъ! Какъ! батька?— сказалъ Тарасъ Бульба, отступивши съ удивленіемъ нѣсколько назадъ.

— Да хоть и батька. За обиду — не посмотрю и не уважу никого.

— Какъ же ты хочешь со мною биться? развѣ на кулаки?

— Да ужъ на чемъ бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорилъ Бульба, засучивъ рукава. И отецъ съ сыномъ, вмѣсто привѣтствія послѣ давней отлучки, начали пресердно колотить другъ друга.

— Вотъ это сдурѣлъ¹ старый! — говорила блѣдная, худошавая и добрая мать ихъ, стоявшая у порога и не успѣвшая еще обнять ненаглядныхъ дѣтей своихъ. — Ей Богу, сдурѣлъ! Дѣти пріѣхали домой, больше году не видѣли ихъ, а онъ задумалъ, Богъ знаетъ что: биться на-кулачки!

— Да онъ славно бьется! — говорилъ Бульба, остановившись.

— Ей Богу, хорошо!.. такъ - таки, — продолжалъ онъ, немного оправляясь, — хоть бы и не пробовать. Добрый будетъ казакъ! Ну, здоровъ, сынку! почеломкаемся! — И отецъ съ сыномъ начали цѣловаться. — Добре, сынку! Вотъ такъ колоти всякаго, какъ меня тузилъ; никому не спускай! А все-таки на тебѣ смѣшное убранство. Что это за веревка висить? А ты, бейбасъ², что стоишь и руки опустилъ?—говорилъ онъ, обращаясь къ младшему. — Что жъ ты, собачій сынъ, не колотишь меня?

— Вотъ еще выдумалъ что! — говорила мать, обнимавшая между тѣмъ младшаго. — И придетъ

¹ Сошелъ съ ума.

² Балбесъ.

же въ голову! Какъ можно, чтобы дитя било родного отца? Притомъ будто до того теперъ: дитя малое, проѣхало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишкомъ лѣтъ и ровно въ сажень ростомъ); ему бы теперь нужно отпочить¹ и поѣсть чего-нибудь, а онъ заставляетъ биться!

— Э, да ты мазунчикъ², какъ я вижу! — говорилъ Бульба.

— Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знаетъ. Какая вамъ нѣжба? Ваша нѣжба — чистое поле да добрый конь, вотъ ваша нѣжба. А видите вотъ эту саблю? вотъ ваша мать! Это все дрянъ, чѣмъ набиваютъ васъ: и академія, и всѣ тѣ книжки, буквари и филозофія, — все это ка зна що³, я плевать на все это! — Бульба присовокупилъ еще одно слово, которое въ печати нѣсколько выразительно, и потому его можно пропустить. — Я васъ на той же недѣлѣ отправлю на Запорожье. Вотъ тамъ ваша школа! вотъ тамъ только наберетесь разуму!

— И только всего одну недѣлю быть имъ дома? — говорила жалостно, со слезами на глазахъ, худощавая старуха-мать.

— И погулять имъ, бѣднымъ, не удастся, и дому родного некогда будетъ узнать имъ, и мнѣ не удастся наглядѣться на нихъ!

— Полно, полно, старуха! Казакъ не на то, чтобы возиться съ бабами. Ступай скорѣе да неси намъ все, что ни есть, на столъ. Пампушекъ, маковиковъ, медовиковъ и другихъ пундиковъ не нужно, а прямо такъ и тащи намъ цѣлаго барана на столъ. Да горѣлки, чтобы горѣлки было побольше! Не этой разной, что съ выдумками: съ изюмомъ, родзинками⁴ и другими вытребенками⁵,

¹ Отдохнуть.

² Матушкинъ сынокъ.

³ Богъ знаетъ что.

⁴ Изюмъ, коринка.

⁵ Выдумки.

а чистой горѣлки, настоящей, такой, чтобы шипѣла, какъ бѣсъ!

Бульба повелъ сыновей своихъ въ свѣтлицу, изъ которой пугливо выбѣжали двѣ здоровыя дѣвки въ красныхъ монистахъ, увидѣвши пріѣхавшихъ паничей, которые не любили спускаться никому. Все въ свѣтлицѣ было убрано во вкусъ того времени; а время это касалось XVI вѣка, когда еще только что начинала рождаться мысль объ уніи. Все было чисто вымазано глиною. Вся стѣна была убрана саблями и ружьями. Окна въ свѣтлицѣ были маленькія, съ круглыми матовыми стеклами, какія встрѣчаются нынѣ только въ старинныхъ деревянныхъ церквахъ. На полкахъ, занимавшихъ углы комнаты и сдѣланныхъ угольниками, стояли глиняные кувшины, синія и зеленые фляжки, серебряные кубки, позолоченныя чарки венеціанской, турецкой и черкесской работы, зашедшіе въ свѣтлицу Бульбы разными путями чрезъ третьи и четвертыя руки, что было очень обыкновенно въ эти удалыя времена. Липовыя скамьи вокругъ всей комнаты и огромный столъ посреди ея, печь, разѣхавшаяся на полкомнаты, какъ толстая русская купчиха, съ какими то нарисованными пѣтухами на изразцахъ, — всѣ эти предметы были довольно знакомы нашимъ двумъ молодцамъ, приходившимъ почти каждый годъ домой на каникулярное время, — приходившимъ потому, что у нихъ не было еще коней, и потому, что не было въ обычаѣ позволять школярамъ ѣздить верхомъ. У нихъ были только длинные чубы, за которые могъ выдрать ихъ всякій казакъ, носившій оружіе. Бульба, только при выпускѣ ихъ, послалъ имъ изъ табуна своего пару молодыхъ жеребцовъ.

— Ну, сынки, прежде всего выпьемъ горѣлки! Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остапъ, и ты, Андрій! Дай же, Боже, чтобъ вы на войнѣ всегда были удачливы! чтобъ бусурме-

новъ били, и турковъ бы били, и татарву били бы; когда и ляхи начнутъ что противъ вѣры нашей чинить, то и ляховъ бы били! Ну, подставляй свою чарку. Что, хороша горѣлка? А какъ полатыни горѣлка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свѣтѣ горѣлка. Какъ бишь того звали, что латинскія вирши писалъ? Я грамоты то не слишкомъ разумѣю, то и не помню; Горацій, кажется?

— Вишь какой батька! — подумалъ про себя старшій сынъ, Остапъ, — все, собака, знаетъ, а еще и прикидывается.

— Я думаю, архимандритъ, — продолжалъ Бульба, — не давалъ вамъ и понюхать горѣлки. А что, сынки, признайтесь, порядочно васъ стегали березовыми да вишневыми по спинѣ и по всему, а, можетъ, такъ какъ вы уже слишкомъ разумные, то и плетюгами? Я думаю, кромѣ субботки, драли васъ и по середамъ, и по четвергамъ?

— Нечего, батько, вспоминать, — говорилъ Остапъ съ обыкновеннымъ своимъ флегматическимъ видомъ, — что было, то уже прошло.

— Теперь мы можемъ расписать всякаго, — говорилъ Андрій, — саблями да списками¹. Вотъ пусть только попадется татарва.

— Добре, сынку! ей Богу, добре! Да когда такъ, то и я съ вами ѣду! ей Богу, ѣду! Какого дьявола мнѣ здѣсь ожидать? Что, я долженъ развѣ смотрѣть за хлѣбомъ да за свинарями? или бабиться съ женою? Чтобъ она пропала! Чтобъ я для ней оставался дома? Я казакъ. Я не хочу! Такъ что же, что нѣтъ войны? Я такъ поѣду съ вами на Запорожье, погулять. Ей Богу, ѣду! — И старый Бульба мало-по-малу горячился и, наконецъ, разсердился совсѣмъ, всталъ изъ-за стола и,

¹ Кошъе.

пріосанившись, топнулъ ногою.—Завтра же ѣдемъ! Зачѣмъ откладывать? Какого врага мы можемъ здѣсь высидѣть? На что намъ эта хата? къ чему намъ все это? на что эти горшки? — При этомъ Бульба началъ колотить и швырять горшки и фляжки.

Бѣдная старушка-жена, привыкшая уже къ такимъ поступкамъ своего мужа, печально глядѣла, сидя на лавкѣ. Она не смѣла ничего говорить; но, услышавши о такомъ страшномъ для нея рѣшеніи, она не могла удержаться отъ слезъ; взглянула на дѣтей своихъ, съ которыми угрожала такая скорая разлука, и никто бы не могъ описать всей безмолвной силы ея горести, которая, казалось, трепетала въ глазахъ ея и въ судорожно сжатыхъ губахъ.

Бульба былъ упрямъ страшно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые могли только возникнуть въ грубый XV вѣкъ, и притомъ на полукочующемъ Востокѣ Европы, во время праваго и неправаго понятія о земляхъ, сдѣлавшихся какимъ то спорнымъ, нерѣшеннымъ владѣніемъ, къ какимъ принадлежала тогда Украина. Вѣчная необходимость пограничной защиты противъ трехъ разнохарактерныхъ націй — все это придавало какой то вольный, широкій размѣръ подвигамъ сыновъ ея и воспитало упрямство духа. Это упрямство духа отпечаталось во всей силѣ на Тарасѣ Бульбѣ. Когда Баторій устроилъ полки въ Малороссіи и облекъ ее въ ту воинственную арматуру, которою сперва означены были одни обитатели пороговъ, онъ былъ изъ числа первыхъ полковниковъ; но при первомъ случаѣ перессорился со всѣми другими за то, что добыча, пріобрѣтенная отъ татаръ соединенными польскими и казацкими войсками, была раздѣлена между ими не поровну, и польскія войска получили болѣе преимущества. Онъ, въ собраніи всѣхъ, сложилъ съ себя свое до-

стоинство и сказалъ: — Когда вы, господа полковники, сами не знаете правъ своихъ, то пусть же васъ чортъ водить за носъ! А я наберу себѣ собственный полкъ, и кто у меня вырветъ мое, тому я буду знать, какъ утереть губы.

Дѣйствительно, онъ въ непродолжительное время изъ своего же отцовскаго имѣнія составилъ довольно значительный отрядъ, который состоялъ вмѣстѣ изъ хлѣбопашцевъ и воиновъ и совершенно покорствовалъ его желанію. Вообще онъ былъ большой охотникъ до набѣговъ и бунтовъ; онъ носомъ слышалъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ вспыхивало возмущеніе, и уже, какъ снѣгъ на голову, являлся на конѣ своемъ. „Ну, дѣти, что и какъ? Кого и за что нужно бить?“ обыкновенно говорилъ онъ и вмѣшивался въ дѣло. Однакожъ, прежде всего, онъ строго разбиралъ обстоятельства, и въ такомъ только случаѣ приставалъ, когда видѣлъ, что поднявшіе оружіе дѣйствительно имѣли право поднять его, хотя это право было, по его мнѣнію, только въ слѣдующихъ случаяхъ: если сосѣдняя нація угоняла ихъ скотъ, или отрѣзывала часть земли, или комиссары налагали большую повинность, или не уважали старшинъ и говорили передъ ними въ шапкахъ, или посмѣвались надъ православною вѣрою — въ этихъ случаяхъ непременно нужно было браться за саблю; противъ бусурмановъ же, татаръ и турокъ, онъ почиталъ во всякое время справедливымъ поднять оружіе, во славу Божію, христіанства и казачества. Тогдашнее положеніе Малороссіи, еще не сведенное ни въ какую систему, даже не приведенное въ извѣстность, способствовало существованію многихъ совершенно отдѣльныхъ партизановъ. Жизнь велъ онъ самую простую, и его нельзя бы было вовсе отличить отъ рядового казака, еслибы лицо его не сохраняло какой то повелительности и даже величія, особливо, когда онъ рѣшался защищать что-нибудь.

Булъба заранѣ утѣшалъ себя мыслию о томъ, какъ онъ явится теперь съ двумя сыновьями и скажетъ: „Вотъ посмотрите, какихъ я къ вамъ молодцовъ привелъ!“ Онъ думалъ о томъ, какъ повезетъ ихъ на Запорожье — эту военную школу тогдашней Украйны — представить своимъ сотоварищамъ и поглядить, какъ при его глазахъ они будутъ подвизаться въ ратной наукѣ и бражничествѣ, которое онъ почиталъ тоже однимъ изъ первыхъ достоинствъ рыцаря. Онъ вначалѣ хотѣлъ отправить ихъ однихъ, потому что считалъ необходимою заняться новою сформировкою полка, требовавшей его присутствія; но при видѣ своихъ сыновей, рослыхъ и здоровыхъ, въ немъ вдругъ вспыхнулъ весь воинскій духъ его, и онъ рѣшился самъ съ ними ѣхать на другой же день, хотя необходимость этого была одна только упрямая воля.

Не теряя ни минуты, онъ уже началъ отдавать приказанія своему есаулу, котораго называлъ Товкачемъ¹, потому что тотъ дѣйствительно похожъ былъ на какую то хладнокровную машину: во время битвы онъ равнодушно шелъ по непріятельскимъ рядамъ, расчищая своею саблей, какъ будто бы мѣсилъ тѣсто, — какъ кулачный боецъ, прочищающій себѣ дорогу. Приказанія состояли въ томъ, чтобы оставаться ему въ хуторѣ, пока мѣстъ онъ дастъ знать ему выступить въ походъ. Послѣ этого пошелъ онъ самъ по куренямъ своимъ, раздавая приказанія нѣкоторымъ ѣхать съ собою, напоить лошадей, накормить ихъ пшеницею и подать себѣ коня, котораго онъ обыкновенно называлъ Чортомъ.

— Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что Богъ дастъ. Да не стелі намъ постель! Намъ не нужна постель: мы будемъ спать на дворѣ.

¹ Пестъ для ступки.

Ночь еще только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ. Все, что ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ. Она расчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно включенныя кудри и смачивала ихъ слезами. Она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ — и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою.

— Сыны мои, сыны мои милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ? Хоть бы недѣлку мнѣ поглядѣть на васъ! — говорила она, и слезы остановились въ морщинахъ, измѣнившихъ ея когда то прекрасное лицо.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалого вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не бывало слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла изъ милости только оказываемыя ласки; она была какое то странное существо въ этомъ соборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Мо-

лодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки и перси безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у ней въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, съ страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея, берутъ для того, чтобы не увидѣть ихъ никогда. Кто знаетъ? можетъ быть, при первой битвѣ, татаринъ срубить имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, и за каждый кусочекъ которыхъ, за каждую каплю крови она отдала бы все. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, которыя всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать, и думала:

— Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочить денька на два отъѣздъ! Можетъ быть, онъ задумалъ отъ того такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ; ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ своихъ и не думала о снѣ. Уже кони, зачуя разсвѣтъ, всѣ легли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась до самаго низу. Она просидѣла до самаго свѣта, вовсе не была утомлена и внутренно желала, чтобы ночь протянулась, какъ можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржаніе жеребенка. Красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! Пора! пора! Напойте коней! А гдѣ старъ? (такъ онъ обыкновенно

называлъ жену свою.) Живѣе, стара, готовь намъ ѣсть, потому что путь великій лежитъ!

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату. Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился на конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства. Бурсаки вдругъ преобразились: на нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячею складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ. Къ очкуру прицѣплены были длинныя ремешки съ кистями и прочими побрякушками для трубки; казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты были задвинуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ ихъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и поблѣли: молодые черныя усы теперь какъ то ярче отбѣняли бѣлизну ихъ и здоровый, мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ. Бѣдная мать! она, какъ увидѣла ихъ, она и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

— Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать! — произнесъ, наконецъ, Бульба. — Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей. Минуту продолжалось общее молчаніе.

— Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ! — сказалъ Бульба. — Моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь рыцарскую¹, чтобы стояли всегда за вѣру Христову: а не то —

¹ Рыцарскую.

пусть лучше пропадутъ, чтобы и духу ихъ не было на свѣтъ! Подойдите, дѣти, къ матери. Молитва материнская и на водѣ, и на землѣ спасаетъ.

Мать, слабая, какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею.

— Пусть хранить васъ... Божья Матерь... не забываютъ, сынки, мать вашу... пришлите хоть вѣсточку о себѣ...—далѣе она не могла продолжать.

— Ну, пойдемъ, дѣти! — сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцатипудовое бремя, потому что Бульба былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшему, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой то нѣжности; она схватила его за стремя, она прилипнула къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ во всѣхъ чертахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но, когда выѣхали они за ворота, она, со всею легкостію дикой козы, несообразной ея лѣтамъ, выбѣжала за ворота, съ непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного изъ нихъ съ какою то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели.

Молодые казаки ѣхали смутно¹ и удерживали слезы, боясь отца своего, который, однако же, съ своей стороны тоже былъ нѣсколько смущенъ, хотя не старался этого показывать. День былъ сѣрый: зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ то вразладъ. Они, проѣхавши, оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ будто ушелъ въ землю, только стояли на землѣ двѣ трубы отъ ихъ скромнаго домика; однѣ только вершины деревъ, — деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; одинъ

¹ Грустные.

только дальній лугъ еще стлался передъ ними, — тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію жизни своей, отъ лѣтъ, когда катались по росистой травѣ его, до лѣтъ, когда поджидали въ немъ чернобровую казачку, боязливо летѣвшую чрезъ него съ помощію своихъ свѣжихъ, быстрыхъ ножекъ. Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ на небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла. Прощайте и дѣтство, и игры, и все, и все!

II.

Всѣ три всадника ѣхали молчаливо. Старый Тарасъ думалъ о давнемъ: передъ нимъ проходила его молодость, его лѣта, его протекшія лѣта, о которыхъ всегда почти плачетъ казакъ, желавшій бы, чтобы вся жизнь его была молодость. Онъ думалъ о томъ, кого онъ встрѣтитъ на Сѣчѣ изъ своихъ прежнихъ сотоварищей; онъ вычислялъ, какіе уже перемерли, какіе живутъ еще. Слеза тихо круглилась на его зѣницѣ, и посѣдѣвшая голова его уныло понурилась.

Сыновья его были заняты другими мыслями. Теперь кстати сказать что-нибудь о сыновьяхъ его. Они были отданы по двѣнадцатому году въ кіевскую академію, потому что всѣ почетные сановники тогдашняго времени считали необходимою дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, хотя это дѣлалось съ тѣмъ, чтобы послѣ совершенно позабыть его. Они тогда были, какъ всѣ, поступавшіе въ бурсу, дики, воспитаны на свободѣ, и тамъ уже они обыкновенно нѣсколько шлифовались и получали что то общее, дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга. Старшій, Остапъ, началъ съ того свое поприще, что въ первый годъ еще бѣжалъ. Его возвратили,

высѣкли страшно и засадили за книгу. Четыре раза закапывалъ онъ свой букварь въ землю, и четыре раза, отодравши его безчеловѣчно, покупали ему новый. Но, безъ сомнѣнія, онъ повторилъ бы и въ пятый, еслибы отецъ не далъ ему торжественнаго обѣщанія продержать его въ монастырскихъ служкахъ цѣлыя двадцать лѣтъ, и что онъ не увидитъ Запорожья вовѣки, если не выучится въ академіи всѣмъ наукамъ. Любопытно, что это говорилъ тотъ же самый Тарась Бульба, который бранилъ всю ученость и совѣтовалъ, какъ мы уже видѣли, дѣтямъ вовсе не заниматься ею. Съ этого времени Остапъ началъ съ необыкновеннымъ стараніемъ сидѣть за скучною книгою и скоро сталъ наряду съ лучшими. Тогдашній родъ ученія страшно расходился съ образомъ жизни. Эти схоластическія, грамматическія, риторическія и логическія тонкости рѣшительно не прикасались къ времени, никогда не примѣнялись и не повторялись въ жизни. Ни къ чему не могли привязать они своихъ познаній, хотя бы даже менѣе схоластическихъ. Самые тогдашніе ученые болѣе другихъ были невѣжды, потому что вовсе были удалены отъ опыта. Притомъ же это республиканское устройство бурсы, это ужасное множество молодыхъ, дюжихъ, здоровыхъ людей, — все это должно было имъ внушить дѣятельность совершенно внѣ ихъ учебнаго занятія. Иногда плохое содержаніе, иногда частыя наказанія голодомъ, иногда многія потребности, пробуждающіяся въ свѣжестѣ, здоровомъ, крѣпкомъ юношѣ, — все это, соединившись, раждало въ нихъ ту предприимчивость, которая послѣ развивалась на Запорожьѣ. Голодная бурса рыскала по улицамъ Кіева и заставляла всѣхъ быть осторожными. Торговки, сидѣвшія на базарѣ, всегда закрывали руками своими пироги, бублики, сѣмечки изъ тыквъ, какъ орлицы дѣтей своихъ, если только видѣли

проходившаго бурсака. Консулъ, долженствовавшій, по обязанности своей, наблюдать надъ подвѣдомственными ему сотоварищами, имѣлъ такіе страшные карманы въ своихъ шароварахъ, что могъ помѣстить туда всю лавку зазѣвавшейся торговли. Эта бурса составляла совершенно отдѣльный міръ: въ кругъ высшій, состоявшій изъ польскихъ и русскихъ дворянъ, они не допускались. Самъ воевода Адамъ Кисель¹, несмотря на оказываемое покровительство академіи, не вводилъ ихъ въ общество и приказывалъ держать ихъ построже. Впрочемъ, это наставленіе было вовсе излишне, потому что ректоръ и профессоры-монахи не жалѣли лозъ и плетей, и часто ликторы, по ихъ приказанію, поролі самихъ консуловъ такъ жестоко, что тѣ нѣсколько недѣль почесывали свои шаровары. Многимъ изъ нихъ это было вовсе ничего и казалось немного чѣмъ крѣпче хорошей водки съ перцемъ; другимъ, наконецъ, сильно надоѣдали такія безпрестанныя припарки, и они бѣжали на Запорожье, если умѣли найти дорогу и если сами не были перехватываемы на пути. Остапъ Бульба, несмотря на то, что началъ съ большимъ стараніемъ учить логику и даже богословіе, но никакъ не избавлялся отъ неумолимыхъ розгъ. Естественно, что все это должно было какъ то ожесточить характеръ и сообщить ему твердость, всегда отличавшую казаковъ. Остапъ считался всегда однимъ изъ лучшихъ товарищей. Онъ рѣдко предводительствовалъ другими въ дерзкихъ предпріятіяхъ — обобрать чужой садъ или огородъ, но зато онъ былъ всегда однимъ изъ первыхъ, приходившихъ подъ знамена предпріимчиваго бурсака, и никогда, ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ своихъ товарищей. Никакія плети и розги не могли заставить его это сдѣлать. Онъ былъ суровъ къ

¹ Анахронизмъ: Кисель — дѣятель XVII в.

другимъ побужденіямъ, кромѣ войны и разгульной пирушки; по крайней мѣрѣ, никогда почти о другомъ не думалъ. Онъ былъ прямодушенъ съ равными. Онъ имѣлъ доброту въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла только существовать при такомъ характерѣ и въ тогдашнее время. Онъ душевно былъ тронутъ слезами бѣдной матери, и это одно только его смущало и заставляло задумчиво опустить голову.

Меньшой братъ его, Андрій, имѣлъ чувства нѣсколько живѣе и какъ то болѣе развиты. Онъ учился охотнѣе и безъ напряженія, съ какимъ обыкновенно принимается тяжелый и сильный характеръ. Онъ былъ болѣе изобрѣтатель, нежели его братъ; чаще являлся предводителемъ довольно опаснаго предпріятія и иногда, съ помощію изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія, тогда какъ братъ его, Остапъ, отложивши всякое попеченіе, скидалъ съ себя свитку и ложился на полъ, вовсе не думая просить о помилованіи. Онъ также кипѣлъ жаждою подвига, но, вмѣстѣ съ нею, душа его была доступна и другимъ чувствамъ. Потребность любви вспыхнула въ немъ живо, когда онъ перешелъ за 18 лѣтъ. Женщина чаще стала представляться горячимъ мечтамъ его. Онъ, слушая философическіе диспуты, видѣлъ ее поминутно свѣжую, черноокою, нѣжную. Предъ нимъ непрерывно мелькали ея сверкающія, упругія перси, нѣжная, прекрасная, вся обнаженная рука; самое платье, облипавшее вокругъ ея свѣжихъ, дѣвственныхъ и вмѣстѣ мощныхъ членовъ, дышало въ мечтахъ его какимъ то невыразимымъ сладострастіемъ. Онъ тщательно скрывалъ отъ своихъ товарищей эти движенія страстной юношеской души, потому что въ тогдашній вѣкъ было стыдно и безчестно думать казаку о женщинѣ и любви, не отвѣдавъ битвы. Вообще въ послѣдніе годы онъ рѣже являлся предводителемъ какой-нибудь ватаги, но чаще бродилъ одинъ

гдѣ-нибудь въ уединенномъ закоулкѣ Кіева, потопленномъ въ вишневыхъ садахъ, среди низенькихъ домиковъ, заманчиво глядѣвшихъ на улицу. Иногда онъ забирался и въ улицу аристократовъ, въ нынѣшнемъ старомъ Кіевѣ, гдѣ жили малороссійскіе и польскіе дворяне, и дома были выстроены съ нѣкоторою прихотливостію.

Одинъ разъ, когда онъ зазѣвался, наѣхала почти на него колымага какого то польскаго пана, и сидѣвшій на козлахъ возница, съ пристрашными усами, хлыснулъ его довольно исправно бичомъ. Молодой бурсакъ вскипѣлъ: съ безумною смѣлостію схватилъ онъ мощною рукою своею за заднее колесо и остановилъ колымагу. Но кучеръ, опасаясь раздѣлки, ударилъ по лошадамъ, онѣ рванули — и Андрій, къ счастію, успѣвшій отхватить руку, шлепнулся на землю, прямо лицомъ въ грязь. Самый звонкій и гармоническій смѣхъ раздался надъ нимъ. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ стоявшую у окна брюнетку, прекрасную, какъ не знаю что, черноглазую и бѣлую, какъ снѣгъ, озаренный утреннимъ румянцемъ солнца. Она смѣялась отъ всей души, и смѣхъ придавалъ какую то сверкающую силу ея ослѣпительной красотѣ. Онъ оторопѣлъ: онъ глядѣлъ на нее, совсѣмъ потерявшись, разсѣянно обтирая съ лица своего грязь, которою еще болѣе замазывался. Кто бы была эта красавица? Онъ хотѣлъ было узнать отъ дворни, которая кучею, въ богатомъ убранствѣ, стояла за воротами, окруживши игравшаго молодого бандуриста; но дворня подняла смѣхъ, увидѣвши его запачканную рожу, и не удостоила его отвѣтомъ. Наконецъ, онъ узналъ, что это была дочь пріѣхавшаго на время ковенскаго воеводы. Въ слѣдующую же ночь, съ свойственною однимъ бурсакамъ дерзостію, онъ пролѣзъ черезъ частоколъ въ садъ, взлѣзъ на дерево, раскинувшееся вѣтвями, упиравшимися въ самую крышу дома; съ дерева перелѣзъ на крышу

и чрезъ трубу камина пробрался прямо въ спальню красавицы, которая въ это время сидѣла передъ свѣчою и вынимала изъ ушей своихъ дорогія серьги. Прекрасная полячка такъ испугалась, увидѣвши вдругъ передъ собою незнакомаго человѣка, что не могла произнести ни одного слова; но когда увидѣла, что бурсакъ стоялъ, потупивъ глаза и не смѣя отъ робости поворотить рукою, когда узнала въ немъ того же самого, который хлопнулся передъ ея глазами на улицѣ, смѣхъ вновь овладѣлъ ею. Притомъ въ чертахъ Андрія ничего не было страшнаго: онъ былъ очень хорошъ собою. Она отъ души смѣялась и долго забавлялась надъ нимъ. Красавица была вѣтрена, какъ полячка, но глаза ея, глаза чудесные, пронзительно-ясные, бросали взглядъ долгій, какъ постоянство. Бурсакъ не могъ поворотить рукою и былъ связанъ, какъ въ мѣшкѣ, когда дочь воеводы смѣло подошла къ нему, надѣла ему на голову свою блистательную діадему, повѣсила на губы ему серьги и накинула на него кисейную прозрачную шемизетку съ фестонами, вышитыми золотомъ. Она убирала его и дѣлала съ нимъ тысячу разныхъ глупостей, съ развязностію дитяти, которою отличаются вѣтренныя полячки, и которая повергла бѣднаго бурсака въ еще большее смущеніе. Онъ представлялъ смѣшную фигуру, раскрывши ротъ и глядя неподвижно въ ея ослѣпительныя очи.

Раздавшійся у дверей стукъ пробудилъ въ ней испугъ. Она велѣла ему спрятаться подъ кровать, и какъ только безпокойство прошло, она кликнула свою горничную, плѣнную татарку, и дала ей приказаніе осторожно вывести его въ садъ и оттуда отправить черезъ заборъ. Но на этотъ разъ бурсакъ нашъ не такъ счастливо перебрался черезъ заборъ: проснувшійся сторожъ хватилъ его порядочно по ногамъ, и собравшаяся дворня долго колотила его уже на улицѣ, покамѣстъ быстрыя ноги не спасли его.

Послѣ этого проходить возлѣ дома было очень опасно, потому что дворня у воеводы была очень многочисленна. Онъ увидѣлъ ее еще разъ въ костелѣ. Она замѣтила его и очень пріятно усмѣхнулась, какъ давнему знакомому. Онъ видѣлъ ее вскользь еще одинъ разъ, и послѣ этого воевода ковенскій скоро уѣхалъ, и, вмѣсто прекрасной, обольстительной брюнетки, выглядывало изъ оконъ какое то толстое лицо.

Вотъ о чемъ думалъ Андрій, повѣсивъ голову и потупивъ глаза въ гриву коня своего.

А между тѣмъ степь уже давно приняла ихъ всѣхъ въ свои зеленныя объятія, и высокая трава, обступивши, скрыла ихъ, и только казачьи черныя шапки однѣ мелькали между ея колосьями.

— Э, э, э! что же это вы, хлопцы, такъ притихли? — сказалъ, наконецъ, Бульба, очнувшись отъ своей задумчивости, — какъ будто какіе-нибудь чернецы¹! Ну, разомъ, разомъ, всѣ думки къ нечистому! Берите въ зубы люльки, да закуримъ, да прищпоримъ коней, да полетимъ такъ, чтобы и птица не угналась за нами!

И казаки, прилегши нѣсколько къ конямъ, пропали въ травѣ. Уже и черныхъ шапокъ нельзя было видѣть; одна только быстрая молнія сжимаемой травы показывала бѣгъ ихъ.

Солнце выглянуло давно на расчищенномъ небѣ и живительнымъ теплотворнымъ свѣтомъ своимъ облило степь. Все, что смутно и сонно было на душѣ у казаковъ, вмигъ слетѣло; сердца ихъ встрепенулись, какъ птицы, жадныя воли.

Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ

¹ Монахи.

волнамъ дикихъ растеній. Одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничто въ природѣ не могло быть лучше ихъ. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе, высокіе стебли травы сквозили голубые, синіе и лиловые волошки¹; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка зонтикообразными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный, Богъ знаетъ, откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячею разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли цѣлою тучею ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ знаетъ, въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ одною черною точкою. Вонъ она перевернулась крылами и блеснула передъ солнцемъ. Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Наши путешественники на нѣсколько минутъ только останавливались для обѣда, при чемъ ѣхавшій съ ними отрядъ, изъ десяти казаковъ, слѣзалъ съ лошадей, отвязывалъ деревянные баклажки съ горѣлкою и тыквы, употребляемыя вмѣсто сосудовъ. Ъли только хлѣбъ съ саломъ или коржи; пили только по одной чаркѣ, единственно для подкрѣпленія, — потому что Тарасъ Бульба не позволялъ никогда напиваться въ дорогѣ, — и продолжали путь до вечера.

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась.

¹ Растеніе *Trifolium alpestre* L.

Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ* что видно было, какъ тѣнь перебѣгала по нимъ¹, и они становились темнозелеными; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовоніемъ. По небу, изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота; изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался къ щекамъ. Вся музыка, наполнявшая день, утихала и смѣнялась другою. Пестрые овражки² выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухъ. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, раскладывали огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ³; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухъ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ. Они раскидывались на свиткахъ. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, краканье — все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ ночномъ воздухѣ и доходило до слуха гармоническимъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь усѣянною блестящими

¹ Пропускъ у Гоголя какого то предшествующаго существительнаго.

² Суслики.

³ Жидкая каша (съ саломъ).

искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухого тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Путешественники ѣхали безъ всякихъ приключеній. Нигдѣ не попадались имъ деревья; все та же безконечная, вольная, прекрасная степь. По временамъ только въ сторонѣ синѣли верхушки отдаленнаго лѣса, тянувагося по берегамъ Днѣпра. Одинъ только разъ Тарасъ указалъ сыновьямъ на маленькую, чернѣвшую въ дальней травѣ, точку, сказавши: — Смотрите, дѣтки, вонъ скачетъ татаринъ!

Маленькая головка съ усами уставила издали прямо на нихъ узенькіе глаза свои, понюхала воздухъ, какъ гончая собака, и, какъ серна, пропала, увидѣвши, что казаковъ было тринадцать человекъ.

— А ну, дѣти, попробуйте догнать татарина! И не пробуйте; вовѣки вѣковъ не поймаете: у него конь быстрѣ моего Чорта.

Однакожь, Бульба взялъ предосторожность, опасаясь гдѣ-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали къ небольшой рѣчкѣ, называвшейся Татаркою, впадающей въ Днѣпръ, кинулись въ воду съ конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть слѣдъ свой, и тогда уже, выбравшись на берегъ, они продолжали далѣе путь.

Чрезъ три дня послѣ этого они были уже недалеко отъ мѣста, служившаго предметомъ ихъ поѣздки. Въ воздухѣ вдругъ заходило; они почувствовали близость Днѣпра. Вотъ онъ сверкаетъ вдали и темною полосой отдѣлился отъ горизонта. Онъ вѣялъ холодными волнами и разстился ближе, ближе и, наконецъ, обхватилъ половину всей

поверхности земли. Это было то мѣсто Днѣпра, гдѣ онъ, дотолѣ спертый порогами, бралъ, наконецъ, свое и шумѣлъ, какъ море, разлившись по волѣ, гдѣ брошенные въ средину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ, и волны его стлались по самой землѣ, не встрѣчая ни утесовъ, ни возвышеній. Казаки сошли съ коней своихъ, взошли на паромъ и чрезъ три часа плаванія были уже у береговъ острова Хортицы, гдѣ была тогда Сѣчь, такъ часто перемѣнявшая свое жилище.

Куча народа бранилась на берегу съ перевозчиками. Казаки оправили коней; Тарасъ пріосанился, стянулъ на себѣ покрѣпче поясъ и гордо провелъ рукою по усамъ; молодые сыны его тоже осмотрѣли себя съ ногъ до головы съ какимъ то страхомъ и неопредѣленнымъ удовольствіемъ, и всѣ вмѣстѣ вѣхали въ предмѣстье, находившееся за полверсты отъ Сѣчи. При вѣздѣ, ихъ оглушили пятьдесятъ кузнецкихъ молотовъ, ударявшихъ въ 25 кузницахъ, покрытыхъ дерномъ и вырытыхъ въ землѣ. Сильные кожевники сидѣли подъ навѣсомъ крылецъ на улицѣ и мiali своими дюжими руками бычачьи кожи. Крамари подъ ятками сидѣли съ кучами кремней, огнивами и порохомъ. Армянинъ развѣсилъ дорогіе платки. Татаринъ ворочалъ на рожнахъ бараньи катки съ тѣстомъ. Жидъ, выставивъ впередъ свою голову, точилъ изъ бочки горѣлку. Но первый, кто попался имъ навстрѣчу, это былъ запорожець, спавшій на самой срединѣ дороги, раскинувъ руки и ноги. Тарасъ Бульба не могъ не остановиться и не полюбоваться на него.

— Эхъ, какъ важно развернулся! Фу, ты, какая пышная фигура, — говорилъ онъ, остановивши коня.

Въ самомъ дѣлѣ, это была картина довольно смѣлая: запорожець, какъ левъ, растянулся на дорогѣ. Закинутый гордо чубъ его захватывалъ на полъ-аршина земли. Шаровары алаго дорогого сукна

были запачканы дегтемъ, для показанія полного къ нимъ презрѣнiя.

Полюбовавшись, Бульба пробирался далѣе сквозь тѣсную улицу, которая была загромождена мастеровыми, тутъ же отправлявшими ремесло свое, и людьми всѣхъ нацiй, наполнявшихъ это предмѣстiе Сѣчи, которое было похоже на ярмарку и которое одѣвало и кормило Сѣчу, умѣвшую только гулять да палить изъ ружей.

Наконецъ, они минули предмѣстiе и увидѣли нѣсколько разбросанныхъ куреней, покрытыхъ дерномъ или, по-татарски, войлокомъ. Иные уставлены были пушками. Нигдѣ не видно было забора или тѣхъ низенькихъ домиковъ, съ навѣсами, на тоненькихъ деревянныхъ столбикахъ, какiе были въ предмѣстьи. Небольшой валъ и засѣка, не хранимые рѣшительно никѣмъ, показывали страшную безпечность. Нѣсколько дюжихъ запорожцевъ, лежавшихъ съ трубками въ зубахъ на самой дорогѣ, посмотрѣли на нихъ довольно равнодушно и не сдвинулись съ мѣста. Тарасъ осторожно проѣхалъ съ сыновьями между нихъ, сказавши: — Здравствуйте, панове! — Здравствуйте и вы! — отвѣчали запорожцы. На пространствѣ пяти верстъ были разбросаны толпы народа. Онѣ всѣ собирались въ небольшiя кучи. Такъ вотъ Сѣча! Вотъ то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкiе, какъ лвы! Вотъ откуда разливается воля и казачество на всю Украину!

Путники выѣхали на обширную площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада¹. На большой опрокинутой бочкѣ сидѣлъ запорожецъ безъ рубашки; онъ держалъ въ рукахъ ее и медленно зашивалъ на ней дыры. Имъ опять перегородила дорогу цѣлая толпа музыкантовъ, въ срединѣ которыхъ отплясывалъ молодой запорожецъ, заломивши чортомъ

¹ Военный совѣтъ или вѣче запорожцевъ.

свою шапку и вскинувши руками. Онъ кричалъ только: — Живѣ играйте, музыканты! Не жалѣй, Оома, горѣлки православнымъ христіанамъ! — И Оома, съ подбитымъ глазомъ, мѣрялъ безъ счету каждому пристававшему по огромнѣйшей кружкѣ. Около молодого запорожца четыре старыхъ вырабатывали довольно мелко своими ногами, вскидывались, какъ вихорь, на сторону, почти на голову музыкантамъ, и вдругъ, опустившись, неслися въ-присядку и били круто и крѣпко своими серебряными подковами тѣсно убитую землю. Земля глухо гудѣла на всю округу, и въ воздухѣ только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та. Толпа, чѣмъ далѣе, росла: къ танцующимъ приставали другіе, и вся почти площадь покрылась присѣдающими запорожцами. Это имѣло въ себѣ что то разительно-увлекательное. Нельзя было безъ движенія всей души видѣть, какъ вся толпа отдирала танецъ, самый вольный, самый бѣшеный, какой только видѣлъ когда-либо міръ, и который, по своимъ мощнымъ изобрѣтателямъ, носитъ названіе казачка.

Тарасъ Бульба крякнулъ отъ нетерпѣнія, и досадуя, что конь, на которомъ сидѣлъ онъ, мѣшалъ ему пуститься самому. Иные были чрезвычайно смѣшны своею важностью, съ какою они работали ногами. Чрезчуръ дряхлые, прислонившись къ столбу, къ которому обыкновенно на Сѣчѣ привязывали преступниковъ, топали и переминали ногами. Крики и пѣсни, какія только могли придти въ голову человѣку въ разгульѣ веселья, раздавались на свободѣ.

Тарасъ скоро встрѣтилъ множество знакомыхъ лицъ. Остапъ и Андрій слышали только привѣтствія: — А, это ты, Печерица! — Здравствуй, Козолупъ! — Откуда Богъ несетъ тебя, Тарасъ? — Ты какъ сюда зашелъ, Долото? — Здравствуй, Застежка! — Думалъ ли я видѣть тебя, Ремень! — И витязи, собравшіеся со всего разгульнаго міра

восточной Россіи, цѣловались взаимно, и тутъ понесли вопросы: — А что Касьянъ? что Бородавка? что Колоперъ? что Пидсытокъ? — И слышалъ только въ отвѣтъ Тарась Бульба, что Бородавка повѣшенъ въ Толопанѣ, что съ Колопера содрали кожу подъ Кизикирменомъ, что Пидсыткова голова посолена въ бочкѣ и отправлена въ самый Царьградъ. — Понурилъ голову старый Бульба и раздумчиво говорилъ: — Добрые были казаки!

III.

Уже около недѣли Тарась Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало могли заниматься военною школою, несмотря на то, что отецъ ихъ особенно просилъ опытныхъ и искусныхъ наѣздниковъ быть имъ руководителями. Вообще можно сказать, что на Запорожьѣ не было никакого теоретическаго изученія или какихъ-нибудь общихъ правилъ; все юношество воспитывалось и образовывалось въ немъ однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвы, которыя отъ того были почти непрерывны. Промежутки же между ними казаки почитали скучнымъ занимать изученіемъ какой-нибудь дисциплины. Очень рѣдкіе имѣли примѣрные турниры. Они все время отдавали гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣча представляла необыкновенное явленіе. Это было какое то непрерывное пиршество, — балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, особливо, если въ карманѣ звучала возможность, и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что то околдовывающее.

Это не было какое-нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя: это было, просто, какое то

бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходившій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его занимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на свое прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, не имѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другого источника. Разказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться отъ всей души. Это не былъ какой-нибудь пьяный кабакъ, гдѣ бессмысленно, мрачно, искаженными чертами веселья забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Вся разница была только въ томъ, что, вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ, на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были не охраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ, въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильственной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцовъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка, и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копейки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что-нибудь уро-

нить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человѣку быть безъ битвы. Здѣсь было много офицеровъ изъ польскихъ войскъ. Впрочемъ, изъ какой націи здѣсь не было народа? Эта странная республика была именно потребность того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь себѣ работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстьѣ Сѣчи не смѣла показаться ни одна женщина ¹.

Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросилъ ихъ, откуда они, кто они и какъ ихъ зовутъ. Они приходили сюда, какъ будто бы возвращались въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ:

— Здравствуй! Что, во Христа вѣруешь?

— Вѣрую, — отвѣчалъ приходившій.

— И въ Троицу Святую вѣруешь?

— Вѣрую.

— И въ церковь ходишь?

— Хожу.

— А, ну, перекрестись!

Пришедшій крестился.

— Ну, хорошо, — отвѣчалъ кошевой: — ступай

¹ Вся эта характеристика навѣяна, главнымъ образомъ, „Запорожцемъ“ Нарѣжнаго.

же въ который самъ знаешь курень. — Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча молилась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жида, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка. Они были похожи на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что, какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Такова была та Сѣча, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей.

Остапъ и Андрій кинулись, со всею пылкостью юношей, въ это разгульное море. Они скоро позабыли и юность, и бурсу, и домъ отцовскій, и все, что тайно волнуетъ еще свѣжую душу. Они гуляли, братались съ беззаботными бездомовниками и, казалось, не желали никакого измѣненія такой жизни.

Между тѣмъ Тарасъ Бульба начиналъ думать о томъ, какъ бы скорѣе затѣять какое-нибудь дѣло: онъ не могъ долго оставаться въ недѣятельности.

— Что, кошевой, — сказалъ онъ одинъ разъ, пришедши къ атаману, — можетъ быть, пора бы погулять запорожцамъ?

— Негдѣ погулять, — отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ въ сторону.

— Какъ негдѣ? Можно пойти въ Турещину или на Татарву.

— Не можно ни въ Турещину, ни въ Татарву, — отвѣчалъ кошевой, взявши опять въ ротъ трубку.

— Какъ не можно?

— Такъ: мы обѣщали султану миръ.

— Да вѣдь онъ бусурмень: и Богъ, и святое писаніе велить бить бусурменовъ.

— Не имѣемъ права. Еслибъ мы не клялись нашею вѣрою, то, можетъ быть, какъ-нибудь еще и можно было.

— Какъ же это, кошевой? Какъ же ты говоришь, что права не имѣемъ? Вотъ у меня два сына, молодые люди: имъ нужно пріучиться и узнать, что такое война, а ты говоришь, что запорожцамъ не нужно на войну идти.

— Что жъ дѣлать? — отвѣчалъ кошевой съ такимъ же хладнокровіемъ: — нужно подождать.

Но этимъ Бульба не былъ доволенъ. Онъ собралъ кое-какихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ и задалъ имъ пирушку на всю ночь. Загулявшись до послѣдняго разгула, они вмѣстѣ отправились на площадь, гдѣ обыкновенно собиралась рада и стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду. Не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ, съ однимъ только глазомъ, не смотря на то, страшно заспаннымъ.

— Кто смѣетъ бить въ литавры? — закричалъ онъ.

— Молчи! возьми свои палки да и колоти, когда тебѣ велятъ! — отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, начали собираться черныя кучи запорожцевъ.

За кошевымъ отправились нѣсколько человѣкъ и привели его на площадь.

— Не бойся ничего! — сказали вышедшіе къ нему навстрѣчу старшины. — Говори міру рѣчь, когда хочешь, чтобы не было худого, — говори рѣчь объ томъ, чтобы идти запорожцамъ на войну противъ бусурменовъ.

Кошевой, увидѣвши, что дѣло не на шутку, вышелъ на середину площади, раскланялся на всѣ четыре стороны и произнесъ:

— Панове запорожцы, добрые молодцы! позволитъ ли господарство ваше рѣчь держать?

— Говори, говори! — зашумѣли запорожцы.

— Вотъ въ разсужденіи того теперь идетъ рѣчь, панове добродійство, — да вы, можетъ быть, и сами лучше это знаете, — что многіе запорожцы позадолжались въ шинки жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры нейметъ. Притомъ же, въ разсужденіи того, есть очень много такихъ хлопцевъ, которые еще и въ глаза не видали, что такое война, тогда какъ молодому человѣку, и сами знаете, панове, безъ войны не можно пробыть. Какой и запорожець изъ него, если онъ еще ни разу не билъ бусурмана?

— Вишь, онъ хорошо говоритъ, — сказалъ писарь, толкнувъ локтемъ Бульбу. Бульба кивнулъ головою.

— Не думайте, панове, чтобы я, впрочемъ, говорилъ это для того, чтобы нарушить миръ. Сохрани Богъ! Я только такъ это говорю. Притомъ же у насъ храмъ Божій — грѣхъ и сказать, что такое. Вотъ сколько лѣтъ уже, какъ, по милости Божіей, стоитъ Сѣча, а до сихъ поръ, не то уже, чтобы наружность церкви, но даже внутренніе образа безъ всякаго убранства. Хотя бы серебряную рясу кто догадался имъ выковать. Они только то и получили, что отказали въ духовной иные казаки. Да и даяніе ихъ было бѣдное, потому что они почти все еще пропили при жизни своей.

Такъ я все веду рѣчь эту не къ тому, чтобы начать войну съ бусурменами, ибо мы обѣщали султану миръ, и намъ бы великій былъ грѣхъ, потому что мы клялись по закону нашему.

— Вишь, проклятый! что это онъ путаетъ такое? — сказалъ Бульба писарю.

— Да, такъ видите, панове, что войны не можно начать: честь рыцарская не велить. А по своему бѣдному разуму вотъ что я думаю: пустить съ челнами однихъ молодыхъ; пусть немного пошарпаютъ ¹ берега Анатоліи. Какъ думаете, панове?

— Веди, веи всѣхъ! — закричала со всѣхъ сторонъ толпа, — за вѣру мы готовы положить головы!

Кошевой испугался. Онъ нимало не желалъ тревожить всего Запорожья. Притомъ ему все казалось неправымъ дѣломъ разорвать миръ.

— Позвольте, панове, рѣчь держать!

— Довольно! — кричали запорожцы, — лучшаго не скажешь.

— Когда такъ, то пусть по-вашему, только для насъ будетъ еще большее раздолье. Вамъ извѣстно, панове, что султанъ не оставитъ безнаказанно то удовольствіе, которымъ потѣшатся молодцы. А мы, вотъ видите, будемъ наготовѣ, и силы у насъ будутъ свѣжія. Притомъ же и татарва можетъ напасть во время нашей отлучки. Да, если сказать правду, то у насъ и челновъ нѣтъ въ запасѣ, чтобы можно было всѣмъ отправиться. А я, пожалуй, я радъ, я слуга вашей воли.

Хитрый атаманъ замолчалъ. Кучи начали переговариваться, куренные атаманы совѣщаются, и, рѣшили на томъ, чтобы отправить нѣсколько молодыхъ людей, подъ руководствомъ опытныхъ и старыхъ.

Такимъ образомъ, всѣ были увѣрены, что они совершенно по справедливости предпринимаютъ

¹ Пограбятъ.

свое предпріятіе. Такое понятіе о правѣ весьма было извинительно народу, занимавшему опасныя границы среди буйныхъ сосѣдей. И странно, еслибы они поступили иначе. Татары разъ десять перерывали свое шаткое перемиріе и служили обольстительнымъ примѣромъ. Притомъ, какъ можно было такимъ гульливымъ рыцарямъ и въ такой гульливый вѣкъ пробыть нѣсколько недѣль безъ войны?

Молодежь бросилась къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Нѣсколько плотниковъ явились вмигъ съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкочленистые запорожцы, съ просѣдью въ усахъ, засучивъ шаровары, стояли по колѣни въ водѣ и стягивали ихъ съ берега крѣпкимъ канатомъ. Нѣсколько человѣкъ было отправлено въ скарбницу ¹ на противоположный утесистый берегъ Днѣпра, гдѣ въ неприступномъ тайникѣ они скрывали часть пріобрѣтенныхъ орудій и добычу. Бывалые поучали другихъ съ какимъ то наслажденіемъ, сохраняя при всемъ томъ степенный, суровый видъ. Весь берегъ получилъ движущійся видъ, и хлопотливость овладѣла дотолѣ безпечнымъ народомъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ куча людей еще издали махала руками. Куча состояла изъ казаковъ въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный костюмъ (у нихъ ничего не было, кромѣ рубашки и трубки) показывалъ, что они были слишкомъ угнетены бѣдою, или уже черезчуръ гуляли и прогуляли все, что ни было на тѣлѣ. Между ними отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый, лѣтъ пятидесяти человѣкъ. Онъ кричалъ сильнѣе другихъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ.

— Богъ въ помощь вамъ, панове запорожцы!

¹ Сокровищница, казна.

— Здравствуйте!—отвѣчали работавшіе въ лодкахъ, приостановивъ свое занятіе.

— Позвольте, панове запорожцы, рѣчь держать!

— Говори!

И толпа усѣяла и обступила весь берегъ.

— Слышали ли вы, что дѣлается на гетманщинѣ?

— А что? — произнесъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

— Такія дѣла дѣлаются, что и рассказывать нечего.

— Какія же дѣла?

— Что и говорить! И родились, и крестились, еще не видали такого, — отвѣчалъ приземистый казакъ, поглядывая съ гордостью владѣющаго важной тайной.

— Ну, ну, рассказывай, что такое! — кричала въ одинъ голосъ толпа.

— А развѣ вы, панове, до сихъ поръ не слышали?

— Нѣтъ, не слышали.

— Какъ же это? Что жъ, вы развѣ за горами живете, или татаринъ заткнулъ клейтухомъ¹ уши ваши?

— Рассказывай! Полно толковать! — сказали нѣсколько старшинъ, стоявшихъ впереди.

— Такъ вы не слышали ничего про то, что жида уже взяли церкви святыя, какъ шинки, на аренды?

— Нѣтъ.

— Такъ вы не слышали и про то, что уже христіанину и пасхи не можно ѣсть, покамѣсть разсобачій жидъ не положить значка нечистою своею рукою?

— Ничего не слышали! — кричала толпа, подвигаясь ближе.

¹ Пыжъ.

— И что ксендзы ѣздятъ изъ села въ село въ таратайкахъ, въ которыхъ запряжены — пусть бы еще кони, это бы еще ничего, а то, просто, православные христіане? Такъ вы, можетъ быть, и того не знаете, что нечистое католичество хочетъ, чтобъ мы кинули и вѣру нашу христіанскую? Вы, можетъ быть, не слышали и объ томъ, что уже изъ поповскихъ ризъ жидовки шьютъ себѣ юбки?

— Стой, стой! — прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, углубивши глаза въ землю, какъ и всѣ запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли въ себѣ всю желѣзную силу негодованія. — Стой, и я скажу слово. А что жъ вы, врагъ бы поколотилъ вашего батька, что жъ вы? развѣ у васъ сабель не было, что ли? Какъ же вы пустили такому беззаконію?

— Э, какъ пустили такому беззаконію! — отвѣчалъ приземистый казакъ. — А попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ ляховъ, да еще къ тому и часть гетьманцевъ приняла ихъ вѣру.

— А гетьманъ вашъ, а полковники что дѣлали?

— Э, гетьманъ и полковники! А знаете, гдѣ теперь гетьманъ и полковники?

— Гдѣ?

— Полковниковъ головы и руки развозятъ по ярмаркамъ, а гетьманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, и до сихъ поръ лежитъ еще въ Варшавѣ.

Содроганіе пробѣжало по всей толпѣ; молчаніе, какое обыкновенно предшествуетъ бурѣ, остановилось на устахъ всѣхъ, и, мигъ послѣ того, чувства, подавляемые дотолѣ въ душѣ силою дюжого характера, брызнули цѣлымъ потокомъ рѣчей.

— Какъ, чтобы нашу Христову вѣру гнала проклятая жидова! чтобы эдакое дѣлать съ православными христіанами! чтобы такъ замучить нашихъ! да еще кого? полковниковъ и самого гетьмана!

Да чтобы мы стерпѣли все это? Нѣтъ, этого не будетъ!—Такія слова перелетали во всѣхъ концахъ обширной толпы народа.

Зашумѣли запорожцы и разомъ почувствовали свои силы. Это не было похоже на волненіе народа легкомысленнаго. Тутъ волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе. Они раскалялись медленно, упорно, но зато раскалялись, чтобы уже долго не остыть.

— Какъ, чтобы жидовство надъ нами пановало! А ну, паны братья, перевѣшаемъ всю жидову! Чтобы и духу ея не было! — произнесъ кто то изъ толпы. Эти слова пролетѣли молніей, и толпа ринулась на предмѣстье, съ сильнымъ желаніемъ перерѣзать всѣхъ жидовъ.

Бѣдные сыны Израиля, растерявши все присутствіе своего и безъ того мелкаго духа, прятались въ пустыхъ горѣлочныхъ бочкахъ, въ печкахъ и даже запалзывали подъ юбки своихъ жидовокъ, но неумолимые, беспощадные мстители вездѣ ихъ находили.

— Ясневельможные паны! — кричалъ одинъ высокій и тощій жидъ, высунувши изъ кучи своихъ товарищей жалкую свою рожу, исковерканную страхомъ,—ясневельможные паны! мы такое объявимъ вамъ, чего еще никогда не слышали, такое важное, что не можно сказать, какое важное!

— Ну, пусть скажутъ! — сказалъ Бульба, который всегда любилъ выслушать обвиняемаго.

— Ясные паны! — произнесъ жидъ. — Такихъ пановъ еще никогда не видывано, — ей Богу, еще никогда! Такихъ добрыхъ, хорошихъ и храбрыхъ не было еще на свѣтѣ... — Голосъ его умиралъ и дрожалъ отъ страха. — Какъ можно, чтобы мы думали про запорожцевъ что-нибудь нехорошее. Тѣ совсѣмъ не наши, что арендаторствуютъ на Украинѣ! ей Богу, не наши! То совсѣмъ не жида: то чортъ знаетъ что; то такое, что только поплевать на него,

да и бросить. Вотъ и они скажутъ то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?

— Ей Богу, правда! — отвѣчали изъ толпы Шлема и Шмуль въ изодранныхъ яломкахъ ¹, оба бѣлые, какъ глина.

— Мы никогда еще, — продолжалъ высокій жидъ, — не соглашались съ непріятелями. А католиковъ мы и знать не хотимъ: пусть имъ чортъ приснится! Мы съ запорожцами — какъ братья родные...

— Какъ? чтобъ запорожцы были съ вами братья? — произнесъ одинъ изъ толпы. — Не дождетесь, проклятые жида! Въ Днѣпръ ихъ, панове, всѣхъ потопить поганцевъ!

Эти слова были сигналомъ: жидовъ расхватили по рукамъ и начали швырять въ волны. Жалкій крикъ раздался со всѣхъ сторонъ; но суровые запорожцы только смѣялись, видя, какъ жидовскія ноги въ башмакахъ и чулкахъ болтались на воздухѣ. Бѣдный высокій ораторъ, накликавшій самъ на свою шею бѣду, схватилъ за ноги Бульбу и жалкимъ голосомъ молилъ: — Великій господинъ, ясновельможный панъ! я зналъ и брата вашего, покойнаго Дороша. Какой былъ славный воинъ! Я ему восемьсотъ цехиновъ ² далъ, когда нужно было выкупиться изъ плѣна у турковъ.

— Ты зналъ брата? — спросилъ Тарасъ.

— Ей Богу, зналъ! Великодушный былъ панъ.

— А какъ тебя зовутъ?

— Янкель.

— Хорошо, я тебя проведу. — Сказавши это, Тарасъ повелъ его къ своему обозу, возлѣ котораго стояли казаки его. — Ну, полѣзай подъ телѣгу, лежи тамъ и не пошевелись, а вы, братцы, не выпускайте жида.

Сказавши это, онъ отправился на площадь,

¹ Еврейскія шапки.

² Золотыя монеты.

потому что раздавшійся бой литавровъ возвѣстилъ собраніе рады. Несмотря на свою печаль и сокрушеніе о случившихся на Украинѣ несчастіяхъ, онъ былъ нѣсколько доволенъ представлявшимся широкимъ раздольемъ для подвиговъ, и притомъ для подвиговъ такихъ, которые представляли ему мученическій вѣнецъ по смерти.

Вся Сѣча, все, что было на Запорожьи, собралось на площадь. Старшины, куренные атаманы, по короткомъ совѣщаніи, рѣшили на томъ, чтобы идти съ войскомъ прямо на Польшу, такъ какъ оттуда произошло все зло, — желая внести опустошеніе въ землю непріятельскую и предвидя себѣ при этомъ добычу.

И вся Сѣча вдругъ преобразилась. Вездѣ были только слышны пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье саблей, скрипъ телѣгъ; все подпоясывалось, облачалось. Шинки были заперты; ни одного человѣка не было пьянаго. Необыкновенная дѣятельность смѣнила вдругъ необыкновенную безпечность. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтренныхъ желаній вольнаго народа; это былъ неограниченный повелитель; это былъ почти деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почти тельно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ, когда онъ раздавалъ повелѣнія тихо, съ разстановкою, какъ глубоко знающій свое дѣло и уже не въ первый разъ приводившій его въ исполненіе. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ.

Когда все запорожское войско вышло изъ Сѣчи, головы всѣхъ обратились назадъ. — Прощай, наша мать! — сказали почти всѣ въ одно слово. — Пусть же тебя хранить Богъ отъ всякаго несчастія!

Проходя предмѣстіе, Тарасъ Бульба увидѣлъ

съ изумленіемъ, что жидокъ его уже раскинулъ свою лавочку и продавалъ какіе то кремешки и всякую дрянъ. — Дурень, что ты здѣсь сидишь? — сказалъ онъ ему, — развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?

— Молчите, — отвѣчалъ жидъ, — я пойду за вами и войскомъ и буду продавать провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще никогда никто не продавалъ. Ей Богу, такъ! Вотъ увидите.

Бульба пожалъ плечами и отъѣхалъ къ своему отряду.

IV.

Скоро весь польскій юго-западъ сдѣлался добычею страха; вездѣ только и слышно было про запорожцевъ. Скудельные южные города и села были совершенно стираемы съ лица земли. Арендаторы-жиды были вѣшаны кучами, вмѣстѣ съ католическимъ духовенствомъ. Запорожцы, какъ бы пируя, протекали путь свой, оставляя за собою пустыя пространства. Нигдѣ не смѣлъ остановить ихъ отрядъ польскихъ войскъ: они были разсѣваемы при первой схваткѣ. Ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ. Прелать, находившійся тогда въ Радзивилловскомъ монастырѣ, прислалъ отъ себя двухъ монаховъ съ представленіемъ, что между запорожцами и правительствомъ существуетъ согласіе, и что они явно нарушаютъ свою обязанность къ королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народныя права. — Скажи епископу отъ лица всѣхъ запорожцевъ, — сказалъ кошевой, — чтобы онъ ничего не боялся: это казаки еще только люльки¹ раскуриваютъ. — И скоро величественное аббатство обхватилося сокрушительнымъ пламенемъ, и колоссальныя готическія окна его сурово глядѣли сквозь раздѣлявшіяся волны огня. Бѣгущія толпы монаховъ, сол-

¹ Трубки.

дать, жидовъ наводнили многолюдные города и деревни, почти оставленные на произволъ непріятеля.

Одинъ только городъ Дубно не сдавался. Этимъ были раздражены всѣ чины, въ числѣ которыхъ занималъ не послѣднее мѣсто Тарасъ Бульба. Они положили взять его голодомъ. Толпы вольныхъ наѣздниковъ облегли со всѣхъ сторонъ его стѣны, расположились вмѣстѣ со своими обозами, которые всегда почти за ними слѣдовали. Жители съ небольшимъ числомъ войскъ рѣшились вытерпѣть возможную степень бѣдствія и не сдаваться ни въ какомъ случаѣ. Запорожцы удвоили наблюденіе, чтобы никакое вспомошествованіе не могло прійти въ городъ, играли въ четъ и нечетъ, курили люльки¹ и съ убійственнымъ хладнокровіемъ смотрѣли на городскія стѣны. Прошло двѣ недѣли и, несмотря на то, что они свои вольные набѣги гораздо болѣе предпочитали осадамъ городовъ, однакожъ, ничто не могло преодолѣть ихъ терпѣнія. — Молодые, попробовавшіе битвъ и опасностей, старали нетерпѣніемъ, и въ числѣ ихъ были наши герои Остапъ и Андрій, вдругъ пріобрѣвшіе опытность въ военномъ дѣлѣ, пылкіе, исполненные отваги, желавшіе новыхъ встрѣчъ, жадные узнать новыя эволюціи и варіаціи войны и показать свое умѣніе играть опасностями. Остапъ, казалось, только на то и созданъ былъ, чтобы гулять въ вѣчномъ пирѣ войны. Онъ теперь уже казался чѣмъ то атлетическимъ, колоссальнымъ. Его движенія пріобрѣли крѣпкую увѣренность, и всѣ качества его, прежде незамѣтныя, получили размѣръ шире и казались качествами мощнаго льва. Андрій также погрузился весь въ очаровательную музыку мечей и пуль, потому что нигдѣ воля, забвеніе, смерть, наслажденіе не соединяются въ такой обольстительной, страшной прелести, какъ въ битвѣ.

¹ Трубки.

Этотъ долгій роздыхъ, который они имѣли подъ стѣнами города, имъ не нравился. Андрій сидѣлъ долго возлѣ обоза своего, тогда какъ уже всѣ запорожцы спали, кромѣ нѣкоторыхъ, стоявшихъ насторожѣ. Ночь, юньская прекрасная ночь, съ безчисленными звѣздами, обнимала опустошенную землю. Вся окрестность представляла величественное зрѣлище: со всѣхъ сторонъ, вблизи и вдали, были видны зарева горѣвшихъ деревень. Въ одномъ мѣстѣ пламя спокойно и величественно стлалось по небу; въ другомъ мѣстѣ оно, встрѣтивъ что то горячее, вдругъ вырвавшись вихремъ, свистѣло и летѣло вверхъ подъ самыя звѣзды, и оторванныя охлопья его гаснули подъ самыми дальними небесами. Въ одномъ мѣстѣ обгорѣлый черный монастырь, какъ суровый картезіанскій монахъ, стоялъ грозно, выказывая при каждомъ отблескѣ мрачное свое величіе. Въ другомъ мѣстѣ горѣло новое зданіе, потопленное въ садахъ. Деревья шипѣли и покрывались дымомъ; иногда сквозь нихъ просвѣчивалась лава огня, и гроздія грушъ, обвѣсившихъ вѣтви, принимали цвѣтъ червоннаго золота; даже видны были издали сливы, получившія фосфорическій, лилово-огненный цвѣтъ; и среди этого всего иногда чернѣло висѣвшее на стѣнѣ зданія тѣло бѣднаго жида или монаха, погибавшее вмѣстѣ съ строеніемъ въ огнѣ. Надъ нимъ вились вдали птицы, казавшіяся кучею темныхъ мелкихъ крапинокъ, въ видѣ едва замѣтныхъ крестиковъ на огненномъ полѣ. Среди тишины одни только спутанные кони производили шумъ, и звонкое ихъ ржаніе отдавалось съ раскатами, нѣсколько разъ повторявшимися дребезжащимъ эхомъ.

Онъ глядѣлъ безмолвно на эту страшную и чудную картину и вдругъ почувствовалъ какъ будто присутствіе чего то; ему казалось, какъ будто возлѣ него кто то стоялъ. Онъ оглянулся и въ са-

момъ дѣлѣ увидѣлъ стоявшую подлѣ себя женщину. Смуглыя черты лица ея и азіатская фізіономія показались ему какъ то знакомыми. Онъ сталъ глядѣть пристальнѣе: такъ, это была татарка! та самая татарка, которая служила горничною при дочери ковенскаго воеводы. Онъ встрепенулся. Сердце сильнымъ ударомъ стукнуло въ его мощную грудь, и все минувшее, что было во глубинѣ ея, что было закрыто, заглушено, подавлено настоящимъ вольнымъ бытомъ, — все это всплыло разомъ на поверхность, потопивши въ свою очередь настоящее; вся гордая сила, сила юности зажглась вдругъ самымъ томительнымъ приливомъ безпокойства нестерпимаго и страстнаго. Вопросы потокомъ излились изъ его груди: — Откуда? какъ? гдѣ твоя панна? какъ ты явилась здѣсь? что это значить? Говори, не мучь меня!

— Тише, ради Бога тише! — говорила татарка, и закуталась въ казацкій кобенякъ¹, который было сбросила съ себя. — Панна узнала васъ между запорожцами. Она въ городѣ.

— Милосердый Іисусъ! она здѣсь? Что ты говоришь? Она въ городѣ?

Татарка кивнула утвердительно головою.

— Что жъ она? говори! Что жъ ты молчишь?

— Она другой день уже ничего не ѣла.

— Какъ!

— Ни у одного изъ жителей въ городѣ нѣтъ ни куска хлѣба. Всѣ давно уже ѣдятъ одну землю.

— Спаситель Іисусъ! И вы до сихъ поръ не сдѣлали ни одной вылазки?

— Нельзя: запорожцы кругомъ облегли стѣны. Одинъ только потаенный ходъ и есть; но на томъ самомъ мѣстѣ стоятъ ваши обозы, и если только узнаютъ этотъ ходъ, то городъ уже вашъ. Панна

¹ Плащъ.

приказала мнѣ все объявить вамъ, потому что вы не захотите измѣнить ей.

— Боже, измѣнить ей! И я ее увижу! О!.. когда бы мнѣ не умереть только до того часу!— Вся грудь его была проникнута самымъ пронзительнымъ остріемъ радости. Онъ со всѣмъ пыломъ поспѣшности бросился по угламъ шатра своего, началъ вытаскивать все, что только могъ найти съѣстнаго, и скоро два небольшіе мѣшка были нагружены пшеномъ и сухарями. Онъ далъ ихъ въ руки татаркѣ, закуталъ ее плащомъ и приказалъ сказать пани, что онъ скоро будетъ самъ. Онъ велѣлъ татаркѣ, отнеся припасы, ожидать его прихода. Онъ теперь думалъ только, какъ бы безопасно провести ее до мѣста, гдѣ былъ скрытъ подземный ходъ. Этотъ ходъ былъ подъ самымъ возомъ, наполненнымъ военными снарядами. Къ счастью его, запорожцы, по обыкновенной своей безопасности, всѣ спали мертвецки. Тихо шель онъ съ нею рука объ руку и, желая обойти спящихъ, толкнулъ ее нечаянно локтемъ: кобеньякъ слетѣлъ, и зарево яркимъ блескомъ освѣтило ея бѣлое платье. „Спаситель, она открыта! Все пропало“. Онъ со страхомъ и мертвою, убитою душою повелъ глазами вокругъ. Боже, какое счастье! даже зоркій сторожъ, стоявшій на самомъ опасномъ постѣ, спалъ, склонившись на ружье. Татарка, закутавшись крѣпче въ кобеньякъ, ползла подъ телѣгу; небольшой четырехугольникъ дерну приподнялся — и она ушла въ землю.

Торопливо онъ воротился къ своему мѣсту, желая обсмотрѣть хорошенько, всѣ ли спятъ и все ли спокойно.

— Андрій! — сказалъ въ это время, поднявши голову, старый Бульба, — какая это къ тебѣ татарка приходила?

Еслибы кто-нибудь въ то время посмотрѣлъ на Андрія, то бы почелъ его за мертвеца, вставшаго изъ могилы.

— Эй, смотри, сынъ! ей Богу, отдѣлаю тебя батогомъ ¹ такъ, что до представленія свѣта будетъ болѣть спина! Бабы не доведутъ тебя до добра.

Сказавши это, Бульба, — или былъ утружденъ заботами, или занятъ какимъ-нибудь важнымъ планомъ, вовсе не полагая, чтобы эта татарка была изъ города, а признавъ ее за какую-нибудь бѣглянку изъ села, съ которою сынъ его свелъ интригу, — какъ бы то ни было, только онъ повернулся на другую сторону и заснулъ.

Андрій отдохнулъ. Съ трепещущимъ сердцемъ бросился онъ къ обозамъ, обшарилъ, гдѣ только было съѣстное, нагрузилъ мѣшки и неизмѣримыя шаровары свои, и, во все продолженіе этого, сердце его млѣло, духъ занимался и, казалось улеталъ при одной мысли о той радости, которая ждала его впереди. Еще разъ обсмотрѣлся онъ вокругъ, не чувствуя ни сердца, ни земли, ни себя, ни міра, и поползъ подъ телѣгу. Небольшое отверстіе вдругъ открылось передъ нимъ и снова за нимъ захлопнулось.

Онъ вдругъ очутился въ совершенной темнотѣ. Онъ чувствовалъ подъ ногами своими ступени, идущія внизъ; кто то схватилъ его за руку. Они шли долго; наконецъ, ступени прекратились, подъ нимъ была гладкая земля. Свѣтъ фонаря блеснулъ въ подземномъ мракѣ.

— Теперь идите прямо, — говорилъ ему голосъ: это была татарка.

Коридоръ шелъ подъ городской стѣною и оканчивался такою же лѣстницею вверхъ. Наконецъ, онъ очутился среди города, когда уже занялась заря и перепархивалъ утренній вѣтеръ. Ни одна труба не дымилась. Мертвый видъ города прерывался слабыми болѣзненными стонами, которые

¹ Кнутъ, плеть.

не могли не поразить его. На стражѣ стояли часовые, блѣдные, какъ смерть; это были больше привидѣнія, нежели люди. Среди самой дороги попался имъ самый ужасный, поразительный предметъ: это была женщина, страшная жертва голода, лежавшая при послѣднемъ издыханіи, стиснувшая зубами изсохшую свою руку. Содрогнувшись, спѣшилъ онъ вслѣдъ за татаркою; онъ лѣтѣлъ всѣми чувствами видѣть ту, за счастье которой онъ готовъ былъ отдать всю жизнь. Онъ взбѣжалъ на крыльцо; онъ вошелъ въ комнату. Вездѣ была тишина: все или спало, утомленное страданіемъ, или безмолвно мучилось. Онъ вступилъ на порогъ спальни. О, какъ замерло его сердце! Какъ замлѣлъ онъ весь, когда оно ему сказала, что черезъ секунду, чрезъ молнію мига, онъ ее увидитъ!

И онъ ее увидѣлъ, увидѣлъ ту, которая когда то была беззаботна, весела, вѣтрена, шаловлива, которая когда то надѣвала на него серьги и убирала его своими прекрасными, легкими, какъ крылья мотыльковъ, убранствами. Онъ опять увидѣлъ ее. Она сидѣла на диванѣ, подвернувши подъ себя обворожительную, стройную ножку. Она была томна; она была блѣдна, но бѣлизна ея была пронзительна, какъ сверкающая одежда серафима. Гебеновыя ¹ брови, тонкія, прекрасныя, придавали что то стремительное ея лицу, обдающему священнымъ трепетомъ сладкой боязни въ первый разъ взглянувшего на нее. Рѣсницы ея, длинныя, какъ мечтанія, были опущены и темными тонкими иглами виднѣлись рѣзко на ея небесномъ лицѣ. — Что это было за созданіе! И это созданіе, которое, казалось, для чуда было рождено среди міра, къ ногамъ котораго повергнуть весь міръ, всѣ сокровища казались малою жертвою, это небесное

¹ Hebenus, изъ чернаго дерева.

созданіе терпѣло голодъ и все, что есть горькаго для жителей земли. Заплѣсневѣлая корка хлѣба, лежавшая на золотомъ блюдѣ, какъ драгоцѣнность, показывала, что еще недавно здѣсь было чувствуемо все свирѣпство голода. Услышавши шумъ, она приподняла свою голову и обратила къ нему взглядъ долгій, сокрушительный. Онъ опять, казалось, исчезнулъ и потерялся. Лицо ея съ перваго раза ему показалось какъ будто другимъ: въ немъ были прежнія черты, но въ немъ же заключалась бездна новыхъ, прекрасныхъ, какъ небеса. Этотъ признакъ безмолвнаго страданія, этотъ болѣзненный видъ... о, какъ она была лучше прежняго! Онъ бросился къ ногамъ ея, приникъ и глядѣлъ въ ея могучія очи. Улыбка какой то радости сверкнула на ея устахъ, и въ то же время слеза, какъ брилліантъ, повисла на ея рѣсницѣ.

— Царица! — сказалъ онъ, — что для тебя сдѣлать? чего ты хочешь?

Она смотрѣла на него пристально и положила на плечо его свою чудесную руку. Съ пожирающимъ пламенемъ страсти покрылъ онъ ее поцѣлуями.

— Нѣтъ, я не пойду отъ тебя! Я умру возлѣ тебя! Пусть же у ногъ твоихъ, пожираемый голодомъ, я умру, какъ и ты, моя панна! И за смерть, за сладкую смерть у твоихъ ногъ, ничего не хочу!

— А твои товарищи, а твой отецъ? Ты долженъ идти къ нимъ, — говорила она тихо. Уста ея еще долго шевелились безъ словъ, и глаза ея, полные слезъ, не сводились съ него,

— Что ты говоришь! — произнесъ Андрій со всею силою и крѣпостью воли. — Что бы тогда за любовь моя была, когда бы я бросилъ для тебя только то, что легко бросить! Нѣтъ, моя панна! нѣтъ, моя прекрасная! Я не такъ люблю: отца, брата, мать, отчизну, — все, что ни есть на землѣ, все отдаю за тебя, все! Прощай! Я теперь вашъ! я твой! Чего еще хочешь?

Она склонилась къ нему головою. Онъ почувствовалъ, какъ электрически-пламенная щека ея коснулась его щеки, и лобзаніе, — у, какое лобзаніе! — слило уста ихъ, прикипѣвшія другъ къ другу.

V.

— Пане! — сказалъ жидъ Янкель, высунувъ свой яломокъ въ шатеръ, гдѣ сидѣлъ Бульба. Это былъ тотъ самый Янкель, котораго онъ избавилъ отъ смерти и который теперь маркитанствовалъ и шпионничалъ при запорожскомъ войскѣ.

— Пане, знаете ли, что дѣлается?

— А что?

— Идетъ пятнадцать тысячъ войска польскаго, и пушки везутъ.

— Били двадцатерыхъ, побьемъ и пятнадцать! — отвѣчалъ Бульба.

— А знаете ли, еще что дѣлается?

— А что?

— Вашъ сынъ Андрій, ой, вей миръ, что это за славный рыцарь!...

— Ну?

— Онъ теперь держитъ сторону Польши.

— Какъ! — подхватилъ Бульба, вскочивши, — чтобы дитя мое... чтобы мой сынъ... Да я тебя убью, проклятый жидъ! Врешь ты, чортово племя!

— Ай, ай! какъ можно, чтобы я вралъ! Пусть отцу моему не будетъ счастья на томъ свѣтѣ, если я вру!

— Какъ! чтобы сынъ Тараса Бульбы да посягнулъ на такое дѣло!

— Далибугъ¹, ей же Богу, такъ!

— Чтобы онъ продалъ Христову вѣру и отчизну!

— Далибугъ, такъ. Я его видѣлъ самъ соб-

¹ Польская божба.

ственными глазами. Фай, какой важный рыцарь! Сто восемьдесятъ червонныхъ стоятъ однѣ латы... богатая лата: всѣ въ золотѣ. А еслибы вы увидѣли, какъ онъ славно муштруетъ солдатами!

Тарасъ Бульба былъ пораженъ, какъ громомъ:

— Ты путаешь, проклятый Іуда! Не можно, чтобы крещеное дитя продало вѣру. Еслибы онъ былъ турокъ или нечистый жидъ... Нѣтъ, не можетъ онъ такъ сдѣлать! ей Богу, не можетъ!

Но, однако же, онъ вспомнилъ, что уже два дня, какъ его не видалъ; онъ вспомнилъ про татарку, появившуюся въ его ставкѣ¹, и глаза его сверкнули. Ярость, ярость желѣзная, могучая, ярость тигра вспыхнула на его лицѣ. — Вишь, чортова дѣтина, ты таки свое взяла! Породилъ же тебя чортъ, на позоръ всему роду.

Съ лицомъ, разгорѣвшимся отъ гнѣва, онъ вышелъ изъ ставки и далъ приказъ сдѣлать коней.

Между тѣмъ кошевой раздавалъ повелѣнія отъ себя быть всѣмъ въ готовности и не позволять никакимъ образомъ осажденнымъ соединиться съ приближавшимися польскими войсками. Непріятельскихъ войскъ было, однако же, болѣе, нежели пятнадцать тысячъ. Кошевой вмѣстѣ съ совѣтомъ старшинъ рѣшили на томъ, чтобы усилить болѣе ту линію, которая обращена къ непріятелю. Черезъ это цѣпь съ противоположной стороны города ослабѣла, и хотя польскія войска были отбиты съ перваго раза, и притомъ съ большимъ урономъ, но отрядъ, остававшійся въ городѣ, рѣшился воспользоваться малочисленностью прикрытія, и, дѣйствительно, сдѣлавши вылазку, прорвался черезъ цѣпь и успѣлъ соединиться почти въ виду запорожцевъ. Бульба рвалъ на себѣ волосы съ досады, что уже невозможно было уморить ихъ всѣхъ голодомъ. Запорожцы сдвинулись въ густую не-

¹ Палатка.

проломную стѣну: маневръ, всегда доставлявшій имъ существенную выгоду, потому что тактика ихъ соединяла азіатскую стремительность съ европейскою крѣпостью. Непріятель, несмотря на то, что былъ вдвое сильнѣе, не былъ въ силахъ удержать превосходства. Битва завязалась самая жаркая и кровопролитная. Тарасъ Бульба занималъ одно изъ главныхъ начальствъ, и три коронные полка, не въ состояніи будучи удержать его стремительной атаки, готовы были отступить и предаться бѣгству, какъ вдругъ онъ обратилъ всѣ силы свои совершенно въ другую сторону.

Онъ завидѣлъ въ сторонѣ отрядъ, стоявшій, по-видимому, въ засадѣ. Онъ узналъ среди его сына своего Андрія. Онъ отдалъ кое-какія наставленія Остапу, какъ продолжать дѣло, а самъ, съ небольшимъ числомъ, бросился, какъ бѣшеный, на этотъ отрядъ. Андрій узналъ его издали, и видно было издали, какъ онъ весь затрепеталъ. Онъ, какъ подлый трусъ, спрятался за ряды своихъ солдатъ и командовалъ оттуда своимъ войскомъ. Силы Тараса были немногочисленны: съ нимъ было только восемнадцать человѣкъ; но онъ ринулся съ такимъ свирѣпствомъ, съ такимъ сверхъестественнымъ стремленіемъ, что ряды уступали со страхомъ передъ этимъ разгнѣваннымъ вепремъ. Врядъ ли тогда его можно было съ чѣмъ-нибудь сравнить. Шапки давно не было на его головѣ; волосы его развѣвались, какъ пламя, и чубъ, какъ змѣя, раскидывался по воздуху; бѣшеный конь его грызъ и кусалъ коней непріятельскихъ, дорогой акшаметь¹ былъ на немъ разорванъ; онъ уже бросилъ и саблю, и ружье, и размахивалъ только одной ужасной, непомѣрной тяжести, булавой, усѣянной мѣдными иглами. Нужно было взглянуть только на лицо его, чтобы увидѣть олицетворенное свирѣпство,

¹ Испорченное аксамитъ или оксамитъ — бархатъ.

чтобы извинить трусость Андрія, чувствовавшего свою душу не совсѣмъ чистою. Блѣдный, онъ видѣлъ, какъ гибли и разсѣивались его поляки; онъ видѣлъ, какъ послѣдніе, окружавшіе его, уже готовы были бѣжать; онъ видѣлъ, какъ уже нѣкоторые, поворотивши коней своихъ, бросали ружья. Спасите! — кричалъ онъ, отчаянно простирая руки: — куда бѣжите вы? Глядите: онъ одинъ!

Опомнившіеся воины на минуту остановились и въ самомъ дѣлѣ ободрились, увидѣвши, что ихъ гонить только одинъ съ тремя утомленными казаками. Но напрасно силились бы они устоять противъ такой отчаянной воли.

— Нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня! — кричалъ Тарасъ, настигая бѣгущихъ, начинавшихъ думать, что они имѣютъ дѣло съ самимъ дьяволомъ.

Отчаянный Андрій сдѣлалъ усиліе бѣжать, но поздно: ужасный отецъ уже былъ передъ нимъ. Безнадежно онъ остановился на одномъ мѣстѣ. Тарасъ оглянулся: уже никого не было позади его, всѣ сотоварищи его полегли въ разныхъ мѣстахъ поля. Ихъ только было двое.

— Что, сынку? — сказалъ Бульба, глянувши ему въ очи.

Андрій былъ безотвѣтенъ.

— Что, сынку? — повторилъ Тарасъ: — помогли тебѣ твои ляхи?

Андрій не произнесъ ни слова; онъ стоялъ, какъ осужденный.

— Такъ продать, продать вѣру? Проклять тотъ и часъ, въ который ты родился на свѣтъ!

Сказавши это, онъ глянулъ съ какимъ то иступленно-сверкающимъ взглядомъ по сторонамъ.

— Ты думалъ, что я отдамъ кому-нибудь дитя свое? Нѣтъ! Я тебя породилъ, я тебя и убью! Стой и не шевелись, и не проси у Господа Бога отпущенія: за такое дѣло не прощаютъ на томъ свѣтѣ!

Андрій, блѣдный, какъ полотно, прошепталъ губами одно только имя; но это не было имя родины, или отца, или матери: это было имя прекрасной полячки.

Тарасъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, снялъ съ плеча ружье, прицѣлился... выстрѣлъ грянулъ...

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почувствовавшій смертельное желѣзо, повисъ онъ головою и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубійца и думалъ: предать ли тѣло измѣнника на расхищеніе и поруганіе, чтобы хищныя птицы растрепали его и сыромахи-волки расшарапали¹ и разнесли его желтыя кости, или честно погребсти въ землѣ?

Въ это время подѣхалъ Остапъ. — Батько! — сказалъ онъ.

Тарасъ не слышалъ.

— Батько, это ты убилъ его?

— Я, сынку!

Лицо Остапа выразило какой то безмолвный упрекъ. Онъ бросился обнимать своего товарища и спутника, съ которымъ двадцать лѣтъ они росли вмѣстѣ, жили пополамъ.

— Полно, сынку, довольно! Понесемъ мертвое тѣло, похоронимъ! — сказалъ Тарасъ, который въ то время сжалъ въ груди своей подступавшее ѣдкое чувство.

Они взяли тѣло и понесли на плечахъ въ обгорѣлый лѣсъ, стоявшій въ тылу запорожскихъ войскъ, и вырыли саблями и копьями яму.

Тарасъ оставилъ копье и взглянулъ на трупъ сына. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго для женъ очарованія, еще сохраняло

¹ Растерзали, растаскали.

въ себѣ слѣды ихъ; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты.

— Чѣмъ бы не казакъ былъ? — сказалъ Тарасъ: — и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо, какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою — пропалъ! пропалъ безъ славы!..

Трупъ опустили, засыпали землею, и черезъ минуту уже Тарасъ размахивалъ саблею въ рядахъ непріятельскихъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Разница была въ томъ только, что онъ теперь бился съ большимъ изступленіемъ, старая желаніемъ отмстить смерть сына. Прибывшій въ то время его собственный полкъ, подъ начальствомъ Товкача, доставилъ ему значительный перевѣсъ. Онъ, наконецъ, узналъ, кто былъ виною отступничества его сына, и положилъ, во что бы ни стало, взять городъ. И онъ бы исполнилъ это; свирѣпый, онъ бы протекъ, какъ смерть, по его улицамъ; онъ бы вытащилъ изъ замка ее своею желѣзною рукою, ее, обворожительную, нѣжную, блистающую; свирѣпо повлекъ бы ее, схвативши за длинные, обольстительные волосы, и его кривая сабля сверкнула бы у ея голубинаго горла... Но одно непредвидѣнное происшествіе остановило его на пути непримиримой мести.

VI.

Въ запорожское войско пришло извѣстіе, что Сѣча взята, разорена татарами, и большая часть оставшихся запорожцевъ забрана въ плѣнъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими пушками. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно казаки старались, не теряя времени, настигнуть хищниковъ на возвратной ихъ дорогѣ и перехватить добычу, потому что, тремя недѣлями позже, уже этого сдѣлать было невозможно, и плѣнные казаки могли вдругъ очутиться

на рынкахъ Великой Азіи. Кошевой положилъ, и мнѣніе его подкрѣпили прочіе чины, идти на помощь немедленно, разсуждая, что уже довольно они отомстили за измѣну полякамъ и смерть гетьмановъ, и что опустошенныя поля будутъ помнить, какъ гостили на нихъ запорожцы.

На это изъявилъ согласіе и Бульба, хотя ему чрезвычайно хотѣлось взять городъ. Уже онъ отправился, чтобы отдать приказъ выучить коней и мазать телѣги, какъ вдругъ остановился и сказалъ: — Я хотѣлъ спросить еще объ одномъ у тебя, атаманъ! Вѣдь, кажется, въ непріятельскомъ войскѣ есть нашихъ человѣкъ тридцать въ плѣну?

— Я посылалъ просить размѣна, — не соглашаются.

— Такъ мы, стало быть, ихъ и оставимъ такъ?

— Что жъ дѣлать?

— Какъ! чтобы они опять замучили ихъ?

— А что жъ дѣлать? — отвѣчалъ кошевой: — вѣдь помочь нельзя; мы, хотъ и останемся, то не одолѣемъ, а между тѣмъ и свое прогуляемъ: татарва не станетъ ожидать насъ.

— Такъ, стало быть, пусть еретичное поганство, какъ хочетъ, такъ и ругается надъ христіанскою кровью?

Кошевой пожалъ плечами.

— А мнѣ кажется, атаманъ, такъ не бывать этому.

— А отчего жъ бы не бывать?

— Да такъ: я уже знаю.

— Ова ¹, какъ важно! — сказалъ кошевой, прижавши пальцемъ золу въ своей люлькѣ.

— Слышали ли вы, панове, что кошевой хочетъ сдѣлать? — сказалъ Бульба, выходя отъ кошевого и обращаясь къ запорожцамъ. — Онъ хочетъ, чтобы мы теперь же отправились на Сѣчу,

¹ Вотъ.

а товарищей, тѣхъ, что попались въ плѣнъ не-пріятелю, такъ бы и оставили, чтобы ихъ заму-чило поганое еретичество. Что вы скажете на это?

— Не послушаемъ мы кошевого! — сказала въ одинъ голосъ часть запорожцевъ, отдѣлилась и стала на сторонѣ. Ихъ было около тысячи чело-вѣкъ.

Кошевой вышелъ. Онъ уже слышалъ волне-ніе, которое произвелъ неугомонный Бульба.

— Чего вы хотите? Изъ чего подняли вы та-кой гвалтъ? — закричалъ онъ грозно.

— Мы не хотимъ идти на Сѣчу! Мы остаем-ся! — кричала толпа.

— Что вы? сдурѣли ¹? Я васъ, чортовы дѣти, перевяжу всѣхъ!

— Какую онъ можетъ имѣть власть? — ска-залъ Тарась, обращаясь къ запорожцамъ: — мы — вольные казаки!

— А что жъ? мы вольные казаки! — говорили запорожцы.

— Дамъ я вамъ вольныхъ! Вы гдѣ вольные? — на Сѣчѣ; вотъ тамъ вы вольные! Тамъ вы мо-жете снять съ меня достоинство, связать меня и убить, и все, что хотите; а тутъ вы ни слова. Знаете ли вы, что такое военное право? — А ты что заводишь бунтъ? — сказалъ онъ, обращаясь къ Бульбѣ.

— Нѣтъ, я не бунтъ чиню, а исполняю долгъ христіанскій! — хладнокровно отвѣчалъ Тарась. — Я стою за права наши, ибо мы должны защищать христіанскую кровь.

— Я тебя, старый чортъ, присмыкну къ обозу.

— А ну, попробуй!

— Слушайте, пане-браты! — сказалъ коше-вой, нѣсколько смягчивши рѣчь. — За что же вы оставляете тѣхъ своихъ товарищей, которыхъ на

¹ Сошли съ ума.

Сѣчѣ забрала татарва въ полонъ? Или вы думаете, что татары поступятъ лучше, чѣмъ ляхи?

— То татарва, а то ляхи — другое дѣло, — отвѣчалъ Бульба. — Еще у бусурмена есть совѣсть и страхъ Божій, а у католичества и не было, и не будетъ. Пойдите, хлопцы, и я скажу: что, еслибы вы попались въ плѣнъ, да начали бы съ васъ живыхъ драть кожу или жарить на сковородахъ, — что бы вы тогда сказали? А изъ вашихъ земляковъ, изъ товарищей, изъ тѣхъ, что должны до послѣдней крови защищать, изъ тѣхъ товарищей ни одинъ бы не захотѣлъ подать руку помощи, — что бы вы тогда сказали?

— А что бы сказали? — произнесли нѣкоторые: — сказали бы: вы помой, а не запорожцы! — Замѣтно было, что слова Тараса сильно потрясли ихъ.

— Стойте, хлопцы, и я скажу! — кричалъ атаманъ. — Ну, скажите, панове-браты, куда вашъ умъ дѣлся? Посудите сами, гдѣ вамъ управиться съ такимъ непріятелемъ? Ихъ больше десяти тысячъ, а васъ, можетъ быть, двѣ. Вѣдь пропадете всѣ на мѣстѣ!

— Пропадать, такъ пропадать! — сказалъ Бульба.

— Оставайтесь же тутъ, если уже такъ захотѣли своей гибели! А тѣ, которые разумнѣе васъ, гайда, въ дорогу!

— Вы дѣлайте свое, а мы будемъ дѣлать свое! — сказалъ Бульба.

Обѣ стороны неподвижно встали одна противъ другой и минуту сохраняли мертвое молчаніе.

Наконецъ, стоявшіе въ первыхъ рядахъ посѣдѣвшіе запорожцы, утупивъ глаза въ землю, начали говорить: — Оно, конечно, если разсудить по справедливости, то и вы исполняете честь рыцарскую, и мы поступаемъ по рыцарскому обычаю. На то и живетъ человекъ, чтобы защищать вѣру и обычай. Притомъ жизнь такое дѣло, что

если о ней сожалѣть, то ужъ не знаешь, объ чемъ не жалѣть. Скоро будемъ жалѣть, что бросили женъ своихъ. Нужно же попробовать, что такое смерть. Вѣдь попробовали же всякой невзгоды въ жизни. Въ томъ и другомъ случаѣ мы не должны питать другъ противъ друга никакой непріязни. Мы всѣ запорожцы, всѣ изъ одного гнѣзда, всѣхъ насъ вспоила Сѣчь, всѣ мы братья родные... Спрашиваемъ cadaго: не имѣетъ ли противъ насъ какого неудовольствія?

— Никакого! всегда были довольны! — закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, такъ пусть же на разставаньи... что будетъ впредь, то Богъ одинъ знаетъ; можетъ быть, ни одинъ изъ насъ уже не увидитъ дружка дружку, такъ поцѣлуемся всѣ!

И двѣ тысячи войска перецѣловались съ двумя тысячами. Кошевой обнялъ Тараса.

— Ну, прощайте же, пане-браты, молодцы! Дай же, Боже, чтобы все было такъ, какъ Богу угодно! Если мы положимъ головы, то вы расскажите про насъ, что такіе то гуляки не даромъ жили. Если же вы поляжете и примете честную смерть, то мы повѣдаемъ, чтобы знала вся Украина, да и другія земли, что были такіе молодцы, которые и вѣру Христову знали оборонять, да и товарищество уважали. Прощайте! Пусть благословеніе Божіе будетъ и съ вами, и съ нами!

Обѣ половины войска соединились вмѣстѣ, чтобы не дать узнать непріятелю о своемъ раздѣленіи, и отступили къ обгорѣлому монастырю, у подошвы котораго былъ глубокій яръ. Удалявшаяся половина съ кошевымъ атаманомъ опустилась по скату горы и яромъ, невидимая непріателемъ, пробиралась въ тишинѣ и молчаніи.

Стоявшій на высотѣ отрядъ польскаго войска не могъ не замѣтить нѣкотораго движенія въ войскахъ запорожскихъ и уже рѣшился было въ

тотъ же часъ сдѣлать нападеніе, но французскій артиллеристъ и инженеръ, служившій въ польскихъ войскахъ, большой знатокъ военнаго дѣла, остановилъ ихъ, сказавши: — Нѣтъ, нѣтъ, господа! Это не то, что вы думаете: это больше ничего, какъ самая дьявольская засада. О, этотъ народъ, запороги! — сказалъ онъ, положивши палецъ на свой ястребинный носъ, при чемъ голосъ его, дотолъ хриплый, пискнулъ дискантомъ, — этотъ народъ, запороги, хитерь, какъ самъ чортъ, или какъ капитанъ дьяволъ!

— Ну, панове молодцы! — сказалъ Бульба по удаленіи войска, — теперь пришла намъ пора показать честь запорожскую. Глядите же: если придется до того, что уже не можно будетъ стоять противъ бусурменовъ, то, панове, чтобы всѣ полегли на мѣстѣ, чтобы ни одинъ не остался живъ, чтобы всѣ, какъ добрые товарищи, покоемъ улеглись въ одной могилѣ. Теперь, передъ великимъ часомъ, выпьемъ, пане-браты, горѣлки, потому что судьба наша теперь похожа на свадьбу, на которой долженъ веселиться всякій человѣкъ.

Пятьдесятъ казаковъ отправились къ обозамъ и вынули баклажки, готовясь отправлять должность виночерпѣевъ. Двѣ тысячи казаковъ подставили свои рукавицы.

— Прежде всего, пане-браты, — сказалъ Бульба, поднявши вверхъ свою рукавицу, — долгъ велить выпить за вѣру Христову! Чтобы пришло, наконецъ, такое время, чтобы по всему свѣту разошлась она, и всѣ бусурмены подѣлались бы, наконецъ, христіанами! Да за однимъ уже разомъ и за Сѣчь, чтобы долго, долго она стояла на гибель всему бусурменству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы одинъ другого лучше, одинъ другого лучше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы

сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда то такіе, что не постыдили товарищества и не выдали своихъ! Итакъ, панове-браты, чтобы такъ же весело, какъ эта горѣлка играетъ и шибаетъ пузырями, такъ бы и мы шли на смерть. Ну-те, всѣ разомъ за вѣру!

— За вѣру! — повторили громко ближніе ряды, поднявши вверхъ рукавицы. — За вѣру! — подхватили дальніе.

— За Сѣчь! — сказалъ Бульба, поднявъ снова рукавицу.

— За Сѣчь! — грянули ближніе. — За Сѣчь! — отозвалось въ дальнихъ.

— За славу и за всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на Божьемъ свѣтѣ!

— За славу и христіанъ! — повторили ближніе. — За славу и христіанъ! — повторили дальніе.

— Теперь на коней, хлопьята!

Всѣ очутились на коняхъ и выѣхали вмѣстѣ стройною кучею. Всѣ дышали силою, выше естественной. Это не былъ дикій энтузіазмъ, порожденный отчаяніемъ: это было что то совершенно другое. Какое то вдохновеніе веселости, какой то трепеть величія ощущался въ сердцахъ этой гулливой и храброй толпы. Ихъ черные и сѣдые усы величаво опускались внизъ; ихъ лица были исполнены увѣренности. Каждое движеніе ихъ было вольно и рисовалось. Вся конная колонна ударила на непріятеля твердо, не совокупляя всей своей силы, но какъ будто веселясь и играя своимъ положеніемъ. Подъ свистъ пуль выступили они, какъ подъ свадебную музыку. Безъ всякаго теоретическаго понятія о регулярности, они шли съ изумительною регулярностію, какъ будто бы происходившею отъ того, что сердца ихъ и страсти били въ одинъ тактъ единствомъ всеобщей мысли. Ни одинъ не отдѣлялся; нигдѣ не разры-

валась эта масса. Польскія войска, которыя было приняли ихъ стремительнымъ упорствомъ, начали отступать, пораженные робостію и думая, не сверхъестественная ли какая сила начала помогать казакамъ. Лучшія распоряженія арміи были совершенно уничтожены этою разрушительною силою. Вся эта конная толпа неслась какъ то вдохновенно, не измѣняясь, не охлаждая, не увеличивая своего пыла. Это была картина, и нужно было живописцу схватить кисть и рисовать ее. Французскій инженеръ, который былъ истинный въ душѣ артистъ, бросилъ фитиль, которымъ готовился зажигать пушки, и, позабывшись, билъ въ ладони, крича громко: — Браво, месье запороги!

Около двухъ тысячъ человекъ непріятеля было убито и столько же разсыпалось и обратилось въ бѣгство. Свѣжее новоприбывшее войско остановилось какъ бы въ недоумѣніи. Запорожцы, съ своей стороны, не рѣшались идти далѣе. Въ виду самого непріятеля, взяли они оставленные пушки, часть обоза съ провіантомъ и отступили такъ же страшно, въ такомъ же точно порядкѣ къ обгорѣвшему монастырю, котораго положеніе чрезвычайно благопріятствовало укрытію. Бульба пировалъ вмѣстѣ съ запорожцами послѣ такой славной битвы; но, когда осмотрѣлъ и перечелъ ряды свои, ихъ оставалось всего только не больше тысячи. Между тѣмъ новыя войска приходили безпрестанно на помощь, и если что спасло его отъ непріятельскаго нападенія, такъ это глубокая догадка французскаго инженера, заставлявшаго опасаться скрытаго множества запорожцевъ.

Между тѣмъ Бульба узналъ, что запорожскіе плѣнники отправлены съ конвоемъ по варшавской дорогѣ. Въ головѣ его тотчасъ родилась мысль перехватить ихъ. Объявивши объ этомъ войску, онъ началъ тайно готовиться къ отступленію.

Цѣлый день казаки мазали дегтемъ свои телѣги, чтобы не скрипѣли; большую половину пушекъ закопали въ землю, чтобъ онѣ не могли достаться непріятелю, и продолжали безпрестанную перестрѣлку изъ мушкетовъ. Часть запорожцевъ скинула съ себя верхнюю одежду; изъ нея подѣлали чучель и разставили на стѣнахъ монастырскихъ, вездѣ, гдѣ была стража. За монастыремъ они нашли дорогу, о которой, по всѣмъ вѣроятностямъ, ничего не знали непріатели. Она продиралась между двумя рытвинами и была совершенно завалена изрубленнымъ лѣсомъ и пепломъ. Пользуясь глубокимъ мракомъ ночи, они тронулись, потянулись гужомъ со всѣмъ обозомъ, продирались около пяти верстъ и, наконецъ, пробрались на чистое поле, гдѣ совершенно уже не было видно непріателя. Запорожцы пріударили коней и понесли. Еще полчаса времени — и они бы, вѣрно, встрѣтили своихъ закованныхъ земляковъ, они бы имѣли еще достаточное время броситься на проселочную дорогу, и, благодаря быстротѣ татарскихъ коней, можетъ быть, Сѣчь увидѣла бы вновь своихъ главныхъ защитниковъ.

Но, какъ нарочно, польскія войска вздумали сдѣлать нападеніе на монастырь. Дальновидный инженеръ искусно зажегъ лѣсъ, къ нему примыкавшій, увѣряя, что всѣ будутъ имѣть славное жаркое изъ казачьей дичи. Но глубокая тишина изумила ихъ. Изумленіе еще болѣе увеличивалось, когда они увидѣли, вмѣсто замѣченныхъ ими издали запорожцевъ, одни чучела. По всѣмъ признакамъ они видѣли, что запорожцевъ было небольшое число. Это увеличило ихъ досаду, и начальствовавшій войсками, человекъ запальчивый, въ ту же минуту отдалъ приказъ устремиться на преслѣдованіе.

Еслибы Бульба не выбрался такъ громоздко, то онъ могъ бы быть до сихъ поръ гораздо далѣе и

тѣмъ, можетъ быть, ускользнуть отъ преслѣдованія. Но онъ пожалѣлъ оставить нѣсколько пушекъ, а чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ подымавшуюся пыль отъ многочисленнаго, съ двухъ сторонъ шедшаго войска. — Вишь, чортъ побери! ляхи пронюхали, — сказалъ онъ, выпустивъ изо рта люльку, которую уже началъ было курить съ величайшимъ спокойствіемъ.

Видя невозможность дальнѣйшаго отступленія отъ такого множества, онъ, съ обыкновеннымъ своимъ хладнокровіемъ, далъ повелѣніе сдвинуть обозъ въ кучу и окружить его нѣсколькими рядами запорожцевъ. Этотъ маневръ считался совершенствомъ казацкой тактики и возбуждалъ всегда удивленіе даже въ самыхъ глубокихъ теоретикахъ тогдашняго военнаго искусства. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы скрыть тылъ. Тутъ казаки никогда не были побѣждаемы: окружая обозъ непреломною стѣною, они со всѣхъ сторонъ были обращены лицомъ къ непріятелю. Пушки доставили имъ большую выгоду, не допуская ихъ къ близкой схваткѣ и не утомляя черезъ это ихъ рядовъ, тѣмъ болѣе, что непріятель, желая скорѣе настигнуть, отправился налегкѣ. Войска польскія, всегда отличавшіяся нетерпѣливостью, уже готовы были бросить, еслибы одна оплошность со стороны запорожцевъ не облегчила ихъ.

Въ это время Остапъ, выстрѣлявшій на своей сторонѣ всѣ пушечные заряды, увлекаемый пылкостью и негодуя на бездѣйственное положеніе, отдѣлился немного подалѣе отъ обоза, вступилъ въ мелкую перестрѣлку, а потомъ и въ рукопашную битву. Его свирѣпое мужество разсѣяло часть рядовъ непріятельскихъ, но скоро онъ былъ схваченъ стиснувшимъ его множествомъ, и старый Тарасъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ поднять нѣсколькими руками, связанъ толстыми веревками и уведенъ въ толпу. Желаніе подать

помощь и освободить любимого сына заставило его позабыть важность своего поста. Онъ отдѣлился вмѣстѣ съ большею частію запорожцевъ отъ обоза и ударилъ въ средину непріятеля, гдѣ полагалъ находившимся Остапа. Запорожцы совершенно затерялись въ толпѣ, раздѣленные толпою. Каждый долженъ былъ дѣйствовать отдѣльно, и нужно было видѣть, какъ каждый изъ нихъ ворочался, какъ молнія, на всѣ стороны, дѣйствуя и саблею, и ружейнымъ прикладомъ, и нагайкою, и кіемъ ¹. Каждый видѣлъ передъ собою смерть и старался только подороже продать свою жизнь. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хаосѣ. Свирѣпо наносилъ онъ свои крѣпкіе удары, воспламеняясь все болѣе и болѣе отъ сыпавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ, и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносили звонкія поля. Наконецъ, сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся, лишенный чувствъ. Толпа стиснула и смяла, кони растоптали его, покрытаго прахомъ. Ни одинъ изъ запорожцевъ не остался въ живыхъ: всѣ полегли на мѣстѣ. И ни одинъ живой трофей не былъ свидѣтелемъ побѣды, одержанной польскими войсками.

VII.

— Долго же я спалъ! — сказалъ Бульба, осматривая углы избенки, въ которой онъ лежалъ, весь израненный и избитый. — Спалъ ли я это, или на-яву видѣлъ?

— Да, чуть было ты навѣки не заснулъ! — отвѣчалъ сидѣвшій возлѣ него Товкачъ, лицо ко-

¹ Палка.

тораго одну минуту только блеснуло живостію и опять погрузилось въ обыкновенное свое хладнокровіе.

— Добрая была сѣча! Какъ же это я спасся? Вѣдь, кажется, я совсѣмъ былъ подъ сабельными ударами, и что было далѣе, я уже ничего не помню...

— Объ томъ нечего толковать, какъ спасся; хорошо, что спасся.

Товкачъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые дѣлаютъ дѣла молча и никогда не говорятъ о нихъ.

На блѣдномъ и перевязанномъ лицѣ Бульбы видно было усиліе припомнить обстоятельства. — А что же сынъ мой?... Что Остапъ? И онъ легъ также вмѣстѣ съ другими и заслужилъ честную могилу?

Товкачъ молчалъ.

— Что жъ ты не говоришь? Постой! помню, помню: я видѣлъ, какъ скрутили назадъ ему руки и взяли въ полонъ нечестивые католики... И я не высвободилъ тебя, сынъ мой, Остапъ мой! Измѣнила, наконецъ, сила!

Морщины сжались на лбу его, и раздумье крѣпко осѣнило лицо, покрытое рубцами.

— Молчи, панъ Тарасъ. Чему быть, тому быть. Молчи да крѣпись: еще намъ больше ста верстъ нужно проѣхать.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что тебя теперь ищетъ всякая дрянь. Знаешь ли ты, что за твою голову, если кто принесетъ ее, тому дадутъ 2,000 червонцевъ?

Но Тарасъ не слышалъ рѣчей Товкача.

— Сынъ мой, Остапъ мой! — говорилъ онъ, — я не высвободилъ тебя!

И приливъ тоски повергнувъ его въ безпамятство. Товкачъ оставался цѣлый день въ избѣ; но съ наступленіемъ ночи онъ увезъ безчувственного Тараса. Увернувъ его въ воловую кожу, уложилъ въ ящикъ наподобіе койки, укрѣпилъ поперекъ сѣдла и пустился во всю прыть на татарскомъ

бѣгунѣ. Пустынныя овраги и непроходимыя мѣста видѣли его, летѣвшаго съ тяжелою своею ношею. Товкачъ боялся встрѣчъ и преслѣдованій, и хотя уже онъ былъ на степи, которой хозяевами болѣе другихъ могли считаться запорожцы, но тогдашнія границы были такъ неопредѣленны, что каждый могъ прогуляться на нехранимой землѣ, какъ на своей собственности. Онъ не хотѣлъ везти Тараса въ его хуторъ, почитая тамъ его менѣе въ безопасности, нежели на Запорожьѣ, куда онъ теперь держалъ путь свой. Притомъ онъ былъ увѣренъ, что встрѣча съ прежними товарищами, пирушки и новыя битвы оживятъ его скорѣе и развлекутъ его.

Онъ, дѣйствительно, не обманулся. Желѣзная сила Тараса взяла верхъ, несмотря на то, что ему было шестьдесятъ лѣтъ; черезъ двѣ недѣли онъ уже поднялся на ноги. Но ничто не могло развлечь его. Повидимому, самыя пиршества запорожцевъ казались ему чѣмъ то ѣдкимъ. Съ нимъ неразлучно было то время, которому еще и двухъ мѣсяцевъ не прошло, — то время, когда онъ гулялъ съ своими сыновьями, еще крѣпкими, свѣжими, исполненными силъ, — и на этомъ, дотолѣ ничѣмъ не колеблемомъ лицѣ, прорывалась раздражающая горестъ, и онъ тихо, понутивъ голову, говорилъ:

— Сынъ мой! Остапъ мой!

Запорожцы собирались на морскую экспедицію. Двѣсти челновъ спущены были въ Днѣпръ, и Малая Азія видѣла ихъ, съ бритыми головами и длинными чубами, предававшими мечу и огню цвѣтущіе берега ея; видѣла чалмы своихъ магометанскихъ обитателей раскиданными, подобно ея безчисленнымъ цвѣтамъ, на смоченныхъ кровію поляхъ и плававшими у береговъ; она видѣла не мало запачканныхъ дегтемъ запорожскихъ шароваръ, мускулистыхъ рукъ съ черными нагайками. Запо-

рожцы переѣли и переломали весь виноградъ; въ мечетяхъ оставили цѣлыя кучи навозу; персидскія дорогія шали употребляли вмѣсто очкуровъ и опоясывали ими запачканныя свои свитки. Долго еще послѣ находили въ тѣхъ мѣстахъ запорожскія коротенькія люльки. Они весело плыли назадъ; за ними гнался десятипушечный турецкій корабль и залпомъ изъ всѣхъ орудій своихъ разогналъ, какъ птицъ, утлые ихъ челны. Третья часть ихъ потонула въ морскихъ глубинахъ; но остальные снова собрались вмѣстѣ и весело прибыли къ устью Днѣпра съ двѣнадцатю боченками, набитыми цехинами. Но все это уже не занимало Тараса. Неподвижный сидѣлъ онъ на берегу, шевеля губами и произнося: — Остапъ мой, Остапъ мой! — Передъ нимъ сверкало и разстилалось Черное море; въ дальнемъ тростникѣ кричала чайка; бѣлый усъ его серебрился, и слеза капала одна за другою.

* * *

Когда жидъ Янкель, — который въ то время очутился въ городѣ Умани и занимался какими то подрядами и сношеніями съ тамошними арендаторами, — когда жидъ Янкель молился, накрывшись своимъ довольно запачканнымъ саваномъ, и оборотился, чтобы въ послѣдній разъ плюнуть, по обычаю своей вѣры, какъ вдругъ глаза его встрѣтили стоявшаго назади Бульбу. Жиду прежде всего бросились въ глаза 2,000 червонныхъ, которые были обѣщаны за его голову; но онъ тутъ же устыдился своей корысти и силился подавить въ себѣ эту вѣчную мысль о золотѣ, которая, какъ червь, обвиваетъ душу жида.

— Слушай, Янкель! — сказалъ Тарасъ жиду, который началъ передъ нимъ кланяться и заперъ осторожно дверь, чтобы ихъ не видѣли. — Я спасъ твою жизнь, теперь ты сдѣлай мнѣ услугу!

Лицо жида нѣсколько поморщилось.

— Какую услугу? Если такая услуга, что можно сдѣлать, то для чего не сдѣлать?

— Не говори ничего. Вези меня въ Варшаву!

— Въ Варшаву? какъ, въ Варшаву? — сказалъ Янкель. Брови и плечи его поднялись вверхъ отъ изумленія.

— Не говори мнѣ ничего. Вези меня въ Варшаву! Чтò бы ни было, а я хочу еще разъ увидѣть его, сказать ему хоть одно слово.

— Какъ можно такое говорить, — говорилъ жидъ, разставивъ пальцы обѣихъ рукъ своихъ, — развѣ панъ не слышалъ, что уже...

— Знаю, знаю все: за мою голову даютъ 2,000 червонныхъ. Знаютъ же они, дурни, цѣну ей! Я тебѣ двѣнадцать дамъ. Вотъ тебѣ 2,000 сейчасъ! — при этомъ Бульба высыпалъ изъ кожанаго гамана ¹ 2,000 червонныхъ, — а остальные, какъ ворочусь.

Жидъ тотчасъ схватилъ полотенце и накрылъ имъ червонцы.

— Славная монета! — сказалъ онъ, вертя одинъ изъ нихъ въ своихъ пальцахъ и пробуя на зубахъ.

— Я бы не просилъ тебя, я бы самъ, можетъ быть, нашелъ дорогу въ Варшаву; но меня могутъ какъ-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи, ибо я не гораздъ на выдумки. А вы, жида, на то уже и созданы; вы хоть чорта проведете; вы знаете всѣ штуки. Вотъ для чего я пришелъ къ тебѣ! Да и въ Варшавѣ я бы самъ собою ничего не получилъ. Сейчасъ запрягай возъ и вези меня!

— А какъ же, вы думаете, мнѣ спрятать пана?

— Да ужъ вы, жида, знаете, какъ: въ порожнюю бочку, или тамъ во что-нибудь другое.

— Какъ можно въ бочку! Всякъ подумаетъ, что горѣлка!

¹ Кошелекъ, мѣшокъ для денегъ.

— Ну, что жъ! То и хорошо.

— Какъ хорошо? Ахъ, Боже мой! какъ можно эдакое говорить! Развѣ панъ не знаетъ, что Богъ на то создалъ горѣлку, чтобы ее всякій пробовалъ? Тамъ все такіе ласуны¹, что Боже упаси! А особливо военный народъ: будетъ бѣжать верстъ пять за бочкою, продолбить какъ разъ дырочку, тотчасъ увидить, что не течетъ, и скажетъ: — жидъ не повезетъ порожней бочки: вѣрно, тутъ есть что-нибудь.

— Ну, такъ положи меня въ возъ съ рыбою.

— Охъ, вей миръ! не можно; ей Богу, не можно! Тамъ вездѣ по дорогѣ люди голодные, какъ собаки; раскрадуть, какъ ни береги, и пана нащупають.

— Такъ вези меня хоть на чортѣ, только вези!

— Стойте, стойте! Теперь возятъ по дорогамъ много кирпичу. Тамъ строятъ какія то крѣпости. Панъ пусть ляжетъ на днѣ воза, а верхъ я закладу кирпичемъ. Панъ здоровый и крѣпкій съ виду, и потому ему ничего, что будетъ тяжеленько; а я сдѣлаю въ возу снизу дырочку, чтобы кормить пана.

— Дѣлай, какъ хочешь, только вези!

И черезъ часъ возъ съ кирпичомъ выѣхалъ изъ Умани, запряженный въ двѣ клячи. На одной изъ нихъ сидѣлъ высокій Янкель, и длинные курчавые пейсики его развѣвались изъ-подъ яломка, по мѣрѣ того, какъ онъ подпрыгивалъ на лошади.

VIII.

Въ то время, когда происходило описываемое событіе, на пограничныхъ мѣстахъ не было еще

¹ Лакомки.

никакихъ таможенныхъ чиновниковъ и объѣзчиковъ, этой страшной грозы предприимчивыхъ людей, и потому всякій могъ везти, что ему вздумалось. Если же кто и производилъ обыскъ и ревизовку, то дѣлалъ это большею частью для своего собственного удовольствія, особливо, если на возу находились заманчивые для глазъ предметы, и если его собственная рука имѣла порядочный вѣсъ и тяжесть. Но кирпичъ не находилъ охотниковъ и въѣхалъ безпрепятственно въ главные городскія ворота.

Бульба, въ своей тѣсной клѣткѣ, могъ только слышать шумъ, крики возницъ, и больше ничего. Янкель, подпрыгивая на своемъ коренномъ, запачканномъ пылью, рысакѣ, поворотилъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, въ темную узенькую улицу, носившую названіе Грязной и вмѣстѣ Жидовской, потому что здѣсь дѣйствительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность задняго двора. Солнце, казалось, не заходило сюда вовсе. Совершенно почернѣвшіе деревянные дома со множествомъ протянутыхъ изъ окошекъ жердей увеличивали еще болѣе мракъ. Изрѣдка краснѣла между ними кирпичная стѣна, но и та уже во многихъ мѣстахъ превращалась совершенно въ черную. Иногда только вверху оштукатуренный кусокъ стѣны, обхваченный солнцемъ, блисталъ нестерпимою для глазъ бѣлизною. Тутъ все состояло изъ сильныхъ рѣзкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякій, что было только у него негоднаго, швырялъ на улицу, доставляя прохожимъ возможные удобства питать всѣ чувства свои этою дрянью. Сидящій на конѣ всадникъ чуть-чуть не доставалъ рукою жердей, протянутыхъ черезъ улицу изъ одного дома въ другой, на которыхъ висѣли жидовскіе чулки, коротенькія панталонцы и копченый гусь. Иногда

довольно смазливенькое личико еврейки, убранные потемнѣвшими бусами, выглядывало изъ ветхаго окошка. Кучка жиденковъ, запачканныхъ, оборванныхъ, съ курчавыми волосами, кричала и валялась въ грязи. Рыжій жидъ съ веснушками по всему лицу, дѣлавшими его похожимъ на воробьиное яйцо, выглянулъ изъ окна, тотчасъ заговорилъ съ Янкелемъ на своемъ тарабарскомъ нарѣчїи, и Янкель тотчасъ вѣхалъ въ одинъ дворъ. По улицѣ шелъ другой жидъ, остановился, вступилъ тоже въ разговоръ, и когда Бульба выкарабкался, наконецъ, изъ-подъ кирпича, онъ увидѣлъ трехъ жидовъ, говорившихъ съ большимъ жаромъ.

Янкель обратился къ нему и сказалъ, что все будетъ сдѣлано, что его Остапъ сидитъ въ городской темницѣ, и что хотя трудно уговорить стражей, но, однакожъ, онъ надѣется доставить ему свиданіе.

Бульба вошелъ вмѣстѣ съ тремя жидами въ комнату.

Жидаы начали опять говорить между собою на своемъ непонятномъ языкѣ. Тарасъ поглядывалъ на каждого изъ нихъ. Что то, казалось, сильно потрясло его. На грубомъ и равнодушномъ лицѣ его вспыхнуло какое то сокрушительное пламя надежды, надежды той, которая посѣщаетъ иногда человѣка въ послѣднемъ градусѣ отчаянія. Старое сердце его начало сильно биться, какъ будто у юноши.

— Слушайте, жидаы! — сказалъ онъ, и въ словахъ его было что то восторженное. — Вы все на свѣтѣ можете сдѣлать, выкопаете хоть изъ дна морского, и пословица давно уже говоритъ, что жидъ самого себя украдетъ, когда только захочетъ украсть. Освободите мнѣ моего Остапа! Дайте случай убѣжать ему отъ дьявольскихъ рукъ! Вотъ я этому человѣку обѣщалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ — я прибавлю еще двѣнадцать. Всѣ,

какіе у меня есть, дорогіе кубки и закопанное въ землѣ золото, хату и послѣднюю одежду продамъ и заключу съ вами контрактъ на всю жизнь, съ тѣмъ, чтобы все, что ни добуду на войнѣ, дѣлить съ вами пополамъ!

— О, не можно, любезный панъ! не можно! — сказалъ со вздохомъ Янкель.

— Нѣтъ, не можно! — сказалъ другой жидъ.

Всѣ три жида взглянули одинъ на другого.

— А попробовать, — сказалъ третій, боязливо поглядывая на двухъ другихъ. — Можетъ быть, Богъ дастъ.

Всѣ три жида заговорили по-нѣмецки. Бульба какъ ни наострялъ свой слухъ, ничего не могъ отгадать. Онъ слышалъ только часто произносимое слово „Мардохай“, и больше ничего.

— Слушай, панъ! — сказалъ Янкель, — нужно посовѣтоваться съ такимъ человѣкомъ, какого еще никогда не было на свѣтѣ. У, у! то такой мудрый, какъ Соломонъ, и когда онъ ничего не сдѣлаетъ, то уже никто на свѣтѣ не сдѣлаетъ. Сиди тутъ; вотъ ключъ, и не впускай никого. — Жида вышли на улицу.

Тарасъ заперъ дверь и смотрѣлъ въ маленькое окошечко на этотъ грязный жидовскій проспектъ. Три жида остановились посрединѣ улицы и стали говорить довольно азартно. Къ нимъ присоединился скоро четвертый, наконецъ, и пятый. Онъ слышалъ опять повторяемое: „Мардохай, Мардохай“. Жида безпрестанно посматривали въ одну сторону улицы. Наконецъ, въ концѣ ея, изъ-за одного дрянного дома показалась нога въ жидовскомъ башмакѣ, и замелькали фалды полукафтаныя.

— А, Мардохай! Мардохай! — закричали всѣ жида въ одинъ голосъ.

Тошій жидъ, нѣсколько короче Янкеля, но гораздо болѣе покрытый морщинами, съ преогромною верхнею губою, приблизился къ нетерпѣливой

толпѣ, и всеѣ жида наперерывъ спѣшили разска-
зать ему, при чемъ Мардохай нѣсколько разъ по-
глядывалъ на маленькое окошечко, и Тарасъ дога-
дывался, что рѣчь шла о немъ. Мардохай разма-
хивалъ руками, слушалъ, перебивалъ рѣчь, часто
плевалъ на сторону и, подымая фалды полукаф-
танья, засовывалъ въ карманъ руку и вынималъ
какія то побрякушки, при чемъ показывалъ пре-
скверныя свои панталоны. Наконецъ, всеѣ жида
подняли такой крикъ, что жидъ, стоявшій насто-
рожѣ, долженъ былъ давать знакъ къ молчанію, и
Тарасъ уже началъ опасаться за свою безопас-
ность; но, вспомнивши, что жида не могутъ иначе
разсуждать, какъ на улицѣ, и что ихъ языка самъ
демонъ не пойметъ, онъ успокоился.

Минуты двѣ спустя, жида вмѣстѣ вошли въ
его комнату, Мардохай приблизился къ Тарасу,
потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Когда мы да Богъ захочетъ сдѣлать, то уже
будетъ такъ, какъ нужно.

Тарасъ поглядѣлъ на этого Соломона, какого
еще не было на свѣтѣ, и получилъ нѣкоторую на-
дежду. Дѣйствительно, видъ его могъ внушить нѣ-
которое довѣріе: верхняя губа у него была, просто,
страшилище. Толщина ея, безъ сомнѣнія, увели-
чилась отъ постороннихъ причинъ. Въ бородѣ у
него было только пятнадцать волосковъ, и то на
лѣвой сторонѣ. На лицѣ у Соломона было столько
знаковъ побоевъ, полученныхъ за удалство, что
онъ, безъ сомнѣнія, давно потерялъ счетъ имъ и
привыкъ ихъ считать за родимыя пятна.

Мардохай ушелъ вмѣстѣ съ товарищами, испол-
ненными удивленія къ его мудрости. Бульба
остался одинъ. Онъ былъ въ странномъ, небыва-
ломъ положеніи: онъ чувствовалъ въ первый разъ
въ жизни безпобойство; душа его была въ лихо-
радочномъ состояніи. Онъ не былъ тотъ прежній,
непреклонный, неколебимый, крѣпкій, какъ дубъ:

онъ былъ малодушенъ; онъ былъ теперь слабъ. Онъ вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, при каждой новой жидовской фигурѣ, показывавшейся на концѣ улицы. Въ такомъ состояніи пробылъ онъ, наконецъ, весь день; не ѣлъ, не пилъ, и глаза его не отрывались ни на часъ отъ небольшого окошка на улицу. Наконецъ, уже ввечеру поздно показался Мардохай и Янкель. Сердце Тараса замерло.

— Что? удачно? — спросилъ онъ ихъ съ нетерпѣніемъ дикаго коня.

Но прежде еще, нежели жида собрались съ духомъ отвѣчать, Тарасъ замѣтилъ, что у Мардохая уже не было послѣдняго локона, который, хотя довольно неопрятно, но все же вился кольцами изъ-подъ яломка его. Замѣтно было, что онъ хотѣлъ что то сказать, но наговорилъ такую дрянь, что Тарасъ ничего не понималъ. Да и самъ Янкель прикладывалъ очень часто руку ко рту, какъ будто бы страдалъ простудою.

— О, любезный панъ! — сказалъ Янкель, — теперь совсѣмъ не можно! ей Богу, не можно! Такой нехорошій народъ, что ему надо на самую голову наплевать. Вотъ и Мардохай скажетъ. Мардохай дѣлалъ такое, какого еще не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ; но Богъ не захотѣлъ, чтобы такъ было. Три тысячи войска стоятъ, и завтра ихъ всѣхъ будутъ казнить.

Тарасъ глянулъ въ глаза жидамъ, но уже безъ нетерпѣнія и гнѣва.

— А если панъ хочетъ видѣться, то завтра нужно рано, такъ чтобы еще и солнце не встало. Часовые соглашаются, и одинъ левентаръ общался. Только пусть имъ не будетъ на томъ свѣтѣ счастья! Ой, вей миръ, что это за корыстный народъ! и между нами такихъ нѣтъ. 50 червонцевъ я далъ каждому, а левентару...

— Хорошо. Веди меня къ нему! — произ-

несъ Тарасъ рѣшительно, и вся твердость возвратилась въ его душу.

Онъ согласился на предложеніе Янкеля передѣться иностраннымъ графомъ, пріѣхавшимъ изъ нѣмецкой земли, для чего платье уже успѣлъ принасти дальновидный жидъ.

Была уже ночь. Хозяинъ дома, извѣстный рыжій жидъ съ веснушками, вытащилъ тощій тюфякъ, накрытый какою то рогожею, и разостлалъ его на лавкѣ, для Бульбы. Янкель легъ на полу, на такомъ же тюфякѣ. Рыжій жидъ выпилъ небольшую чарочку какой то настойки, скинулъ полукафтанье и, сдѣлавшись въ своихъ чулкахъ и башмакахъ нѣсколько похожимъ на цыпленка, отправился съ своей жидовкой во что то похожее на шкафъ. Двое жиденковъ, какъ двѣ домашнія собачки, легли на полу возлѣ шкафа.

Но Тарасъ не спалъ. Онъ сидѣлъ неподвиженъ и слегка барабанилъ пальцами по столу. Онъ держалъ въ рту люльку и пускалъ дымъ, отъ котораго жидъ спросонья чихалъ и заворачивалъ въ одѣяло свой носъ. Едва небо успѣло тронуться блѣднымъ предвѣстіемъ зари, онъ уже толкнулъ ногою Янкеля.

— Вставай, жидъ, и давай твою графскую одежду!

Въ минуту одѣлся онъ; вычернилъ усы, брови, надѣлъ на темя маленькую темную шапочку — и никто бы изъ самыхъ близкихъ къ нему казаковъ не могъ узнать его. По виду ему казалось не болѣе тридцати пяти лѣтъ. Здоровый румянецъ игралъ на его щекахъ, и самые рубцы придавали ему что то повелительное. Одежда, убранная золотомъ, очень шла къ нему.

Улицы еще спали. Ни одно меркантильное существо еще не показывалось въ городѣ съ коробкою въ рукахъ. Бульба и Янкель пришли къ строенію, имѣвшему видъ сидящей цапли: оно

было низкое, широкое, огромное, почернѣвшее, и съ одной стороны его выкидывалась, какъ шея аиста, длинная, узкая башня, наверху которой торчалъ кусокъ крыши. Это строеніе отправляло множество разныхъ должностей. Тутъ были и казармы, и тюрьма, и даже уголовный судъ. Наши путники вошли въ ворота и очутились среди пространной залы или крытаго двора. Около тысячи человѣкъ спали вмѣстѣ. Прямо шла низенькая дверь, передъ которой сидѣвшіе двое часовыхъ играли въ какую то игру, состоявшую въ томъ, что одинъ билъ двумя пальцами по ладони. Они мало обратили вниманія на пришедшихъ и поворотили головы только тогда, когда Янкель сказалъ:

— Это мы... Слышите, паны, это мы!

— Ступайте! — говорилъ одинъ изъ нихъ, отворяя одною рукою дверь, а другую подставляя своему товарищу для принятія отъ него ударовъ.

Они вступили въ коридоръ узкій и темный, который опять привелъ ихъ въ такую же залу, съ маленькими окошками вверху.

— Кто идетъ? — закричало нѣсколько голосовъ, и Тарасъ увидѣлъ порядочное количество въ полномъ вооруженіи. — Намъ никого не вѣлно пускать.

— Это мы! — кричалъ Янкель, — ей Богу, мы, ясные паны!

Но никто не хотѣлъ слушать. Къ счастью, въ это время подошелъ какой то толстякъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, казался начальникомъ, потому что ругался сильнѣе всѣхъ.

— Панъ, это жъ мы! Вы уже знаете насъ, и панъ графъ еще будетъ благодарить.

— Пропустите, сто дьябловъ чертовой маткѣ! И больше никого не пускайте. Да саблей чтобы никто не скидалъ и не собачился на полу...

Продолженія краснорѣчиваго приказа уже не слышали наши путники.

— Это мы, это я, это свои! — говорилъ Янкель, встрѣчаясь со всякимъ.

— А что, можно теперь? — спросилъ онъ одного изъ стражей, когда они, наконецъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ коридоръ уже оканчивался.

— Можно, только не знаю, пропустятъ ли васъ въ самую тюрьму. Теперь уже нѣтъ Яна: вмѣсто его стоитъ другой, — отвѣчалъ часовой.

— Ай, ай! — произнесъ тихо жидъ. — Это скверно, любезный панъ!

— Веди! — произнесъ угрюмо Тарасъ.

Жидъ повиновался.

У дверей подземелья, оканчивавшихся кверху остриемъ, стоялъ гайдукъ, съ усами въ три яруса. Верхній ярусъ усовъ шелъ назадъ, другой прямо впередъ, третій внизъ, что дѣлало его очень похожимъ на кота.

Жидъ съежился въ три погибели и почти бокомъ подошелъ къ нему.

— Ваша ясновельможность! ясновельможный панъ!

— Ты, жидъ, это мнѣ говоришь?

— Вамъ, ясновельможный панъ.

— Гм... а я просто гайдукъ! — сказалъ трехъярусный усачъ съ повеселѣвшими глазами.

— А я, ей Богу думалъ, что это самъ воевода. Ай, ай, ай!...

При этомъ жидъ покрутилъ головою и разставилъ пальцы.

— Ай, какой важный видъ! Ей Богу, полковникъ! совсѣмъ полковникъ! Вотъ еще бы только на палецъ прибавить, то и полковникъ! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, какъ муха, да и пусть муштруетъ полки!

Гайдукъ поправилъ нижній ярусъ усовъ своихъ, при чемъ глаза его совершенно развеселились.

— Что за народъ военный! — продолжалъ

жидъ, — охъ, вей миръ, что за народъ хорошій! Шнуречки, бляшечки... такъ отъ нихъ блестить, какъ отъ солнца; а цурки, гдѣ только увидятъ военныхъ... ай, ай!

Жидъ опять покрутилъ головою.

Гайдукъ завилъ рукою верхніе усы и пропустилъ сквозь зубы звукъ, нѣсколько похожій на лошадиное ржаніе.

— Прошу пана оказать услугу! — произнесъ жидъ. — Вотъ князь пріѣхалъ изъ чужого края, хочетъ посмотрѣть на казаковъ. Онъ еще съ роду не видѣлъ, что это за народъ казаки.

Появленіе иностранныхъ графовъ и бароновъ было въ Польшѣ довольно обыкновенно: они часто были увлекаемы единственно любопытствомъ посмотрѣть этотъ почти полуазіатскій уголъ Европы (Московію и Украйну они почитали уже находящимися въ Азіи); и потому гайдукъ, поклонившись довольно низко, почелъ приличнымъ прибавить нѣсколько словъ отъ себя.

— Я не знаю, ваша ясновельможность, — говорилъ онъ, — зачѣмъ вамъ хочется смотрѣть ихъ. Это собаки, а не люди. И вѣра у нихъ такая, что никто не уважаетъ.

— Врешь ты, чортовъ сынъ! — сказалъ Бульба. — Самъ ты собака! Какъ ты смѣешь говорить, что нашу вѣру не уважаютъ? Это вашу еретичную вѣру не уважаютъ!

— Эге, ге! — сказалъ гайдукъ, — а я знаю, пріятель, кто ты: ты самъ изъ тѣхъ, которые уже сидятъ у меня. Пстой же, я позову сюда нашихъ.

Тарасъ увидѣлъ свою неосторожность, но упрямство и досада помѣшали ему подумать о томъ, какъ бы исправить ее. Къ счастью, Янкель въ ту же минуту успѣлъ подвернуться.

— Ясновельможный панъ! какъ же можно, чтобы графъ да былъ казакъ? А еслибы онъ

былъ казакъ, то гдѣ бы онъ досталъ такое платье и такой видъ графскій?

— Разсказывай себѣ!

И гайдукъ уже растворилъ было широкій ротъ свой, чтобы крикнуть.

— Ваше королевское величество! молчите! Молчите, ради Бога! — закричалъ Янкель. — Молчите! Мы ужъ вамъ за это заплатимъ такъ, какъ еще никогда не видѣли: мы дадимъ вамъ два золотыхъ червонца.

— Эге, два червонца! Два червонца мнѣ ни по чемъ. Я цирюльнику даю два червонца за то, чтобы мнѣ только половину бороды выбрилъ. Сто червонныхъ давай, жидъ!

Тутъ гайдукъ закрутилъ верхніе усы.

— А какъ не дашь ста червонныхъ, сейчасъ закричу!

— И на что бы такъ много? — горестно сказалъ поблѣднѣвшій жидъ, развязывая кожаный мѣшокъ свой.

Но онъ счастливъ былъ, что въ его кошелекъ не было болѣе, и что гайдукъ далѣе ста не умѣлъ считать.

— Панъ! панъ! уйдемъ скорѣе! Видите, какой тутъ нехорошій народъ! — сказалъ Янкель, замѣтивши, что гайдукъ перебиралъ на рукѣ деньги, какъ бы жалѣя о томъ, что не запросилъ болѣе.

— Что жъ ты, чортовъ гайдукъ, — сказалъ Бульба, — деньги взялъ, а показать и не думаешь? Нѣтъ, ты долженъ показать. Ужъ когда деньги получилъ, то ты не въ правѣ теперь отказать.

— Ступайте, ступайте къ дьяволу! а не то я сію минуту дамъ знать, и васъ тутъ ... Уносите ноги, говорю я вамъ, скорѣе!

— Панъ! панъ! пойдѣмъ! ей Богу, пойдѣмъ! Цуръ имъ! Пусть имъ приснится такое, что плевать нужно! — кричалъ бѣдный Янкель.

Бульба медленно, потупивъ голову, оборотился и шелъ назадъ, преслѣдуемый укорами Янкеля, котораго ѣла грусть при мысли о даромъ потерянныхъ червонцахъ.

— И на что бы трогать? Пусть бы, собака, бранился! То уже такой народъ, что не можетъ не браниться! Охъ, вей миръ, какое счастье посылаетъ Богъ людямъ! Сто червонцевъ за то только, что прогналъ насъ! А нашъ братъ: ему и пейсики оборвутъ и изъ морды сдѣлаютъ такое, что и глядѣть не можно, а никто не дастъ ста червонныхъ. О, Боже мой! Боже милосердый!

Но неудача эта гораздо болѣе имѣла вліянія на Бульбу. Она выражалась пожирающимъ пламенемъ въ его глазахъ.

— Пойдемъ! — сказалъ онъ вдругъ, какъ бы встряхнувшись, — пойдемъ на площадь! Я хочу посмотрѣть, какъ его будутъ мучить.

— Ой, панъ, зачѣмъ ходить? Вѣдь намъ этимъ не помочь уже.

— Пойдемъ! — упрямо сказалъ Бульба, и жидъ, какъ нянька, вздыхая, побрелъ вслѣдъ за нимъ.

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, нетрудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали спросонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. „Ахъ какое мученье!“ кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь; однакожъ, простаивали иногда довольно долгое время.

Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ, лѣзъ впередъ и желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высывалъ свое толстое лицо мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что ни случается въ свѣтѣ, смотреть, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу.

На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ, или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ, который надѣлъ на себя рѣшительно все, что у него было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою¹ своею, Юзысею, и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить.

— Вотъ это, душечка Юзыся, — говорилъ онъ, — весь народъ, что вы видите, пришелъ затѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде

¹ Возлюбленной.

будеть кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не нужно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, оттого, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы.

И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ.

Крыши домовъ были усажены народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи въ усахъ и въ чемъ то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны держалась за перилы. Ясновельможныя паны, довольно плотныя, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ, съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши снѣжною ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на-бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ.

Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ!... Казаки!“

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами. Бороды у нихъ были отпущены; они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою то тихою горделивостію; ихъ платья изъ дорогого сукна, изнасились и болтались на нихъ ветхими

лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Что почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Что было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ въ него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глянулъ на своихъ, поднялъ руки вверхъ и произнесъ громко: „Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! Чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!“ Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхія лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно сдѣланные станки и... Я не стану смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ подыались бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою до такой степени, что сдѣлался глухъ для челоуѣколюбія. Должно, однакожъ, сказать, что король всегда почти являлся первымъ противникомъ этихъ ужасныхъ мѣръ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе казачьей націи. Но король не могъ сдѣлать ничего противъ дерзкой воли государственныхъ магнатовъ, которые непостижимою недальновидностію, дѣтскимъ самолюбіемъ, гордостью и неосновательностію превратили сеймъ въ сатиру на правленіе.

Остапъ выносилъ терзанія, какъ исполинъ, съ невообразимою твердостью, и когда начали пере-

бивать ему на рукахъ и ногахъ кости, такъ что ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто, похожее на стонъ, не вырвалось изъ устъ его; лицо его не дрогнуло.

Тарасъ стоялъ въ толпѣ съ потупленною головою и съ поднятыми, однакожъ, глазами и одобрительно только говорилъ: „Добре, сынку, добре!“

Наконецъ, сила его, казалось, начала подаваться. Когда онъ увидѣлъ новыя адскія орудія казни, которыми готовились вытягивать изъ него жилы, губы его начали шевелиться. — Батько! — произнесъ онъ все еще твердымъ голосомъ, показывавшимъ желаніе пересилить муки: — батько! гдѣ ты? слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллионъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда они немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

IX.

Слѣдъ Тарасовъ отыскался: тридцать тысячъ казацкаго войска показалось на границы Украйны. Это уже не былъ какой-нибудь отрядъ, выступившій для добычи или своей отдѣльной цѣли: это было дѣло общее. Это цѣлая нація, которой терпѣніе уже переполнилось, поднялась мстить за оскорбленныя права свои, за униженную религію свою и обычай, за вѣроломныя убійства гетьмановъ своихъ и полковниковъ, за насилія жидовскихъ арендаторовъ и за все, въ чемъ считалъ себя оскорбленнымъ угнетенный народъ.

Верховнымъ начальникомъ войскъ былъ гетьманъ Остраница ¹, еще молодой, кипѣвшій желаніемъ скорѣе сбросить утѣснительный деспотизмъ, наложенный самоуправіемъ государственныхъ магнатовъ, и очистить Украину отъ жидовства, уніи и посторонняго сброда. Возлѣ него былъ виденъ престарѣлый и опытный товарищъ и совѣтникъ его Гуня. Сорокъ тысячъ лошадей нетерпѣливо ржали подъ сѣдоками и безъ сѣдоковъ. Восемь полковъ, изъ которыхъ половина конныхъ и половина пѣшихъ, въ суконныхъ алыхъ, синихъ и желтыхъ кафтанахъ, выступали браво и горделиво. Восемь опытныхъ полковниковъ правили ими и хладнокровнымъ движеніемъ бровей своихъ ускоряли или останавливали нетерпѣливый походъ ихъ.

Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Бульба. Преклонныя лѣта, слава и опытность давали ему значительный перевѣсъ въ совѣтѣ; но неумолимая и свирѣпая жестокость его казалась ужасною даже для глубоко оскорбленныхъ защитниковъ. Его совѣтъ дышалъ только однимъ истребленіемъ, и сѣдая голова его опредѣляла только огонь и висѣлицу.

Не буду описывать тѣхъ битвъ, гдѣ отличились казаки, ни постепеннаго хода всей великой кампаніи: это принадлежитъ исторіи. Тамъ изображено подробно, какъ бѣжали польскіе гарнизоны изъ освобождаемыхъ городовъ, какъ были перевѣшаны безсовѣстные арендаторы-жиды, какъ слабъ былъ коронный гетманъ Николай Потоцкій съ многочисленною своею арміею противъ этой непреодолимой силы, какъ, разбитый, преслѣдуемый, перетопилъ онъ въ небольшой рѣчкѣ лучшую часть своего войска, какъ облегли его въ небольшомъ мѣстечкѣ Полонномъ грозные казацкіе

¹ Анахронизмъ: Остраница и Гуня — дѣятели XVII в.

полки, и какъ приведенный въ крайность польскій гетьманъ клятвенно обѣщаль полное удовлетвореніе во всемъ казакамъ, со стороны короля и государственныхъ чиновъ, и возвращеніе всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ; но казаки, наученные прежнимъ вѣроломствомъ, были неумолимы, и Потоцкій не красовался бы болѣе на шеститысячномъ своемъ аргамакѣ, привлекая взоры знатныхъ паннъ и зависть дворянства, еслибы не спасло его находившееся въ мѣстечкѣ русское духовенство. Торжественная процессія съ образами и крестами и мольбы священника-старца тронули казаковъ, еще чувствовавшихъ узы, привязывавшія ихъ къ королю. Гетьманъ и полковники рѣшились отпустить Потоцкаго не прежде, какъ заключивши трактатъ, обезпечившій бы во всемъ казаковъ.

Но непреклонный Тарасъ вырвалъ изъ бѣлой головы своей клокъ волосъ, когда увидѣлъ такое, по словамъ его, бабье малодушіе полковниковъ. — Не поущу, полковники, чтобы вы учинили такое дѣло, — вскричалъ онъ твердо. Но на этотъ разъ совѣтъ его былъ отвергнутъ. — Эй, не вѣрьте, паны, ляхамъ! — повторилъ онъ опять тѣмъ же голосомъ, помахивая нагайкою и хлеснувши ею по пушкѣ. Когда же полковой писарь подалъ уже написанное условіе подписать гетьману, онъ махнулъ рукою и сказалъ: — Оставайтесь же себѣ, паны! Меня вы больше не увидите. Смотрите, паны: вы вспомните меня! — И голосъ его имѣлъ въ себѣ что то пророческое. — Вы думаете, что купили этимъ спокойствіе и будете теперь пановать — увидите, что не будетъ сего! Сдерутъ съ твоей головы, гетьманъ, кожу, набьютъ ее гречаною половиною ¹, и долго будутъ видѣть ее по ярмаркамъ! Да и у васъ, паны, у рѣдкаго уцѣ-

¹ Мякина.

лѣтъ голова! Пропадете вы въ сырыхъ погребахъ, замурованные въ каменные стѣны, если не сварятъ васъ живыхъ въ котлахъ, какъ барановъ!

— А вы, хлопцы, хотите умирать? — продолжалъ онъ, обращаясь къ своему полку, — умирать такъ, какъ умираютъ честные казаки? А, можетъ быть, вы думаете еще пожить да залечь дома на печь, да и лежать тамъ, покамѣсть не приберетъ врагъ? Что жъ лучше, спрашиваю я васъ, молодцы: воротиться ли до дому, чтобы каждый день колотила васъ жинка, и, напившись, пропасть гдѣ-нибудь подъ тыномъ¹, какъ собака, или всѣмъ, какъ вѣрнымъ лыцарямъ, какъ братьямъ роднымъ, лечь вмѣстѣ на полѣ и оставить по себѣ славу навѣки?

— За тобою, пане полковнику, за тобою всѣ! — отвѣчали передніе въ полку. — Веди насъ! Ей Богу, веди!

— Добре, паны молодцы! — сказалъ Тарасъ, взявши свою шапку въ руки и потомъ опять надѣвши ее на голову. Глаза его сверкнули. — Вырѣжемъ все католичество, чтобы его и духу не было! Пусть пропадутъ нечестивые! Гайда, хлопцы!

Сказавши это, изступленный сѣдой фанатикъ отправился съ полкомъ своимъ въ путь. Другіе казаки съ завистью глядѣли на удалявшихся сотоварищей, и только одно строгое повиновеніе къ полковникамъ, бывшее всегдашнею ихъ добродѣтелию, препятствовало многимъ охотникамъ къ нимъ присоединиться.

Гетьманъ и полковники не остановили удалявшагося полка. Казалось, предсказаніе Тараса нѣсколько смутило ихъ, — по крайней мѣрѣ, они сидѣли нѣсколько времени молча и не глядя другъ на друга. Скоро, однако же, пророческія слова

¹ Подъ заборомъ.

Бульбы исполнились. Немного времени спустя послѣ вѣроломнаго поступка подъ Каневымъ, голова гетьмана вздернута была на колъ вмѣстѣ со многими сановниками.

Но обратимся къ нашей исторіи. Что же дѣлалъ Тарасъ со своимъ полкомъ? А Тарасъ выжегъ восемнадцать мѣстечекъ, около сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Напрасно небольшіе отряды войскъ посылаемы были схватить его: онъ всегда почти разминался съ ними. Онъ поступалъ неожиданно, скрывая свои намѣренія, и когда одно селеніе или небольшой городокъ ожидалъ съ ужасомъ его прибытія, онъ вдругъ перемѣнялъ дорогу и несъ гибель туда, гдѣ его вовсе не ожидали. Никакая кисть не осмѣлилась бы изобразить всѣхъ тѣхъ свирѣпствъ, которыми были означены разрушительныя его опустошенія. Ничто похожее на жалость не проникало въ это старое сердце, кипѣвшее только отмщеніемъ. Никому не оказывалъ онъ пощады. Напрасно несчастныя матери и молодыя жены и дѣвицы, изъ которыхъ инныя были прекрасны и невинны, какъ ландышъ, думали спастись у алтарей: Тарасъ зажигалъ ихъ вмѣстѣ съ костеломъ. И когда бѣлыя руки, сопровождаемыя крикомъ отчаянія, подымались изъ ужаснаго потопа огня и дыма къ небу, и растрепанные волосы сквозь дымъ рассыпались по плечамъ ихъ, а свирѣпые казаки подымали копьями съ улицъ плачущихъ младенцевъ и бросали ихъ къ нимъ въ пламя, — онъ глядѣлъ съ какимъ то ужаснымъ чувствомъ наслажденія и говорилъ: „Это вамъ, вражьи ляхи, поминки по Остапѣ!“ И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи. Наконецъ, польское правительство увидѣло, что поступки Тараса были нѣсколько болѣе, нежели обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непременно Тараса.

Тарась понялъ опасность и поворотилъ назадъ. Проселочными дорогами, ночью, скакалъ онъ съ своими казаками во всю мочь, и одни только татарскіе кони, которыхъ онъ имѣлъ обычай держать цѣлый табунъ при своемъ войскѣ, могли вынести необыкновенную быстроту его бѣгства. Но на этотъ разъ Потоцкій былъ достоинъ возложеннаго на него порученія: онъ преслѣдовалъ его съ удивительною неутомимостью и, наконецъ, настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для небольшого роздыха оставленную, полуразвалившуюся крѣпость.

Крѣпость была на возвышенномъ мѣстѣ и оканчивалась къ рѣкѣ такою страшною, почти наклонною стремниною, что, казалось, ежеминутно готова была обрушиться въ волны. Почти на двадцать сажень внизъ шумѣлъ Днѣстръ. Здѣсь то облегалъ его Потоцкій своими войсками съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ полю и къ оврагамъ неровныхъ береговъ. Тарась, съ помощью своей храбрости и упрямой воли, могъ сдѣлать тщетными всѣ усилія осаждающихъ; но онъ не имѣлъ въ опустѣлой крѣпости никакихъ средствъ для прокормленія, а казаки менѣе всего могли сносить голодъ, особливо когда видѣли, что онъ долженъ, наконецъ, окончиться медленною смертію. Съ рѣкою невозможно было имѣть сообщенія: одна только половина узенькой дорожки висѣла вверху, остальная упала въ волны съ недавно отколовшеюся глыбою скалы, и вмѣсто нея осталась стремнина.

Тарась рѣшился оставить крѣпость, попробовать удачи прорваться сквозь ряды непріятелей и по берегу достигнуть такого мѣста, съ котораго бы можно было кинуться на лошадяхъ и пуститься съ ними вплавь. Онъ стремительно вышелъ изъ крѣпости, и уже казаки пробрались сквозь непріятельскіе ряды, какъ вдругъ Тарась, остановившись и нагнувшись въ землю, сказалъ: „Стой,

братцы! уронилъ люльку!“ Въ это самое время онъ почувствовалъ себя въ дюжихъ рукахъ, былъ схваченъ набѣжавшимъ съ тыла отрядомъ и отрѣзанъ отъ своихъ. Онъ двинулъ своими членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. „Эхъ, старость, старость!“ сказалъ онъ, почти что не заплакавъ. Ему прикрутили руки, увязали веревками и цѣпями, привязали его къ огромному бревну, правую руку, для большей безопасности, прибили гвоздемъ и поставили это бревно рубомъ въ расщелину стѣны, такъ что онъ стоялъ выше всѣхъ и былъ виденъ всѣмъ войскамъ, какъ побѣдный трофей удачи. Вѣтеръ развѣвалъ его бѣлые волосы. Казалось, онъ стоялъ на воздухѣ, и это, вмѣстѣ съ выраженіемъ сильнаго безсилія, дѣлало его чѣмъ то похожимъ на духа, представшаго воспрепятствовать чему-нибудь сверхъестественною своею властью и увидѣвшаго ея ничтожность. Въ лицѣ его не было замѣтно никакой заботы о себѣ. Онъ вперилъ глаза въ ту сторону, гдѣ отстрѣливались казаки. Ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. Занимайте, хлопцы, — кричалъ онъ, — занимайте, вражьи дѣти, говорю вамъ, скорѣе горку, что за лѣсомъ: туда не подступать они! — Но вѣтеръ не донесъ его словъ. Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что! — говорилъ онъ съ бѣшенствомъ и взглянулъ внизъ, гдѣ блестѣлъ Днѣстръ. Чувство радости сверкнуло въ его глазахъ. Онъ увидѣлъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника три кормы. Онъ собралъ всѣ усилія и закричалъ такъ, что едва не оглушилъ стоявшихъ близъ него: — Хлопцы, къ берегу, къ берегу! Подъ кручею, гдѣ крѣпость, стоятъ челны, а за ними въ двадцати шагахъ спускъ къ берегу! Да забирайте всѣ челны, чтобы не было погони!

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но

ударъ обухомъ по головѣ за такой совѣтъ переворотилъ въ его глазахъ все. Его опустили вмѣстѣ съ бревномъ ниже, чтобы онъ не могъ болѣе подавать своихъ наставленій.

Казакъ поворотилъ коней и бросились бѣжать во всю прыть; но берегъ все еще состоялъ изъ стремнинъ. Они бы достигли пониженія его, еслибы дорогу не преграждала пропасть сажени въ четыре шириною: однѣ только сваи разрушеннаго моста торчали на обоихъ концахъ; изъ недосыгаемой глубины ея едва доходило до слуха умиравшее журчаніе какого то потока, низвергавшагося въ Днѣстръ. Эту пропасть можно было объѣхать, взявши вправо; но войска непріятельскія были уже почти на плечахъ ихъ. Казакъ только одинъ мигъ ока остановились, подняли свои нагайки, свистнули — и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластались въ воздухъ, какъ змѣи, и перелетѣли черезъ пропасть. Подъ однимъ только конемъ оступился, но зацѣпился копытомъ и, привыкшій къ крымскимъ стремнинамъ, выкарабкался съ своимъ сѣдокомъ. Отрядъ непріятельскихъ войскъ съ изумленіемъ остановился на краю пропасти. Начальствовавшій ими полковникъ, молодой, неустрашимый до безразсудности (онъ былъ братъ прекрасной полячки, обворожившей бѣднаго Андрія), безъ дальнаго размышленія рѣшился повторить и себѣ то же и, желая подать примѣръ своему отряду, бросился впередъ съ конемъ своимъ; но острые камни изорвали его, пропавшаго среди пропасти, въ клочки, и мозгъ его, смѣшанный съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда Бульба очнулся немного отъ своего удара и глянулъ на Днѣстръ, онъ увидѣлъ подъ ногами своими казаковъ, садившихся въ лодки. Глаза его сверкнули радостью. Градъ пуль сыпался сверху на казаковъ, но они не обращали ника-

кого вниманія и поспѣшно отчаливали отъ берега. — Прощайте, паны-браты товарищи! — говорилъ онъ имъ сверху, — вспоминайте иной часъ обо мнѣ! Объ участи же моей не заботьтесь! Я знаю свою участь: я знаю, что меня заживо разнимутъ по кускамъ, и что кусочка моего тѣла не оставятъ на землѣ — да то уже мое дѣло... Будьте здоровы, паны-браты товарищи! Да глядите, прибывайте на слѣдующее лѣто опять, да погуляйте хорошенько!... — Ударъ обухомъ по головѣ пресѣкъ его рѣчи.

Чортъ побери! да есть ли что на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Не малая рѣка Днѣстръ; а какъ погонить вѣтеръ съ моря, то валъ дохлестывается до самаго мѣсяца. Казаки плыли подъ пулями и выстрѣлами, осторожно минали зеленые острова; хорошенько выправляли парусъ, дружно и мѣрно ударяли веслами и говорили про своего атамана ¹.

¹ Приуроченіе Тараса Бульбы къ эпохѣ Остраницы находится, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что она вообще интересовала Гоголя, и для ея поэтическаго воспроизведенія онъ собралъ много лѣтописныхъ ланыхъ, народныхъ пѣсенъ и преданій. Остраница — герой не оконченнаго юношескаго романа Н. В. (см. I томъ нашего изданія). Возможно, что нѣкоторыми эпизодами этого романа Гоголь воспользовался для своей позднѣйшей по времени казацкой эпопеи.

Примѣчанія.

„Миргородъ“.

„Миргородъ“ былъ напечатанъ (въ двухъ частяхъ) въ Петербургѣ въ 1835 г. (ценз. разрѣшеніе было дано 29 декабря 1834 г.). Въ письмѣ къ матери (отъ 2 апрѣля 1835 г.) Гоголь называетъ вошедшія въ него повѣсти „довольно давними“. Въ первую часть вошли „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарасъ Бульба“, во вторую — „Вій“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. „Миргородъ“ былъ затѣмъ включенъ во второй томъ „Сочиненій Николая Гоголя“ (1842 г.), при чемъ въ повѣсти „Вій“ и „Тарасъ Бульба“ былъ внесенъ рядъ существенныхъ перемѣнъ. Во второмъ изданіи „Сочиненій“ (1855 г.) онъ занялъ также второй томъ. Отдѣльно этого сборника Гоголь болѣе не издавалъ.

Появленіе „Миргорода“ вызвало нѣсколько журнальныхъ замѣтокъ.

Перечисливъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ составъ сборника (1835, № 115), Юркевичъ особенно останавливается на „Повѣсти о томъ, какъ поссорился И. И. съ И. Н.“. Ему не нравится ея реализмъ. „Въ ней описана прозаическая жизнь двухъ сосѣдей бѣднаго уѣзднаго городка, со всѣми ея незанимательными подробностями, описана съ удивительною вѣрностью и живостью красокъ. Но какая цѣль этихъ сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія? Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго, ни смѣшнаго. Зачѣмъ же показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?“ Въ 1836 г. „Сѣверная Пчела“ (№ 26) почему-то взяла Гоголя подъ защиту и дала о немъ очень сочувственный общій отзывъ:

„Г. Гоголь первымъ своимъ появленіемъ выказалъ необыкновенный талантъ и сталъ на-ряду съ лучшими

нашими литераторами. Его повѣсти — неоспоримо лучшія народныя повѣсти въ нашей литературѣ; въ нихъ самая добродушная юмористика соединена съ вѣрнымъ и поэтическимъ изображеніемъ Малороссіи, съ теплымъ чувствомъ, съ самымъ живымъ и занимательнымъ разсказомъ. Безъ сомнѣнія, подобный писатель не могъ избѣгнуть литературныхъ преслѣдованій въ нашей журнальной литературѣ, которая, какъ весьма справедливо замѣтили недавно въ критической статьѣ „Сына Отечества“, обращаетъ всю свою дѣятельность къ взаимному подкапыванью литературныхъ репутацій“.

„Литературныя Прибавленія къ „Русскому Инвалиду“ (1835, №33 стр. 262—263) напечатали „Мои коммеражио сочиненія Н. Гоголя „Миргородъ“. Авторъ этой статьи очень сочувственно отнесся къ реализму повѣстей Гоголя и отмѣтилъ сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ съ повѣстями Цюккее. По его словамъ, „въ повѣстяхъ Гоголя сюжетъ простъ, занимателенъ, величественъ, какъ природа, разсматриваемая не очами старца; выполненъ сюжетъ увлекательно. Съ радостію скажемъ, что авторъ „Миргорода“ уже оставляетъ свою прежнюю напыщенность: простота есть одна изъ трехъ грацій изящнаго!... Теперь каждое слово Н. Гоголя есть необходимая часть цѣлаго, ни одно слово не уронено на вѣтеръ... Такъ и надобно писать“.

Шевыревъ посвятилъ „Миргороду“ въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ (1835, мартъ, кн. 2) обширную статью, лучшую изъ своихъ критическихъ работъ. Онъ называетъ Гоголя выдающимся талантомъ. Его малорусскіе типы и картины малорусской жизни нарисованы чудесно, неподражаемо, въ особенности въ „Миргородѣ“. Самая характерная черта художественнаго дарованія Гоголя — смѣхъ, искренній, непритворный, неистощимый и далекій отъ карикатуры, „снятый съ жизни“. У него — чудный даръ схватывать безсмыслицу въ жизни человѣка и „обращать ее въ неизъяснимую поэзію смѣха“. Его смѣхъ — зародышъ истиннаго комическаго таланта, который слѣдуетъ развивать и культивировать. Нужно только избрать своей темой окружающее его общество, оставивъ въ покоѣ провинцію, надъ которой столица уже давно смѣялась и смѣется.

Въ особенный восторгъ привелъ Шевырева „Тарась Бульба“.

„Тарась Бульба“ выше всего! Этотъ дивный типъ запорожца написанъ широкими и крупными чертами. Это есть одно изъ тѣхъ созданій, которыя отмѣчены печатью народности и глубоко наризываются на вообра-

женіи читателя. Яркая картина Запорожья свѣжа, нова и исполнена какого то удалого разгулья казачьяго. Эти широкія степи Малороссіи съ ихъ чудной растительностью поглощаютъ наше воображеніе“.

Сильное впечатлѣніе произвело на него „слышу!“ Бульбы.

„Это славное „слышу!“ отдалось въ душѣ громко и глубоко, и вѣрно такимъ же звукомъ отдастся въ душѣ каждого изъ читателей. Это „слышу!“ останется навсегда памятнымъ въ нашей литературѣ, и еслибы г. Гоголь не изобрѣлъ ничего другого, кромѣ этого славнаго „слышу!“, то однимъ этимъ могъ бы заставить молчать всякую злонамѣренность критики“. Критику очень нравится слогъ Гоголя, отличающійся „мѣткостью и вѣрностью выраженія, когда оно свободно, но вдохновенно льется съ его пера“. Въ упрекъ ему можно поставить только то, что онъ слишкомъ „эскизуетъ свои прекрасныя созданья“, пишетъ слишкомъ торопливо. Слѣдуетъ исправить этотъ „неразсчетъ, вредящій самому же автору“, тѣмъ болѣе, что иные смотрятъ лишь на „задній дворъ въ сочиненіи“. Въ „Віи“ не нравится Шевыреву обиліе излишней фантастичности. Гоголь прямо злоупотребляетъ ею, между тѣмъ какъ она нужна настолько, насколько можетъ разъяснить состояніе души дѣйствующаго лица.

„Ужасныя видѣнія семинариста въ церкви были камнемъ претыканія для автора. Эти видѣнія не производятъ ужаса, потому что они слишкомъ подробно описаны. Ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая то неопредѣленность; если же вы въ призракъ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду, съ какими то челюстями вмѣсто ногъ и съ языкомъ вверху... тутъ ужъ не будетъ ничего страшнаго — и ужасное переходитъ просто въ уродливое“.

Бѣлинскій посвятилъ „Миргороду“ въ „Телескопѣ“ (1835, т. 26) большую статью — „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“.

Для великаго критика всего цѣннѣе у Гоголя „истинность изображаемаго“, „совершенная истина жизни“, простота вымысла.

„Простота вымысла въ поэзіи реальной есть одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ признаковъ истинной поэзіи, истиннаго и притомъ зрѣлаго таланта“. „Скажите, какое впечатлѣніе прежде всего производитъ на васъ каждая повѣсть г. Гоголя? Не заставляетъ ли она васъ говорить: „Какъ все это просто, обыкновенно, естественно и вѣрно,

и, вмѣстѣ, какъ оригинально и ново!“ Не удивляетесь ли вы и тому, почему вамъ самимъ не пришла въ голову та же самая идея, почему вы сами не могли выдумать этихъ же самыхъ лицъ, такъ обыкновенныхъ, такъ знакомыхъ вамъ, такъ часто видѣнныхъ вами, и окружить ихъ этими самыми обстоятельствами, такъ повседневными, такъ общими, такъ наскучившими вамъ въ жизни дѣйствительной и такъ занимательными, очаровательными въ поэтическомъ произведеніи? Потому не знакомитесь ли вы съ каждымъ персонажемъ его повѣсти такъ коротко, какъ будто вы его давно знали, долго жили съ нимъ вмѣстѣ? Не дополняете ли вы своимъ воображеніемъ его портрета, и безъ того уже нарисованнаго авторомъ во весь ростъ? Не въ состояніи ли прибавить къ нему новыя черты, какъ будто забытыя авторомъ, не въ состояніи ли вы рассказать объ этомъ лицѣ нѣсколько анекдотовъ, какъ будто бы опущенныхъ авторомъ? Не вѣрите ли вы на слово, не готовы ли вы побожиться, что все рассказанное авторомъ есть сущая правда, безъ всякой примѣси вымысла? Какая этому причина? Та, что эти созданія оздѣмцованы печатію истиннаго таланта, что они созданы по непреложнымъ законамъ творчества. Эта простота вымысла, эта нагота дѣйствія, эта скудость драматизма, самая эта мелочность и обыкновенность описываемыхъ авторомъ происшествій суть вѣрные, необманчивые признаки творчества; это поэзія реальная, поэзія жизни дѣйствительной, жизни, коротко знакомой намъ. Я нимало не удивляюсь, подобно нѣкоторымъ, что г. Гоголь — мастеръ дѣлать все изъ ничего, что онъ умѣетъ заинтересовать читателя пустыми, ничтожными подробностями, ибо не вижу тутъ ровно никакого умѣнья: умѣнье предполагаетъ расчетъ и работу, а гдѣ расчетъ и работа, тамъ нѣтъ творчества, тамъ все ложно и невѣрно при самой тщательной и вѣрной копировкѣ съ дѣйствительности. И чѣмъ обыкновеннѣе, чѣмъ пошлѣе, такъ сказать, содержаніе повѣсти, слишкомъ интересовающей вниманіе читателя, тѣмъ большій талантъ со стороны автора обнаруживаетъ она. Когда посредственный талантъ берется рисовать сильныя страсти, глубокіе характеры, онъ можетъ стать на дыбы, натянуться, наговорить громкихъ монологовъ, наказать прекрасныхъ вещей, обмануть читателя блестящею отдѣлкою, красивыми формами, самымъ содержаніемъ, мастерскимъ рассказомъ, цвѣтистою фразеологіею — плодами своей начитанности, ума, образованности, опыта жизни. Но возмись онъ за изображеніе повседневныхъ картинъ жизни, жизни обыкновенной, прозаической — о,

повѣрите, для него это будетъ истиннымъ камнемъ преткновенія, и его вялое, холодное и бездушное сочиненіе уморить васъ зѣвотою. Въ самомъ дѣлѣ, заставить насъ принять живѣйшее участіе въ ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, насмѣшить насъ до слезъ глупостями, ничтожностію и юродствомъ этихъ живыхъ пасквилей на человѣчество — это удивительно, но заставить насъ потомъ пожалѣть объ этихъ идіотахъ, пожалѣть отъ всей души, заставить насъ разстаться съ ними съ какимъ то глубоко-грустнымъ чувствомъ, заставить насъ воскликнуть вмѣстѣ съ собою: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ — вотъ, вотъ оно, то божественное искусство, которое называется творчествомъ; вотъ онъ, тотъ художническій талантъ, для котораго гдѣ жизнь, тамъ и поэзія! И возьмите почти всѣ повѣсти г. Гоголя: какой отличительный характеръ ихъ? Что такое почти каждая изъ его повѣстей? Смѣшная комедія, которая начинается глупостями, продолжается глупостями, и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнію. И таковы всѣ его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!..“ „Отличительныя черты характера произведеній г. Гоголя суть простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность — все это черты общія; потомъ комическое одушевленіе, всегда побѣждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія — черта индивидуальная“.

„И какъ сильна и глубока поэзія г. Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости! Возьмите его „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“: что въ нихъ? Двѣ пародіи на человѣчество, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пьютъ и ѣдятъ, и ѣдятъ и пьютъ, а потомъ, какъ водится изстари, умираютъ. Но отчего же это очарованіе? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, каррикатурной, и между тѣмъ принимаете такое участіе въ персонажахъ повѣсти, смѣетесь надъ ними, но безъ злости, и потомъ рыдаете съ Палемономъ (Филемономъ) о его Бавкидѣ, сострадаете его глубокой, неземной горести и сердитесь на него-дядя-наслѣдника, промотавшаго достояніе двухъ простаковъ! И потомъ, вы такъ живо представляете себѣ актеровъ этой глупой комедіи, такъ ясно видите всю ихъ жизнь, вы, который, можетъ быть, никогда не бывалъ въ Малороссіи, никогда не видалъ такихъ картинъ и не слышалъ о такой жизни! Отчего это? Оттого, что это очень просто и, слѣдовательно, очень вѣрно; оттого.

что авторъ нашелъ поэзію и въ этой пошлой и нелѣпой жизни, нашелъ человѣческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героевъ: это чувство — привычка... Г. Гоголь сравниваетъ ваше глубокое, человѣческое чувство, вашу высокую, пламенную страсть съ чувствомъ привычки жалкаго получеловѣка, и говоритъ, что его чувство привычки сильнѣе, глубже и продолжительнѣе вашей страсти, и вы стоите передъ нимъ, потупя глаза и не зная, что отвѣчать, какъ ученикъ, не знающій урока, передъ своимъ учителемъ!.. Такъ вотъ гдѣ часто скрываются пружины лучшихъ нашихъ дѣйствій, прекраснѣйшихъ нашихъ чувствъ! О, бѣдное человѣчество! Жалкая жизнь! И, однакожъ, вамъ все-таки жаль Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны! вы плачете о нихъ, о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли! О, г. Гоголь — истинный чародѣй, и вы не можете представить, какъ я сердитъ на него, за то, что онъ и меня чуть не заставилъ плакать о нихъ, которые только пили и ѣли и потомъ умерли!“

„Совершенная истина жизни въ повѣстяхъ г. Гоголя тѣсно соединяется съ простотою вымысла. Онъ не льститъ жизни, но и не клеветаетъ на нее: онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и, въ то же время, не скрываетъ нимало и ея безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ жизни до послѣдней степени. Она у него настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ, начиная отъ экспрессіи оригинала до веснушекъ лица его; начиная отъ гардероба Ивана Никифоровича до русскихъ мужиковъ, идущихъ по Невскому проспекту, въ сапогахъ, запачканныхъ известью; отъ колоссальной фizioноміи богатыря Бульбы, который не боялся ничего на свѣтѣ, съ люлькою въ зубахъ и съ саблею въ рукахъ, до стоическаго философа Хомя, который не боялся ничего на свѣтѣ, даже чертей и вѣдьмъ, когда у него люлька въ зубахъ и рюмка въ рукахъ“.

„А супружеская любовь двухъ старцевъ, а насмѣшки Аѳанасія Ивановича надъ своею сожительницею касательно внезапнаго пожара въ ихъ домѣ или, что еще ужаснѣе, касательно его намѣренія идти на войну; страхъ доброй Пульхеріи Ивановны, ея возраженія, ея легкая досада и, наконецъ, чувство самодовольствія, испытываемое Аѳанасіемъ Ивановичемъ при мысли, что ему удалось подшутить надъ своею дражайшею половиною! О, эти картины, эти черты суть такіе драгоцѣнные перлы поэзіи, въ сравненіи съ которыми всѣ прекрасныя фразы нашихъ доморощенныхъ Бальзаковъ — настоящій го-

рохъ!.. И все это не придумано, не списано съ разсказовъ или съ дѣйствительности, но угадано чувствомъ въ минуту поэтического откровенія!”

„Повѣсти г. Гоголя народны въ высшей степени... Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что, право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности, такъ же какъ пора бы перестать писать, не имѣя таланта, ибо эта народность очень похожа на Тѣнь въ баснѣ Крылова: г. Гоголь о ней ни мало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гоняются за нею и ловятъ — одну тривиальность“.

„Почти то же самое можно сказать и объ оригинальности: какъ и народность, она есть необходимое условіе истиннаго таланта... Одинъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ творческой оригинальности или, лучше сказать, самаго творчества состоитъ въ этомъ типизмѣ, если можно такъ выразиться, который есть гербовая печать автора. У истиннаго таланта каждое лицо — типъ, и каждый типъ для читателя есть знакомый незнакомецъ... Не говорите: вотъ человѣкъ, который во всю жизнь не вѣдалъ ни одной человѣческой мысли, ни одного человѣческаго чувства, который во всю жизнь не зналъ, что у человѣка есть страданія и горести, кромѣ холода, бессонницы, клоповъ, блохъ, голода и жажды, есть восторги и радости, кромѣ спокойнаго сна, сытнаго стола, цвѣточнаго чаю, что въ жизни человѣка бываютъ случаи поважнѣе съѣденной дыни, что у него есть занятія и обязанности, кромѣ ежедневнаго осмотра своихъ сундуковъ, амбаровъ и хлѣвовъ, есть честолюбіе выше увѣренности, что онъ первая персона въ какомъ-нибудь захолустьѣ: о, не тратьте такъ много фразъ, такъ много словъ — скажите просто: вотъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, или вотъ Иванъ Никифоровичъ Довгочунъ! И повѣрьте, васъ скорѣе поймутъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Зарѣцкій, Репетиловъ, Хлестаковъ, Тугоуховскій, Платонъ Михайловичъ Горичъ, княжна Мими, Пульхерія Ивановна, Аѳанасій Ивановичъ, Шиллеръ, Пискаревъ, Пироговъ — развѣ всѣ эти собственные имена теперь уже не нарицательныя? И Боже мой, какъ много смысла заключаетъ въ себѣ каждое изъ нихъ! Это — повѣсть, романъ, исторія, поэма, драма, многотомныя книги, короче — цѣлый міръ въ одномъ, только въ одномъ словѣ! Что передъ каждымъ изъ этихъ словъ ваши завѣтныя: „qu'il m'ôgnt“, „Moi“, „Ахъ, я Эдипъ“? И какой мастеръ г. Гоголь выдумывать такія слова!“

Оригинальность Гоголя состоитъ „въ комическомъ

одушевленіи, всегда побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти. Въ этомъ отношеніи русская поговорка: „началь во здравіе, а свель за упокой“ — можетъ быть девизомъ его повѣстей. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство остается у васъ, когда пересмотрите вы всѣ эти картины жизни, пустой, ничтожной, во всей ея наготѣ, во всемъ ея чудовищномъ безобразіи, когда досыта нахохочетесь, наругаетесь надъ нею?... Въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ вы видите людей пустыхъ, ничтожныхъ и жалкихъ, но, по крайней мѣрѣ, добрыхъ и радужныхъ; ихъ взаимная любовь основана на одной привычкѣ, но вѣдь всякая любовь, всякая привязанность, на чѣмъ бы она ни основывалась, достойна участія, слѣдовательно, еще понятно, почему вы жалѣете объ этихъ старикахъ. Но Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ — существа совершенно пустые, ничтожные и притомъ нравственно гадкія и отвратительныя, ибо въ нихъ нѣтъ ничего человѣческаго: зачѣмъ же, спрашиваю я васъ, зачѣмъ вы такъ горько улыбаетесь, такъ грустно вздыхаете, когда доходите до трагикомической развязки? Вотъ она, эта тайна поэзіи!.. вотъ онѣ, эти чары искусства! Вы видите жизнь, а кто видѣлъ жизнь, тотъ не можетъ не вздыхать!..“

„Комизмъ или гуморъ (юморъ) г. Гоголя имѣетъ свой особенный характеръ: это гуморъ чисто русскій, гуморъ спокойный, простодушный, въ которомъ авторъ какъ бы прикидывается простакомъ. Г. Гоголь съ важностію говоритъ о бекешѣ Ивана Ивановича, и иной простакъ не шутя подумаетъ, что авторъ и въ самомъ дѣлѣ въ отчаяніи отъ того, что у него нѣтъ такой прекрасной бекешки. Да, г. Гоголь очень мило прикидывается, и хотя надо быть слишкомъ глупымъ, чтобы не понять его ироніи, но эта иронія чрезвычайно какъ идетъ къ нему. Впрочемъ, это только манера, и истинный то гуморъ г. Гоголя все-таки состоитъ въ вѣрномъ взглядѣ на жизнь, и прибавлю еще, ни мало не зависитъ отъ каррикатурности представляемой имъ жизни. Онъ всегда одинаковъ, никогда не измѣняетъ себѣ, даже и въ такомъ случаѣ, когда увлекается поэзіею описываемаго имъ предмета. Безпристрастіе — его идолъ. Доказательствомъ этого можетъ служить „Тарасъ Бульба“, эта дивная эпопея, написанная кистію смѣлою и широкою, этотъ рѣзкій очеркъ героической жизни младенческаго народа, эта огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера. Бульба — герой, Бульба — человѣкъ съ желѣзнымъ характеромъ, желѣзною волею: описывая подвиги его кровавой мести, авторъ

возвышается до лиризма и, въ то же время, дѣлается драматикомъ въ высочайшей степени, и все это не мѣшаетъ ему по мѣстамъ смѣшать васъ своимъ героемъ. Вы содрогаетесь Бульбы, хладнокровно лишающаго мать дѣтей, убивающаго собственною рукою родного сына, ужасаетесь его кровавыхъ тризнь надъ гробомъ дѣтей, и вы же смѣетесь надъ нимъ, дерущимся на кулачки съ своимъ сыномъ, пьющимъ горѣлку съ своими дѣтьми, радующимся, что въ этомъ ремеслѣ они не уступаютъ батюшкѣ, и изъясляющимъ свое удовольствіе, что ихъ добра пороли въ бурсѣ. И причина этого комизма, этой каррикатурности изображеній заключается не въ способности или направленіи автора находить во всемъ смѣшныя стороны, но въ вѣрности жизни. Если г. Гоголь часто и съ умысломъ подшучиваетъ надъ своими героями, то безъ злобы, безъ ненависти: онъ понимаетъ ихъ ничтожность, но не сердится на нее; онъ даже какъ будто любитъ ее, какъ любитъ взрослый человѣкъ на игры дѣтей, которыя для него смѣшны своею наивностію, но которыхъ онъ не имѣетъ желанія раздѣлить. Но, тѣмъ не менѣе, это все-таки гуморъ, ибо не щадитъ ничтожества, не скрываетъ и не скрашиваетъ его безобразія, ибо, плѣняя изображеніемъ этого ничтожества, возбуждаетъ къ нему отвращеніе. Это — гуморъ спокойный и, можетъ быть, тѣмъ скорѣе достигающій своей цѣли. И вотъ, замѣчу мимоходомъ, вотъ настоящая нравственность такого рода сочиненій. Здѣсь, авторъ не позволяетъ себѣ никакихъ сентенцій, никакихъ правоученій; онъ только рисуетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, и ему дѣла нѣтъ до того, каковы онѣ, и онъ рисуетъ ихъ безъ всякой цѣли, изъ одного удовольствія рисовать. Послѣ „Горе отъ ума“ я не знаю ничего на русскомъ языкѣ, что бы отличалось такою чистѣйшею нравственностію и что бы могло имѣть сильнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравы, какъ повѣсти г. Гоголя. О, — предъ такою нравственностію я всегда готовъ падать на колѣна! Въ самомъ дѣлѣ, кто пойметъ Ивана Ивановича Перерепенко, тотъ вѣрно разсердится, если его назовутъ Иваномъ Ивановичемъ Перерепенкомъ. Нравственность въ сочиненіи должна состоять въ совершенномъ отсутствіи притязаній со стороны автора на нравственную или безнравственную цѣль. Факты говорятъ громче словъ; вѣрное изображеніе нравственнаго безобразія могущественнѣе всѣхъ выходокъ противъ него“.

„Фантастическое какъ то не совсѣмъ дается г. Гоголю, и мы вполне согласны съ мнѣніемъ г. Шевырева,

который говорить, что „ужасное не можетъ быть подробно: призракъ тогда страшенъ, когда въ немъ есть какая то неопредѣленность; если же вы въ призракъ умѣете разглядѣть слизистую пирамиду съ какими то челюстями вмѣсто ногъ и языкомъ вверху, тутъ уже не будетъ ничего страшнаго, и ужасное переходитъ просто въ уродливое“. Но зато картины малороссійскихъ нравовъ, описаніе бурсы (впрочемъ, немного напоминающее бурсу Нарѣжнаго), портреты бурсаковъ, и особенно этого философа Хома, философа не по одному классу семинарин, но философа по духу, по характеру, по взгляду на жизнь. О, несравненный Dominus Хома! какъ ты великъ въ своемъ стоическомъ равнодушіи ко всему земному, кромѣ горѣлки! Ты натерпѣлся и горя и страху, ты чуть не попался въ когти чертямъ, но ты все забываешь за широкою и глубокою ендовою, на днѣ которой схоронена твоя храбрость и твоя философія; ты на вопросъ о видѣнныхъ тобою страстяхъ, машешь рукою и говоришь: „много на свѣтѣ всякой дряни водится!“, у тебя половина головы посѣдѣла въ одну ночь, а ты оттопыливаешь тропака, да такъ, что добрые люди, смотря на тебя, плюютъ и восклицаютъ: „Вотъ это какъ долго танцуетъ человѣкъ!“ Пусть судить всякій, какъ хочетъ, а по мнѣ такъ философъ Хома стоитъ философа Сковороды! Потомъ, помните ли вы невольное путешествіе философа Хома, помните ли попойку въ шинкѣ, этого Дороша, который, нагрузившись пѣнникомъ, вдругъ захотѣлъ узнать, непременно узнать, чему учать въ бурсѣ (шуточное дѣло!), этого резонера, который божился, что „все должно оставить такъ, какъ есть, что Богъ знаетъ, какъ нужно“ и, наконецъ, этого казака съ сѣдыми усами, который рыдалъ о томъ, что остался круглымъ сиротою... А эти поучительныя бесѣды на кухнѣ, гдѣ „обыкновенно говорилось обо всемъ, и о томъ, кто пошилъ себѣ новыя шаровары, и что находится внутри земли, и кто видѣлъ волка“? А сужденія этихъ умныхъ головъ о чудесахъ въ природѣ? А портретъ пана сотника, и кто перечтетъ? Нѣтъ, несмотря на неудачу въ фантастическомъ, эта повѣсть есть дивное созданіе. Но и фантастическое въ ней слабо только въ описаніи привидѣній, а чтенія Хома въ церкви, возстаніе красавицы, явленіе Вія безподобны“.

„Тарасъ Бульба“ есть отрывокъ, эпизодъ изъ великой эпопеи жизни цѣлаго народа. Если, въ наше время, возможна Гомерическая эпопея, то вотъ вамъ ея высочайшій образецъ, идеалъ и прототипъ!.. Если го-

ворять, что въ „Иліадѣ“ отражается вся жизнь греческая, въ ея героическій періодъ, то развѣ одни піитики и риторики прошлаго вѣка запретятъ сказать то же самое и о „Тарасѣ Бульбѣ“ въ отношеніи къ Малороссіи XVI вѣка... И въ самомъ дѣлѣ, развѣ здѣсь не все казачество, съ его странною цивилизаціею, его удаюю, разгульною жизнію, его безпечностію и лѣнью, неутомимостью и дѣятельностію, его буйными оргіями и кровавыми набѣгами?... Скажите мнѣ, чего нѣтъ въ этой картинѣ? Чего недостаетъ къ ея полнотѣ? Не выхвачено ли все это со дна жизни, не бьется ли здѣсь огромный пульсъ всей этой жизни? Этотъ богатырь Бульба съ своими могучими сыновьями; эта толпа запорожцевъ, дружно отдирающихъ на площади тропакъ, этотъ казакъ, лежащій въ лужѣ, для показанія своего презрѣнія къ дорогому платью, которое на немъ надѣто, и какъ бы вызывающій на драку всякаго дерзкаго, кто бы осмѣлился дотронуться до него, хоть пальцемъ; этотъ кошевой, поневолѣ говорящій краснорѣчивую, витіеватую рѣчь о необходимости войны съ бусурманами, потому что „многіе запорожцы позадолжались въ шинкѣ жидамъ и своимъ братьямъ столько, что ни одинъ чортъ теперь и вѣры неymeтъ“; эта мать, которая является какъ бы мимоходомъ, чтобы заживо оплакать дѣтей своихъ, какъ всегда являлась въ тотъ вѣкъ женщина и мать въ казацкой жизни... А жида и ляхи, а любовь Андрія и кровавая месть Бульбы, а казнь Остапа, его воззваніе къ отцу и „слышу!“ Бульбы и, наконецъ, героическая гибель стараго фанатика, который не чувствовалъ своихъ ужасныхъ мукъ, потому что чувствовалъ одну жажду мести къ враждебному народу?... И это не эпопея? Да что же такое эпопея?... И какая кисть, широкая, размашистая, рѣзкая, быстрая! какія краски, яркія и ослѣпительныя!... И какая поэзія, энергическая, могучая, какъ эта Запорожская Сѣчь, „то гнѣздо, откуда вылетаютъ всѣ тѣ гордые и крѣпкіе, какъ львы, откуда разливается воля и казачество на всю Украину!..“

„Я забылъ объ одномъ достоинствѣ его произведеній: это лиризмъ, которымъ проникнуты его описанія такихъ предметовъ, которыми онъ увлекается. Описываетъ ли онъ бѣдную мать, это существо высокое и страждущее, это воплощеніе святого чувства любви — сколько тоски, грусти и любви въ его описаніи! Описываетъ ли онъ юную красоту — сколько упоенія, восторга въ его описаніи! Описываетъ ли онъ красоту своей родной, своей возлюбленной Малороссіи — это сынъ, лас-

кающійся къ обожаемой матери! Помните ли вы его описаніе безбрежныхъ степей Днѣпровскихъ? Какая широкая, размашистая кисть! Какой разгулъ чувства! Какая роскошь и простота въ этомъ описаніи! Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши у г. Гоголя!..“

Появленіе „Миргорода“ во второй части „Сочиненій Николая Гоголя“ (1842 г.) вызвало такой отзывъ Бѣлинскаго¹: „Во второй части, заключающей въ себѣ „Миргородъ“, подверглись значительнымъ измѣненіямъ повѣсти „Тарасъ Бульба“ и „Вій“. Первая, вслѣдствіе этихъ измѣненій, сдѣлалась вдвое обширнѣе и безконечно прекраснѣе. Поэтъ чувствовалъ, что въ первомъ изданіи „Тараса Бульбы“ на многое только намекнуто, и что многія струны исторической жизни Малороссіи остались въ немъ нетронутыми. Какъ великій поэтъ и художникъ, вѣрный однажды избранной идеѣ, пѣвецъ Бульбы не прибавилъ къ своей поэмѣ ничего такого, что было бы чуждо ей, но только развилъ многія уже заключавшіяся въ ея основной идеѣ подробности. Онъ исчерпалъ въ ней всю жизнь исторической Малороссіи, и въ дивномъ, художественномъ созданіи навсегда запечатлѣлъ ея духовный образъ: такъ ваятель уловляетъ въ мраморѣ черты человѣка и даетъ имъ безсмертную жизнь... Особенно замѣчательны подробности битвы Малороссіянъ съ Поляками подъ городомъ Дубно, и эпизодъ любви Андрія къ прекрасной полькѣ. Вся поэма приняла еще болѣе возвышенный тонъ, проникнулась лиризмомъ. Впрочемъ, сужденіе объ этомъ — смѣло можемъ сказать — великомъ созданіи, завело бы насъ далеко, — чего не позволяетъ намъ ни мѣсто, ни время, и потому пока отлагаемъ его. Повѣсть „Вій“ черезъ измѣненія сдѣлалась много лучше противъ прежняго, но и теперь она болѣе блещитъ удивительными подробностями, чѣмъ своею цѣлостію. Недостатки ея значительно сгладились, но цѣлаго попрежнему нѣтъ. „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ остались совершенно безъ измѣненій: очевидно, эти два превосходныя произведенія такъ хорошо вызрѣли въ душѣ, что могли сразу явиться во всей определенности своей идеи, во всей полнотѣ своей художественной жизни“.

На новую почву вопросъ о „Миргородѣ“ былъ поставленъ въ полемикѣ Кулиша съ Максимовичемъ. Ку-

¹ Сочиненія, VII, М., 1860, 219—220.

лишь въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Основѣ“ 1861 года: „Гоголь, какъ авторъ повѣстей изъ украинской жизни и исторіи“, сдѣлалъ очень шумѣвшую въ свое время попытку доказать несостоятельность большинства малорусскихъ повѣстей Гоголя съ этнографической точки зрѣнія¹. Опровергая Бѣлинскаго и Шевырева, онъ указываетъ въ „Тарасъ Бульбѣ“ рядъ крупныхъ и мелкихъ историко-этнографическихъ погрѣшностей. Для него „Тарасъ Бульба“ — „псевдо-историческая повѣсть“, и самъ Тарасъ „задрапированъ плащомъ Гомеровскихъ героев“. Суровая, иногда слишкомъ мелочная и придирчивая критика Кулиша была поддержана польскимъ писателемъ Грабовскимъ („Современникъ“ 1861 г.), которому особенно не понравились отношенія Гоголя къ полякамъ и изображеніе стариннаго польскаго быта. Въ „Тарасъ Бульбѣ“, подобно Кулишу, онъ видитъ больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, и особенно подчеркиваетъ допущенное Гоголемъ преувеличеніе жестокостей поляковъ.

Защиту украинскихъ повѣстей Гоголя взялъ на себя Максимовичъ („День“ 1861 г., перепечатано въ Гоголевскомъ сборникѣ Русск. Библ. О-ва, стр. 104 — 126), которому удалось ослабить многія изъ нападокъ Кулиша. Еще цѣннѣе въ этомъ отношеніи сопоставленія и указанія г. Каманина („Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи“, Кіевъ, 1902), которому удалось вполне выяснитъ степень знакомства Гоголя съ малорусской исторіей и доказать неосновательность многихъ изъ нападокъ Кулиша.

„Старосвѣтскіе Помѣщики“. Повѣсть эта навѣяна главнымъ образомъ поѣздкой Гоголя въ Малороссію въ 1832 году. Для характеристики Аѳанасія Ивановича онъ воспользовался нѣкоторыми чертами своего дѣда Аѳанасія Демьяновича, Пульхеріи Ивановны — своей бабушки Татьяны Семеновны (см. біографическій очеркъ при I томѣ) и матери. По указанію г. Чаговца („Памяти Гоголя“, Кіевъ, 1902, стр. 6), Гоголь воспользовался для своей повѣсти нѣкоторыми семейными воспоминаніями и письменными источниками.

„Преданіе о похищеніи Аѳанасіемъ Демьяновичемъ (въ повѣсти — Ивановичемъ) Татьяны Лизогубовны (въ повѣсти — Пульхеріи Ивановны) живетъ въ семьѣ Гоголя и до настоящаго времени. Общія характерныя черты жизни и взаимныхъ отношеній старосвѣтскихъ помѣщи-

¹ Эти статьи изложены г. Коробкой въ Гоголевскомъ сборникѣ Русскаго Библіологическаго Общества, Спб., 1902, стр. 73—85.

ковъ также могли быть извѣстны Гоголю изъ рассказовъ, передаваемыхъ старыми людьми; но нѣкоторые факты и характерныя особенности поэтъ почерпнулъ изъ письменныхъ источниковъ; такъ, напримѣръ, страсть Аѳ. Ив. къ составленію различныхъ наливокъ, настоекъ, „декохтовъ“—черта любопытная и имѣющая прямое отношеніе къ дѣду поэта. Въ нашемъ распоряженіи находится интересная тетрадь, составленная Аѳанасіемъ Демьяновичемъ, наполненная рецептами для различныхъ „декохтовъ“ и настоекъ, и, что всего интереснѣе, тамъ встрѣчаются тѣ же названія (какъ перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвѣтъ, на золототысячникъ, на вишневая косточки), что и въ повѣсти Гоголя; точно также и лѣкарственные настоики на шалфей (отъ боли въ лопаткахъ), на золототысячникъ (отъ звона въ ушахъ и отъ лишая), или различные соленья и способы ихъ приготовленія, упоминаемые въ повѣсти, съ тою же наивною методичностью помѣщены въ этомъ Гоголевскомъ „Домостроѣ“.—Скажемъ даже, что опасенія Аѳ. Ив. на счетъ разбойниковъ („Конечно“, говорилъ Аѳ. Ив., „неровно всякаго случая: нападутъ разбойники или другой недобрый человѣкъ“) — имѣютъ свое фактическое основаніе на дѣломъ рядѣ случаевъ нападеній, засвидѣтельствованныхъ дѣлами, хранившимися въ томъ же сундукѣ.

Жизнь стариковъ Гоголей шла „въ тихой гармоніи, не нарушаемой ни ревностью, ни семейнымъ разладомъ. Такъ о ней говоритъ преданіе, такую изобразилъ ее ихъ геніальный внукъ въ трогательной идилліи, начавшейся веселымъ allegro и законченной грустнымъ аккордомъ похороннаго перезвона. Вспомнимъ трогательную картину похоронъ жены Аѳанасія Ивановича... Въ дѣйствительности — дѣдушка скончался раньше бабушки. Очень можетъ быть, что нашъ поэтъ самъ былъ на описанныхъ имъ похоронахъ, и въ слезахъ Аѳанасія Ивановича можно видѣть слезы самого поэта, который любилъ свою бабушку, Татьяну Семеновну. Для характеристики того, насколько вѣрно изображена въ главнѣйшихъ чертахъ идиллическая жизнь этихъ старичковъ, можетъ служить то обстоятельство, что, послѣ выхода въ свѣтъ повѣсти, сосѣди Гоголя по имѣнію, узнавшіе въ старосвѣтскихъ помѣщикахъ знакомые имъ оригиналы, были возмущены противъ поэта и даже избѣгали его. „Богъ съ нимъ! Не хочу къ нему выходить“, говорила какая-нибудь сосѣдка помѣщика: „Щобъ ище и мене впysавъ, якъ своихъ рідныхъ дѣдушку и бабушку“ (Ib., стр. 26).

По словамъ Аванасьева („Библіотека для чтенія“, 1864 г. февраль, стр. 8), „случай, рассказанный въ „Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ“ о томъ, какъ Пульхерія Ивановна появленіе одичалой кошки приняла за предвѣстникъ своей близкой кончины, взявъ изъ дѣйствительности. Подобное происшествіе было съ бабкою М. С. (Щепкина). Щепкинъ какъ то рассказалъ о немъ Гоголю, и тотъ мастерски воспользовался имъ въ своей повѣсти. М. С. прочиталъ повѣсть и при встрѣчѣ съ авторомъ сказалъ ему, шутя: „А кошка то моя!“ — „За то коты мои!“ отвѣчалъ Гоголь, и въ самомъ дѣлѣ коты принадлежали его вымыслу“.

Первоначальный текстъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ написанъ Гоголемъ въ записной тетради, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ, по авторитетному указанію Тихонравова, не ранѣе конца 1832 года.

Въ немъ попадаются отголоски непосредственныхъ и искреннихъ воспоминаній и впечатлѣній поѣздки на родину, которые были смягчены или уничтожены въ печатной редакціи. Напримѣръ, въ рукописи было написано: „Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и вихрѣ среди модныхъ фраковъ, и я предаюсь всегда какой то полузадумчивости“; „чувства мои странно сжимаются, когда я воображу себѣ, что придетъ же время, когда я посѣщу когда-нибудь ихъ прежнее, теперь опустѣлое жилище“.

По словамъ Тихонравова, „эти строки, значительно смягченныя въ печатномъ текстѣ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, едва ли могли быть написаны Гоголемъ в скорѣ по возвращеніи его изъ Малороссіи въ Петербургъ. Если внесеніе въ повѣсть рассказа Щепкина объ одичавшей кошкѣ дало для хронологіи рукописнаго текста одну отрицательную дату („не ранѣе конца 1832 года“), то приведенныя строки, кажется, даютъ нѣкоторое основаніе отнести весь первоначальный набросокъ „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“ къ 1833 году. Окончательную обработку повѣсти для напечатанія въ „Миргородѣ“ Гоголь, по обыкновенію, исполнилъ передъ самымъ представленіемъ рукописи въ цензуру — въ 1834 году“ (Изданіе 10, т. I, стр. 566). Перепечатавая эту повѣсть въ первомъ изданіи своихъ сочиненій, Гоголь внесъ въ нее небольшое количество перемѣнъ, въ общемъ несущественныхъ, главнымъ образомъ корректурнаго характера.

„Тарасъ Бульба“. Въ настоящемъ томѣ мы даемъ два текста этой повѣсти: первоначальный, изъ „Миргорода“ 1835 года (въ приложеніи) и позднѣйшую пере-

работку съ значительными дополненіями и существенными поправками изъ „Сочиненій Н. В. Гоголя“ 1842 года (въ первой части „Миргорода“). Сопоставленіе ихъ вводитъ читателя въ самую, такъ сказать, лабораторію Гоголевскаго творчества.

Для своей повѣсти Н. В. широко воспользовался какъ разными источниками по исторіи Малороссіи, такъ и украинскими „думами“. Онъ хорошо знакомъ съ „Лѣтописцемъ Малыя Россіи“, который былъ напечатанъ Туманскимъ въ „Россійскомъ магазинѣ“ 1793 года. Оттуда, напримѣръ, могло быть взято выраженіе: „что байракъ, то казакъ“. Были у него подъ руками и рукописи лѣтописей. Въ концѣ 1833 года онъ писалъ, напримѣръ, Пушкину: „Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала объ Украинѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка“. Во многомъ ему помогло „Описаніе Украины“ Боплана, у котораго онъ беретъ много бытовыхъ подробностей. Напримѣръ, слова Боплана: „Въ странѣ запорожской вы найдете людей искусныхъ во всѣхъ ремеслахъ, необходимыхъ для общежитія: плотниковъ для постройки домовъ и лодокъ, телѣжниковъ, кузнецовъ, ружейниковъ, кожевниковъ, сапожниковъ, бочаровъ, портныхъ и т. д.“ — вызвали появленіе такого замѣчанія Гоголя: „Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновеннымъ способностямъ его (казака). Не было ремесла, котораго бы не зналъ казакъ: накурить вина, снарядить телѣгу, намолоть пороху, справить куз. работу, слесарную работу и, въ прибавку къ тому, гулять напропалую, пить и бражничать, какъ только можетъ одинъ русскій—все это было ему по плечу“. У Боплана же взяты данныя о постройкѣ казацкихъ челновъ. Въ бумагахъ Гоголя сохранились выписки изъ „Описанія Украины“, которыя въ значительной степени были использованы въ повѣсти. Въ лицѣ иноземнаго инженера, удивлявшагося стратегическимъ приемамъ запорожцевъ подъ Дубномъ, Гоголь изобразилъ Боплана, основываясь на одномъ мѣстѣ его сочиненія.

Для описанія жизни Запорожской Сѣчи, казацкаго быта въ военное и мирное время Гоголь многое взялъ изъ „Исторіи Руссовъ“, приписываемой Конисскому, и „Исторіи о казакахъ запорожскихъ“ кн. Мышецкаго, которую онъ могъ пользоваться въ рукописи и во французскомъ переводѣ Шерера. Отсюда, напримѣръ, взяты указанія на составъ Сѣчи, картина выборовъ кошевого и т. д.¹

¹ О другихъ печатныхъ источникахъ Гоголя см. у Каманина, „Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя“. Кіевъ, 1902.

Многія подробности „Тараса Бульбы“ непосредственно навѣяны „думами“. Гоголь пользовался и личными записями, и сборниками Лукашевича, Срезневскаго, кн. Цертелева и Максимовича. Слова въ разсказѣ о сборѣ охочекомонныхъ казаковъ: „Эй, вы, пивники, браварники! Полно вамъ пиво варить“ и т. д., напри-
мѣръ, — изложеніе одного мѣста въ „думѣ“ о Коновченкѣ:

Вы грубники, вы лазники,
Вы браварники, вы винники,
Годъ вамъ у винницъ горѣлокъ курити,
По браварняхъ пиво варити,
По лазняхъ лазень топити,
По грубамъ валятися, —
Товстыхъ видомъ мухъ годовати,
Сажі вытерати;
Ходите за нами на долину Черкенъ погуляти!

Конецъ VIII-ой главы въ значительной степени основанъ на „думѣ“ о походѣ на поляковъ, напечатанной въ „Запорожской Старинѣ“ Срезневскаго: „Пропаде мовъ порошина зъ дула тая казацкая слава, що по всѣму свиту дыбомъ стала, що по всѣму свиту степомъ разляглась, простяглась, та по всѣму свиту луговымъ гоминомъ раздалась, Туречини та татарщини добромъ лихомъ знати далась та й Ляхамъ ворогамъ на списъ виддалась“ и т. д.

Гоголь принялся за переработку „Тараса Бульбы“ въ Вѣнѣ осенью 1839 г., одновременно собирая материалы для драмы изъ стараго украинскаго быта „Выбритый усъ“. Съ особеннымъ увлеченіемъ отдается онъ изученію малорусскихъ думъ. 15 августа онъ пишетъ Погодину: „Малороссійскія пѣсни со мною. Занимаюсь и тшусь, сколько возможно, надышаться стариною“. Еще интимнѣе признанія въ письмѣ къ Шевыреву (отъ 25 августа): „Передо мною выясняются и проходятъ, поэтическимъ строемъ времена казачества, и если я ничего не сдѣлаю изъ этого, то я буду большой дуракъ. Малороссійскія пѣсни, которыя теперь у меня подъ рукою, навѣяли ихъ, или на душу мою нашло само собою ясновидѣніе прошедшаго, только я чую много того, что нынѣ рѣдко случается. Благослови!“

„Ясновидѣніе прошедшаго“ подкрѣплялось и научными изученіями старыхъ и новыхъ источниковъ по малорусской исторіи, которою Гоголь внимательно занимался уже нѣсколько лѣтъ. Кромѣ Псевдо-Конисскаго, которымъ онъ широко воспользовался для первой редакціи своей повѣсти, ему хорошо извѣстны теперь Бопланъ, Мышецкій, Ригельманъ, Шафонскій, Бантыш-Каменскіе и пр. Бытовой фонъ „Тараса Бульбы“ рас-

ширился и значительно выигралъ въ своей яркости. Мелкія поправки и дополненія Гоголь набрасываетъ прямо на печатномъ экземпляръ „Миргорода“ 1835 г.; отдѣльно обрабатываются крупныя вставки, которыя увеличили повѣсть почти вдвое.

Работа надъ новою редакціей повѣсти затянулась до начала 1842 г. Гоголь отдается ей и въ Вѣнѣ (по пути въ Россію и изъ Россіи), и въ Москвѣ, и въ Римѣ, одновременно съ подготовкою къ печати перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, переработкою „Портрета“ и т. д. Вставки приводили иногда къ противорѣчіямъ, и не всѣ изъ нихъ удалось устранить Гоголю: такъ, осталось не выправленнымъ противорѣчіе въ опредѣленіи времени жизни Бульбы. Самый характеръ героя, какъ и характеръ его дѣятельности, рѣшительно измѣнился—въ духѣ новыхъ настроеній, охватившихъ великаго писателя въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ.

Рѣчи Бульбы, въ новой редакціи повѣсти, полны мистическаго славянофильства, повышеннаго религіознаго настроенія и воинствующаго патріотизма; у автора ярко проглядываютъ симпатіи къ католическому богослуженію, слишкомъ „высокое мнѣніе о нѣкоторыхъ особенныхъ свойствахъ русскаго народа сравнительно съ другими и о великой его будущности“ — результаты „отвращенія къ европейской цивилизаціи“, окончательное сложившагося у Гоголя въ Римѣ. По словамъ Тихонравова (ib. стр. 675), „въ послѣднихъ главахъ „Тараса Бульбы“ сказываются уже симптомы того дидактическаго направленія, которое выразилось во всей полнотѣ въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

Наблюдательный Анненковъ¹ такъ охарактеризовалъ настроеніе Гоголя въ этотъ переходный періодъ: „Лѣтомъ 1841 г., когда я встрѣтилъ Гоголя, онъ стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли онъ уже относился къ строгому, исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художественной независимости — къ прежнему направленію. Послѣднее еще преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и — ея славы!“

„Вій“. Основанная на малорусскихъ народныхъ сказкахъ и преданіяхъ (см. Шенрокъ, Матеріалы, II, 69—77; Сумцовъ, „Кіев. Старина“, 1892, III), повѣсть „Вій“, по авто-

¹ Воспоминанія и критическіе очерки, I, 196.

ритетному указанію Тихонравова, была написана въ концѣ 1833 или началѣ 1834 г.

Приготовляя ее для перепечатыванія въ первомъ изданіи своихъ „Сочиненій“, Гоголь, помимо нѣкоторыхъ мелкихъ исправленій, совершенно передѣлалъ слѣдующія мѣста:

1) Мѣсто, начинающееся словами: „Дикіе вопли издала она“ и оканчивающееся словами: „о такомъ непонятномъ происшествіи“, появилось въ первый разъ въ изданіи 1842 г. Въ „Миргородѣ“, вмѣсто того, стояло: „и началъ имъ со всѣхъ силъ колотить старуху. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ замѣтилъ онъ, что бѣгъ ея становился медленнѣе и медленнѣе. Философъ сгоряча крестилъ ее еще болѣе. Наконецъ, вѣдьма была не въ силахъ переносить ударовъ, зашаталась и упала. Разсвѣтъ загорѣлся совершенно. Птицы чиликали въ еще неподвижныхъ и спавшихъ рощахъ орѣшника. Передъ нимъ, какъ на ладони, былъ весь Кіевъ съ продолговатыми, какъ золотыя груши, главами. Вставши на ноги, онъ взглянулъ на лежавшую на землѣ и едва дышавшую вѣдьму — и самъ не могъ растолковать своего чувства: онъ видѣлъ, что въ лицѣ ея показались молодыя черты, сверкнула снѣжная бѣлизна, и какъ будто бы она была уже не старуха: какая то пріятная и вмѣстѣ непріятная мина показалась на губахъ ея и врѣзалась ему въ самое сердце. Онъ чувствовалъ что то похожее на жалость, но не захотѣлъ и минуты оставаться и скорѣе направилъ путь свой въ городъ, раздумывая объ этомъ странномъ происшествіи“.

2) Строки: „Вдругъ что то страшно знакомое показалось въ лицѣ ея“ — „Это была та самая вѣдьма, которую убилъ онъ!“ замѣнили собою слѣдующее мѣсто перваго изданія „Миргорода“:

„Это та самая вѣдьма, которую я прибилъ!“ вскрикнулъ онъ, взглянувъ, въ ужасъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ ея выразилась та же мина, которая такъ поразила его, когда онъ, вмѣсто старухи, увидѣлъ молодую. „А! такъ вотъ почему она заставила читать меня!“ Онъ въ ужасъ глядѣлъ на нее: каждая черта лица ея теперь казалась ему громовою и угрожающею. Холодный потъ покатился съ лица его“.

3) Сокращено въ новомъ изданіи слѣдующее мѣсто:

„Трупъ опять поднялся, синій, позеленѣвшій. Мертвыя губы, казалось, что то произносили и шевелились. Трупъ глухо топнулъ своею мягкою, почти безъ костей, ногою о полъ — и церковь вздрогнула. Онъ услышалъ, какъ будто что то налегло на нее, и сквозь

стекла оконъ начали показываться какіе то безобразные образы. Но въ это время послышался отдаленный крикъ пѣтуха. Трупъ упалъ въ гробъ“.

4) Значительно сокращены и передѣланы слѣдующія три страницы въ первомъ изданіи „Миргорода“:

„Онъ, потупивъ голову, продолжалъ заклинанія и слышалъ, какъ трупъ опять ударилъ зубами и началъ махать рукой, желая схватить его. Возведши робкій взглядъ на него, онъ замѣтилъ, что онъ ловилъ совершенно не тамъ, гдѣ онъ стоялъ, и что трупъ не могъ его видѣть. Неуспѣхъ, казалось, приводилъ мертвую въ бѣшенство. Она хлопнула зубами, и, ставши на середину, опять топнула своею ногой. Этотъ стукъ раздался совершенно беззвучно; уста ея искривились и, казалось, произносили какія то невнятные слова. И философъ услышалъ, что стѣны церкви какъ будто заняли. Станный ропотъ и пронзительный визгъ раздался подъ ¹ глухими сводами: въ стеклахъ ² оконъ слышалось какое то отвратительное царапанье, и вдругъ сквозь окна и двери посыпалось съ шумомъ множество гномовъ, въ такихъ чудовищныхъ образахъ, въ какихъ еще не представлялось ему ничто, даже во снѣ. Онъ увидѣлъ вдругъ такое множество отвратительныхъ крылъ, ногъ и членовъ, какихъ не въ силахъ бы былъ разобрать обхваченный ужасомъ наблюдатель! Выше всѣхъ возвышалось странное существо въ видѣ правильной пирамиды, покрытое слизью. вмѣсто ногъ у него были внизу съ одной стороны половина челюсти, съ другой — другая; вверху, на самой верхушкѣ этой пирамиды, высывался безпрестанно длинный языкъ и непрерывно ломался на всѣ стороны. На противоположномъ крылѣ усѣлось бѣлое, широкое, съ какими то отвисшими до полу бѣлыми мѣшками вмѣсто ногъ; вмѣсто рукъ, ушей, глазъ висѣли такіе же бѣлые мѣшки. Немного далѣе возвышалось какое то черное, все покрытое чешуею, со множествомъ тонкихъ рукъ, сложенныхъ на груди, и вмѣсто головы вверху у него была синяя человѣческая рука. Огромный, величиною почти съ слона, тараканъ остановился у дверей и просунулъ свои усы. Съ вершины самага купола со стукомъ грянулось на средину церкви какое то черное, все состоявшее изъ однѣхъ ногъ; эти ноги бились по полу и выгибались, какъ будто бы чудовище желало подняться. Одно какое то красновато-синее, безъ рукъ, безъ ногъ, протягивало на далекое пространство два своихъ хобота и какъ

¹ Въ „Миргородѣ“ опечатка: „надъ“.

² Въ „Миргородѣ“ опечатка: „стѣнахъ“.

будто искало кого то. Множество другихъ, которыхъ уже не могъ различить испуганный глазъ, ходили, летали и ползали въ разныхъ направленіяхъ; одно состояло только изъ головы, другое изъ отвратительнаго крыла, летавшаго съ какимъ то нестерпимымъ шипѣніемъ. Хома зажмурилъ глаза и не имѣлъ духу уже взглянуть. Онъ слышалъ только, что весь этотъ сонмъ ищетъ его и прерывающимся голосомъ, собравъ все, что только зналъ, читалъ свои заклинанія. Потъ ужаса выступилъ на его лицо. Ему казалось, что онъ умретъ отъ одного только страха, когда нога какого-нибудь изъ этихъ чудовищъ прикоснется до него отвратительною своею наружностью. Уже онъ видѣлъ, какъ одно изъ чудовищъ протянуло свои длинные хоботы, и уже одинъ изъ нихъ проникнулъ за черту... Боже!.. Но крикнулъ пѣтухъ: все вдругъ поднялось и полетѣло сквозь двери и окна.

б) Совершенно передѣлано окончаніе повѣсти, которое въ первомъ изданіи „Миргорода“ читалось такъ:

„Вдругъ... среди тишины... онъ слышитъ опять отвратительное царапанье, свистъ, шумъ и звонъ въ окнахъ. Съ робостью зажмурилъ онъ глаза и прекратилъ на время чтеніе. Не отворяя глазъ, онъ слышалъ, какъ вдругъ грянуло объ полъ цѣлое множество, сопровождаемое разными стуками, глухими, звонкими, мягкими, визгливыми. Немного приподнявъ онъ глазъ свой и съ поспѣшностью закрылъ опять: ужасъ!.. это были всѣ вчерашніе гномы; разница въ томъ, что онъ увидѣлъ между ими множество новыхъ. Почти насупротивъ его стояло высокое, котораго черный скелетъ выдвинулся на поверхность, и сквозь темныя ребра его мелькало желтое тѣло. Въ сторонѣ стояло тонкое и длинное, какъ палка, состоявшее изъ однихъ только глазъ съ рѣсницами. Далѣе занимало почти всю стѣну огромное чудовище и стояло въ перепутанныхъ волосахъ, какъ будто въ лѣсу. Сквозь сѣть волосъ этихъ глядѣли два ужасные глаза. Со страхомъ глянулъ онъ вверхъ: надъ нимъ держалось въ воздухѣ что то въ видѣ огромнаго пузыря съ тысячею протянутыхъ изъ середины клещей и скорпіонныхъ жалъ. Черная земля висѣла на нихъ клоками. Съ ужасомъ потупилъ онъ глаза свои въ книгу. Гномы подняли шумъ чешуями отвратительныхъ хвостовъ своихъ, когтистыми ногами и визжавшими крыльями, и онъ слышалъ только, какъ они искали его во всѣхъ углахъ. Это выгнало послѣдній остатокъ хмеля, еще бродившій въ головѣ философа. Онъ ревностно началъ читать свои молитвы. Онъ слышалъ ихъ бѣшенство при видѣ невозможности найти его. „Что.

если“, подумалъ онъ, вздрогнувъ: „вся эта ватага обрушится на меня?..“ — „За Віемъ! пойдемъ за Віемъ!“ закричало множество странныхъ голосовъ, и ему казалось, какъ будто часть гномовъ удалилась. Однако же онъ стоялъ съ зажмуренными глазами и не рѣшался взглянуть ни на что. — „Вій! Вій!“ зашумѣли всѣ; волчій вой послышался вдали и едва-едва отдѣлялъ лайные собакъ. Двери съ визгомъ растворились, и Хома слышалъ только, какъ высыпались цѣлыя толпы. И вдругъ настала тишина, какъ въ могилѣ. Онъ хотѣлъ открыть глаза; но какой то угрожающій тайный голосъ говорилъ ему: „эй, не гляди!“ Онъ показалъ усиліе... По неопостижимому, можетъ быть, происшедшему изъ самаго страха, любопытству глазъ его нечаянно отворился. — Передъ нимъ стоялъ какой то образъ человѣческій исполинскаго роста. Вѣки его были опущены до самой земли. Философъ съ ужасомъ замѣтилъ, что лицо его было желѣзное, и устремилъ загорѣвшіеся глаза свои въ книгу. — „Подымите мнѣ вѣки!“ сказалъ подземнымъ голосомъ Вій — и все сонмище кинулось подымать ему вѣки. „Не гляди!“ шепнуло какое то внутреннее чувство философу. Онъ не утерпѣлъ и глянулъ: двѣ черныя пули глядѣли прямо на него. Желѣзная рука поднялась и устала на него палецъ. „Вонъ онъ!“ произнесъ Вій — и все, что ни было, всѣ отвратительныя чудища разомъ бросились на него... Бездыханный, онъ грянулся на землю... Пѣтухъ пропѣлъ уже во второй разъ. Первую пѣснь его прослышали гномы. Все скопище поднялось улетѣть, но не тутъ то было: они всѣ остановились и завязнули въ окнахъ, въ дверяхъ, въ куполѣ, въ углахъ, и остались неподвижны... Въ это время дверь отворилась, и вошелъ священникъ, прибывшій изъ отдаленнаго селенія для совершенія панихиды и погребенія умершей. Съ ужасомъ отступилъ онъ, увидѣвши такое посрамленіе святыни, и не посмѣлъ произносить въ ней слова Божьяго. — И съ тѣхъ поръ такъ все и осталось въ той церкви. Завязнувшія въ окнахъ чудища тамъ и понынѣ. Церковь поросла мохомъ, обшилась лѣсомъ, пустившимъ корни по стѣнамъ ея; никто не входилъ туда и не знаетъ, гдѣ и въ какой сторонѣ она находится“.

„Повѣсть о томъ, какъ поссорился И. И. съ И. Н.“. Напечатана была въ „Новосельѣ“ 1834 (II, 479—569), подъ всевдонимомъ „Рудый Панько“ и съ датой „1831 г.“. Отдѣлана для печати въ концѣ 1833 или началѣ 1834 г. Гоголь читалъ ее Пушкину 7 апрѣля 1834 г. (въ дневникѣ своемъ великій поэтъ пишетъ: „Очень оригинально

и очень смѣшно“). Въ „Миргородъ“ и „сочиненіяхъ“ 1842 г. подверглась мелкимъ стилистическимъ и корректурнымъ исправленіямъ.

Въ своей повѣсти Гоголь воспользовался нѣкоторыми чертами повѣсти Нарѣжнаго: „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ“ (Романы и повѣсти, т. III и IV), тоже приуроченной къ Миргороду (разорительное для обѣихъ сторонъ судяничество Малорусскихъ помѣщиковъ, уничтоженіе имущества другъ друга тяжущимися сторонами, въ томъ числѣ избіеніе домашнихъ животныхъ и сожженіе мельницы и гумна, кляузныя бумаги и т. д.). У Нарѣжнаго эти реальныя картины затушованы обычными романическими приѣмами того времени—сложной любовной интригой, всевозможными искусственными *qui pro quo* и пр.

783513

1000 properties

1000

